

СЪВЕРНЫЕ  
ЦВѢТЫ

на 1825 годъ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ.

*Приложено къ Русскому Архиву.*

- - - - -

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),  
на Страстномъ бульварѣ.

1881.



СЪВЕРНЫЕ  
ЩВѢТЫ

на 1825 годъ,

СОВРАННЫЕ

Барономъ Дельвигомъ.



ИЗДАНИ

Иваномъ Сленинымъ.



ВЪ САНКТИТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО  
ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска  
изъ типографіи, представлены были въ Цен-  
зурный Комитетъ семь экземпляровъ сей  
книги для препровождения куда слѣдуетъ, на  
основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Ав-  
густа 9 дня, 1824 года.

*Цензоръ Александру Бирукову.*

## О Г Л А В Л Е Н И Е.

### П Р О З А .

*Cmp.*

Письмо къ графинѣ С. И. С. о Русскихъ поэтахъ.....	5
Прогулка въ селѣ Кусковѣ.....	81
Исторія кокетства.....	109
Аеонская гора. <i>Отрывок изъ путешествия по Греции въ 1820 году.....</i>	119
Извѣстіе о Греческихъ и Латинскихъ рукописяхъ въ Серальской Библіотекѣ	162
Древніе замки (письмо VI къ другу)...	166
Отрывки писемъ изъ Италии.....	172
Неизвѣданная.....	245

### СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ.....	253
Привидѣніе.....	257
Таинственный посѣтитель.....	258
Муха и пчела (басня).....	261

## IV

*Стр.*

Молодой пѣвецъ.....	262
Оправданіе.....	263
Сонетъ.....	265
Греческія простонародныя пѣсни.....	266
Good night.—Добрая ночь.....	269
Исаіомъ. (Подражаніе).....	273
Измѣна.....	274
Демонъ.....	275
Пѣсня.....	276
Море и земля (съ Греческаго 1820) ...	278
Въ альбомъ Н. Н. Б—ой.....	279
Отрывки изъ Евгения Онѣгина, Поэмы Александра Пушкина.....	280
Черепъ.....	282
Богачъ и Поэтъ (басня) .....	283
Прихожанинъ (басня).....	284
Ночь.....	286
На смерть Н. Н.....	287
Недовольный.....	287
Элегія.....	289
Къ Журнальнымъ близнецамъ.....	289
Левъ состарѣвшійся.....	290
Альбомъ.....	291
Три поцѣлую.....	292
Прозерпина.....	293
Русскія пѣсни.....	295

## V

*Стр.*

Простосердечный отвѣтъ.....	297
Черта мѣстности .....	298
Желаніе Бога (изъ пс. 41.).....	299
А. Н. С—вой.....	301
Сонъ невѣсты. (Баллада).....	302
Цвѣты, выбранные изъ Греческой Анео- логіи.....	305
Звѣздочка.....	313
Кіевъ.....	314
Къ***.....	316
Къ Княжнѣ*** при посыпкѣ ей моихъ пѣсень.....	317
Ирландская пѣсня (изъ Мура).....	318
Моя любовь (1824.).....	319
Лисица и Осель (басня).....	321
Къ невѣрной .....	322
Весенний гимнъ Вседержителю (во время перваго грома).....	323
Царь Фулескій (изъ Гёте).....	325
Перчатка (изъ Шиллера).....	326
Къ Ен. М. А. Г., урожденной К. С....	329
Сербскія пѣсни.....	331
Видѣніе въ лунѣ.....	338
Къ И. И. Козлову.....	339
Романсъ.....	340
Два червяка (басня) .....	341

VI

*Cтр.*

Котъ и бѣлка (басня).....	343
Розалука.....	344
С Д. П. (въ день ся ангела).....	345
Ей же (въ день ся рожденія).....	346
Купальницы (Идилія).....	346
Мотылекъ и цвѣты.....	357

# ПРОЗА.



ПИСЬМО КЪ ГРАФИНѢ С. И. С. О РУС-  
СКИХЪ ПОЭТАХЪ.

Обѣщать, да не исполнить: по-моему, значитъ оставаться въ долгу. Давно я должникъ вашъ, графиня! Спѣшу разплатиться. Вы обвиняли меня въ пристрастіи къ русскимъ поэтамъ. Вы даже подозрѣвали насъ, русскихъ литераторовъ, что мы умышленно грѣшимъ, пропуская безъ вниманія лучшія произведенія французской поэзіи. Наконецъ, по вашему мнѣнію, трудно указать, кто бы изъ нашихъ поэтовъ замѣнилъ вамъ то удовольствіе, которое чувствуете вы, читая любимаго

своего Ламартина. Я во всемъ осмѣлился вамъ противорѣчить. Я вызвался доказывать вамъ, что едва ли вы не пристрастиѣ меня. Вы позволили мнѣ письменно защищаться, говорить откровенно, даже долго. Кто бы на моемъ мѣстѣ не воспользовался такимъ позволенiemъ? Но вы не испугайтесь, графиня! Я не употреблю во зло вашего снисхожденія. Непростительно было бы мучить васъ убѣжденіями, что я безпристранный человѣкъ, что мы все равно любимъ французскую поэзію, какъ и вы. Мнѣ только надобно будетъ доказать, что есть много русскихъ поэтовъ, которые удовлетворяютъ самому разборчивому вкусу образованнаго и беспристрастнаго человѣка. Если я успѣю въ своемъ памѣреніи, кажется, другія ваши сомнѣнія разрѣшатся сами собою.

Но можно ли, начиная говорить о поэтахъ, не сказать чего нибудь пре-

жде о поэзии? Она знакома сердцу каждого человека. Мы все чувствуем ее, какъ наслаждение, какъ желаніе счастья. Вся разность ея происходит отъ силы души, отъ направленія страстей и отъ обстоятельствъ жизни, наиболѣе рѣшающихъ судьбу человека. Кто жилъ нѣсколько часовъ, отдавшись благороднымъ, лучшимъ своимъ желаніямъ; кто въ это время былъ совершенно свободенъ отъ ничтожныхъ потребностей бѣдной жизни нашей и чуждъ волненія земныхъ страстей: тотъ испыталъ это чувство, которое называю я поэзіей. Трудно, почти невозможнно быть всегда поэтомъ, равно какъ невозможно быть всегда счастливымъ. Есть однако же способъ воскрешать сіи быстрыя наслажденія и сообщать имъ неизмѣнное бытіе, ежели не въ сердцѣ, по крайней мѣрѣ въ памяти. Я говорю объ искусствѣ поэзіи. Наружныя совершенства произведеній въ

каждомъ искусствѣ составляютъ условное дѣло. Лучшій скульпторъ безъ хоронаго рѣзца и чистаго мрамора не въ состояніи сдѣлать превосходной статуи. Равно и поэтъ: онъ не можетъ во всемъ стихотвореніи своемъ сохранить одинаковой гармоніи, точности, ясности, если языкъ его не совсѣмъ обработанъ, не вездѣ опредѣленъ и не принялъ видоизмѣненій для оттѣнковъ каждой мысли. И сколько еще безчисленныхъ обстоятельствъ, которыя должно принять въ уваженіе, чтобы судить объ одной наружности произведенія! Самое чувство поэзіи, какъ я замѣтилъ выше, подвластно обстоятельствамъ жизни. По крайней мѣрѣ можно, говоря о немъ, быть строже. Оно больше принадлежитъ собственно поэту, нежели языкъ его, который только тогда надобно осуждать, когда онъ ниже своего времени.

Вы, графиня, любите поэзію. Итакъ

вы любите читать исторію лучшей жизни человѣческаго сердца; его прекрасныя желанія, тихія надежды, благородные порывы и самыя мученія (въ которыхъ есть что-то лучшее бездѣйственнаго состоянія души; потому что они вызываютъ насъ на славные подвиги). Но можетъ ли вкусъ, эта способность души, столько же рааборчивая и нѣжная въ выборѣ наслажденій, сколько и жадная къ разнообразію онъхъ, ограничиться одною французскою поэзіей? Ея лучшее время было временемъ политической расчетливи-  
сти, свѣтской учтивости и придворнаго остроумія. Эта вѣкъ наложилъ крѣпко печать свою на всю поэзію, тѣмъ болѣе, что она сосредоточивалась въ Парижѣ. Самое вѣрное поэтическое чувство, самое лучшее его движение не смыло тамъ явиться въ прелестной простотѣ своей. Оно говорило въ полголоса и то жеманнымъ языкомъ.

Прекрасная природа показалась бы грубою въ этихъ обществахъ, въ которыхъ все было искусствомъ: движение, голосъ, мысли и чувствование. Чѣмъ невольно зарождалось въ пламенномъ сердцѣ, то передавалъ холоднымъ языккомъ своимъ усердливый умъ. Нѣть правила безъ исключенія. Но я говорю о большемъ числѣ французскихъ поэтовъ тогдашняго времени. Трудно было преемникамъ ихъ сообщить новый характеръ стихотвореніямъ. Невольно увлекались они своими образцами. Только ближайшее знакомство съ поэтами Англіи и Германіи могло вывести ихъ изъ заблужденія, будто они все совершили. И вотъ гдѣ почерпнулъ Ламартинъ то, что вѣсъ въ немъ болѣе всего пльняетъ: чувства, картины и мечтательность. Между тѣмъ, какъ еще онъ однообразенъ, въ сравненіи съ другими романтическими поэтами! Какъ онъ примѣтио охлаж-

дается въ новѣйшихъ своихъ стихо-  
твореніяхъ! Славу его поддерживаетъ  
не поэзія, но этотъ всемирный языкъ,  
которымъ все говорятъ, прежде нежели  
начинаютъ мыслить. О французской  
поэзіи можно тоже сказать, что и о  
французскомъ языке: ее особенно любятъ  
не потому, что она лучше другихъ,  
но потому что ее больше знаютъ.  
Но почему больше? Это не литературный  
вопросъ, а политический.

Холодные правила и мелочныя усло-  
вія общежительной вѣжливости не имѣ-  
ли и не могли имѣть никакого вліянія  
на русскую поэзію. Она образовалась  
прежде, нежели укоренились у насъ  
французскіе законы свѣтскаго обраще-  
нія. Первымъ вдохновеніемъ Ломоносова  
было чувство патріотизма. Онъ  
написалъ первую оду свою, бывши  
въ Германіи. Когда въ лучшихъ на-  
шихъ обществахъ утвердился нынѣш-  
ній вкусъ, поэзія еще менѣе прежняго

могла заразиться изысканностю и сдѣлаться игрушкою дѣтскаго остроумія. Ее спасъ французскій языкъ. Затѣйливые угодники не слишкомъ взыскательныхъ нашихъ красавицъ лепетали имъ за новость старые французскіе мадrigалы, а русскіе стихи писались только отъ избытка чувствъ, въ домашней тишинѣ, которую такъ любить вдохновеніе, читались только въ тѣсномъ кругу друзей, отъ которыхъ не похвалы ждутъ, а участія и суда. Кажется, можно еще тоже сказать и о нынѣшнемъ состояніи русской поэзіи. Вошла ли она въ число любимыхъ занятій, такъ называемаго, лучшаго круга людей? Утвердились ли въ нашихъ обществахъ голоса въ пользу истинныхъ поэтовъ? Пожилые говорятъ только о Ломоносовѣ, Сумароковѣ и Херасковѣ, какъ будто бы все это одно и тоже. Молодые раздѣлены въ своихъ мнѣніяхъ по разнымъ причинамъ. Кто

же слѣдуетъ за нашей поэзіей? Кто безпристрастно говоритъ о ней? Малое число лучшихъ литераторовъ, которые, къ сожалѣнію своему, принуждены быть въ одно время и подсудимыми, и судиими.

Всѣ сіи обстоятельства произвели важныя послѣдствія. Повсемѣстное употребленіе въ лучшихъ обществахъ французскаго языка остановило у насть усовершенствованіе драматической поэзіи, которая заимствуетъ лучшіе свои обороты изъ лучшаго только разговора. Отъ бѣдности разговорнаго языка все возвышенное въ трагедіи кажется у насть напыщеннымъ, а все простое въ комедіи становится низкимъ. Озеровъ только тамъ истинно хороши въ своихъ трагедіяхъ, гдѣ предметъ позволяетъ ему говорить или языкомъ поэмъ, или языкомъ лирической поэзіи. Но въ тѣхъ родахъ, которые менѣе драматической поэзіи зависятъ отъ раз-

говорного языка, мы безъ всякаго со-  
мнѣнія опередили вѣкъ нашей образо-  
ванности. Если бы искусная рука со-  
ставила русскую антологію, т. е. со-  
брала въ одну книгу все лучшее изъ  
нашей поэзіи: то рѣшительно должно  
сказать, что эта книга по своему по-  
этическому достоинству равнялась бы  
съ антологіею классической древности.  
Чувства глубокія и вѣрныя, краски  
яркія и чистыя, мысли новыя и силь-  
ныя, языкъ благозвучный, выразитель-  
ный и способный ко всѣмъ звукопа-  
деніямъ: вотъ особенные преимущества  
русскихъ поэтовъ передъ фран-  
цузскими.

Я не пишу для васъ, графиня, си-  
стематического обозрѣнія нашихъ по-  
этовъ, а еще менѣе ученой критики.  
Въ противномъ случаѣ мое письмо пре-  
вратилось бы въ учебную книгу рус-  
ской литературы. Я ограничусь въ  
моемъ исчислѣніи только тѣми поэтами,

которые, по моему мнѣнію, скорѣе могутъ для васъ сдѣлаться занимательными. Художникъ любить разсматривать всѣ древнія и новыя произведенія искусствъ. Но любитель художествъ останавливаетъ свое вниманіе только на томъ, что ближе подходитъ къ совершенству, по его образу мыслей. У насъ есть превосходные поэты по главнымъ чувствамъ, или по отдѣлкѣ нѣкоторыхъ частей, или по особенной легкости языка. Я утомилъ бы любопытство ваше, если бы рѣшился занимать васъ такими подраздѣленіями. Довольно, кажется, назвать тѣхъ, которые соединяютъ въ себѣ болѣе другихъ внутренняго совершенства съ наружными совершенствами поэзіи. Одни изъ нихъ издали уже собранія своихъ произведеній, другіе дарятъ насъ ими только изрѣдка, въ повременныхъ изданіяхъ. Вотъ одно раздѣленіе, которое мнѣ показалось необходимымъ! Приступаю къ *первому* разряду,

Всѣхъ выше, вдохновеніе, разнообразнѣе, оригиналнѣе между поэтами нашими Державинъ. Онъ больше всѣхъ оправдалъ собою миѳніе древнихъ, что поэтами родятся. Его гений открылъ себѣ собственное поприще, обніялъ на немъ все поэтическое, создалъ свой языкъ, и никому не передалъ тайны своего искусства, какъ будто по тому, что самъ ни отъ кого ея не заимствовалъ. Читая его, чувствуешь себя перенесеннымъ въ какую-то страну особенную и въ какой-то особенный вѣкъ. Тамъ нѣтъ ничего мечтательного и неяснаго. Это поэтическая Россія во времена Екатерины. Художники и бытописатели въ Державинѣ должны искать того, чтѣ оживить ихъ произведенія; но кто знаетъ, черезъ сто лѣтъ не сочтутъ ли сихъ временъ мифологическими: такъ онъ пленяетъ воображеніе наше самою истиной! Его не надобно сравнивать съ

тѣми стихотворцами, которые въ другихъ земляхъ сообщали своему времени название золотаго вѣка словесности; потому что онъ оставилъ намъ не образцы языка, но образцы превосходной поэзии. Онъ не сочинилъ, а творилъ. Онъ писалъ, какъ вдохновенный художникъ, который, увлекаясь однимъ чувствомъ, не смотритъ, карандашемъ ли онъ чертить, или кистю, на полотнѣ, или на стѣнѣ. Гений былъ ему вместо вкуса. Онъ передъ другими поэтами точно тоже, чтõ герой Омера передъ героями нашихъ временъ. Вотъ его ода: *На кончину Г. Орлова.*

Чтõ слышу я? Орель изъ стаи той высокой,  
Котора въ воздухѣ плыла  
Впреди Минервы свѣтлою,  
Когда она съ Олимпа шла,  
Орель, который надъ Чесмою  
Предъ флотомъ Россіянъ леталъ,  
Внезапно роковой стрѣлою  
Сраженный, съ высоты упалъ!

Увы, гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесъ паренье?

Гдѣ по морямъ его слѣды?  
Гдѣ бурно громовъ устремленье  
И пламенны межъ тучъ бразды?  
Гдѣ быстрый всесяща очи  
И грудь, отважности полна?  
Все, все скрылъ мракъ вѣчной ночи:  
Осталась слава лишь одна!

Здѣсь поэтъ летитъ, подобно орлу.  
Въ шестнадцати стихахъ онъ успѣлъ  
все сказать, что представлять ему величайшій предметъ. Покрывало аллегоріи ничего не скрываетъ отъ глазъ вашихъ. Вы узнаете и Минерву, и стаю орловъ ея. Нѣтъ ни одной черты недоконченной, и ни одной линией. Можетъ быть, вы пожелали бы видѣть иѣсколько размышеній: но они сами наполняютъ душу съ послѣдними двумя стихами оды. Величайшиe писатели тѣмъ и отличаются отъ обыкновенныхъ, что они заставляютъ думать, а

послѣдніе наводятъ скучу своею говорливостью. Между тѣмъ, какъ все оживлено въ этой одѣ! Нѣть ни одного стиха, который бы не заключалъ въ себѣ движенія. Таковъ и долженъ быть языкъ лирической поэзіи, какъ языкъ чувствъ, а не размышенія. Теперь представьте себѣ поэта, каковъ Державинъ, излагающаго возвышенныя мысли, увлекаемаго славою отечества, жертвующаго цвѣтами своими нѣжнымъ Граціямъ и всегда равнаго по вдохновенію своему на каждомъ поэтическомъ: кто жъ изъ французскихъ поэтовъ, не говорю замѣнить его, но хотя нѣсколько приблизится къ нему? Самъ Лагарпъ, говоря о Жанъ-Батистъ-Руссо, лучшемъ ихъ лирикѣ, признается, что у него только хорошіе стихи. Суди по этому, не только Державинъ, но Ломоносовъ и Петровъ гораздо выше Руссо; потому что ихъ оды, исполненные лирическаго восторга, разнообразія

картинъ, сильныхъ чувствованій и прекрасныхъ мыслей, восхищаютъ читателя не отдѣлкою стиховъ, но истинною поэзіей.

Ниже Державина, по силѣ дарованій, Капнистъ часто превосходитъ его чистотою и легкостію стиховъ. Его Муза, болѣе подражательная, нежели оригинальная, остановила вниманіе свое на превосходномъ образцѣ. Гораций былъ его учителемъ: и никто, удачнѣе Капниста, нѣ напоминаль намъ звуковъ пѣвца Августова. Но Капнистъ не хотѣлъ остаться только переводчикомъ. Онъ главныя чувства Горация облекъ въ свои формы, наводилъ на нихъ свои краски и оживилъ ихъ національною мѣстностію. Его искусство произвело такое очарованіе, что мы, читая оды его, забываемъ оригиналъ, и въ подражаніи видимъ что-то собственное. Скромный въ желаніяхъ, иногда мечтатель, пѣвецъ сердечной грусти,

ибжній другъ, онъ влечетъ къ себѣ  
тишиной души и ясностию своей по-  
эзіи. Можно ли, напримѣръ, безъ уча-  
стія прочитать его оду: *Другу сердца?*

И знаю, другъ мой, что за мною  
На край бы свѣта ты летѣлъ;  
Со моей безтрепетной ногою  
Гиркански дебри ты бѣ прошелъ;  
И ссылочной Сибири холодъ,  
И средь песковъ Ливийскихъ зной,  
Межъ лютыхъ Кафровъ жажду, голодъ,  
Охотно бѣ претерпѣлъ со мной.

Но дай Богъ, чтобъ на брегѣ Иссѣла,  
Гдѣ липы миѣ шалашъ плетутъ,  
Въ тѣни зеленаго раздола,  
Быль старости моей пріютъ!  
Дай Богъ, чтобъ счастье тамъ прильнуло  
Къ груди, усталой отъ заботъ,  
И томно сердце отдохнуло  
Отъ бурныхъ жизни непогодъ!

Но ежели свирѣпствомъ рока  
Удѣла милаго лишусь,  
На берегъ тучный Альмска тока,  
Въ Тавриду древню преселюсь,

Гдѣ овцы, пеленой обвиты,  
Красу сребристыхъ нѣжать рунъ,  
Отколь, въ кумирахъ знаменитый,  
Владиміромъ сраженъ Перунъ.

Земли тотъ уголокъ счастливый  
Всѣхъ болѣ мѣстъ манить мой взоръ:  
Средь лѣса зѣютъ тамъ оливы,  
Медь каплетъ изъ ущелья горъ;  
Тамъ долго вѣтръ весенній вѣстъ.  
Гнететь недолго зимній хладъ;  
На холмахъ, какъ янтарь, желтѣстъ  
Токайскій сладкій виноградъ.

Вотъ тамъ-то, въ рощицѣ тѣнистой,  
Устланной мягкой муравою,  
Близъ тока, изъ скалы кремнѣстой  
Жемчужной льющагося струей,  
Мы сидѣмъ отдохнуть съ тобою  
И дружны съединимъ сердца.  
Тамъ теплой сросиши слезою  
Прахъ милаго тебѣ пѣвца.

Прелестъ языка и прелестъ картина  
увлекаютъ читателя. Нѣсть мѣста, ко-  
тораго бы поэтъ не оживилъ чѣмъ ни-  
будь пѣнительнымъ. Но сколько вид-

но вкуса въ выборѣ подробностей! Что значать всѣ однообразныя мечтания Ламартинѣ передѣ этою ясностію сердца и блескомъ роскошной природы? Одни возбуждаются какое-то темное желаніе, но легкое, скоропреходящее; другіе мириять насъ съ судьбою и украшаютъ жизнь новыми цвѣтами.

Но я забываю, графиня, что вы обязаны Ламартину также пріятнѣйшими минутами. Я не буду больше говорить противъ него. Зачѣмъ намъ раздѣлять прекрасное, наше оно, или чужое: произведенія пыщныхъ искусствъ принадлежатъ равно всему роду человѣческому. Я буду только поддерживать свое мнѣніе, что и у насъ много прекраснаго. Въ самой драматической поэзіи, хотя она и отстала отъ другихъ родовъ (какъ я уже сказалъ), есть у насъ много удовлетворительного для сердца, особенно въ шрагедіяхъ Озерова. Есть сочиненія, противъ ко-

торыхъ критика невправѣ сказать ничего: между тѣмъ внутреннее убѣждѣніе чего-то еще отъ нихъ требуетъ. Таковы, осмѣлюсь сказать, французскія трагедіи. Конечно онѣ были образцами Озерова; но его глубокая чувствительность много сообщила имъ собственнаго, не похожаго на образцы. Онъ стоитъ ниже ихъ по всему, чего требуютъ правила трагедіи, но часто выше по убѣдительности поэзіи. Впрочемъ это мнѣніе, можетъ быть, только мое, и я чувствую, что мнѣ трудно защитить его предъ вами.

Русская поэзія не чужда и того легкаго, игриваго языка, который такъ плѣнителенъ въ Лафонтенѣ. Онъ еще тѣмъ у насъ чувствительнѣе, что мы для названія многихъ предметовъ имѣемъ по два слова, которыя употребляются различно, смотря по роду сочиненія. Это разнообразіе слога придается произведеніямъ нашей поэзіи

особенныея краски, которыхъ Французы почти ничѣмъ оттѣнить не могутъ. Подѣлъ приведенныхъ мною стихотвореній поставьте какое нибудь мѣсто изъ Душенъки *Богдановича*, или басню *Хемницера*: и вы увидите, что это совсѣмъ другой языкъ, новая область наслажденій вкуса. Удивительнѣе всего, что ѿсіп два поэта, впервыя покусившись у насъ говорить языкомъ не подражаемаго Лафонтена, образца въ своемъ родѣ для всѣхъ вѣковъ, часто равнялись съ нимъ, а иногда и побѣждали его: я говорю *впервыя*, потому что Хемницеръ иначе не могъ занять и ничего не занять въ языкѣ басней *Сумарокова*, а Богдановичъ для разсказа своего рѣшиительно ничего не имѣлъ, кромѣ собственного гenia. Между тѣмъ, какъ у Французовъ никто изъ подражателей Лафонтена не только не сравнялся съ нимъ, но и не приблизился къ нему, мы видимъ у себя

трехъ баснописцевъ классическихъ, изъ которыхъ каждый имѣеть собственное, неоспоримое право на всеобщее уваженіе. Неизъяснимое простодушіе Хемницера, очищенность и легкость *Дмитриева*, оригинальность, глубокомысліе, соединенное съ простосердечіемъ, и народность разсказа *Крылова*: вотъ красоты нашей апологической поэзіи. Я приведу примѣръ только изъ послѣдняго, тѣмъ болѣе, что онъ чаше другихъ созидается для себя и предметъ басни, и разскать ея. *Орелъ и Пчела*.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой:  
Ему и то ужъ силы придастъ,  
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.  
Но сколь почтенъ и тотъ, кто въ низости  
сокрытой,  
За всѣ труды, за весь потерянный покой,  
Ни славою, ни почестями не льстится,  
И мыслью оживленъ одной,  
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидея, какъ пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,  
Сказалъ орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:  
    Какъ ты, бѣдняжка, миѣ жалка  
Со всей твоей работой и съ умѣниемъ!  
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ соты;  
    Да кто же послѣ разберѣть  
    И отличить твои работы?  
    Я право не пойму охоты  
Трудиться цѣлый вѣкъ, и что жъ имѣть въ  
    виду?  
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду.  
    Какая разница межъ нами!  
Когда, разширяся шумящими крылами,  
    Ношуся я подъ облаками,  
    То всюду разсѣваю страхъ;  
Не смѣютъ отъ земли пернатыя подняться,  
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ ста-  
    дахъ;  
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,  
    Меня завида, показаться.  
Пчела отвѣтствуетъ: тебѣ хвала и честь!  
Да продлить надѣть тобой Зевестъ свои щедроты;  
А я, родясь труды для общей пользы несть,  
    Не отличать ищу свои работы,  
    Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,  
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

\*\*

Предметъ приведенной мною басни есть одно изъ самыхъ утѣшительныхъ и высокихъ чувствованій человѣческаго сердца. Поэтъ видѣлъ, что изложеніе сей басни должно быть достойно своего предмета. Онъ избралъ для сего языкъ благородный, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышенный. Въ самомъ понятіи обѣ орлѣ и пчелѣ нѣтъ ничего комического или забавнаго, потому что одинъ служитъ изображеніемъ могущества, а другая трудолюбія. Такимъ образомъ все употреблено, чтобы оставить въ душѣ читателя чувство, располагающее болѣе къ задумчивости, нежели къ удовольствію. Красоты поэзіи разительны. Изображеніе страха, который наводить орель полетомъ своимъ на другихъ животныхъ, вѣрно и живописно. Если бы я привелъ теперь басни Крылова въ другомъ родѣ, каковы, напримѣръ: *Демьянова Уха, Любопытный* и проч., которыхъ сдѣлались

народными; если бы я сравнилъ ихъ съ тѣми, въ которыхъ онъ, какъ живописецъ, рисуетъ современные события: то не знаю, графиня, согласились ли бы вы отдать преимущество Лафонте-ну передъ этимъ Протеемъ апологической поэзіи.

Дмитріевъ, кромѣ басенъ, писалъ во многихъ другихъ родахъ, какъ то: лирическія стихотворенія, посланія, сатиры, сказки, пѣсни и проч. У него все означеновано печатью самого нѣжнаго вкуса. *Ермакъ* его служить украшеніемъ нашей лирической поэзіи; а въ сказкахъ онъ до сихъ поръ остается неподражаемымъ. Но я приведу вамъ изъ него такое стихотвореніе, которое болѣе носить на себѣ признаковъ собственно русской поэзіи. Во всѣхъ земляхъ древнѣйшими стихотвореніями бываютъ народныя пѣсни. Онѣ даютъ понятіе о народномъ характерѣ. Многіе изъ новѣйшихъ писателей, заим-

ствую существенныя красоты изъ этой первобытной поэзіи, составляютъ по ея образцу собственныя пѣсни, кото-рыи тѣмъ болѣе настъ плѣняютъ, чѣмъ ближе подходятъ къ своимъ оригина-ламъ. Вотъ одна изъ нихъ:

Ахъ, когда бъ я прежде знала,  
Что любовь родить бѣды:  
Веселясь бы не встрѣчала  
Полуночныя звѣзды;  
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой  
Золотаго я кольца;  
Не была бъ въ надеждѣ сладкой  
Видѣть милаго листца!

Къ удаленію удара,  
Въ лютой, злой моей судьбѣ.  
Я слила бъ изъ вска яра  
Легки крыльшки себѣ,  
И на родину вспорхнула  
Мила друга моего;  
Нѣжно, нѣжно бы взглянула  
Хоть однажды на него;

А потомъ бы улетѣла  
Со слезами и тоской;  
Подгорюнившись бы сѣла—  
На дорогѣ я большой,  
Возрыдала бѣ, возопила:  
Добры люди, какъ мнѣ быть?  
Я невѣрнаго любила:  
Научите не любить!

Можно ли найти чтонибудь равное  
этому между всѣми французскими пѣ-  
снями? Тамъ, вмѣсто изображенія чув-  
ствованій, только играютъ словами,  
какъ будто истинная страсть способна  
къ шуткамъ. Здѣсь говоритьъ прямо  
сердце безыскусственнымъ, трогатель-  
нымъ языкомъ своимъ, который пото-  
му и труденъ, что слишкомъ простъ.  
Вы находите пѣ каждой строфѣ особен-  
ное дѣйствіе, составляющее прелест-  
ную картину. Черты народности схва-  
чены удивительно.

Говоря о пѣсняхъ, я не могу, гра-  
фина, пропустить здѣсь *Нелединскую*,

хотя онъ, къ величайшему сожалѣнію любителей вдохновенной поэзіи, никогда не издавалъ полнаго собранія своихъ стихотвореній. Ко второму разряду, по раздѣленію моему, онъ не можетъ идти; потому что давно перемѣнилъ поприще литератора на важнѣйшее поприще государственного чоловѣка. Его пѣсни, исполненные глубочайшихъ чувствъ, пламенныхъ порывовъ души, удивительного объема и раздробленія каждой страсти, неподражаемой простоты и силы выраженій, составляютъ верхъ совершенства въ своемъ родѣ. Напримѣръ:

Полно льститься мнѣ слезами  
Непреклонный рокъ тронуть:  
Строгими навѣкъ судьбами  
Загражденъ мнѣ къ счастью путь!  
Безъ надежды, безъ отрады,  
Тому жицнъ влача въ бѣдахъ,  
Отъ небесъ не жду пощады;  
Гнѣвъ ихъ въ милыхъ зря глазахъ.

Смерть, прибѣжище несчастныхъ,  
Часть послѣдній, милый часть!  
Ты отъ бремя золъ ужасныхъ  
Не спѣшишь избавить насть.  
Ты средь счастья жизнь отъемлешъ,  
Средь надеждъ, средь благъ разиша;  
Стонъ несчастливыхъ не внимлешь:  
Смерть, и ты отъ нихъ бѣжишъ!

Издыхая, услаждуся,  
Вспомни взоръ, Темира, твой!  
Съ свѣтомъ, съ жизнью разлучуся.  
Лишь не съ милой мнѣ честою.  
Пламень, что въ себѣ вмѣщаю,  
Онъ душа, онъ жизнь моя:  
Имъ я вѣчность постигаю,  
Имъ бессмертнѣ буду я.

Въ безнечальное селеные  
Съ жаромъ страсти преселясь.  
Обнаружу упосеніе,  
Коимъ жиль, тобой пльнясь.  
Въ царствѣ тѣней ту прославлю  
Жизни кто была милей,  
И подземный міръ заставлю  
Бога чтить души моей.

Истинная страсть сообщаетъ безпредѣльную силу душѣ. Поэтъ, увлекаясь ею, въ цѣлой вселенной видитъ только одинъ предметъ. Но языкъ его, картины и порывы сердца доступны каждому чувствительному человѣку. Онъ смѣло объемлетъ двѣ жизни, и мы понимаемъ его вдохновеніе. Это отчаяніе любви подобно бурѣ, которая необѣ преклоняетъ до земли. Такова истинная у насъ поэзія: она не льстить одному слуху, но колеблетъ всѣ пружины сердца и рождаетъ величественную, если смѣю сказать, музыку для души. Наблюдательный слухъ замѣчаетъ въ ней всѣ лучшіе звуки. Одно случайное отчужденіе отъ языка препятствуетъ намъ вникнуть въ совершенства его произведеній, которыя со временемъ должны поразить любопытство наше.

Я перехожу къ новому періоду нашей поэзіи. Представляя вамъ Жуков-

скою, я начинаю говорить о такомъ поэть, который далъ совсѣмъ другое направлениe своему искусству. Соединяя превосходный даръ съ образованійшимъ вкусомъ, глубочайшее чувство поэзіи съ совершеннымъ познаніемъ таинствъ языка нашего, всѣ правила стихотворства со всѣми его видоизмененіями и отступленіями отъ условий мѣста и времени, онъ далъ намъ почувствовать, что поэзія, кромѣ вдохновенія, должна покоряться трудившему искусству: не употреблять въ стихѣ ни одного слова слабаго или неравносильного мысли, ни одного звука непріятнаго или разногласнаго съ своимъ понятіемъ, ни одного украшенія переувеличеннаго или принужденнаго, ни одного оборота труднаго или изысканнаго. Онъ подчинилъ свое искусство тѣмъ условіямъ, которыя придаютъ блескъ и языку, и поэзіи. Однимъ словомъ: это первый поэтъ золо-

таго вѣка нашей словесности (если непремѣнно надобно, чтобы каждая словесность имѣла свой золотой вѣкъ). Онъ сдѣлалъ поэзію самымъ легкимъ и вмѣстѣ самымъ труднымъ искусствомъ. Прекрасныя поэтическія формы готовы для всѣхъ родовъ, и всякий можетъ написать теперь нѣсколько легкихъ, благозвучныхъ, даже сильныхъ стиховъ; но кто будетъ ими доволенъ, сравнивъ цѣлое произведеніе съ образцемъ всѣхъ нашихъ новѣйшихъ поэтовъ? Въ характерѣ его поэзіи еще болѣе, кажется, плѣнительного, нежели въ самыхъ стихахъ. Представьте себѣ душу, которая полна вѣры въ совершенное счастіе! Но жизнь бѣдна тѣми чистыми наслажденіями, какихъ она повсюду ищетъ. Ее оживляетъ надежда, потому что мы никогда не перестаемъ вѣрить тому, что истинно любимъ. Тогда всякое чувство облечается какою-то мечтательностю, ко-

торая преображает землю, смотритъ далъе, видитъ больше, созидаетъ иначе, нежели простое воображеніе. Для такой души нѣтъ ни одной картины въ природѣ, ни одного мѣста во вселен-ной, куда бы она не переносила своего чувства, изъ котораго бы она не созидала цѣлаго, новаго міра. Вотъ примѣръ: *Весеннее чувство.*

Легкій, легкій вѣтерокъ!  
Что таکъ сладко, тихо вѣшь?  
Что играешь, что свѣтлѣши,  
Очарованный потокъ?  
Чѣмъ опять душа полна?  
Что опять въ ней пробудилось?  
Что съ тобой къ ней возвратилось,  
Перелетная весна?  
Я смотрю на небеса:  
Облака, листя сіяютъ,  
И, сіяя, улетаютъ  
За далекіе лѣса.

Иль опять отъ вышины  
Вѣсть знакомая несется?

Или снова раздается  
Милый голосъ старины?  
Или тамъ, куда летить  
Птичка, странникъ поднебесный,  
Все еще сей неизвѣстный  
Край желанного скрытъ?  
Кто жъ къ невѣдомымъ брегамъ,  
Путь невѣдомый укажетъ?  
Ахъ, найдется ль, кто мнѣ скажетъ,  
Очарованное тами?

Самая веселая картина весны, хотя легкая, живая, но яркая и вѣрная, между тѣмъ располагаетъ уже насть къ задумчивости, даже къ нѣкоторому унынию. Ноэть умѣль овладѣть нашою душою, потому что онъ самъ глубоко чувствуетъ предметъ свой. Плѣнивъ всѣ наши чувства, онъ не забываетъ сердца, которое не можетъ наслаждаться настоящимъ, не воспоминая прошедшаго: а въ прошедшемъ всегда больше для насть прелести, нежели въ настоящемъ. Наконецъ онъ доставляетъ приятную пищу самому воображению, на-

кидывая покрывало на свой мечтательный міръ. Онъ настраиваетъ всѣ способности души къ одному стремлению: изъ нихъ, какъ изъ струнъ арфы, составляется гармонія. Вотъ въ чемъ заключена тайна романтической поэзіи! Она основывается на познаніи поэтическаго искусства и природы человѣка. Съ такимъ направленіемъ поэзіи Жуковскій соединяетъ высочайшее искусство живописи всѣхъ картинъ природы, въ которыхъ каждая черта проникнута, освѣщена его душою. И вотъ чего, кажется мнѣ, не достаетъ Ламартину! Онъ только понялъ приемы романтической поэзіи, примѣнился къ ея краскамъ и увлекся направленіемъ. Между тѣмъ у Жуковскаго она созрѣла въ душѣ: и отъ того онъ съ такою же легкостію и вѣрностію передаетъ намъ чувствованія Шиллера, Байрона, какъ и свои собственные.

*Батюшковъ* стоитъ на особенномъ, но равно прекрасномъ поприщѣ. Онъ создалъ для нась ту элегію, которая Тибулла и Пронерція сдѣлала истолкователями языка Грацій. У него каждый стихъ дышеть чувствомъ. Его геній въ сердцѣ. Оно внушило ему свой языкъ, который нѣженъ и сладокъ, какъ чистая любовь. Игристость Парни и задумчивость Мильвуса, выражаемыя какими-то *Итальянскими* звуками, даютъ только понятіе объ искусствѣ Батюшкова. Онъ въ одно время и убѣждаетъ умъ, и плѣняетъ сердце, и рисуетъ воображенію. *Мой геній.*

О память сердца! Ты спънѣй  
Разсудка памяти печальной,  
И часто сладостью своей  
Меня въ странѣ плѣняешь дальний.  
Я помню голосъ милыхъ словъ,  
Я помню очи голубые,  
Я помню локоны златые  
Небрежно вьющихся власовъ;  
Моей пастушки несравненной

Я помню весь нарядъ простой:  
И образъ милый незабвенной  
Повсюду странствуетъ со мною.  
Хранитель-гений мой, любовью  
Въ утѣху данъ разлукѣ онъ;  
Засну ль: приникнетъ къ изголовью  
И уладить печальный сонъ.

Я считаю излишнимъ говорить о совершенствѣ языка. Но сколько прелести во всей этой картинѣ! Какая простота и легкость въ отдалкѣ! И какое искусное окончаніе! Оно одно показываетъ величайшаго знатока поэзіи. Оно останавливаетъ все вниманіе читателя: и вамъ трудно разстаться съ этимъ милымъ изображеніемъ. Между тѣмъ, какое участіе рождается въ сердца! Здѣсь заключена истина, ему только понятная. Такъ часто едва примѣтное движеніе въ лицѣ обнаруживается всю душу человѣка наблюдательному взору.

Оканчивая здѣсь исчисленіе поэтовъ,

издавшихъ уже свои стихотворенія, признаюсь, графиня, что оно неполно и слишкомъ бѣгло. Приводя наудачу образцы ихъ поэзіи, я больше думалъ о сохраненіи краткости въ письмѣ, не жели о строгости выбора. Если ваше любопытство хотя слегка возбуждено, то вы, руководствуясь собственнымъ вкусомъ и пользуясь первымъ свободнымъ временемъ, сами убѣдитесь въ моихъ истинахъ, и конечно сильнѣе, нежели я убѣдилъ васъ. Окруживъ себя полными собраніями сихъ стихотвореній, вы удивлены будете ихъ разнообразiemъ и совершенствомъ. Это знакомство усилить ваше вниманіе къ русской поэзіи. Я почти увѣренъ, что вы тогда сами пожелаете, для дополненія этой галлереи, узнать тѣ лица, не менѣе занимательныя, которыхъ мною оставлены единственно для того, чтобы не обременить вашего синехожденія.

Но вы можете справедливо противоречить мнѣ, что прошедшее не должно быть всегдашию замѣною настоящаго. Я говорилъ еднѣственно о томъ, что вамъ самимъ давно извѣстно. Въ поэзіи, какъ и во всѣхъ изящныхъ искусствахъ, каждый вѣкъ долженъ производить что нибудь собственное. Французы успѣли уже составить прекрасное собраніе произведеній поэтовъ своихъ XIX столѣтія, хотя его прошло еще только двадцать три года. Въ этомъ случаѣ вы справедливы; но мы неправы только потому, что у насть стихотворенія нынѣшняго собственно столѣтія не собраны надлежащимъ образомъ въ одномъ изданіи, а разсѣяны большою частію по разнымъ periodическихъ листкамъ, гдѣ съ трудомъ отыщеться ихъ самый ревностный любитель поэзіи. Вы конечно не рѣшитесь блуждать со мною по этому темному лабиринту. Однакожъ я отва-

жусь искусить еще ваше терпѣніе и представить нѣсколько новыхъ лицъ, которыя, по моему мнѣнію, могутъ оправдать первоначальную мысль мою. Въ ожиданіи полнаго собранія ихъ произведеній, которое можетъ ускорить одинъ нетерпѣливый вкусъ публики, я упомяну о нихъ для того, чтобы вы удостоивали иногда заглядывать въ журналы наши. Трудъ, конечно, для васъ скучный; но онъ доставитъ вамъ случай повѣрять мое мнѣніе, если оно покажется довольно основательнымъ.

Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ *Пушкинъ* обогатилъ новѣйшую словесность нашу тремя поэмами, которыя доставили бы ему славу не только во Франціи, но и въ Англіи. Я не смѣю сравнивать его ни съ кѣмъ изъ нынѣшихъ французскихъ стихотворцевъ; потому что онъ столько же выше ихъ, сколько у насъ Ломоносовъ былъ выше всѣхъ своихъ современ-

никовъ-литераторовъ. Его гений съ такою же легкостью переносится въ область вымысловъ, какъ и срисовывается великолѣпныя картины природы. Сравните красоты *Руслана и Людмилы* съ неизѣяснимою прелестью *Кавказской пленницы*, или *Бахчисарайской фонтана*; и вы конечно останетесь въ недоумѣніи, чѣму отдать преимущество: созданію ли его воображенія, или поэтическому взгляду. Но этаъ игравый и разнообразный умъ, эта живая и своеиравная душа исполнена въ тоже время самыхъ нѣжныхъ, самыхъ глубокихъ движений чувствительности. Пробѣгите рядъ всѣхъ трогательныхъ мѣстъ въ его поэмахъ, соберите его небольшія стихотворенія, сіи быстрыя изліянія кратковременной задумчивости или внезапной грусти: въ нихъ поразять васъ и звуки, и краски, и чувства своею точностю, естественностью, простотою и силою. Онъ нѣ-

сколькими стихами соберетъ къ душѣ вашей все, что жизнь даетъ прекраснаго, очаруетъ васъ, и вмигъ отниметъ все ужасныи разувѣреніемъ, что это быстро исчезаетъ. Такую власть надъ душою, такую силу надъ сердцемъ я почитаю совершенійшею поэзіей. Вы можете сами судить о томъ по слѣдующей его Элегіи:

Увы, зачѣмъ она блестасть  
Минутной нѣжной красотой!  
Она примѣтно увядаетъ  
Во цвѣтѣ юности живой.  
Увянеть... жизнью молодою  
Недолго наслаждаться ей;  
Недолго радовать собою  
Счастливый кругъ семьи своей;  
Безпечной, милой остротою  
Бесѣды наши оживлять,  
И тихой, ясною душою  
Страдальца душу услаждать.  
Спѣшу въ волненїи думъ тяжелыхъ,  
Сокрывъ уныніе мое,

Наслушаться рѣчей веселыхъ  
И наглядѣться на нее.  
Смотрю на всѣ ея движенія,  
Внимаю каждый звукъ рѣчей:  
И мигъ единый разлученія  
Ужасенъ для души моей.

Не говорю вамъ о Гнѣдичѣ, какъ о переводчикѣ Иліады. Въ этомъ отношеніи много бы мнѣ надобно было представить доказательствъ, какъ Русскіе лучше Французовъ понимаютъ всѣ поэтическія стороны классическихъ писателей. Иностранцы, узнавши со временемъ русскую литературу, изумлены будутъ совершенствами нашего языка и бессмертнымъ трудомъ Гнѣдича. Его собственнѣя произведенія представляютъ образецъ истинной поэзіи. Рыбаки, его идиллія, выше всего, что у насъ произвела буколическая поэзія. Какъ Теокритъ, онъ извлекъ изъ своего предмета все поэтическое. Напрасно предположили бы

вы, что ни наша природа, ни наши рыбаки не могутъ плѣнить воображенія. Природа, отъ одного полюса до другаго, столько же прекрасна, сколько и разнообразна. Въ одномъ мѣстѣ она плѣняетъ своею роскошью, а въ другомъ дикою суворостію. Въ произведеніи изящнаго искусства обѣ картины должны показаться прекрасными. Равнымъ образомъ и люди. Надобно только всмотрѣться въ ихъ жизнь и уловить въ ней то, что составляетъ ея поэзію. Такъ образовалась въ душѣ Гиѣдича эта народная идиллія, которая можетъ быть счастливымъ начальомъ собственно-русской букалической поэзіи. Желая представить вамъ примѣръ его слога, приведу отвѣтъ его *Крылову на приглашеніе въ чужie краи*. Вы увидите, какъ говорить чувство, облекаясь счастливѣйшею выдумкою воображенія.

Надежды юности, о милые мечты!  
Напрасно вась въ младой груди леѣялъ!  
Вы не сбылись: какъ лѣтніе цвѣты,  
Осенний вѣтеръ вась развѣялъ.  
Свершеннъ предѣль моихъ цвѣтушихъ лѣтъ:  
Иѣть болѣе очарованій!  
Гляжу на тотъ же свѣтъ:  
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній.  
Куда жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти?  
Что годы съ юностью у сердца похищаются?  
Желанья вылкія, крылатыя мечты,  
Съ весною дней умчались, назадъ не прилетаютъ.  
Другъ, ни за тридевять земель  
Вновь не найти весны сердечной,  
Ни ты, ни я не *Ариэль*,  
Эспра легкій сынъ, весны любимецъ вѣчный.  
Отъ неизбѣжнаго удѣла для живыхъ  
Онъ на землѣ одинъ уходитъ;  
Утраченныхъ, летучихъ благъ земныхъ,  
Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ.  
Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала,  
Завидное существованіе:  
Какъ златокрылая пчела  
Кружится *Ариэль* весны въ благоуханіѣ;  
Онъ пьетъ амврозію цвѣтовъ,

Перловыя Авроры слезы;  
Онъ въ зной полуденныхъ часовъ.  
Прильнеть и спить на лонѣ юной розы.  
Но лишь приближится ночей осенихъ тьма,  
Но лишь дожнеть угрюмая зима:  
Онъ съ первой ласточкой за лѣтомъ улетаетъ,  
Садится радостный на крылышко ея,  
Летитъ онъ въ новые счастливые края:  
Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.  
О, какъ его судьба завидна мнѣ!  
По намъ ея въ какой искать странѣ?  
Въ какой землѣ найти утраченную младость?  
Гдѣ жизню мы снова разцвѣтемъ?  
О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы  
радость  
Погубимъ, можетъ быть, въ краю чужомъ.  
За счастіемъ бѣжа подъ небо мы чужое,  
Бросаемъ дома то, чему замѣны нѣть:  
Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ  
И счастье душъ прямое.

Напрасно подумали бы вы, графы,  
что въ русской поэзіи нѣть того  
блестящаго остроумія, котораго образы  
чаше встрѣчаются во французскихъ стихахъ. Оно впрочемъ не долж-

но быть душою всей поэзии, такъ какъ шутливость усиливъ пѣвой жизни. Веселость тогда только доставляетъ истинное удовольствіе, когда она непринуждена и обнаруживаетъ естественное чувство. Подобный характеръ поэзіи встрѣчается у насъ въ стихотвореніяхъ *Давыдова* и *Князя Вяземскаго*. Первый составилъ, такъ сказать, особенный родъ военныхъ пѣсенъ, въ которыхъ языкъ и краски ему одному принадлежатъ. Неистощимый въ благородныхъ шуткахъ, въ живомъ представлении своихъ предметовъ, онъ пѣшаетъ какою-то небрежностію и вмѣстѣ точностію выражений. Это русскій Анакреонъ, но только въ лагерѣ. Князь Вяземскій сблизилъ игру простонароднаго языка съ языкомъ лучшаго общества. Онъ не заимствуетъ изъ книгъ ни своихъ остротъ, ни своихъ шутокъ. Наблюдательный умъ его находитъ все вокругъ себя. Какъ поэтъ-философъ

\*

софъ, онъ не пренебрегаетъ ничѣмъ въ общежитіи; онъ все обращаетъ въ свою пользу. И потому самую остроумную мысль Француза онъ легко замѣнить столь же сильною и столь же острою мыслю русскаго простолюдина. Но, разбирая внимательнѣе произведенія его поэзіи, вы увидите, какъ чувство проглядываетъ сквозь этотъ шутливый покровъ свой. И оно-то дать ему верхъ надъ французскими остроумцами. Вы сами въ томъ увѣриться можете по слѣдующему его стихотворенію: *Мои желанія.*

Пусть все идетъ своимъ порядкомъ.  
Иль беспорядкомъ: все равно!  
На свѣтѣ, въ этомъ зданыи шаткомъ,  
Жить смироно, значитъ жить умно.  
Устройся ты какъ можно тише,  
Чтобъ зависти не разбудить;  
Безъ нужды не забирайся выше,  
Чтобъ послѣ шеи не сломить.

Пусть будуть во владѣнїи скромномъ  
Цвѣтникъ, при ручейкѣ древа,  
Алтарь любви въ придѣлѣ темномъ,  
Для дружбы стуль, а много два;  
За трапезой хлѣбъ-соль простая  
Съ приправой ласкъ младой жены;  
Въ подвалѣ гость съ холмовъ Токая,  
Душистый вѣстникъ старины.

Дѣй-три картины не на славу,  
Пріютъ мечтанью, камелекъ,  
И про домашнюю забаву  
Не позолоченный гудокъ;  
Книгъ дюжина, хоть не въ сафьянѣ:  
Не рукъ, разсудка торжество;  
И деньга лишняя въ карманѣ  
Про нищету и сиротство.

Вотъ все, чего бы въ скромну хату  
Отъ неба я просить дерзаль!  
Тогда бъ къ хранителю-ченату  
Съ такой молитвою предсталъ:  
„Я не прошу о благѣ новомъ;  
Мое мнѣ только сохрани,  
И отъ злословца будь покровомъ,  
И отъ глупца оборони!“

Стихотворенія Глинки представля-  
ютъ рядъ аллегорическихъ картинъ.

Проходя эту галлерею вымысловъ, вы съ любопытствомъ остановитесь передъ каждымъ изображеніемъ, чтобы полюбоваться красками живописца и потомъ раскрыть счастливую мысль, которую онъ таитъ въ своей аллегорії. Этотъ родъ поэзіи особенно увлекаетъ воображеніе. Онъ вдыхаетъ жизнь во все; бездушное заставляетъ чувствовать, безплотному сообщаетъ тѣло. Истины сердца можно также предлагать въ загадкахъ, какъ истины ума. Глинка, изображая вамъ какое нибудь поэтическое чувствование, называетъ его именемъ другаго предмета, который похожъ на него въ нѣкоторомъ отношеніи. Онъ доставляетъ вамъ удовольствие слѣдовать за его сравненіемъ, выборомъ признаковъ, ввѣряться обману поэзіи, перемѣнить свое мнѣніе, задумываться, искать разрѣшенія загадки въ собственномъ сердцѣ, однимъ словомъ: онъ погру-

жаетъ васъ въ самихъ себя. Его міръ  
есть только человѣкъ, а все прочее  
мысли его и чувствованія. *Перелетная  
птичка.*

Скрывалось за горы  
Роскошное солнце,  
И долгій день лѣтній  
Угаснулъ; и вечеръ  
Насталъ съ тишиною;  
И въ воздухѣ душно.  
Зарница играла  
По нивамъ волнистымъ;  
И сизая туча  
Вдали загоралась;  
Далекое эхо  
Въ горахъ рокотало.  
Я въ рощѣ тѣнистой  
Дышалъ ароматомъ  
Цвѣтущаго луга.  
Вдругъ птичка слетѣла  
(Не знаю откуда)  
И, зыблясь на вѣткѣ,  
Запѣла уныло,  
Уныло... и сладко.  
Я весь сталъ вниманье,  
И весь упоенье:

Душа разрывала съ  
Отъ пѣсни унылой;  
Душа восхищалась  
Унылою пѣснью...  
И отзывъ далекій  
Друзей отлученныхъ,  
И память о прошломъ,  
О днахъ невозвратныхъ  
Бывалаго счастья,  
И стоны разлуки,  
И шопотъ предчувствій,  
Грядущаго тайны;  
Все, все выражала  
Болшебная пѣсня  
Чудесной пѣвицы...  
Миѣ видѣлось: мѣсяцъ  
Стоялъ недвижимо,  
И звѣзды, внимая  
Горѣли яснѣе,  
И грохотъ нагорный  
Затихъ... И въ забвѣни  
Сидѣть я до утра,  
Мечтая о небѣ.  
Пѣвица все пѣла,  
Но вѣстѣ съ росою,  
Подъемляясь все выше,  
Какъ искра угасла,  
Въ лучахъ утонула...

Откуда ты, птичка,  
Небесная радость?  
Гдѣ край тотъ далекій,  
Въ которомъ ты, прелестъ,  
Гостишь неотлетно?  
И странникъ печальный  
Въ сеѧ мірѣ матежномъ,  
По сердцу мнѣ чуждомъ,  
Услышу ль опять я  
Въ безмолвіи ночи,  
Залетная гостья,  
Твой голось чудесный?  
Иль разъ только въ жизни  
Онъ смертному слышенъ?

*Рыльсвѣ* избралъ для себя прекрасное по прицѣ. Онъ предстваетъ вамъ поэтическія явленія изъ отечественной исторіи. Его, такъ называемыя, *Думы* содержать лирическій разсказъ какого нибудь события. Не восходя до оды, которая больше требуетъ восторга чувствованій и быстроты изложения, онъ отличаются благородиою простотою истины и поэзіею самаго происшествія.

Чистый и легкий языкъ, наставитель-  
ныя истины, прекрасныя чувствованія,  
картины природы: вотъ что удовле-  
творяетъ въ нихъ любопытному вкусу.  
Я приведу здѣсь одну изъ нихъ,  
*Смерть Ермака.*

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;  
Во мракѣ иодній летали;  
Безперерывно громъ гремѣлъ,  
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.  
Ко славѣ страстію дыша,  
Въ странѣ супровой и угрюмой,  
На дикомъ берегѣ Иртыша  
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,  
Побѣдъ и громозвучной славы,  
Среди раскинутыхъ шатровъ  
Безпечно спали близъ дубравы.  
„О спите, спите, спиши герой,  
Друзья, подъ бурею ревущей;  
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,  
На славу, иль на смерть зовущій!

Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ  
И въ бурю храбрыхъ успокоить;  
Въ мечтахъ напомнить славу онъ  
И силы ратниковъ удвоить.  
Кто жизни не щадилъ своей,  
Въ разбояхъ злата добывая;  
Тотъ думать будетъ ли о ней,  
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смывъ  
Всѣ преступленья буйной жизни  
И за побѣды заслуживъ  
Благословенія отчизны...  
Намъ смерть не можетъ быть страшна;  
Свое мы дѣло совершили:  
Сибирь царю покорсна,  
И мы не праздно въ мірѣ жили“.

Но роковой его удѣлъ  
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ,  
И съ сожалѣнiemъ глядѣлъ  
На жертву любопытнымъ взглядомъ.  
Ревѣла буря; дождь шумѣлъ;  
Во мракѣ молніи летали;  
Безперерывно громъ гремѣлъ,  
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ брегахъ,  
Вздымалися сѣдые волны;  
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,  
Бія о брегъ козачьи чолны.  
Съ вождемъ покой въ объятьяхъ сна  
Дружина храбрая вкушала:  
Съ Кучумомъ буря лишь одна  
На ихъ погибель не дремала.

Страшась вступить съ героемъ въ бой,  
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнныи  
Прокрадся тайною тропой,  
Татаръ толпами окруженныи.  
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ,  
И окровавилась долина;  
И пала грозная въ бояхъ,  
Не обнаживъ мечей, дружина.

Ермакъ воспринулъ ото сна  
И, гибель зря, стремится въ волны;  
Душа отвагою полна,  
Но далеко оть брега чолны.  
Иртышъ волнуется сильнѣй;  
Ермакъ все силы напрягаетъ,  
И мощною рукой своей  
Валы сѣдые разсѣкаетъ,

Плыветъ.... ужъ близко членока!  
Но сила року уступила,  
И, закиивъ страшнѣй, рѣка  
Героя съ шумомъ поглотила.  
Лишивши силъ богатыря  
Бороться съ ярою волною,  
Тяжелый панцыръ, даръ царя,  
Сталъ гибели его виною.

Ревѣла буря... вдругъ луной  
Иртышъ кипящій осребрился,  
И трупъ, извергнутый волной,  
Въ бронѣ мѣдяной озарился.  
Носились тучи, дождь шумѣлъ,  
И молнии еще сверкали,  
И громъ въ дали еще гремѣлъ,  
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Вы конечно согласитесь, графиня,  
какъ много находится разнообразія въ  
произведеніяхъ поэтовъ, приводимыхъ  
мною! И между тѣмъ каждое стихо-  
твореніе въ своемъ родѣ совершенно.  
Такое стремленіе прекрасныхъ даро-  
ваній, означенованныхъ порознь соб-  
ственнымъ вкусомъ и въ выборѣ пред-

метовъ, и въ ихъ изложеміи, обѣщаетъ еще блистательнѣйшіе успѣхи нашей поэзіи. Но если бы соединить только и то, что уже издано сими поэтами: уже ли подобное собрание (въ которомъ поэзія сердца и поэзія воображенія равнялись бы поэзіи ума) не могло бы замѣнить стихотвореній французскихъ поэтовъ XIX вѣка?

Въ моемъ продолженіи встрѣтите вы еще другія особенности русской поэзіи. Оставляя общія на этотъ предметъ замѣчанія, буду говорить о томъ частно при каждомъ поэты. *Баронъ Дельвигъ* . . . . .

Вотъ его стихотвореніе: *Къ Доридѣ*.

Дорида, Дорида! Любовью все дышетъ,  
Все пьетъ наслажденье съ притекшей весной:  
Чуть зефиръ, струяся, березу колышетъ.  
И съ берега лебедь понесся волной

Къ зовущей подругѣ на островъ пустынныи.  
Надъ розой трепещетъ златой мотылекъ,  
И въ гулкой долинѣ любовью невинной  
Протяжно вздыхаетъ пастушій рожокъ.

Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной  
Мнѣ платиши за слезы и муки любви!  
Вглядись въ мою блѣдность, въ мей взоръ  
помраченный;  
По нимъ ты узнаешь, какъ въ юной крови  
Свирѣпая ревность томить и сжигаетъ!  
Не внемлетъ... и въ пляскахъ, смѣясь надо  
мной,  
На зло мнѣ красою подругъ затемняетъ,  
И узниковъ гордо ведеть за собой.

Есть дарованія, которыя, подобно  
дубравнымъ цвѣтамъ, не любять блеска. Они разцвѣтаютъ въ тѣни, благоухаютъ въ уединеніи. Ихъ встрѣтить тамъ нечаянно блуждающій безъ  
цѣли путешественникъ, и сохранить  
ихъ только въ тихомъ своемъ воспо-  
минаніи. Но ихъ свѣжая красота тѣмъ  
не менѣе привлекательна. Вотъ что  
можно сказать о поэзіи Крылова (*Але-*  
\*\*

*ксандра).* Мы знаемъ только малое число его стихотвореній, написанныхъ предъ симъ года за три. Любители поэзіи съ первого раза примѣтили въ нихъ истинныя чувства, оригинальный слогъ и вѣрный вкусъ. Съ тѣхъ поръ не встрѣчается нигдѣ его стихотвореній. Можетъ быть, одна жизнь сдѣлалась для него лучшею поэзіей. Но тѣмъ не менѣе я почитаю обязанностю познакомить васъ съ его музою. Пріятно было бы вызвать ее на прежнее по-прище. Всякая прекрасная новость въ поэзіи чѣмъ-то радуетъ любителя изящныхъ искусствъ. Крыловъ отличается особыеннымъ мужествомъ языка. Въ немъ нѣть тѣхъ блестящихъ украшений, которыхъ замѣтны въ первыхъ опытахъ подражателей, заимствующихъ оныя отъ первоклассныхъ поэтовъ. Онъ идетъ собственною дорогою, что еще болѣе ручается за истину его дарованія. Можно даже сказать, что

его стихи много бы потеряли, если бы ихъ одѣть въ сіи временныея, скоро-прѣходящія украшенія, которыя прекрасны только въ одномъ мѣстѣ, то есть, у оригинального поэта. *Недовѣрчивость.*

Не спрашивай, зачѣмъ я такъ унылъ!  
Ты знать должна вину моей печали:  
Мой взоръ тебѣ давно ее открылъ,  
Когда о ней уста мои молчали.  
Мнѣ суждено по гробъ тебя любить.  
Но, знать, любви внушить я не умѣю.  
Нѣтъ; счастіе тобой любимымъ быть  
Не для меня: я ждать его не смѣю.  
Изъ жалости одной къ моимъ слезамъ  
Ты мнѣ твердишь любовные обѣты;  
Не вѣрю я плѣнительнымъ словамъ:  
Я не видаль въ тебѣ любви примѣты.  
Стою ль въ дали съ безмолвною тоской:  
Твой взоръ меня въ толпѣ не отличаетъ;  
Иль робкою коснусь къ тебѣ рукой:  
Твоя рука моей не отвѣчаетъ.  
Спокойна ты, встрѣчашь ли меня,  
Или даришь мнѣ поцѣлуй небрежный:  
Въ глазахъ твоихъ нѣтъ пылкаго огня

И на щекахъ румянца страсти нѣжной.  
Когда я шелъ вчера, простясь съ тобою,  
Не для меня ты у окна стояла:  
И тусклаго стекла не отирала,  
Чтобы взглянуть украдкой вслѣдъ за мной.  
Досель я жиль отрадой упованья;  
Я самъ себя обманывать хотѣлъ,  
И наяву коварныя мечтанья  
Любовь твою сулили мнѣ въ удѣль.  
Но ты меня лишила наслажденья:  
Мечты мои разсѣялись, какъ дымъ;  
Упала съ глазъ повязка заблужденья,  
И опять мнѣ сказалъ: ты не любишь.  
Жестокая, ты хочешь быть мнѣ другомъ!  
Любви твоей, любви желаю я:  
Когда меня ты назовешь супругомъ,  
Безъ сердца мнѣ на что рука твоя?  
Гдѣ для меня цвѣли блаженства розы,  
Тамъ буду я лишь терпія встрѣчать;  
Въ твоихъ глазахъ я долженъ видѣть слёзы  
И на лицѣ унынія печать.  
Я, можетъ быть, подстерегу случайно  
Твой тяжкій вздохъ въ безмолвіи ночномъ,  
И близъ меня, забывшись тихимъ сномъ,  
Промолвишь ты признанье въ страсти тайной,  
Огонь любви заблещетъ на челѣ,  
И не супругъ, другой тебѣ приснится,

Ты будешь днемъ, потупя взоръ къ землѣ,  
Передо мной мечты своей стыдиться.  
О милый другъ, прости моимъ словамъ,  
Забудь любви слѣпыя подозрѣнья!  
Я имъ теперь еще не вѣрю самъ,  
Но въ будущемъ ищу себѣ мученья.  
Пускай меня угѣшить голосъ твой;  
Пусть нѣжный взоръ тоску души разсѣть.  
И грудь мою надежды лучъ согрѣть.  
Когда же иѣтъ въ тебѣ любви прямой,  
Когда я ждалъ несчастія недаромъ:  
Цѣпей моихъ изъ жалости не рви,  
По обману меня притворнымъ жаромъ  
И дружбѣ дай название любви!

Поэзія, какъ характеры людей, какъ физіономіи лицъ, до бесконечности можетъ быть разнообразна. Между тѣмъ, какъ мы воображали, что языкъ чувствъ уже не можетъ у насъ сдѣлать новыхъ опытовъ въ своемъ искусствѣ, явился такой поэтъ, который разрушилъ нашу увѣренность. Я говорю о *Баратынскомъ*. Въ элегическомъ родѣ онъ идетъ новою, своею дорогой.

Соединяя въ стихахъ своихъ истину чувствъ съ удивительною точностю мыслей, онъ показалъ опыты прямо классической поэзии. Составъ его стихотвореній, правильность и прелестъ языка, ходъ мыслей и сила движений сердца выше всякой критики. Онъ яснѣй, живѣй и глубокѣй. Во всемъ отчетъ составляетъ отличительность его стиховъ. Нѣтъ слова, нѣтъ оборота, нѣтъ картины, гдѣ бы вы не чувствовали ума и вдохновенія. Разбирайте строго каждый его стихъ, слѣдуйте за нимъ внимательно до конца стихотворенія: и вы признаетесь, что онъ извлекъ все лучшее изъ своего предмета, отбросилъ все излишнее и не забылъ ничего необходиаго. Но сколько разнообразія во всѣхъ его самыхъ легкихъ произведеніяхъ! Игристое и важное, глубокое и легкое, истинное и воображаемое: все онъ постигнуль

и выразилъ. Разсмотрите его элегію:  
*Разувореніе.*

Не искушай меня безъ нужды  
Возвратомъ нѣжности твоей!  
Разочарованному чужды  
Всѣ обольщенья прежнихъ дней.  
Ужъ я не вѣрю увѣреньямъ,  
Ужъ я не вѣрю въ любовь;  
И не могу предаться вновь  
Разъ измѣнившимъ сновидѣньямъ.  
Слѣпой тоски моей не множь;  
Не заводи о прежнемъ слова,  
Другъ попечительный больного,  
Въ его дремотѣ не тревожь!  
Я сплю, мнѣ сладко усыпленье;  
Забудь бывалыя мечты:  
Въ душѣ моей одно волненіе,  
А не любовь пробудишь ты.

Юный, вдохновенный пѣвецъ отечественныхъ доблестей, Языковъ, какъ веселая надежда, пробуждается въ сердцѣ вашемъ прекрасные помыслы. Опытъ исполненія поэтическаго огня и смѣлыхъ картинъ. Слогъ его отвечаетъ красотами первоклассныхъ поэтовъ.

Его дарование быстро идетъ блистательнымъ путемъ своимъ. Онъ сжать, ровенъ и силенъ. Чистота души и ясность мыслей пленительны въ его стихахъ. Я привожу его *Пѣснь Барда во время владычества Татаръ въ Россіи.*

Гдѣ вы, краса минувшихъ лѣтъ,  
Баяновъ струны золотыя,  
Шѣвицы вольности, и славы, и побѣдъ,  
Народу русскому родныя?

Бывало: ратники лежатъ вокругъ огней  
По берегу свѣтлого Дуная,  
Когда тревога боевая  
Молчить до утреннихъ лучей:  
Вдали, туманомъ покровенный,  
Станъ Грековъ, и надъ нимъ грозна,  
Какъ щитъ, въ бою окровавленный,  
Восходить полная луна.  
И тихій сонъ во вражьемъ станѣ.  
Но тамъ, гдѣ вы, сыны снѣговъ,  
Тамъ вдохновенный на курганѣ  
Поетъ дѣянья праотцовъ,

И персты вѣщіе летаютъ  
По звонкимъ пламеннымъ струнамъ,  
И взоры воиновъ сверкаютъ,  
И рвутся длані ихъ къ мечамъ.

Наутро, солнце лишь возстало,  
Проснулся дерзостный булатъ;  
Валятся Греки, рядъ на рядъ,  
И ихъ полковъ, какъ не бывало!

И вы скрылися, вѣка полночной славы,  
Побѣдъ и вольности вѣка!  
Такъ скрываются ликъ солица величавый  
За громовыя облака.  
Назавтра солнце вновь возстанетъ.  
А мы.... намъ долго цѣпи влечь;  
Столѣтья протекутъ, и русскій мечъ не  
грянетъ  
Тиранства гордаго о мечъ.  
Неутомимыя страданья  
Погубять память объ отцахъ,  
И гений рабскаго молчанья  
Возседеть вѣчный на гробахъ.  
Теперь вотще младый Баянъ  
На голосъ предковъ напѣваетъ:  
Жестокихъ бѣдствій ураганъ  
Рабовъ полмертвыхъ оглушаетъ;

И онъ, дрожащею рукой  
Поднявъ холодныя желѣзы,  
Молчить, смотря на нихъ сквозь слезы  
Съ неисцѣлимою тоской.

Отважные пріемы въ изображеніи сильныхъ чувствованій, новость картинъ, созидаемыхъ живымъ воображениемъ, отличаются стихотвореніемъ *Кюхельбскера*. Вѣрность вкуса, легкость стихосложенія, благородныя движения души и тихая мечтательность составляютъ характеръ поэзіи *Дмитрева (Михаила)*. Стихи *Писарева* узнаете вы по гармоническому языку и по тѣмъ пріятнымъ картинамъ природы, которыя плѣняютъ воображеніе и питаютъ чувствительность. *Туманскій (Василій)*, изображая легкія, но утѣшительныя мечты свои, говоритъ сердцу. Онъ часто наводитъ васъ на такую мысль, которая новостію своею изумляетъ вашу душу. Произведенія сихъ поэтовъ не столько еще много-

численны, чтобы можно было решительно отдать характеры ихъ поэзіи. Но вѣрные слѣды вкуса какъ въ языкахъ, такъ и въ поэтическихъ премахъ, заставляютъ уже любить ихъ поэзію. Я привожу здѣсь одно стихотвореніе Туманскаго: *Къ ней*.

Не цвета небеснаго очи твои;  
Не розы уста твои, дѣва!  
Не лилии перси и плечи:  
Но чтобъ за весна въ сторонѣ той была,  
Гдѣ бѣ розы такія, какія лилей  
Цвѣли на зеленыхъ лугахъ,  
И небо, и все, что подъ небомъ,  
Блистало, какъ очи твои голубыя!

Мнѣ трудно было бы кончить письмо свое, графиня, если бы я рѣшился говорить о *всѣхъ* нашихъ поэтахъ и столько, сколько чувствую удовольствія, сравнивая ихъ счастливые успѣхи въ прекраснѣйшемъ, благороднѣйшемъ искусствѣ, ихъ разнообразіе му-

жественныхъ дарованій, и наконецъ примѣчая то всеобщее, истинное направлениe, которое они, несмотря на господствующій французскій вкусъ въ большей части судей своихъ, сообщаютъ русской поэзіи. Между тѣмъ, въ заключеніе не могу вамъ не сказать, хотя нѣсколько словъ, о такомъ поэтѣ, у котораго судьба все почти отняла въ жизни, кромѣ поэзіи. Онъ не можетъ ходить и не можетъ видѣть: только вдохновеніе движетъ его, и смотритъ онъ однимъ воображеніемъ. Но тѣмъ живѣе чувствуетъ онъ, тѣмъ яснѣе передаетъ свои созданія. Козловъ соединяетъ въ своей поэзіи гармонію языка, прелесть поэтическихъ движений, живость картинъ и ясность мыслей. Онъ такъ быстро отгадалъ всѣ тайны поэтическаго слога, что рѣшительно приближается къ разряду первоклассныхъ стихотворцевъ нашихъ. Желая васъ познакомить съ его пре-

краснымъ дарованіемъ, привожу отрывокъ изъ его поэмы: *Чернцыг.*

Ахъ, что сбылось съ моей душою,  
Когда, въ святой красѣ своей,  
Вдругъ видъ открылся предо мною  
Родимыхъ Кіевскихъ полей!  
Они какъ прежде зеленѣли,  
Волнами также Днѣпъръ шумѣлъ,  
Все тотъ же лѣсъ вдали темнѣлъ,  
На нивахъ тѣже пѣсни пѣли,  
И также все въ странѣ родной:  
И нѣтъ лишь тамъ ея одной!  
Вездѣ знакомыя долины:  
Ручьи, пригорки и равнинѣ  
Въ прелестной милой тишинѣ  
Со всѣхъ сторонъ являлись мнѣ  
Съ моими сѣѣтыми годами.  
Но я, съ отравленной душой,  
На родинѣ пришелъ чужой,  
Я ихъ привѣствовалъ слезами  
И безотрадною тоской.  
Я шелъ; день къ вечеру склонялся,  
И скоро сельскій Божій храмъ  
Предсталъ испуганнымъ очамъ;  
И вѣкъ себя я приближался

Къ могилѣ той, гдѣ сынъ, жена,  
Вся жизнь моя погребена.  
Я чутъ ступаль, какъ бы страшился  
Прервать ихъ непробудный сонъ;  
Въ груди стѣснялъ мой тяжкій стонъ,  
Чтобъ ихъ покой не возмутился;  
Страстямъ встревоженнымъ своимъ  
Не смѣлъ вдаваться духъ унылой.  
Казалось мнѣ, надъ ихъ могилой  
Дышалъ я воздухомъ святымъ.  
Творилось дивное со мною,  
И я съ надеждой неземною  
Колѣна тихо преклонилъ,  
Молился, плакалъ и любилъ.  
Вдругъ слышу шорохъ за кустами;  
Гляжу: что жъ взоръ встрѣчаетъ мой?  
Жилица съ подругой молодой  
И возвъ, накладенный снопами.  
И вижу я: между сноповъ  
Сидитъ въ вѣнѣ изъ васильковъ  
Младенецъ съ алыми щеками.  
Невольно я затрепеталъ:  
„Я все имѣлъ, все потерялъ;  
„Не дали жить намъ другъ для друга;  
„Въ сырой землѣ моя подруга,  
„И не въ цвѣтахъ младенецъ мой:  
„Его черви точить гробовой“.

Тогда въ слезахъ къ нимъ на могилу  
Безъ памяти бросаюсь я.  
Горбло сердце у меня;  
Тоска души убила силу.  
Цѣлуя дернъ, я разрывалъ  
Руками жадными моими  
Ту землю, гдѣ я легъ бы съ ними.  
Въ безумствѣ дикомъ я ропталъ;  
Миѣ что-то странное мечталось;  
Едва дышалъ я, въ мутной тьмѣ  
Сливалось все, какъ въ тяжкомъ снѣ.  
Ужъ чувство жизни пресѣкалось,  
И я лежалъ между гробовъ  
Мертвый ихъ хладныхъ мертвцевовъ.  
Но свѣжій воздухъ, влажность ночи  
Страдальца вновь животворять:  
Вздохнула грудь, открылись очи.  
Кругомъ бродилъ мой томный взглядъ.  
Все было тихо, скрыто мглою;  
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть свѣтилъ,  
И лишь могильною травою  
Полночный вѣтеръ шевелилъ.

Вотъ, графиня, отвѣтъ мой и мое  
оправданіе! Теперь вы можете скорѣе  
обвинять меня въ жалокомъ невѣже-  
ствѣ, нежели въ умышленномъ при-

страстіи. Но я радъ, что свободенъ отъ своего долга. Можетъ быть, вамъ угодно будетъ сдѣлать мнѣ новыя возраженія. Позвольте ихъ предупредить, потому что я и самъ уже вижу слабыя стороны письма своего. „Почему я не раздѣлилъ стихотворцевъ нашихъ по родамъ поэзіи, чтобы прямѣе указать, кто, судя по роду своему, скорѣе можетъ вамъ замѣнить Ламартинъ?“ Я думалъ, что истинная поэзія во всѣхъ родахъ равно прекрасна. Ламартинъ (казалось мнѣ) нравится вамъ не потому, что онъ пишетъ *поэтическія размышиленія*, но потому, что онъ пишетъ вашу душу: то поражаетъ умъ, плѣняетъ сердце, то оживляетъ воображеніе. Все это можно чувствовать, читая каждое вдохновенное произведеніе поэзіи, въ какомъ бы оно родѣ ни было. „Зачѣмъ я приводилъ, въ доказательство мнѣнія своего о стихотворцахъ, цѣлое, но одно стихотво-

реніе, вмѣсто того, чтобы ссылаться на разныя мѣста, которыя бы точнѣе изображали разнообразіе и силу дарованія?“ Можно привести по нѣскольку прекрасныхъ стиховъ изъ разныхъ сочиненій какого нибудь поэта, хотя у него не будетъ ни одного совершенного стихотворенія. Труднѣе написать шестнадцать стиховъ, сряду прекрасныхъ, нежели шестьдесятъ, въ коихъ было бы перемѣшано тридцать прекрасныхъ съ тридцатью дурными. „Отчего много примѣтно сходства въ тѣхъ чертахъ, которыми старался я отличить характеры нашихъ поэтовъ?“ Въ каждомъ стихотвореніи есть двоякаго рода предметы для наблюденія: одни, въ которыхъ можно дать отчетъ другому человѣку, и другіе, въ которыхъ мы даже себѣ не въ состояніи дать удовлетворительного отчета, хотя внутреннее чувство наше постигаетъ ихъ. Къ первымъ отношу я всѣ совершен-

ства языка и мыслей; ко вторымъ какія-то особенности слога (не отъ правилъ зависящія, но отъ привычки, или природы, какъ походка), потомъ какое-то выраженіе души, не въ каждой порознь мысли, но во всемъ произведеніи, какъ часто отражается оно въ цѣлой физіономіи человѣка. Я не могъ много и опредѣлительно говорить о предметахъ втораго рода и принужденъ былъ чайце упоминать о предметахъ перваго рода. Но у лучшихъ писателей, безъ всякаго сомнѣнія, строго соблюдаются все условныя совершенства языка и мыслей, чтоб и произведло иѣкоторое сходство между моими оттѣниками. „Уже ли въ произведеніяхъ поэтовъ, приведенныхъ мною, иѣтъ никакихъ недостатковъ; потому что и ихъ только хвалилъ?“ Недостатки находятъ и въ Омерѣ. Я о нихъ не говорилъ потому, что они совсѣмъ не противорѣчатъ моимъ мнѣніямъ. Если

бы они происходили отъ бѣдности дарованія, или отъ ложнаго направленія вкуса, или отъ незнанія искусства, или наконецъ отъ злоупотребленій языка: то я бы сказалъ о нихъ, или лучше, не приводилъ бы совсѣмъ такого писателя, у котораго бы встрѣтилъ хотя одинъ изъ упомянутыхъ мною недостатковъ. Наша литература еще молода. Ей надобно открывать теперь больше видовъ къ прекрасному. Пока дерево цвѣтетъ, вокругъ него очищаются только пространство; а подвязываютъ его вѣтви тогда, когда плоды созрѣютъ. „Отчего я больше приводилъ такихъ поэтовъ, которые только начинаютъ еще писать, нежели окончившихъ свое поприще?“ Послѣднѣе вамъ конечно известныѣ первыхъ. Притомъ же, окончивъ труды свои, они успокоили ваше любопытство. Первые ближе къ главному предмету нашего разговора. Они настоящіе пред-

ставители моего миѣнія. Наконецъ, признаюсь, я не могъ равнодушно пропустить столько занимательныхъ лицъ, столько безкорыстнаго усиля прекрасныхъ дарованій въ такое время, когда самые лучшіе стихи считаются вообще игрушкою ума, а Русскіе стихи читается меньшее число людей, нежели пишеть ихъ.

Плетневъ.

### ПРОГУЛКА ВЪ СЕЛЬ КУСКОВѢ.

Село Кусково, гдѣ бояринъ жилъ большой,  
Любившій Русское лѣтъ старыхъ хлѣбосоль-  
ство,  
Народны праздники и по трудахъ спокойство.

Однажды лѣтомъ въ 1811 году род-  
ственникъ мой Н. М. Ч. прислая звать  
меня на вечеръ. Прѣхавъ къ нему, я  
нашелъ человѣкъ десять родныхъ и  
близкихъ пріятелей вокругъ чайного  
столика, за которымъ радушная хо-  
зяйка разливала чай. Въ углу стоялъ  
большой столъ съ плодами, лимонадомъ  
и конфектами. Въ гостинной молодежъ  
танцевала подъ фортепіано. „Васъ  
только дожидались“, съ улыбкою ска-  
зала мнѣ привѣтливая хозяйка: „мы

собираемся въ будущее Воскресенье провестъ цѣлый день въ селѣ Кусковѣ. Хотите ли быть нашимъ товарищемъ?“ — „Съ величайшимъ удовольствиемъ.“ „А вы? А вы?“ спрашивала она, оборачиваясь поперемѣнно къ почтенымъ старишкамъ и старушкамъ, сидѣвшимъ на софѣ. — „Очень рады!“ Быль единогласный отвѣтъ. „Я живу ближе всѣхъ отъ Рогожской заставы, въ которую выѣзжать намъ; и такъ не угодно ли у меня собраться въ 10 часовъ утра? Позавтракаемъ и пустимся въ дорогу.“ Между тѣмъ какъ сей разговоръ продолжался, гости отпили чай, корзинки, ложки, чашки прибрали, скатерть снята, и на мѣсто всей этой рухлой скудели, подали чернильницу и бумагу. Хозяйка изрѣзала одинъ листъ на ровные лоскутки и, подложа ихъ ко мнѣ, велѣла писать на нихъ подъ ея диктовкою. № 1, обѣдъ; № 2, плоды; № 3, конфекты; № 4, пи-

рожное; № 5, мороженое; № 6, дюжина Бургонского; № 7, дюжина Сотерну; № 8, дюжина Шампанского; № 9, чай; № 10, полдникъ; № 11-й, оршадъ, лимонадъ, пиво, портеръ и проч., № 12, квартира; № 13, мелочныя издережки и проч. и проч. Билеты написаны, скатаны, положены въ ридикюль, розданы большою ея дочерью гостямъ по старшинству и разобраны. Тогда начались толки объ экипажахъ. „Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ лучше можно выбирать“, сказалъ князь В. — „Если погода будетъ хороша: то пойдемъ въ коляскахъ, открытыхъ каретахъ и дрожкахъ. Если пойдетъ дождь, или вечеръ сдѣлается холоденъ: то найдемъ убѣжище въ каретахъ, которая на всякой случай пойдутъ за нами въ apprѣгардъ.“ Сказано, сдѣлано!

Въ Воскресенье, въ назначенный часъ, всѣ съѣхались въ 12 часовъ. Подали завтракъ; въ часъ пополудни

мы уже за заставою. Большая дорога изрядная; но съ поворота начались выбоины и колеи. Широкая алея, ведущая къ селу Кускову, перерыта и загорожена рогатками. Насъ везли по оврагамъ и рытвинамъ, въ бродъ чрезъ рѣчки и большей частію по сыпучему песку; наконецъ, мы въ Кусковъ, у крыльца маленькаго, свѣтлого домика, нанятаго для насъ К. К. Б., однимъ изъ товарищъ нашихъ. Вошли, опрвились и подъ предводительствомъ услужливаго чичерона, который съ утра насъ дожидался, пошли къ главному дому или, говоря по лифляндски, къ замку основателя, графа Петра Борисовича Шереметева.

Но здѣсь его ужъ нѣть;  
Померкъ красотъ волшебныхъ свѣтъ;  
Все тьмой покрылось, запустѣло;  
Все въ прахъ упало, помертвѣло.

Онъ скончался въ Москвѣ 30 Ноября 1788 года, и тѣло его погребено

въ Новоспасскомъ монастырѣ. Село Кусково не есть родовое имѣніе Шерemetевыхъ: оно дошло къ графу Петру Борисовичу по приданому за его супругою, отъ князя Черкасскаго; лежитъ между Владимірскою и Рязанской большими дорогами, разстояніемъ отъ Москвы въ 7 верстахъ.

Домъ невеликъ, въ два этажа съ мезониною и балконами. Онъ построенъ по плану французскаго архитектора Валли. Все дышетъ роскошью и великолѣпіемъ: стѣны обиты шелковыми обоями Гобеленовой фабрики; зеркала огромны; вездѣ мраморы, антики; бронзы, плафоны, превосходно разрисованные. Въ одной комнатѣ стѣны, двери, потолокъ и полъ зеркальные; въ другой столы изъ малакита; въ третьей разставлены на столахъ фарфоровые изображенія звѣрей и животныхъ въ маленькомъ видѣ; въ четвертой антики изъ Геркуланума. Въ библіотекѣ съ \*

любопытствомъ разматривали мы первымутромъ украшенную модель Іерусалимскаго храма и Виэлема; также восковые бюсты *Вольтера, Ж. Ж. Руссо, Франклина* и другихъ великихъ людей. Въ оружейной нашли мы рѣдкое собрание древняго и новаго оружія; Англійскія, Французскія, Гишпанскія, Черкесскія, Гречесскія и Китайскія ружья; Дамасскія сабли, оправленныя въ золото и осыпанныя драгоцѣнными камнями. Между конскими приборами находится сокровище: сѣдло Карла XII, доставшееся вмѣстѣ съ его верховою лошадью знаменитому сподвижнику преобразителя Россіи, фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву, въ сраженіи подъ Полтавою.

Истинное же великолѣпие сихъ чертоговъ составляютъ картины знаменитѣйшихъ живописцевъ. Назову слѣдующія: св. Апостолъ Андрей *Ванъ-Дика*; смерть св. Франциска — *Доминикина*;

Богоматерь, держащая на рукахъ младенца Иисуса — *Корреджю*; Рождество Христово — *Павла Веронеза*; Рождество же Христово *Рембрандта*; Вирсавія въ купальнѣ — *Гвидо Рени*; Превращеніе Дафниса — *Доминикіна* и иные, которыхъ другія.

Передъ домомъ возвышается мраморный обелискъ; на немъ прочитали мы надпись: „*ЕКАТЕРИНА II пожаловала графу Петру Борисовичу Шереметеву въ 1785 году, во время бытности его Губернскимъ Предводителемъ Московского Дворянства*“

Недалеко отъ него, на мраморномъ столпѣ, служащемъ ей подножiemъ, стоитъ Минерва изъ бѣлаго мрамора, съ надписью: *ЕКАТЕРИНА Великая, Всемилостивѣшая Государыня, удивившая весь свѣтъ славными своими надъ Оттоманской Портой побѣдами и давъ торжествовать своимъ вѣрно-подданнымъ пристойный миръ, Всеми-*

лостивъшіе соизволили *Марта 22 и Августа 23, 1775 года, поспѣтииъ своимъ присутствіемъ здѣшняго дома хозяина, графа Петра Борисовича Шереметева.* Въ память чюю благодарность сей монументъ изъ пожалованного ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ мрамора соорудила.

Съ другой стороны дома длинныя алеи столѣтнихъ переселенцевъ изъ благословенныхъ краевъ Юга: поморанцевыя, лимонныя, апельсинныя, лавровыя, миртовыя, кипарисныя, вѣчнозеленыя деревья съ цветами и плодами, бѣломраморныя статуи боговъ и богинь, очаровываютъ взоры и переносятъ насъ подъ высокое небо Италии.

Я знаю, что желалъ вкусть строгій изъ садовъ  
Изгнать Авгоніи и Греціи боговъ.  
Напрасно! Юность мы и дѣтство проводили  
Въ Аеннахъ, въ Римѣ; тамъ боговъ сихъ  
полюбили.

И не стрегли ли они сады и огороды?  
Почто же заграждать въ твои сады имъ  
входъ?  
И смыаютъ ли цвѣты твои разцвѣсть безъ  
Флоры?  
Пусть боги Греціи обворожаютъ взоры.  
Изящные, они творцы изящныхъ чувствъ:  
Басни и теперь еще Религія Искусствъ!

Самъ Шатобріанъ, строгій и на-  
божный, дозволяетъ языческимъ богамъ  
наседить сады и чертоги. „Не хочу“  
говоритъ онъ,

„Тритоновъ выгонять  
Изъ водъ прохладныхъ въ стени жарки;  
Свирѣль у бога стадъ отнять  
И вожницы у Парки.“

Обширный регулярный садъ съ зе-  
сельми бесѣдками, свѣтлыми храмами,  
легкими мостами, шумными фонтанами,  
ярмовыми урнами, огромными оран-  
жереями, зеркальными прудами, каналами,  
цвѣтниками — напомнили мнѣ  
стихи Делиля:

Искусству покорять дозволимъ мы природу;  
Но похититель сей, отнявъ ея свободу,  
Подъ блескомъ пышности обязанъ власть  
сокрыть,  
Великостю дѣлъ прощенье заслужить.

Любунься разнообразными предметами, нечувствительно подошли мы къ церкви, гдѣ старецъ священникъ ожидалъ насъ, сидя на паперти; у ногъ его двухлѣтній внукъ съ свѣтыми кудрями, съ большими черными глазами, прелестный какъ Грёзовъ Амуръ или Ангелъ Рафаэлевъ, игралъ съ цвѣтами, растущими вокругъ надгробного камня, разломленного и до половины вросшаго въ землю.

Каменная церковь не огромна и не отличной архитектуры. Въ ней рѣзной иконостасъ вызолоченъ; старинные мѣстные образа въ золотыхъ окладахъ, унизаны жемчугомъ и алмазами; богатая ризница. За алтаремъ стоитъ

большая картина: Благовѣщеніе, лучшее произведеніе живописца Гершеня.

Семидесятилѣтній священникъ помнить основателя села Кускова, графа Петра Борисовича, истиннаго Русскаго боярина. Въ Екатерининъ вѣкъ вельможи, истоща на службѣ силы свои, доживали въ Москвѣ преклонные дни свои. Орловъ - Чесменскій, Долгорукій - Крымскій, Еропкинъ, Шереметевъ, сохрания довѣренность Императрицы и вліяніе на важныя дѣла государственные, старались, праздниками для народа и хлѣбосольствомъ для дворянъ, заслужить ихъ любовь и благословеніе \*). Священникъ съ слезами на глазахъ рассказалъ намъ, что при жизни графа Петра Борисовича, лѣ-

\*.) Въ доказательство того, не лишнимъ почитаемъ приложить здѣсь письмо Кагульского героя къ главнокомандовавшему въ Москвѣ генералу Еропкину:

томъ, въ селѣ Кусковѣ, каждый Четвертокъ и Воскресенье, было гулянье: домъ, бесѣдки, сады, пристань, яхты освѣщались. Музыка гремѣла, раздавались пѣсни гребцовъ и пѣвчихъ; на театрѣ представляли комедіи, оперы и балеты; великолѣпный ужинъ для мно-

Милостивый государь мой  
Петръ Дмитріевичъ!

Что я скажу вамъ, что было бы достаточно изъявить ту чувствительность и благодарность, какими душа моя преисполнена за ваше обо мнѣ напамятованіе, въ письмѣ отъ 3 прошедшаго Сентября, и кои только ощущительны, а изречены быть не могутъ?

В. Пр. увѣрительно увѣдомлены были, начиная съ ходячего слуха сведали о томъ, такъ сказать, разслабленномъ состояніи, до коего меня мои тяжкія болѣзни довели и меня задержали здѣсь.

Я ищу себѣ помочь; но, по мнѣнию врачей, мнѣ остается только одна помощь отъ

гочисленныхъ гостей хозяина и по-  
тѣшные огни для народа заключали  
сіи праздники.

ЕКАТЕРИНА II и Римскій импе-  
раторъ Іосифъ II удостоили графа Пе-  
тра Борисовича своимъ посѣщеніемъ.

Отъ священника узнали мы, что въ  
одномъ изъ трехъ здѣшнихъ прудовъ,

---

цѣлителныxъ водъ, куда однажды надо до-  
бѣхать и что не такъ близко. Впрочемъ отъ  
нихъ я не возставилъ своего здоровья и сѣ-  
дался вовсе неспособнымъ къ службѣ; теперь  
мое желаніе непосредственно есть, чтобы во-  
двориться подъ вашимъ покровомъ, въ матери-  
градовъ, где все мнѣ подобные, по многимъ  
странствіямъ ихъ, покой обрѣтаются.

Вашего Превосходительства  
всепокорѣйший слуга  
Г. Румянцовъ-Задунайскій.

16 Октября 1789 года.

Стенка близъ Ясъ.

Изд.

Не ручаюсь за то, что это подлинникъ.

называемыхъ зеркалами, найдено иль сколько настоящихъ жемчужныхъ раковинъ и изъ одной, осенью 1786 года, вынута жемчужина, которая и хранится здесь въ кабинетѣ рѣдкостей. Мы ее увидимъ.

Часы доложили намъ, что у насъ оставалось мало времени до обѣда; облака растопились, жарь становился несносенъ, и мы рѣшились, заглянувъ въ Италіянскій каменный двухъ этажный домикъ, съ прилегающимъ къ оному садомъ въ Италіянскомъ же вкусѣ, возвратиться въ нашу квартиру, отобѣдать, отдохнуть и въ семь часовъ собраться на берегу большаго озера, въ Голландскомъ домикѣ.

Въ Италіянскомъ нашли мы иль сколько славнѣйшихъ картинъ: Иоаннъ Креститель—*Рафаэль*; Св. Великомученица Екатерина—*Карпіони*; Прометея—*Сальватора Розы*; множество картинъ и столовъ изъ мозаики. Въ саду

того же имени множество фонтановъ и статуй; аллеи подстрижены, кустарники округлены вазами, пирамидами, четвероугольниками. Тутъ же театръ изъ зелени лѣтомъ, во время пребыванія здѣсь хозяина, представляли на немъ маленькия оперы.

Голландскій домикъ есть двухэтажное зданіе. Онъ убранъ въ Голландскомъ вкусѣ: стѣны, вместо обоевъ, окладены блестящими изразцами и увѣшаны картинами Фламандской школы. Между ними съ удовольствиемъ разматривали мы портретъ *Ванъ-Дика* имъ самимъ писанный; портреты кисти *Рембрандта*; также картины, писанныя *Молинеромъ*. Въ кухнѣ шкафы наполнены настоящею Японскою, Китайскою и Саксонскою фарфоровою посудою и Венеціянскимъ хрусталемъ. Въ огородѣ чистота необыкновенная, а въ близкихъ цвѣтникахъ разноцвѣтныя гвоздики и тюльпаны съ такими рѣдкими

пятнами и до того красками испещренные, что могли бы возродить зависть въ самыхъ Гарлемцахъ.

Чрезъ березовую рощу прошли мы въ Эрмитажъ, къ которому ведутъ шесть дорожекъ съ шести разныхъ сторонъ. Въ верхній этажъ гостей поднимаются на софѣ: тамъ находится столъ на 16 приборовъ. Каждая тарелка по желанию опускается внизъ и поднимается съ новымъ кушаньемъ.

Въ той же рощѣ карусель, качели, кегли и разныя другія сельскія игры и потѣхи.

Нашъ чичеронъ вывелъ насъ на пристань обширнаго яснаго озера. Посрединѣ его стоитъ на якорѣ раззолоченная шестипушечная яхта: у берега качаются шлюпки, челноки и ботики. Зеленый островъ, зеленые купы лиственницъ, кедровъ, рѣдкихъ красотою кустарниковъ и домики, живописно разбросанные по берегамъ его, прелестны:

на нихъ отдыхаетъ взоръ, утомленный равниною водъ, которыхъ синій цвѣтъ, непримѣтно сливаясь съ сине-тою низкаго берега и лазурью неба, показываетъ ее безпредѣльною.

Вообще, Кусково богато прудами, каналами, каскадами и рѣчками. Кроме озера, о которомъ мы выше говорили, есть другое не столь обширное. Изъ него съ шумомъ и быстротою вытекаетъ рѣчка и, извиваясь и раздѣляясь, образуетъ нѣсколько острововъ. На одномъ изъ нихъ рыбачій домикъ предлагаетъ вамъ, для забавы, сѣти и уды; тутъ развѣшенъ неводъ, связанный изъ травы и выписанный изъ Парижа.

Здѣсь отъ зноя палища  
Тѣни ветелъ прохладныя,  
Водъ съ роскошною свѣжестью,  
Предлагаютъ убѣжище,  
И на берегѣ скатистомъ  
Рыболовъ недвижимъ сидѣть ,  
\*\*

Молча, съ удои дрожащею,  
И слѣдить ее взорами.  
Наклонился онъ на воды;  
Глазъ недвижный зритъ весело  
Поплавокъ утопающій  
И прутъ длинный, погнувшійся.  
Ахъ, кто сей неопасливый,  
Неразумный сей житель водъ,  
На крючкѣ повисъ гибельномъ?  
То карась ли серебряный,  
Или карпъ позолоченый,  
Или лещъ съ красной жаброю,  
Или угорь извилистый,  
Или щука отважная,  
Робкимъ рыбамъ ужасная?

На другомъ островѣ Китайская бе-  
сѣдка, освѣненная высокими кедрами.  
Черезъ рукава рѣчки перегибаются  
смѣлые мости съ раззолочеными рѣ-  
шетками и рѣзными перилами. Одинъ  
изъ нихъ ведетъ въ глубину рощи —  
къ такъ называемому *убѣжищу фило-  
софовъ*, гдѣ цѣлый кустъ бѣлыхъ ко-  
рольковъ на каминѣ достоинъ, чтобы

постыдитель взглянулъ на него. Другой  
прилегаетъ къ густому лѣсу...

Вотъ сумрачный вертепъ: онъ тайнъ души  
хранитель,  
Прохлады и любви и тишины обитель.  
Окаменѣлостей чудесный рядъ,  
Улитокъ, раковинъ, коралловъ,  
И разноцвѣтный блескъ кристалловъ  
Намъ ослѣпляютъ взглядъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вошедъ въ пещеру,  
убранную мадрепорами, кристаллами  
и рѣдкими камнями, воображаешь быть  
въ гостахъ у феи Морганы или на  
островѣ Антипаросѣ. Въ сей пещерѣ  
лежитъ левъ, покоящійся на лаврахъ,  
съ надписью: Non furit, sed indomitus.  
Вокругъ пещеры, какъ сладкая музы-  
ка, журчатъ невидимые ключи живой  
воды, тайно подъ землею проведенные.  
Здѣсь же хранится огромная каменная  
плита съ окаменѣлыми морскими ра-  
ковинами, найденная въ дачахъ села

Кускова. Другая пещера унизана разнообразными раковинами, красными и бѣлыми корольками.

Ровный, какъ разостланная на столѣ скатерть, лугъ, переливающейся отъ солнечныхъ лучей, какъ темнозеленый бархатъ, показался намъ еще мягче, еще нѣжнѣе, еще муравчатѣе, по выходѣ изъ холодныхъ пещеръ, ослѣпляющихъ зрењie.

Сколько славныхъ и горестныхъ воспоминаний въ портретной галлереѣ царей и царицъ Европы, современниковъ ЕКАТЕРИНЫ Великой! Они изображены во весь ростъ и отъ того кажутся, какъ будто живые, какъ будто глядятъ на входящихъ посѣтителей. Вотъ Фридрихъ Великий! Вотъ Іосифъ II, благонамѣренный, но нетерпѣливый: онъ все началъ—и ничего не кончилъ; все насадилъ, но ничего не укоренилъ; все перемѣнилъ, но не улучшилъ въ разновѣрныхъ, разнона-

родныхъ и разнохарактерныхъ своихъ владѣніяхъ. Вотъ Христіанъ VII! Передъ симъ монархомъ Вольтеръ бросился на колѣна и именемъ человѣческаго рода благодарилъ его за уваженіе къ правамъ и достоинству человѣка. Это не портреты обыкновенныхъ, частныхъ людей, на которые глядимъ мы равнодушно; это величественные образы смертныхъ безсмертныхъ. Первое чувство при видѣ ихъ есть благоговѣніе; второе—горесть объ ихъ потерѣ, горесть, тихо переходящая въ сладостную задумчивость. И сіи движенія сердца не имѣли ничего общаго съ корыстью и тщеславiemъ, обожающими могущество; они были должною данью чистѣйшей благодарности. Сіи владыки-благодѣтели оставили своимъ преемникамъ великое имя, великій примѣръ и великіе уроки!

Я отворотился отъ развратнаго вольнодумца, регента Франціи: онъ погу-

билъ ее! Взглянуль съ негодованіемъ на холоднаго себялюбца Людовика XV, и съ тихою грустью остановился передъ портретами царственныхъ мучениковъ, Людовика XVI и Маріи Антуанетты. Миѣ казалось, что предо мною окровавленная тѣнь сего царя говорить ослѣпленному народу:

„Что, дѣти, что народъ мой славный,  
„Что вамъ такое сдѣлать я?  
„Вы скіптръ вручили мнѣ державный.  
„Чѣмъ посрамилась власть моя?  
„Вы имя мнѣ Благаго дали:  
„Вы благости мои вкушали.

\* \*

„Желали вы имѣть свободу,  
„Чтобы законы написать?  
„Я отдалъ всѣ права народу  
„И всю мою вамъ царску власть.  
„Желали, чтобъ я, снявъ корону,  
„Со всѣми вами равенъ былъ?  
„Ни слезъ не испустивъ, ни стону,  
„Я съ вами гражданиномъ слыль.  
„Желали вы, чтобъ я судился:  
„И я предъ вами правъ явился.“—

Въ собственной комнатѣ мы поклонились усерднымъ слугамъ отечества и ПЕТРА Великаго на гражданскомъ поприщѣ: вотъ Остерманъ, Шафировъ, Писаревъ, Ромодановскій.

И ты, другъ правды, Долгоруковъ!

Вотъ его храбрые сослуживцы, его товарищи подъ Лѣснымъ, подъ Прутомъ, подъ Дербентомъ!

Хвала вамъ, славные сподвижники Петровы,  
Блестящій Меншиковъ, величеству заслугъ  
Пробившій путь къ честямъ и славѣ, царскій

другъ,

Сынъ избалованный Фортуны и побѣды.  
Вождь Шереметевъ — стражъ отчизны крѣпкій

быль:

Онъ въ Астрахани бунтъ опасный усмирилъ;  
Подъ Нарвой, подъ Лѣснымъ, подъ Ригой,  
подъ Полтавой

Покрылся вѣчною, невянущею славой.

Голицынъ освѣтилъ пожарами Стокгольмъ  
И, въ сердце Швеціи бросая метящій громъ,  
Смирялъ вельможъ ся и гордую царицу,  
И миротворную ей простираль десницу.

Грустно разстались мы съ славными монархами Европейскими и съ боярами Русскими, приготовившими блестящій вѣкъ ЕКАТЕРИНЫ и АЛЕКСАНДРА. Мимоходомъ заглядывали въ пустыя лѣтомъ оранжереи, въ Индійскій пагодѣ, въ лабиринтѣ, въ поля Елисейскія. Въ бельведерѣ, имѣющемъ видъ башни, съ верхней площадки котораго видны всѣ окрестности, любовались мы очаровательными видами вокругъ Кускова. Прекрасныя картины! Передъ глазами готическія церкви съ высокими колокольнями, загородные дома, деревни, большая дорога, рощи, луга, пруды, рѣки, поля, стада пестрѣлись въ неизмѣримой дали, и пылающее солнце, какъ торжествователь, сходило съ небесъ голубыхъ и безоблачныхъ. Душа не вмѣщала всѣхъ тѣснившихся въ нее впечатлѣній; взоръ скользилъ съ предмета на предметъ, съ картины на картину, и языкъ не находилъ словъ

для изъясненія всего великолѣпія, разнообразія и прелести природы.

Все прекрасно, удивительно, богато; но, признаюсь, утомляетъ душу. Наконецъ

Мы вырвались изъ пышныхъ тѣхъ садовъ,  
Гдѣ равнодушное искусство.

Къ природѣ заглуша врожденное въ насы  
чувство,

Верхъ кустовъ, сучки древесъ  
Безжалостно срубаетъ;  
Гдѣ нѣть свободы для ручьевъ,  
Гдѣ цветнику цветникъ, храмъ храму отвѣ-  
чаетъ;

Гдѣ противъ луга лугъ и противъ лѣса лѣсъ.

Гдѣ мѣста нѣть надеждѣ:  
Глазъ все угадываетъ прежде,  
И жадный все обнять,  
Въ одно мгновеніе  
Успѣль все видѣть, все узнать,  
И все исчерпать наслажденіе.

Мы вскричали отъ радости, когда  
вопили подъ дремлющія сѣни Англій-  
скаго сада, ступили на узорчатые ковры

лужаекъ, увидѣли своенравную рѣчку,  
текущую по своей прихоти между не-  
зависимыми деревьями, безопасно раз-  
метавшими густыя вѣтви свои.

Здѣсь листомъ шевелитъ свободный вѣтерокъ,  
Свергаетъ и гремитъ по камешкамъ потокъ,  
Опутанъ корнями, плющемъ и повиликой,

Онъ освѣжаетъ лѣсъ сей дикой.

Вотъ здѣсь тропинки разошлись,  
Вотъ перепутались, и вотъ опять слились;  
Вездѣ видѣть рѣзвости, небрежности, свободы:  
Искусство здѣсь въ подданствѣ у Природы.

Жаль, что звѣринецъ необитаемъ:  
прежде жили въ немъ Американскіе,  
Нѣмецкіе, Архангельскіе и Сибирскіе  
олени, дикия козы, серны, сайгаки; так-  
же пѣгіе и черные волки. Въ немъ все  
дико, мрачно и сурово. Это дѣбрь не-  
проходимая: кажется, будто человѣче-  
ская нога никогда не топтала здѣшней  
травы — такъ высока она; будто ни-  
когда топоръ ни звучалъ въ сихъ лѣ-  
сахъ, старыхъ, какъ міръ и темныхъ,

какъ ночь. Листья шуршать подъ ногами, древа скрипятъ, гнутся, трещать и падаютъ. Въ сладкой задумчивости я далеко отсталъ отъ своихъ товарищъ; неслышно стало шороху шаговъ ихъ; я быль одинъ въ непроходимой чащѣ лѣса; тѣни становились чернѣе и чернѣе; что-то вздыхало и шептало вокругъ меня; темная рѣчка извивалась передо мною. Сердце мое крѣпко билось, кровь волновалась, я чувствовалъ какое-то пріятное беспокойство, какой-то сладостный трепетъ; душа моя расширялась. Я сѣлъ на пень бурею сломленного дерева, котораго полуистлѣвшій трупъ занималъ большое пространство съ своею прежде столь величавою вершиною, своими раскинутыми сучьями, и ждалъ чего-то безвѣстнаго, необыкновеннаго. Я быль одинъ; но дикій лѣсъ не былъ для меня пустынею: Господь Богъ населялъ его безконечность. Мнѣ казался

Каждый холмъ—алтарь  
И храмомъ каждая сѣнестая дубрава,  
Гдѣ, мнится, въ тайной мглѣ скрытъ при  
роды царь  
И вѣютъ въ вѣтеркахъ душистыхъ Серафимы.

Я взглянулъ на небо и увидѣлъ, что  
полный мѣсяцъ стоитъ надъ моюго  
головою и осыпаетъ лѣсъ золотомъ и  
рѣку искрами. Удвоенными шагами  
догналъ я свое общество, которое въ  
одинъ голосъ вскричало: „Пора домой!“  
Кое-какъ добрались мы до своего ноч-  
лега, гдѣ ожидалъ насъ холодный ужинъ.

Били утреннюю зорю, когда мы вѣзв-  
жали въ Москву бѣлокаменную.

Воейковъ.

## ИСТОРИЯ КОКЕСТВА.

Венера почитается матерью богини кокетства. Отцемъ ея называются и Меркурія, и Аполлона, и Марса, и даже Вулкана. Говорять, что передъ ея рождениемъ, непостоянная Киприда была въ равно короткой связи со всеми ими и, разрѣшившись отъ бремени, каждого поздравила на ухо счастливымъ отцемъ новорожденной богини.

Малютка въ самомъ дѣлѣ есть каждымъ имѣла иѣкоторое сходство. Вообще была она подобіемъ своей матери; но въ глазахъ ея, не смотря на ихъ иѣжность и томность, было что-то зукающее, принадлежащее Меркурію. Тонкимъ вкусомъ и живымъ воображеніемъ казалась она обязанною Аполлону. Мар-

су нравились ея свободныя движенья, доказывающія, по словамъ его, что отецъ ея былъ человѣкъ военный; добрый же Вулканъ не обнаруживалъ своихъ замѣчаній, но ласкалъ малютку съ истинно-родительскою нѣжностію.

Всѣ они имѣли однакое право принимать нѣкоторое участіе въ будущей судьбѣ новой богини, съ равнымъ усердіемъ старались о ея воспитанії. Жители Олимпа удивлялись быстрымъ ея успѣхамъ и превозносили необыкновенныя ея дарованія. Одна Паллада усмѣхалась имъ подозрительно; да иногда Амуръ поглядывалъ на молодую богиню съ видомъ беспокойства и недовѣрчивости.

Многіе недостатки были въ ней замѣтны, особенно непомѣрное тщеславіе. Она болѣе любила выказывать свои знанія, нежели любила самыя науки; въ угодительномъ ея обхожденіи съ богами было болѣе желанія казаться

ся любезною, нежели истинного благонравія. Ко всему имѣла она нѣкоторое расположение, ни къ чему настоящей склонности, и потому никакъ и ничѣмъ не могла заниматься долго. Непостоянство ея, можетъ быть, происходило отъ ея Генеалогіи, но усовершенствовалось своевольнымъ ея воспитаніемъ. „Наставники ея недальновидны“, говорила иногда Паллада, (которая кстати и не кстати любила таки похвастать своимъ глубокомыслиемъ и мѣрною прозою произносить торжественные изрѣченія), наставники ея недальновидны: поверхностное обо всемъ понятіе составитъ удивительный хаосъ въ головѣ ея. Они стараются усовершенствовать ея дарованія, образовать вкусъ и развить воображеніе, но некому просвѣтить ея разума и наставить сердца. По моему, она не доставить особенной чести Олимпу.“

Давно уже достигнувъ совершенно-

лѣтія, пресытясь однообразными похвалами боговъ ея остроумію, красотѣ и любезности, можетъ быть и вѣсколько завидуя Граціямъ, помраченнымъ ею сначала, но которымъ мало-по-малу стали отдавать справедливость—новая богиня упала къ ногамъ Юпитера и выпросила себѣ дозволеніе переселиться на землю.

Въ послѣдній день ея пребыванія на Олимпѣ, пригласила она боговъ на прощальное пиршество. Привѣтливость ея при угощениіи, соединенная съ иѣкотою задумчивостію, тронула безсмертныхъ: всѣ оставили ее съ иѣкоторою грустію; правда, каждому изъ нихъ дала она почувствовать, что одна разлука съ нимъ заставляетъ ее жалѣть обѣ Олимпѣ.

Богиня сначала поселилась въ Греции; однакожъ не имѣла въ ней храмовъ. Народы, принявши ее за любезность, поздно замѣтили свою ошибку

и стали подозревать существование новой богини. Въ обхождениі нѣкоторыхъ прелестницъ, въ блестищихъ, но неосновательныхъ сочиненіяхъ многихъ софистовъ, ощутительно стало ея вліяніе. Раздоры, возгорѣвшіе между наслѣдниками Александра Македонскаго, раздоры, наполнившіе Грецію ужасомъ и кровью, отвлекли ихъ вниманіе и самую богиню принудили искать другаго убѣжища: она переселилась въ Римъ.

Худо ее приняли въ Римѣ. Изъянность ея нрава и слишкомъ вольное обращеніе не полюбилось строгимъ республиканцамъ. При триумвирахъ было ей лучше, но немногимъ: *буиний разорватъ* столько же противорѣчилъ ея спойству, сколько чрезмѣрно строгіе обычай.

Дикія племена, завоевавши Римъ, изгнали ее изъ сей столицы вселенной. Здѣсь история ее становится тем-

ною: иные говорять, что, до самаго ея возвращенія въ Европу, странствовала она по Азіи и Африкѣ; другіе, что она провела это время въ уединеніи, придумывая способы для будущаго своего величія.

Какъ бы то ни было, но въ XVIII вѣкѣ торжественно явилась она въ Италии и во Франціи, съ молодою, прелестною дочерью, неуступающею своей матери въ непостоянствѣ, своимравніи и проворствѣ: дочь сія была Мода. Подобно Юпитеру, отцу Галлады, богиня зачала ее въ головѣ своей, и также счастливо разрѣшилась отъ бремени. Народы приняли ее съ восторгомъ. Воздвиглися храмы и воскурились жертвы. Обрадованная усердіемъ Галловъ, богиня основала свое пребываніе между ними.

На берегахъ Сены, посреди великоколѣпнаго сада, возвышается столичный храмъ ея. Вития золотыя колонны под-

держиваются его куполъ. На барельефахъ изображены разныя двусмысленныя аллегоріи, понынѣ еще не разгаданныя, напримѣръ: въ одномъ мѣстѣ представлена она подающею руку Амуру, вмѣсто дурачества, которому грозить пальцемъ, чтобы оно молчало; въ другомъ — побѣждающею богиню красоты; въ третьемъ наряжающею Грацій и проч. Многіе пришли сіи аллегоріи въ выгодномъ значеніи для богини, другое совершили напротивъ. Кто-вѣсть, говорили они, какой путеводитель выгоднѣе для Амура: дурачество увлекало его силою, кокетство завлекаетъ обманомъ. Что лучше? Искусство превышаетъ природу! Жаль, ежели это правда! Наряженныи Граціи похожи на прелестницъ, и тому подобное. Внутри храма, въ зеркальной, освѣщенной канделями залѣ, танцуетъ чепонятная богиня. Мечты блестящія, но почти неимѣющія образа (такъ быстро

онъ переходять изъ одного въ другой) въются, волнуются передъ нею. Музыкальные орудія, отличительные знаки всѣхъ искусствъ, разныя игрушки, выдуманныя прихотью, небрежно около ся разбросаны. Тутъ-то проводитъ она время, примѣряя наряды, вымышенные ея дочерью, и пріучая лицо свое къ разнаго рода выраженіямъ. Въ позвестные дни принимаетъ она своихъ обожателей и издаетъ свои прорицанія; ласковость ея обхожденія привлекаетъ каждого; разнобразныя дарованія, полученные ею отъ Олимпійскихъ ея наставниковъ, заслужили ей уваженіе людей всякаго состоянія, вскихъ понитій, всякаго права: даже два великия, хотя разнородные, гenія послѣдняго времени, Фридрихъ II и Вольтеръ, не пренебрегали ея совѣтами. Не говорю уже о женщинахъ: кокетство можно назвать политикою прекраснаго пола.

По прошествіи нѣкотораго времени,

богиня замѣтила однакожъ разительное охлажденіе въ мужской половинѣ своихъ поклонниковъ. Ужасъ обѣялъ ея сердце; но умъ ел, богатый вымысли, скоро внушилъ ей способъ оживить ихъ усердіе. Она удвоила свою привѣтливость, даже казалась нѣжною наединѣ со многими. Новаго рода надежда закралась въ ихъ сердца и совершиенно его взволновала, когда въ приемной залѣ богини увидѣли посѣтители нѣсколько новыхъ картинъ довольно замѣчательнаго содержанія. На нихъ изображены были нѣкоторыя приключенія жителей Олимпа, гдѣ они являлись довольно благосклонными къ бѣднымъ смертнымъ: Діана, посѣщающая Эндимона; Киприда, ласкающая Адониса, и пр. Внизу надписано было: *Для любви не существуетъ разницы между смертными и богами.* Хитрость сія удалась богинѣ; охлажденные поклонники превратились въ пламенныхъ ис-

кателей; и хотя никому еще не сдержала она нѣжнаго своего обѣщанія, но все надѣются, что она сдержить его нѣкогда, и храмъ ея никогда не бываетъ празднъ.

Ученый антикварій, собравшій материалы для сей достовѣрной исторіи, собралъ ихъ прежде Французской революціи и, содѣлавшись жертвою ея, не могъ продолжать занимательного труда своего. Если вѣрить слухамъ, то ужасы возмущенія сильно и благодѣтельно подѣйствовали на сердце богини; говорять, что она отреклась отъ божества своего и даже сама сдѣлалась набожною. Живеть уединенно, читаетъ полезныя книги и вздыхаетъ о прежнихъ своихъ заблужденіяхъ. Время покажетъ, справедливы ли сіи слухи и чистосердечно ли ея обращеніе.

Е. Баратынскій.

## АӨОНСКАЯ ГОРА.

Отрывокъ изъ путешествія по Греціи,  
въ 1820 году.

Ввечеру, 3 Іюля, мы оставили островъ *Скопело* и поворотили къ западной сторонѣ *Святой горы*. Всю ночь сильно дулъ попутный вѣтеръ, но къ разсвѣту сталотише, и корабль медленно подвигался къ пристани. Густой туманъ скрывалъ отъ насть прекрасные виды окрестныхъ береговъ и море, усѣянное вдали островами. Около полудня поднялся легкій имбатъ (вѣтеръ съ моря) и въ нѣсколько минутъ очистилъ воздухъ. Гигантъ Аөонскій явился намъ во всемъ величіи: мы вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, уви-

дѣли обнаженную его вершину; утесистые бока, одѣтые зеленымъ лѣсомъ, главы церквей и большиe монастыри построенные на крутомъ берегу, высоко надъ пѣнящимися волнами. Мы бросили якорь въ открытомъ заливѣ, среди подводныхъ камней: убѣжинце, опасное для судовъ въ осення и зимня бури! Надъ головами у насъ бѣлѣлись стѣны обители *Ксиропотамской*; мы вышли на песчаный берегъ и сѣли въ рыбачьей хижинѣ, ожидая монастырскихъ лошаковъ для перевозки ченоановъ. Корабль долженъ былъ оставаться въ сей пристани до нашего возвращенія.

Дорога вверхъ самая трудная; я задыхался и едва могъ идти за караваномъ. У воротъ обители наше встрѣтилъ игуменъ и новель, по обычаю, прямо въ церковь, гдѣ братія собираясь къ вечери. Тутъ въ первый разъ, съ самаго выѣзда изъ Одессы, увидѣлъ

я красивый храмъ, большие колокола и все благолѣпіе нашихъ обрядовъ. Напрасно выхваляютъ терпимость Турацкаго правительства: гораздо спрavedливѣе назвать ее невозможностю истребить цѣлый народъ, который гищается отступничествомъ и въ рабствѣ готовъ погибнуть за вѣру. Христіанское богослуженіе стѣснено вездѣ, гдѣ живутъ мусульмане; вездѣ виды обрушаюціяся церкви, и малайшая починка вмѣняется въ тяжкую вину Грекамъ, если они цѣною золота не купили синехожденія. Не грамоты Омара, Мурада и Могаммеда, не благоразумная политика султановъ, но корыстолюбіе Порты и областныхъ правителей спасло отъ разоренія святыхъ мѣстъ въ Іерусалимѣ и монастыри Аѳонскіе.

Не теряя времени, мы отправились изъ Ксиропотама въ Карію, мѣстопребываніе Турецкаго аги и духовнаго Собора. Мне надлежало предъяви

\*

первому буйрумъди (приказъ) Салоникскаго паши Селима, а монахамъ грамоту Константинопольскаго Патріарха, непосредственнаго главы царскихъ и патріаршихъ монастырей Свято-горскихъ \*). Сперва дорога была ровная; засѣянныя поля въ просвѣкахъ густаго каштанового лѣса, пасущіяся стада и кой-гдѣ маленькия хижины придавали симъ мѣстамъ сельскую прелестъ. Но скоро виды совсѣмъ перемѣнились: мы стали спускаться и подниматься, съ крутизны въ ущелье, изъ ущелья на крутизну, по широкимъ, наклоннымъ ступенямъ, высѣченнымъ

\*) Епархиальный архіерей (Перисонскій) пользуется нѣкоторыми почестями въ Аѳонскихъ обителяхъ, но не можетъ вступаться въ ихъ управление. Всѣ важныя монастырскія сдѣлки подтверждаются исключительно Вселенскимъ артіархомъ.

въ камнѣ. Съ горъ низвергались ручьи и, сливаясь въ долинахъ, составляли быстрые потоки, на коихъ наведены были очень ненадежные мосты для перевѣзы. Я удивлялся проворству и твердому шагу нашихъ лошаковъ; часто долженъ былъ опускать поводъ и отдаваться на волю умнаго, привычнаго животнаго, дабы не скатиться вмѣстѣ съ нимъ въ неизмѣримую бездну. Наконецъ, отъѣхавъ около 8 верстъ ( $1\frac{1}{2}$  часа), мы увидѣли подъ ногами мѣстечко *Карліо*, средоточіе полуострова.

Иностранцы, посѣщавшіе гору Аeonскую, говорили о живописныхъ ея видахъ, о церквахъ и иконахъ, но мало обращали вниманія на внутреннее устройство монастырей и на любопытныя пхъ сношенія съ патріархомъ и Турками. Немногимъ въ Европѣ было известно существованіе *духовной республики* въ самой срединѣ имперіи

Оттоманской \*). Съ твердостю и съ удивительнымъ искусствомъ Святогорскіе отшельники обуздывали властолюбіе сосѣдственныхъ пашей, защищали въ Константинополь и Салоникъ свою независимость, не жалѣя пожертвованій. Взаимная зависть и частыя между обитателями распри не мѣшали имъ дѣйствовать единодушно въ общихъ нуждахъ. Разскажу одинъ случай изъ многихъ. Въ *Карии* завелась ярмонка, приносившая большой доходъ монахамъ; купцы изъ окрестныхъ городовъ прїѣзжали мѣнять товары на ихъ издѣлія. Паша Салоникскій захо-

---

\* Такъ было до войны Греческой. Въ концѣ 1821 года свирѣпый Абулубудъ-паша, питомецъ Джеззара, занялъ обманомъ Аенскую гору, собралъ съ монастырей до 400 т. левовъ выкупа и потомъ ихъ ограбилъ, разставилъ вездѣ охранное войско и увелъ въ залогъ многихъ начальникъ монаховъ, кои въ послѣдствіи были лишены жизни.

тѣль симъ воспользоваться, и прислали  
своихъ чиновниковъ для присмотра.  
Но осторожные Греки пресѣкли зло  
въ самомъ началѣ: отказались добро-  
вольно отъ выгодъ ярмонки, отмѣнили  
сѣзданіе купцовъ и не дали Туркамъ  
повода къ утѣсненію.

Длину полуострова отъ перешейка до  
крайняго юговосточного мыса (*Монте-Санто*, древн. *Нимфейскій*) полагаютъ  
отъ 80 до 100, а ширину въ иныхъ мѣ-  
стахъ около 20 верстъ, минуя вершину  
*Аеона* \*). Все сie пространство раздѣ-  
лено на двадцать неравныхъ участковъ,  
по числу монастырей. Вотъ названія  
оныхъ: на западной сторонѣ, *Зографа*

\* ) Першесть, соединяющій Аеонскую го-  
ру съ твердою землею, очень узокъ и легко  
можетъ быть укрѣплена. Иродотъ (VII, 22)  
полагаетъ его въ 12 стадій и разсказываетъ  
подробно, какимъ образомъ онъ былъ пере-  
копанъ для прохода кораблей Ксерковыхъ.

(Славеноболгарскій), Констамонити, Дохіаръ, Русико (прежній Русскій, Св. Пантелеймона), Ксенофонта, Ксиропотамскій, Симонетра (Σίμωνπέτρα), Григорія, Діонисія, Павла; на восточній: Лавра Св. Афанасія, Каракала, Філософія, Іверскій, Котломусъ, Ставронікиты, Пантократора, Ватопедскій, Есфімено и Хиліндаръ (Славеносербскій). Сверхъ того, на Святой горѣ есть множество особыхъ келій и 15 скитовъ, изъ коихъ каждый зависитъ отъ той обители, на чьей землѣ построенъ. платя ей условленную подать.

Для общественного управлениія, монастыри Аѳонскіе раздѣлены на пять разрядовъ \*), посылающихъ ежегодно, каждый въ свою очередь, депутатовъ

---

\*) Мы оставляемъ сіе описаніе въ перво-  
бытомъ его видѣ. Пусть оно сохранить слѣ-  
ды прежняго устройства Святой горы, мо-  
жетъ быть навсегда разрушенаго!

на Соборъ въ *Карію*. Скиты не имѣютъ на ономъ голоса. Симъ уполномоченнымъ (*Назыръмъ*) ввѣрены всѣ виѣшнія сношенія: они ведутъ переписку съ Константинополемъ и Салоникомъ, рѣшать частныя ссоры между обителями и раскладываютъ по соразмѣрности доходовъ дани, требуемыя Турками; въ важныхъ случаяхъ собираются на совѣтъ выборныхъ старцевъ отъ всѣхъ разрядовъ. Власть Аги, назначаемаго *Бестанджи-Башю* \*), совершенно ничтожна. Онъ знаетъ, что монахамъ не трудно сѣнить его при малѣйшемъ неудовольствіи, и потому живеть спирно, не выходя изъ *Каріи*, на пхъ со-

\*) Такъ называется начальникъ *Бостан-жей* (садовниковъ), составляющихъ виѣшнюю Султанскую стражу. Его присмотрѣ поручены берега Воспора, отъ столицы до Чернаго моря; онъ править рулемъ Императорской лодки въ прогулкахъ по проливу.

держанії. Святые Отцы не позволяютъ ему имѣть Харема: ибо ни одна женщина не можетъ ступить ногою въ сей *рай цѣломудрія*. Бѣдному Агѣ, охотнику до *яурта* (простокваші), хотѣлось имѣть корову, но его умѣли отучить и отъ сей прихоти. „Онъ не послушался насъ, говорили мнѣ при немъ Назыри, но предсказаніе наше сбылось—корова издохла на самой границѣ.“—Исключая сего Аги и двухъ его приставовъ, нѣтъ ни одного Турки на всемъ полуостровѣ.

Законныи подати умѣренны: *харачъ* (подушная или, лучше сказать, *выкупные* деньги) положенъ только за 7 тыс. душъ, хотя монаховъ считается до 8 тыс., сверхъ послушниковъ и служекъ. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ владѣніяхъ Оттоманскихъ, вынужденные дары и насильственные сборы несравненно болѣе законныхъ. Аѳонская гора платить ежегодно до 350 тысячъ левовъ (около

235 тыс. рублей), кромъ обычной де-  
сятины съ принадлежащихъ ей мона-  
стырей и земель виѣ полуострова, въ  
Румеліи, въ Клижествахъ Молдавскомъ  
и Валахскомъ, въ Греціи и въ Архипе-  
лагѣ: дань тягостная, но цѣна свободы  
и покоя.

Во всѣхъ внутреннихъ распоряже-  
ніяхъ, обители не зависятъ одна отъ  
другой и даже не всегда исполняютъ въ  
точности повелѣнія Патріаршія, ссы-  
лаясь на грамоты древнихъ Императо-  
ровъ, своихъ основателей. Сами Игумены  
мало имѣютъ власти въ монасты-  
ряхъ *самоустановныхъ*: тамъ управля-  
ютъ всѣми общественными дѣлами Со-  
борные старцы \*), избираемые по

---

\*) Въ числѣ соборныхъ старцевъ бываютъ *Пропиумены* (бывшіе настоятели) и *Кавшумены*, или настоятели почетные: сіе званіе даетъ первенство въ монастырскомъ совѣтѣ и въ церкви.—Игумены (*Епітропы*) обыкно-

смерть изъ монаховъ, кои оказали услуги обители и неоднократно собирали для нея богатую милостыню. Они подписываютъ важныя бумаги и въ отличіе носятъ мантіи въ церкви; вся братія предъ ними раболѣпствуетъ.

По образу жизни иноковъ, монастыри суть или *самоуставные* (*ідіօբքսւմա*) или *общежительные* (*կունօբիա*). Въ первыхъ одни простые монахи подчинены правилу и ѿдятъ за общею трапезою: начальники и всякой, кто имѣеть достатокъ, дѣлаютъ что хотятъ въ келіяхъ. Многіе очень богаты: незадолго до нашего прїзыва умеръ въ Лаврѣ одинъ старецъ, у коего подъ изголовьемъ нашли болѣе 300 тыс. левовъ; обитель ими воспользовалась. Есть на

---

венно избираются на годъ; но могутъ оставаться въ должности нѣсколько лѣтъ сряду, отдавая старцамъ ежегодный отчетъ въ свое управлениіи.

Аеонской горѣ пришлецы, духовные и міряне, убѣгающіе отъ мучительства Туровъ — часто и отъ справедливой мести законовъ за преступленія. Они нанимаютъ особыя келіи, внутри и внѣ ограды, или *каливы* (келіи безъ земли и безъ церкви), покидаютъ ихъ по произволу и могутъ доставать за деньги все нужное для пищи. Есть и отшельники, посвятившіе остатокъ дней своихъ молитвѣ и покаянію, и живущіе уединению на неприступныхъ утесахъ: сіи приходятъ въ обитель только за хлѣбомъ, или для причащенія; видъ человѣка имъ неносенъ; они строго хранять обѣтъ безмолвія и умираютъ, забытые всѣми.

Монастырей общежительныхъ семь. Они меньше и бѣднѣе прочихъ, но зато ближе къ древнимъ образцамъ иноческой жизни. Тамъ больше порядка, больше истиннаго благочестія; нѣть отличій, нѣть частной собственности.

Игумены уважаемы; монахи кормятся трудами рукъ своихъ и прилѣжнѣе къ земледѣлію. Довольствуясь небольшими доходами, они принимаютъ съ благодарностію приносимую къ нимъ поклонниками милостыню, сами же никакда не ходятъ собирать ее. Въ наше время Патріархъ Григорій былъ намѣренъ обратить мало-по-малу и другіе монастыри въ общежительные; но богатые монахи уже готовились къ сильному отпору, и благомыслящій Первосвятитель едва ли бы успѣлъ въ своеемъ предпріятіи.

Любопытные найдутъ подробное описание церквей Аѳонскихъ и всѣхъ духовныхъ обрядовъ въ путешествіи многорѣчиваго *Василія Барскаго*; послѣ него перемѣнь было мало. Обстоятельства не позволяли намъ пронести на Святой горѣ болѣе 10 дней, и мы спѣшили осмотрѣть только знатиѣшіе монастыри, тѣ, въ коихъ надѣялись оты-

скать достойнія вниманія рукописей о  
Греческой и Латинской Словесности, о  
спошенихъ Константионопольской Цер-  
кви съ нашею, и Грузинскую Библію.  
Мы знали, что въ иныхъ обителяхъ,  
кромѣ общаго книгохранилища, есть  
другое, тайное, для спасенія драгоцѣн-  
ныхъ остатковъ древности отъ хищно-  
сти путешественниковъ: ибо многіе,  
замѣтивъ рѣдкую рукопись, подкупали  
Ризничихъ и Библіотекарей, или даже,  
для полученія оной, употребляли во зло  
вліяніе Европейскихъ Посланниковъ  
при Портѣ. Тщетно положено было про-  
клятіе на продающихъ принадлежащія  
монастырямъ книги. Патріархъ увѣ-  
рилъ въ своей грамотѣ Святогорскихъ  
начальниковъ, что насъ бояться нечে-  
го, и что въ случаѣ какой-либо счастли-  
вой находки, будуть присланы калли-  
графы для снятія вѣрныхъ списковъ.  
Сія грамота прочтена была на Соборѣ  
въ *Karim*, и Назыри немедленно сооб-  
\*\*

шили ее, чрезъ нарочныхъ, всѣмъ Игуменамъ, съ извѣстіемъ о скоромъ нашемъ посѣщеніи.

*Карія* или *Протатонъ* (главное, первенствующе мѣсто) есть общее владѣніе всѣхъ монастырей; каждый имѣть свое подворье съ малою церковью. Тамъ издавна была столица Аѳонская, по свидѣтельству Хрисовулы Императора Мануила и старинной Синодальной грамоты (на кожѣ пребольшаго козла) съ начертаніемъ древнихъ уставовъ и обычаевъ Святой горы. Соборъ, во имя Успенія Богородицы \*), построенъ, какъ увѣряютъ, Константиномъ Великимъ; нынѣ обветшалъ, и деревянная кровля, безъ купола, напомнила намъ убогій видъ Патріаршаго храма въ

\*) По преданіямъ Греческихъ монаховъ, Богоматерь посѣщала Аѳонскую гору. Почти всѣ чудотворныя иконы тамъ изображаютъ ликъ Ея.

Царѣ-градѣ. Здѣсь каждому Игумену назначено особое мѣсто (еронъ), по старшинству монастырей: первое Лаврскому, потомъ Ватопедскому, Иверскому, Хилиндарскому, Діонисійскому, и т. д. Порядокъ сей не всегда былъ одинаковъ и давалъ поводъ ко многимъ спорамъ: честолюбіе не оставляетъ насъ и у дверей гроба!

Въ Карїп много лавокъ; монахи ходятся туда по субботамъ на торгъ изъ всѣхъ концовъ полуострова.

Осмотрѣвъ лучшія подворья и простиась съ Назырями, мы пошли пѣшкомъ въ ближній монастырь Котломусъ, небольшой, но красиво отстроенный и на пріятномъ мѣстѣ. Тамъ обѣдали у \*\*скаго Архіепископа, удалившагося изъ своей Епархіи по случаю возмущенія славнаго Али-Паши. Отъ него узнали о первыхъ успѣхахъ оружія Оттоманскаго, около Лариссы и въ Ливадіи, и получили списокъ съ любопыт-

наго воззванія къ Грекамъ Солеймана-  
Паши Трикальского \*). Архіерей при-  
нялъ насть въ открытомъ кіоскѣ, на вы-  
сокомъ холмѣ, съ коего видна прекрас-  
ная равнина съ виноградниками и пло-

\*) Въ семъ воззваніи Солейманъ живо описалъ насилия и злодѣйства Намѣстниковъ Порты и воспѣламенялъ угнетенныхъ къ отмѣ-  
нію. „Мы видимъ и слышимъ ежедневно—го-  
ворилъ онъ—слезы, стенанія и душевныя ис-  
кушенія бѣдныхъ изъ бѣднѣйшихъ Раїевъ (ино-  
вѣрныхъ подданныхъ); видимъ, какъ иной  
требуетъ отъ нихъ по человѣку съ дома, ло-  
шаковъ и коней; иной телѣгъ, воловъ и буй-  
оловъ; тотъ строеваго лѣса, а сей извести,  
кольевъ и земли для укрѣплений; требуютъ и  
того, о чёмъ ухо человѣческое не слыхало и  
умъ не помышлялъ. Видимъ тяжкое мучитель-  
ство, немилосердые побои, безстыдныя озло-  
блѣнія: многихъ, увы! связавъ разбойнически,  
уводятъ въ страны отдаленныя... Вооружитесь  
всѣ отъ мала до велика, мушкины ружьями,  
жены топорами и дреколіемъ, дѣти пращами;  
будьте готовы разить, убивать, пить кровь  
приходящихъ въ дома ваши и села, грозя-

довитыми деревьями, простирающаяся на востокъ отъ подошвы Аѳона къ морю. Послѣ обѣда онъ водилъ насть въ монастырскую библіотеку; мы нашли ее въ жалкомъ положеніи: книги и рукописи по большей части растеряны или сгнили. Въ ризницахъ было иѣсколько

щихъ вамъ узами и висѣлицею, и неправедно умерщвляющихъ за то, что не поинуетесь мучительскимъ ихъ повелѣніямъ.” — Греки вняли сему увѣщанію и скоро потомъ вооружились противъ угнетателей. Но ихъ ненастіе къ Али-пашѣ превозмогла надъ ненавистію къ Портѣ, и они рѣшились не сражаться подъ его знаменами — хотя давно воскликнули съ Аяксомъ:

Зевсъ, державный отецъ, избавь Ахеянъ отъ  
мрака!  
Небо лучемъ озари, дай свѣтъ, дай видѣть  
очами.  
Гибель пошли не во тьмѣ, когда судиль намъ  
погибнуть!

*Иліады XVII, 645—647.*

неважныхъ Хрисовулъ Греческихъ Императоровъ и Господарей Валахскихъ.

Отъ Котломуса до Ивира мы ъехали не болѣе часа, по гористой и скучной дорогѣ. Сія обитель (названная Иверскою, потому что основана тремя ионками изъ рода Царей Грузинскихъ) построена на низкомъ мѣстѣ, у самаго моря: стѣны высокія и крѣпкія, съ двумя или тремя пушками для защиты отъ разбойниковъ, нападавшихъ неоднократно на прибрежные монастыри Аѳонскіе. Келій множество. Соборный храмъ Успенія очень хороши; столбы и помосты мраморные; даже стѣны одѣты снизу бѣльмъ мраморомъ, а сверху покрыты узорчатыми изразцами. Въ другой церкви, близъ воротъ, украшенной Ioannomъ Kantakuzinomъ, стоитъ въ богатомъ окладѣ образъ Богородицы *Вратарницы* (Иверской), съ его спискомъ находится въ Москвѣ. На Ея лицѣ видна рана отъ руки невѣр-

наго, по имени *Варвара*, въ послѣдствіи покаявшагося и умершаго святымъ отшельникомъ: онъ представленъ на стѣнѣ, въ открытыхъ съняхъ, вмѣстѣ съ Солономъ, Фукидидомъ, Платономъ, Аристотелемъ и другими философами, кои (судя по надписямъ) предузнали воплощеніе Спасителя.

Мы нашли подобное сему преданіе въ *Ватопедѣ*, ибо на Святой горѣ почти каждая обитель имѣеть свой чудотворный образъ, свои легенды. И тамъ неистовый монахъ воинилъ ножъ въ ланиту Богоматери, а потомъ цѣлые три года, не схода съ мѣста, оплакивалъ свое преступленіе; изсохшую руку его донынѣ показываютъ поклонникамъ. Другая икона возвѣстила молящемуси Игумену о приближеніи разбойниковъ: Предвѣчный Младенецъ, хотѣвшій наказать иноновъ, поднялъ руку, но не успѣлъ заградить спасительного гласа въ устахъ Матери; не смот-

ря на дурную живопись, гнѣвное лице Христово и движение тѣла выразительны. Въ *Лаврѣ* явилась Марія уснувшему во храмѣ Иоанну *Кукузелу*, благочестивому бѣглецу изъ Двора Византійскаго, и наградила его за пѣніе червонцемъ. Въ придѣлѣ той же церкви, у гроба Аѳанасія Аѳонскаго, хранился желѣзный посохъ, коимъ онъ источилъ изъ камня прекрасный ключъ на берегу моря. Въ *Цантократорѣ* стоитъ образъ Богородицы *Герондиссы* (старицы), прозванный такъ по слѣдующему случаю: схимникъ, предчувствуя близкій конецъ свой, пришелъ въ монастырь и тщетно убѣждалъ священника служить скорѣе обѣдню; гласъ отъ иконы повелѣлъ исполнить его просьбу, и старецъ успѣлъ прежде смерти причаститься.

Ризница Иверская наполнена дарами, прислаными изъ Россіи; самый иконостасъ писанъ въ Москвѣ и слы-

веть лучшимъ по всему Аeonу. Монахи сей обители, бывая безпрестанно въ сношениі съ нашими, подражаютъ имъ въ обычаяхъ: живутъ свободнѣе, а Проигумены и Соборные одѣваются лучше другихъ Стятогорцевъ. Они приняли меня, какъ Русскаго, съ большою радостю и спѣшили показать свою жалованную грамоту на монастырь Никольскій, въ Москвѣ. Я видѣлъ еще нѣсколько Хрисовулъ Византійскихъ и двѣ грамоты, одну Грузинскую, а другую Сербскую (по Греч. 1306) съ подписью: *Стефанъ во Христѣ Бѣзъ вѣрній Царь и Самодержецъ Сербіи и Романіи.*

Библіотека въ беспорядкѣ; есть каталоги, но многія книги, въ нихъ означенныя, пропали — вѣроятно проданы за безцѣнокъ путешественникамъ, особенно Англичанамъ. Въ числѣ печатныхъ есть рѣдкія изданія и нѣсколько Ельзевировъ. Мы нашли желаемую Гру-

зинскую Библію въ кипѣ рукописей на семъ языкѣ, по старинному оглавлению, сочиненному какимъ-то пріѣзжимъ монахомъ Лаврентиемъ; однако не могли воспользоваться немедленно своею находкою, не сыскавъ на Святой горѣ Грузинского переписчика: въ монастырѣ Иверскомъ давно живутъ одни Греки. Другая рукопись обратила на себя наше вниманіе: то былъ Греческій переводъ книги *Станислава Рейтнера* (на Лат. печат. въ Вѣнѣ, 1698): „Объ успѣхахъ и возрастаніи Московскаго Царства со временемъ Иоанна Васильевича Грозного до Петра Алексѣевича“. Добродушный переводчикъ поставилъ себѣ долгомъ извѣстить читателей, въ краткомъ предисловіи на заглавномъ листѣ, что предпринялъ сей трудъ противъ воли, единственно изъ монашескаго послушанія, и просить, чтобы не вѣрили клеветамъ сочинителя на православный народъ Рос-

сийский. Такъ глубоко были укоренены въ сердцѣ каждого Грека чувства поченія и любви къ имени Русскому!

Обитель Иверская богата собираемою милостынею, *метохами* (хуторами) и другими владѣніями въ полуострова; но окружность ея земли очень не велика.

Отсюда до *Лавры* сухимъ путемъ 6<sup>1</sup>/<sub>2</sub> часовъ (около 33 верстъ). Мы рѣшились ѹхать водою и сѣли въ монастырскую лодку на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда выплылъ брошенный въ море образъ Богоматери *Братарница*. День былъ прекрасный; вечеръ еще лучше. Высокій и утесистый берегъ напоминаль о бѣдствіи Даріевой армады, утратившей въ бурю 300 судовъ и 20 тысячъ человѣкъ у скалъ Аeonскихъ (Ирод. VI. 44). Влѣвъ синѣлись острова *Фасосъ* и *Лимнъ*, между коими въ послѣднюю войну Турецкій флотъ по-

бъжденъ Россійскимъ \*); вправъ, за излучинами берега, то показывались, то скрывались обители *Өилоөяя*, на пріятной равнинѣ, и *Каракала*, на возвышеніи. Вдали мелькали корабли подъ парусами; около нась рыбаки закидывали сѣти; проворные ловцы ныряли въ глубину за Гречкими губками. Наконецъ, солнце закатилось за верхъ Аеона, и огромная, черная тѣнь легла на воды до самаго Лимна\*\*). Уже смерк-

\* ) Имя Вице-Адмирала Сенявина донынѣ славно въ Архипелагѣ.

\*\*) По сказанію Плінія (*Hist. Nat. lib. IV. cap. 23*), тѣнь отъ Аеона доходила до какого-то истукана, стоявшаго среди площади въ городе *Маринѣ*, на Лимнѣ. Вышину горы полагаетъ Деламбръ въ 4278 футовъ. Вотъ описание Стравоново (VII, 331): „На Аеонѣ пять городовъ: Діонъ, Клеоны, Тиссосъ, Олониксъ, Акрополисъ... Аеонъ есть гора сосцевообразная, островерхая, высокая; живущіе на вершинѣ видятъ восхожденіе солнца тремя часами прежде обитающихъ на восточномъ берегу моря“.

лось, когда мы подъѣхали къ пристани Лаврской; монастырь на горѣ, въ  $1\frac{1}{2}$  верстѣ отъ моря.

Вообще положеніе обителей живописно, на крутизнахъ, на покатости холмовъ, въ долинахъ подъ тѣнью густыхъ рощей, или на ужасныхъ скалахъ, нависшихъ надъ волнами; но вѣѣхъ прекраснѣе положеніе Лавры, на краю полуострова, у подошвы Аѳона. Видъ обширный: кругомъ луга, обильные источники, плодовитыя деревья, пиноградники, мельницы и все строеніе, нужное для сельскаго хозяйства. Стѣны недавно поправлены и очень высоки; для защиты оныхъ, внутри монастыря было 6 пушекъ и множество ружей.

Соборный храмъ, основанный во имя Благовѣщенія Преп. Аѳанасіемъ Аѳонскимъ, а нынѣ ему самому посвященій, украшенъ 37-ю мраморными столбами и дорогими помостомъ; но теменъ,

какъ и вѣсъ почти Святогорскія церкви, отъ многихъ притворовъ и мало-  
сти оконъ. У входа, на дворѣ, большая  
водосвятельница, странного вкуса, но  
хорошо отдаленная, съ разными из-  
вяніями. Неподалеку оттуда намъ по-  
казали комнаты, гдѣ жилъ добродѣ-  
тельный и несчастный Патріархъ Гри-  
горій, во время двукратной ссылки.  
Восходя въ третій разъ на престоль  
Первосявительской, онъ зналъ, что  
мѣняетъ мирную келію на новыя го-  
ненія: не предвидѣлъ, увы! мучениче-  
ской смерти, его ожидавшей въ Апрѣ-  
ль 1821 года; не предвидѣлъ, что трупъ  
его, поруганный людьми, но прослав-  
ленный Небомъ, лишенный въ отчиз-  
нѣ могилы, найдетъ послѣднее убѣжи-  
ще въ нѣдрахъ земли единовѣрной!

Лавра нѣкогда славилась своею би-  
бліотекою. Увѣряютъ, что Турки про-  
давали изъ нея на вѣсъ рукописи Ве-  
нецианамъ; жадность монаховъ довер-

шила расхищениe сихъ драгоцѣнныхъ остатковъ древности. Насъ привели въ большую залу, гдѣ хранилось нѣ сколько новѣйшихъ книгъ, печатныхъ и письменныхъ; проводники наши, Игуменъ и Ризничій, твердили, что во всемъ монастырѣ нѣтъ другой библіотеки. Къ счастію, мой спутникъ, ученый молодой Грекъ (Лоютатосъ) *Zахарія*, вывѣдалъ за тайну отъ какого-то добросовѣстнаго старца, что на внутреннемъ дворѣ есть подвалъ, набитый книгами, и святые отцы, боясь Патріаршаго гнѣва, рѣшились наконецъ пустить насъ въ оный. Тамъ были въ самомъ дѣлѣ навалены грудами рукописи разной величины, покрыты пылью и полусгнившія, къ коимъ повидимому издавна никто не прикасался. Мы бросились разбирать ихъ, и въ два утра пересмотрѣли отъ двухсотъ пятидесяти до трехсотъ требниковъ, молитвенниковъ, богослов-

скихъ трактатовъ, патериковъ и не-  
важныхъ хронографовъ. Любопытство  
наше осталось неудовлетвореннымъ;  
но монахи, стыдясь своей нерадивости,  
дали намъ слово заняться составле-  
ниемъ полнаго каталога и прислать  
оный въ Константинополь \*).—Собра-  
ние грамотъ невелико: въ числѣ ихъ  
есть двѣ Хрисовулы Императоровъ  
Константина Дуки и Никифора Фоки,  
перваго Ктитора Лавры.

Сія обитель почитается главою Свя-  
той горы и превосходитъ всѣ прочія  
въ церковномъ устройствѣ и порядкѣ  
управлениія. Мы съ удовольствіемъ по-  
сѣтили больницу, домъ призрѣнія дрях-  
лыхъ и *Архондарики*, гдѣ пришельцы  
всѣхъ состояній угощаются три дня,  
по обычаю Аѳонскому, на счетъ мона-  
стырской. За то доходы отъ поклон-

\*.) Несчастныя события въ послѣдующемъ  
году не позволили мнѣ воспользоваться симъ  
обѣщаніемъ.

никовъ и собираемая милостыня очень велики. Вообще Лавра богатѣе другихъ обителей: владѣеть обширною землею, отъ Ивира до Св. Павла, и многими *метохами* въ полуострова. Ими управляетъ знатнѣйшій изъ старцевъ, подъ именемъ *Сквофилакса*; въ его рукахъ казна и дѣла виѣшия. Игумень, или Епитропъ, распоряжаетъ только внутреннимъ хозяйствомъ и сельскими работами, употребляя на оныя простыхъ монаховъ и служекъ. Изъ Соборныхъ старцевъ избираются: *Духтарий*, коего надзору ввѣрены келии отсутствующихъ; *Парикономъ* или Дворецкій, *Велматаръ* или Ризничій, и *Трапезарь*.— Со временъ Царя Алексѣя Михайловича, монастырь получаетъ отъ Россіи небольшую пенсію (150 рублей), по примѣру Ивира, Св. Пантелеимона и другихъ.

Дорога отъ Лавры къ вершинѣ Аѳона лежитъ на скитѣ *Красю* (Черешне-

вый), откуда еще должно всходить три часа по голому камню, часто покрытому облаками. На самомъ верху стояль нѣкогда кумиръ Аполлоновъ, а нынѣ построена маленькая церковь Преображенія, гдѣ монахи служатъ обѣдню однажды въ годъ, 6 Августа. Увѣряютъ, что въ ясное утро видны оттуда высоты Салоникскія, весь Архипелагъ и Мраморное море. Съ восточной стороны покатость Аѳона гораздо красивѣе и плодоноснѣе, нежели съ западной. Смотря на сію величественную гору, я воображалъ себѣ изваянныи изъ нея истуканъ Александровъ, по предположенію зодчаго Динократа \*), съ двумя

\* ) Вотъ что говорить Стравонъ (XIV, 641) о семъ Динократѣ, обновителѣ храма Артемиды въ Ефесѣ: „Онъ обѣщалъ Александру изваять изъ Аѳона ликъ его, какъ бы творящій изліяніе изъ нѣкоего сосуда въ чашу, и построить два города, по правую сторону горы и по лѣвую, надъ рѣкою, отъ одного къ другому текущею“.

по сторонамъ городами и текущею отъ одного къ другому рѣкою: мысль, коей исполненіе едва ли не было выше силъ человѣческихъ, нодостойная героя!

Вдали отъ родины, влеченіе ко всему отечественному обыкновенно усиливается въ нашемъ сердце. Возвращаясь изъ Лавры водою, вдоль берега, къ съверному концу полуострова, я нетерпѣливо желалъ скорѣе быть въ *Пантократорѣ*, скорѣе видѣть поселившихся тамъ Русскихъ иноковъ. Въ самомъ монастырѣ ихъ очень немногі; почти всѣ живутъ особо, въ скитѣ *Святоаг Илии*, подъ управлениемъ своего настоятеля.

Обитель *Пантократора* стоитъ на высокомъ холмѣ, вдавшемся въ море: бѣдна, худо отстроена и ничѣмъ не привлекаетъ любопытнаго путешественника. Мы осмотрѣли ее съ вечера, и на другой день, въ Воскресенье, поѣхали рано въ *Русскій скитъ*, къ обѣд-

нѣ. Тамъ вся служба по нашему; на ектеніяхъ поминаютъ Императорскій Домъ и *Архієпископа Константино-польского* послѣ Святѣйшаго Синода. Вездѣ порядокъ и благочиніе: церковь украшена просто, но со вкусомъ; иконостасъ писанъ въ Россіи, иждивеніемъ Донскаго войска. Отслушавъ литургію, пошли въ келію почтеннаго архимандрита Герасима, который угостили насть съ истинно-русскимъ хлѣбосольствомъ; онъ и добрые его монахи (по большей части изъ Черкасска и Малороссії) обошлись съ нами побратски, откровенно говорили о своихъ нуждахъ и жаловались на притѣсненія Пантократорскихъ начальниковъ, не позволявшихъ имъ даже покрыть оловомъ церковь, для защиты отъ сильнаго юговосточнаго вѣтра. Намъ удалось помирить ихъ съ Греками и выпросить желаемое право.

Кругомъ скита видны были слѣды

неутомимаго прилежанія. Тридцать бѣдныхъ иноховъ и десять послушниковъ построили спокойную обитель, преобразили каменистый холмъ въ тучныя поля и виноградники, насадили плодовитыя деревья и привили дикія маслины, оставляемыя въ небреженіи другими святогорцами. Русскіе отшельники подавали Грекамъ, Болгарамъ и Серbamъ примѣръ трудолюбія, умѣренности и мирной, благочестивой жизни.

Отъ Пантократора въ 10 верстахъ славный и древній монастырь *Ватопедскій*, основанный святымъ Константиномъ во имя Благовѣщенія и обновленный Феодосиемъ Великимъ\*).

\*). Пишуть, что юный сынъ Феодосіевъ Аркадій, былъ чудесно избавленъ отъ кораблекрушенія близъ Аеонской горы и найденъ подъ кустомъ у стѣнъ Ватопедскихъ; разоренныхъ императоромъ Юліаномъ. Отъ сего преданія нынѣшнее имя обители: Ватопаїді (βάτος κυστή, παῖς дитя).

положение красивое, на берегу морскомъ, у подошвы горы, покрытой густымъ лѣсомъ. Все строеніе отмѣнно хорошо. Соборный храмъ, по обычаю крестообразный, поддерживаемъ 4-мя большими столбами изъ порфира, и вымощенъ мраморомъ. Въ ризницѣ хранится богатая утварь, дорогіе рѣзные камни и многія моши: между прочими поясъ Богородицы, повидимому власяный, пальца въ два шириною; часть онаго была отправлена въ Кандію, для спасенія острова отъ свирѣпствовавшей тамъ моровой язвы.

Библіотека заключаетъ въ себѣ до двухъ тысячъ печатныхъ книгъ и рукописей, но все церковныхъ. Особливо замѣчательны два толкованія на Евангеліе св. Иоанна Златоуста, писанные очень четко, на пергаментѣ, Императоромъ Иоаникомъ Кантакузиномъ. Намъ показывали иѣсколько Хрисовулъ Византійскихъ и грамоту Славенскую, съ

подпісю: *Роксандра Домна Хмельницкая, Господарыня земель Молдавских.* Грамоты, данные монастырю Российскойми Царями, были отосланы зачвмъ-то въ Валахію.

У входа въ пристань Ватопедскую стоять обрушающеся иныѣ зданіе, древняя школа, гдѣ былъ учителемъ краснорѣчивый архіепископъ *Евгений Булгары*, недавно умершій въ Россіи. Вообще иноки сей обители славились ученостью: и въ наше время свято-горцы говорили съ почтеніемъ о тамошнемъ *Даскамъ*, знаменитомъ Богословѣ. Въ разговорѣ со мною, сей важный, маститый старецъ съ жаромъ защищалъ истину любезнаго всѣмъ Грекамъ пророчества *Агапанислова* \*) и.

\*) Монахъ *Иеронимъ Агапанислъ* (если вѣрить Греческому предисловію) написалъ въ 1279 году видѣнное имъ въ Мессинѣ откровеніе, которое потомъ было напечатано въ Миланѣ, 1555. Въ немъ предсказана судьба всей

подкрѣпляя оное доводами изъ Апокалипса, предсказывалъ скорое избавленіе Православной церкви отъ ига. Онъ надѣлся не на людей, а на предвѣчныя судьбы Промысла, коихъ исполненія ни ускорить, ни замедлить не можно: *fata volentem ducunt, nolentem trahunt.* Съ нимъ былъ молодой монахъ, совершенно противоположнаго и права, жившій долго въ Германіи, страстный почитатель Шиллера и Гёте, который твердилъ мнѣ наизусть Бюр-

Европы, плѣнъ и освобожденіе Царя-града; оно утѣшало въ рабствѣ Грековъ и, вѣроятно, донѣшнѣ ободряетъ ихъ на трудномъ поприщѣ. Рукопись, подаренная мнѣ въ Кипрѣ, почерка стариннаго и содержитъ слѣдующія слова, относимыя къ гибельному для Наполеона походу въ Россію: „И се, онъ нарушитъ договоры и насильственно возисть достояніе чуждое. Но куда спѣшиште, о Галлы? Новый (или юный, *νέος*) Царь ведетъ васъ на закланіе, и вы, какъ малодушныя жертвы, какъ волки, гладомъ томимыя, на хладныхъ горахъ,

герову *Леонору* и радовался, слыша, что она прекрасно переведена по-русски.

Внѣ ограды есть небольшая церковь гдѣ, слѣдуя общему Святогорскому закону, собраны кости умершихъ пинковъ. Спустя 3 или 4 года послѣ похороненія тѣла, ихъ вынимаютъ изъ могилы, моютъ виномъ и, отлуживъ панихиду, складываютъ въ кучу за рѣшоткою, подъ помостомъ храма. Сie неожиданное зрѣлище меня поразило:

„лишитесь жизни.“ Время событий еще точно не опредѣлено въ главѣ V, гдѣ слагатель пророчества именуетъ Петра I и его преемниковъ, говорить о женахъ вѣнценосныхъ и потомъ восклицаетъ: „Четвертый Петръ начнетъ „дѣла славныя; но пятый распуститъ въ Византии побѣдоносное знамя Христово и сокрушитъ силу Исмаиліанъ.“

Странно, что Турки имѣютъ свои древнія предсказанія о наденіи Османской державы въ Европѣ отъ Россіи, и даже, по какому-то вычислению, полагали бѣдственнымъ для себя годомъ 1819-й.

\*

здесь смышаны бренные остатки людей, рожденныхъ въ разныхъ странахъ, съ различными свойствами, желаниями, чувствами; они всѣ дышали для счастья, гонялись за мечтами, были игрою страстей,наконецъ, утомленные жизнью, искали покоя въ уединеніи и увы! многие ли нашли его? Здесь, въ обители смерти и тѣлена, высокія нравственные истины понятнѣе человѣку. . . .

Монастыри *Хилиндарскій* и *Зографа* прилегаютъ къ южной границѣ Аѳонской. Первый основанъ Царемъ Сербскимъ Стефаномъ, пострigшимся тамъ въ монахи и причтеннымъ къ лицу святыхъ; величина уступаетъ только Лаврѣ и Ватопеду, и довольно богатъ. Соборная церковь Введенія свѣтла и великолѣпна. Почти вся братія изъ Сербовъ; есть однако между ними нѣсколько Русскихъ и Болгарт; служба отправляется на языкѣ Славенскомъ. Книгъ и рукописей нѣть, кромѣ треб-

никовъ; но много Хрисовулъ отъ Царей и Воеводъ Сербскихъ. Изъ Российскихъ грамотъ примѣчательны дѣлъ: Иоанна Васильевича II на пожалованное сему монастырю, въ *вѣчный поминокъ*, подворье въ *Новомъ Китай-городѣ* 1571 года (подтверждена Борисомъ Годуновымъ, см. Исторію Государ. Росс. т. XI, прим. 113) и Алексея Михайловича, 1658, о пропускѣ въ Москву единожды въ семь лѣтъ прѣѣзжающихъ за милостынею старцевъ. Такое же право даровано Зографскимъ монахамъ грамотою Михаила Феодоровича, 1641, съ убавленіемъ положеннаго срока до пяти лѣтъ.

Время отѣзда нашего въ Смирну наступало, и мы, поторопясь на корабль, не успѣли быть ни въ Зографѣ, ни въ древней Русской обители свят. Пантелеимона (*Русико*), принадлежащей нынѣ Грекамъ. Преданіе (называемое ими клеветою) повѣствуетъ,

ЧТО за два передъ симъ вѣка они овла-  
дѣли насильственно достояніемъ на-  
шихъ соотечественниковъ. Трудно до-  
казать сіе обвиненіе, тѣмъ болѣе, что  
и ноки Русскіе и Болгары жили тамъ  
до 1735 года.

Мы возвратились въ *Ксиропонамъ*.  
минуя глубокій оврагъ, отъ коего мо-  
настырь получилъ свое имя, и на до-  
сугѣ осмотрѣли все строеніе. Соборный  
храмъ недавно обновленъ, свѣтлѣй и  
украшенъ изрядною живописью. Тамъ  
хранятся дары знаменитой Шулхеріи.  
сестры Феодосія Младшаго: въ богатомъ  
крестѣ большая часть Животворящаго  
Древа, какой иѣтъ и въ Іерусалимѣ,  
и медкай чаша въ ладонѣ, изъ цѣль-  
наго безоара, на коемъ искусно вы-  
рѣзаны Ангелы, несущіе потиры, ди-  
косы и кадильницы. Греки называютъ  
сію драгоцѣнную чашу *Панегіри* и  
пьютъ изъ нея воду для исцѣленія отъ  
болѣзней.

15 Июля, простясь съ провожавшими насъ монахами и поблагодаривъ ихъ отъ всего сердца за гостепріимство, мы перебрались на корабль, въ ожиданіи попутнаго вѣтра. На другой день, когда я вышелъ на палубу, мы уже были въ открытомъ морѣ: берегъ слился съ водою, стѣны монастырскія терялись изъ вида; но вершина Аеона до самаго вечера синѣлась на небосклонѣ. Безпечные пловцы спали подъ брызгами волнъ; лишь кормчій бодрствовалъ у руля, напѣвая унылую песню о подвигахъ и смерти одного изъ витязей Сулліи. Быстро мчались мы по тѣмъ самымъ мѣстамъ, на коихъ за шесть мѣсяцевъ столько страдали оть бурь и противныхъ вѣтровъ. . .

17 Июля бросили якорь на рейдѣ Смирнскій.

\* \*

## И З В Ъ С Т И Е

о ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ РУКОПИСЯХЪ  
ВЪ СЕРАЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

Многіе ученые писали о библіотекѣ Серальской; но ихъ мнѣнія, основанныя на сказаніяхъ путешественниковъ, противорѣчатъ одно другому. Въ семъ неприступномъ для христіанъ сокровищѣ посыпанные папою Николаемъ V на Востокъ за рукописями, надѣялись найти Еврейскій подлинникъ Евангелія св. Матея; а *Дела Валле* полнаго Тита-Ливія и другія неизвѣстныя намъ творенія древнихъ. *Годерини* издалъ въ свѣтъ мнимую опись хранящимся въ Сералѣ книгамъ; напротивъ того, *Се-*

вина утвердительно говоритъ, что всѣ бывшія тамъ Греческія и Латинскія рукописи сожжены къ XVI вѣкѣ, по повелѣнію Мурада III.

Слѣдующее извѣстіе, почерпнутое въ Константинополѣ изъ достовѣрнаго источника, покажетъ, въ какомъ состояніи находится нынѣ сія славная библіотека.

Султанъ Мустафа III, отецъ несчастнаго Селима, царствовавшій съ 1757 по 1774 годъ, думалъ, что тайнымъ врагамъ удалось отравить его. Сія мысль, вѣроятно ложная, вела его медленно ко гробу, и старанія лучшихъ въ Константинополѣ врачей оставались тщетными.

Въ то время былъ у него въ особенной милости *Скарлатъ Хараджа*, дѣдъ бѣжавшаго въ 1818 году изъ Валахіи господари, отличавшійся отъ другихъ бояръ Греческихъ умомъ и ревностью къ наукамъ. Давно желая имѣть точное

свѣдѣніе о султанской библіотекѣ, онъ сказалъ Мустафѣ, что сынъ его Георгій, возвратившійся изъ Голландіи, приѣжалъ тамъ къ медицинѣ и, можетъ быть, въ состояніи спасти драгоцѣнныя дни его величества, но притомъ просилъ дозвolenія осмотрѣть хранимыя въ Сералѣ рукописи, для отысканія записокъ о лекарствахъ противъ яда, извѣстныхъ древнимъ. Сими тайными средствами (по его словамъ) Императоры Византійскіе, часто угрожаемые отравою, умѣли всегда отврашать пагубныя дѣйствія оной.

Султанъ слушалъ съ жадностію и тотчасъ позволилъ ему, вмѣстѣ съ сыномъ, входить свободно въ Серальское книгохранилище и разматривать все на досугѣ. Тогда, пользуясь случаемъ единственнымъ, Караджа увѣрился, что все находящіяся тамъ рукописи, Греческія и Латинскія, состоятъ изъ Библій и другихъ книгъ церковныхъ, и

что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного сочиненія древняго, которое не было бы уже извѣстно.

За то въ Сералѣ много любопытныхъ рукописей, Арабскихъ и Персидскихъ. Тамъ, по свидѣтельству *Мураджис д'Осона* (Tableau de l'Empire Othoman, t. I, p. 412), между рѣдкостями собранными Селимомъ I, при завоеваніи Египта, хранится славная книга *Джесефъ-Китаби*. Въ семъ таинственномъ твореніи, думаютъ Турецкіе ученые, изображены цифрами или волшебными знаками имена и судьба всѣхъ Оттоманскихъ государей и будущихъ властителей Египта, до скончанія міра.

\* \*

## ДРЕВНИЕ ЗАМКИ.

(письмо VI, къ другу) \*).

Знаешь ли ты время, когда Европа, покрытая длиннымъ протяженiemъ лѣсовъ, безъ взаимныхъ сношеній, безъ просвѣщенія, безъ торговли и промышленности, была страною уединенною. полудикою? Мало было городовъ; селенія, такъ сказать, утопали во глубинѣ лѣсовъ дремучихъ.

Бѣлый парусъ рѣдко мелькалъ на пустынной синевѣ полно-водныхъ рѣкъ. Внутреннія озера дремали въ одино-

---

<sup>“</sup>) Сей отрывокъ почерпнутъ изъ *новаго издания Писемъ Русскаго офицера*. Письма сіи вновь пересматриваются авторомъ и, если обстоятельства поблагопріятствуютъ, вскорѣ могутъ быть напечатаны.

чествъ и, подобно народамъ того вре-  
мени, не имѣли никакого между собою  
сообщенія. Длинные караваны робко и  
медленно тянулись по горнымъ или  
степнымъ дорогамъ въ отдаленные го-  
рода, на шумных ярманки, отличавші-  
яся пестротой товаровъ и торгую-  
щихъ. Древніе монастыри, съ своими  
величественными зданіями, были въ  
особенномъ уваженіи у людей, коихъ  
суровая необразованность смягчалась  
непрітворнымъ благочестіемъ. Замки,  
какъ вооруженные исполины, гордо  
возвышались на остріяхъ скалъ. Съ  
высоты ихъ башень, изъ теремовъ уеди-  
ненныхъ, сквозь расписныя рѣшетча-  
тыя окна, уныло глядѣли красавицы:  
не появится ли знакомые рицари на  
долинѣ, не зайдетъ ли трубадуръ про-  
хожій съ своею сладко-звукной цит-  
рою? Ты угадываешь, что я говорю  
о среднихъ вѣкахъ. Народъ, по преда-  
ніямъ, называется ихъ *добрыми ста-*

*рымъ временемъ.* И въ самомъ дѣлѣ, тогда было много хорошаго! Въ природѣ и въ людяхъ было болѣе спѣжности: души были полнѣ, тѣла крѣпче. Но гражданственность тогда не была еще вовсе развернута. Законы зависѣли отъ произвола лицъ, и судьба слабыхъ была въ рукахъ сильнѣйшихъ. Не было *третьято состоянія*. Тогда были только господа и рабы.

Первые владѣли замками, завоевывали и раздавали земли, набирали войска, производили судъ на своей землѣ и пользовались даже правомъ на жизнь и смерть. Изрѣдка проѣзжали королевскіе прокуроры для пересмотра уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ феодалами (господами замковъ); но большею ча- частію имущества и самая жизнь *вас- саловъ* отнимались по собственнымъ ви- дамъ и страстямъ владѣтелей. Кресто- вые походы измѣнили нѣсколько видъ сего владычества и рабства. Вѣра

стала святою посредницею между угнетенными и утешителями. Существовало поверье, что земля, лежащая подъ стѣнами монастырскими, есть земля Божія, и всякой дерзавшій присвоить ее себѣ, или обижать живущихъ на ней, подвергался отрѣшенію отъ Церкви. Такимъ образомъ, подъ сѣнью святаго Креста, нашлось мѣсто для жизни свободной. Вѣдны люди, уклоняясь толпами отъ нестерпимой власти феодаловъ, селились подъ стѣнами монастырскими. Хлѣбопашество составляло тогда единственный источникъ богатства. Мечъ и плугъ были двумя главными орудіями тогдашняго человѣчества: одни завоевывали земли, другіе ихъ обрабатывали. У тѣхъ же, кои поселились близъ монастырей, не было земли для пашни, но у нихъ были руки и силы. Провиденіе открыло имъ новую тайну пропитанія и богатства: въ трудѣ и работѣ нашли они

\*\*

то и другое. Воть начало ручныхъ издѣлій, фабрикъ и богатства мануфактурнаго.—Скоро монастырскія селенія превзошли богатствомъ всѣ прочія. Избытокъ труда породилъ торговлю; мѣна произведеній сопровождалась мѣною понятій, и просвѣщеніе расширялось вмѣстѣ съ благодеятельствіемъ. Новые свободныя селенія искупили земли, огородили себя стѣнами и получили название *городовъ*. Государи, всегда недовольные мятеjnымъ духомъ сильныхъ феодаловъ, приняли сторону городовъ, щедро надѣли ихъ *правами* и поколебали чрезъ то могущество непокорныхъ владѣтелей. Тогда знанность, сила, богатство и право явно раздѣлились: первыи оставались у рыцарей, а послѣднія у купцовъ, или городскихъ обывателей.

Съ тѣхъ поръ менѣе уже стали строить уединенныхъ замковъ; ибо движение веселой дѣятельности манило

въ города. Учредились почты; явились векселя; монета приняла круговое обращеніе и, съ уваженіемъ къ законамъ, возрасло уваженіе къ человѣчеству. Новый порядокъ пробудилъ новые страсти. Уединенные феодалы поѣхали въ столицы проживать сокровища своихъ предковъ и выслуживаться въ чины и почести. Такимъ образомъ владѣльцы теряли преимущества, силу и гордость свою, и древніе замки ихъ пустѣли.

Въ Польшѣ много видно старинныхъ замковъ, обнесенныхъ зубчатыми башнями, или окопанихъ валами. Еще недавно укрывались въ нихъ, во время движенья народнаго, при шумныхъ конфедерацияхъ, или отъ нашествія Турокъ, а чаще всего отъ набѣговъ быстроконныхъ Крымскихъ Татаръ и страшныхъ наѣздниковъ бывшей Запорожской Січи.

8. Глинка.

## ОТРЫВКИ ПИСЕМЪ ИЗЪ ИТАЛИИ \*).

15 Сентября, 1823 года.

Я былъ въ Венеции, Веронѣ, еще въ  
нѣкоторыхъ городахъ Италіи, и нако-  
нецъ теперь пишу тебѣ изъ Флорен-  
ціи. Въ Карльсбадѣ навязался на меня  
спутникъ, Французъ, да еще и Пари-  
жанинъ, жившій долго въ Англіи и  
вывезшій оттуда родъ сплина; онъ

\*.) Письма сіи писаны не для публики, безъ  
всякаго старанія, плана и такимъ человѣкомъ,  
который не только никогда не думалъ быть  
Русскимъ авторомъ, но болѣе привыкъ писать  
по-Французски, нежели по-Русски. Но онъ  
написаны такъ умно и такимъ пріятнымъ  
слогомъ, что мы рѣшились напечатать нѣ-  
которые ихъ отрывки, и увѣрены, что чита-  
тели наши поблагодарятъ насъ за доставлен-  
ное имъ удовольствіе.

страждеть разлитіемъ желчи, которую самъ изливаетъ на все и на всѣхъ. Этотъ товарищъ, своей критикой или неумѣстнымъ энтузіазомъ, испортилъ мнѣ почти весь Тироль. Прекраснѣйшія долины, водопады, ущелья, которыми столь богаты Тирольскія горы, не вѣ заслужили его одобреніе; вездѣ находилъ онъ какое-нибудь несовершенство, порочилъ восхожденіе солнца, свѣтъ луны, и только весьма изрѣдка восклицалъ: *ah! tenez, ceci est vraiment beau, on en feroit une belle décoration au grand opéra!* Своимъ нравомъ и обхожденiemъ вселилъ онъ какой-то страхъ въ мою неробкую душу. Боясь упрековъ, не смѣлъ я съ нимъ разстаться; привлекательнѣйшая для меня мѣста проѣзжали мы вскачъ; останавливались тамъ, гдѣ ему было угодно; я любовался только украдкою.—Такимъ образомъ довезъ онъ меня до Флоренціи, куда мнѣ и само-

му хотѣлось пріѣхать скорѣе для писемъ, которыхъ давно не получалъ изъ Россіи.—Теперь предлагаетъ онъ мнѣ ѿѣхать въ Миланъ и на Баромеевы острова; но я отговариваюсь, хочу спасти отъ его сплины хоть этотъ клочокъ Италіи, и отложилъ свою поѣздку до другаго премени.

Венеция не столько удивила меня, какъ и ожидалъ; она совершенно омертвѣла. Еще нѣсколько лѣтъ, и этотъ городъ совершенно исчезнетъ; сосѣдство Тріеста, которому сохранены преимущества торговли, отнятыя у Венеции, тому причинаю. Скоро перейдетъ туда и масленница; Венециіп останутся площадь Св. Марка, Левъ, Св. Щеодоръ верхомъ на крокодилѣ и развалины великолѣпныхъ дворцовъ. Прочитай 4-й томъ Казановы; онъ, между прочимъ, съ большою точностью описываетъ темницы, *les plombs du Palais Ducal*, и свой оттуда побѣгъ. Теперь онъ пусты,

и входъ въ нихъ свободенъ для вся-  
каго любопытнаго; я ихъ видѣлъ: въ  
сравнениі съ ними, твой Шильонской  
подвалъ *est un salon riant.* Я и гробъ  
желалъ бы себѣ просториѣ и свѣтлѣе.  
Когда Французы, въ 1797 году, име-  
нemъ свободы ограбили Венеціянскій  
Арсеналъ и проч. и открыли тюрьмы,  
то въ одпой изъ тѣхъ, которая и ос-  
матривалъ, нашли старика, содержа-  
щагося въ неї 23 года. Никто и самъ  
онъ не вѣдалъ причины заточенія; не  
смотря на то, старикъ и теперь еще  
жалѣтъ о прошедшемъ времени, *le bon temps;* охотно вѣрю ему! — Венеція  
такъ скучна, что, не смотри на повиз-  
ну, я выѣхалъ оттуда съ удовольстві-  
емъ, пробывъ только 4 дни.

Верона замѣчательна (какъ ты уже  
и самъ знаешь), Конгрессомъ, древ-  
нимъ Амфитеатромъ, который сохра-  
ненъ въ совершенной цѣлости; я спра-  
влялся въ иѣ школьныхъ книгахъ о вре-

мени построенія великолѣпнаго сего зданія, и хотя на этотъ счетъ Антиваріи имѣютъ различныя мнѣнія, но согласны въ томъ, что онъ построенъ не Австрійцами.

Окрестности Флоренціи могутъ, во всей силѣ слова, называться садомъ; но садъ долженъ наскучить скоро: виноградъ, фиги и тому подобное плѣнительны только для тощаго желудка.. Здѣсь природа сдѣлала одну почву, а рука человѣческая усадила ее деревьями разнаго рода; но съ самой высокой горы, изъ окружающихъ Флоренцію, не увидишь ни одного дерева, которое бъ было посажено только для тѣни: все имѣть цѣлью пользу, все покрыто фруктовыми, оливковыми и шелковичными деревьями. Такой видъ даетъ понятіе о богатствѣ земли, но слишкомъ единообразенъ. Отдохнувъ, хочу пуститься въ горы, искать дикой природы.

5 Февраля 1824.

Съ 14 столѣтія существуетъ во Флоренціи богоугодное, человѣчеству полезное сословіе, безъ клятвъ и безъ обѣтовъ, свято хранящее свои постановленія; почетнѣйшіе граждане и самі герцоги Тосканскіе всегда поставляли себѣ за честь принадлежать сему обществу. Убогій, страждущій болѣзню никогда не прибѣгалъ вовѣщ къ братьямъ милосердія. Сословіе ихъ не есть духовное, они не собираются ни днемъ, ни ночью въ условленные часы, для молитвы; но днемъ и ночью, какъ истинные братья, помогаютъ бѣдному и больному и деньгами, и лекарствами; умершему безъ призрѣнія, безъ близкихъ, безъ родныхъ, отдаются послѣдній долгъ. Свѣтскій юноша и свѣтскій старецъ принадлежать обществу братьевъ милосердія, не пренебрегаютъ нести до кладбища тѣло нищаго, на

плечахъ своихъ. Широкое платье изъ грубаго, чернаго холста, шляпа съ висячими полями, черное на лицѣ покрывало, въ которомъ только для глазъ прорѣзаны отверстія, скрываютъ ихъ совершенно отъ взора любопытныхъ. Они дѣлаютъ добро, не будучи известны, и спасенный ими отъ смерти обязанъ всему обществу, а не одному члену въ особенности.

Среди ночи ударили дважды колоколь на башнѣ древней, маленькой церкви, близъ соборной площади, и на звонъ колокола сбѣжались не медля нѣсколько жителей. Иные изъ нихъ оставили мягкую постелью, другіе веселую бесѣду, и каждый прибѣжалъ въ церковь, зажегъ по факелу, облекся въ черную одежду; четверо взяли носилки, и всѣ поспѣшно пошли въ слѣдъ за проводникомъ, пришедшимъ искать помощи: слезы не позволяли говорить ему, но никто не дѣлалъ ему пустыхъ

вопросовъ. Бѣдныи несчастныи слу-  
чаемъ раненный, умирающій, умершій,  
равное имѣютъ право на участіе братъ-  
евъ милосердія. Въ глубокомъ молчаніи.  
скорыми шагами вышли они за городъ,  
на большую дорогу, ведущую въ Римъ.  
Мнѣ случилось въ это время прохо-  
дить по площади, и я изъ любытства  
послѣдовалъ за ними.

При свѣтѣ факеловъ, увидѣлъ я на  
дорогѣ лежащаго безъ движенія человѣка;  
судя по платью, былъ онъ кресть-  
янинъ; тяжелый возъ проѣхалъ по его  
тѣлу; искавшій помощи былъ его сынъ.  
Братья милосердія, осмотрѣвъ несчаст-  
наго и удостовѣрясь, что въ немъ есть  
еще остатки жизни, положили его на  
носилки и понесли въ городскую бо-  
гадѣльню, гдѣ всегда безотговорочно  
принимаютъ приносимыхъ ими боль-  
ныхъ. Я слѣдовалъ опять за ними.  
слышалъ, какъ они поручали спасен-  
наго ими крестьянину начальнику боль-

ницы, какъ обѣщались пришедшему въ себя больному пещись о его совершенномъ выздоровленіи. Потомъ проводилъ ихъ до дверей церкви, въ которой оставили они носилки, факелы и черную одежду, и изъ которой вышли, разошлись спокойно по домамъ. Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ были мнѣ известны; я видаль ихъ на балахъ, на шумныхъ вечерахъ; но щегольскіе фраки, пестрые жилеты не возбуждали во мнѣ никакого вниманія; черная, грубая, холстинная рубаха внушила во мнѣ къ нимъ особенное почтеніе.

Римъ, 19 Марта и. с.

Съ чего бы ты началъ, пріѣхавъ въ Римъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, въ прекрасный день, въ три часа пополудни? Имѣя подъ рукой всѣ памятники древняго Рима, церковь Петра и Павла подъ носомъ, Тибръ передъ глазами, я пришёлъ ли бы тебѣ на умъ? — Нѣтъ.

Я въѣхалъ въ Римъ сегодня 19 Марта, и, имѣя всю возможность тотчасъ начать путешествіе свое по столицѣ міра, предпочелъ пожертвовать всѣмъ этимъ днемъ отдыку и тебѣ.—Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Италіи, удалось мнѣ поселиться въ комнатахъ, въ которой двери и окна запираются довольно плотно, и вотъ еще одна изъ причинъ, по которой я не такъ спѣшилъ выбраться на чистый воздухъ, которымъ дорогой довольно насладился; сѣль за столикъ, взялъ бумаги и перо, и пишу къ тебѣ съ тѣмъ, чтобы въ немногихъ словахъ, пока еще видѣнное не изглажено изъ памяти тѣмъ, что увижу, описать тебѣ путешествіе мое изъ Флоренціи въ Римъ.

Этотъ переездъ обыкновенно дѣлается въ два дни; я на него употребилъ пять сутокъ, и тутъ еще могу сказать, что сдѣлалъ его на-скоро. До

стойнаго примѣчанія по дорогѣ много, много и достойнаго удивленія. Картины, или лучше сказать, образа требуютъ всего болѣе времени отъ путешественника; во всякой церкви находятся произведенія лучшихъ художниковъ; но признаюсь, что я небольшой охотникъ смотрѣть на прекрасную картину, мимоходомъ, по почтѣ. Выдумать и написать картину, цѣнить ее и восхищаться ею нельзя во всякое время: надоно для этого выждать приличное расположение духа. Я не могу привыкнуть смотрѣть то на часы, то на живое изображеніе кисти Рафаэля, или Бароччи, и когда поутру обѣгу нѣсколько церквей и одну или двѣ галлереи, а потомъ сяду въ коляску, то въ слабой головѣ моей такъ перетрясутся и перемѣщаются всѣ королиты и рисунки, что ввечеру, отыскивая на память ту или другую картину, вижу, что тѣло не отвѣчаетъ головѣ,

одежда спита не по тѣлу, и все это не по ошибкѣ художниковъ, а потому, что я по ошибкѣ \*перемѣшалъ ихъ.

Какъ бы то ни было, я выѣхалъ изъ Флоренціи 15 Марта въ 7 часовъ утра. Изъ Флоренціи въ Римъ есть двѣ дороги: одна по взморью на Aquapendente короче, но мало занимательна; другая чрезъ Перуджіо длиннѣе, но примѣчательнѣе, и я поѣхалъ по этой. Для каждой изъ обѣихъ дорогъ есть также два способа ѿзды: Ветуриами дешевле, но съ ними не тамъ остановливаешься, гдѣ хочешь; дневки ихъ разсчитаны не по отечественнымъ рѣдкостямъ, а по силѣ мудовъ или лошадей, и такъ я рѣшился ѿхать по почтѣ: веселая дорога, усаженная шелковичными, оливковыми деревьями и виноградникомъ, довела меня въ тотъ же день засвѣтло, по берегу Арно, въ Arezzo, (прекрасный древній городокъ, отчество Петrarка). Arezzo выстроенъ у

подошвы небольшой горы. Въ церкви аббатства Monte-Cassini видѣлъ я писанный куполъ на плоскомъ пятинутомъ холстѣ; перспектива свода и освѣщеніе, когда смотришь съ настоящей точки, наблюдены съ такимъ искусствомъ, что покуда не сойдешь съ мѣста, не выйдешь изъ заблужденія. Я вспомнилъ о Гонзаго; не знаю, сдѣлалъ ли бы онъ такъ; но лучше: вѣрно нѣтъ. Въ своемъ родѣ этотъ куполъ также удивителенъ, какъ Рафаэлева Мадонна, которую ты цѣнить умѣешь. Въ Arezzo видѣлъ я еще домъ; надъ воротами, на большой мраморной бѣлой доскѣ, написано четкими черными литерами: Guido Monaco. потомъ пять нотныхъ линеекъ, на нихъ шесть нотъ и подъ каждой ut, re, mi, fa, sol, la. Этотъ Guido, первый изобрѣлъ способъ выражать звуки знаками, и надпись конечно справедлива, но кажется, потомкамъ Италіянцамъ, которые столь-

ко обязаны сему монаху за его изобрѣтеніе, можно бѣ было въ свою оче-редь изобрѣсти надгробную поприличи-нѣе. Будь я близкій родственникъ мо-наху Guido, будь я тронутъ его смер-тю, то, кажется, не могъ бы вслухъ безъ смѣха прочитать ut, re, mi, fa, sol, la.

16-го, рано поутру выѣхалъ я изъ Arezzo. День былъ совершенно весен-ній, солнце грѣло; снѣгъ, недавно вы-падшій на ближнихъ горахъ, таялъ, и вода чистыми ручейками струилась по свѣжей зелени; многіе кусты распу-скались, другое цвѣли. Въ полдень прѣѣхалъ я въ *Castiglion*, послѣднюю стан-цію Тосканскихъ владѣній, и тотчасъ отправился пѣшкомъ на высокую гору, осматривать Кортону, одинъ изъ Эт-турскихъ городовъ, основаніе коего теряется во тьмѣ вѣковъ. Туда заманилъ меня Reichard, который въ сво-емъ *Guide des voyageurs* обѣщается

показать въ Кортонѣ развалины Бахусова храма. Слова: *развалины храма*, представляютъ самому не пылкому воображению, хотя нѣсколько колоннъ, или остатки карниза, или кусокъ барельефа; и такъ я лѣзъ на гору, мечтая скоро получить поверхностное понятіе о жилищѣ того бога, которому у насъ не строить храмовъ, но поклоняются усердно. Наконецъ Cicerone постучался въ калитку каменной ограды; наружность не обѣщала ничего особенного; мы вошли на дворикъ, и Cicerone, указывая мнѣ на стѣны гладкія и запачканныя, сказалъ: вотъ стѣны бывшаго храма. Потомъ, отворивъ еще дверь, ввелъ меня подъ темный сырой сводъ, столько же неудовлетворительный для глазъ ищущаго признаковъ старины; *вотъ храмъ*, сказалъ мнѣ Cicerone. Я глядѣлъ во всѣ глаза: бочки съ свѣжимъ прошлогоднимъ виномъ, колбасныя гирлянды и

сырные круги, вотъ все, что я уви-  
дѣлъ, и остался совершенно недово-  
ленъ этою утомительною прогулкой.—  
„Зачѣмъ не сказалъ ты мнѣ прежде  
(прикинувшись на проводника), что  
тутъ нечего смотрѣть?“ — „Вы бы не  
захотѣли идти сюда; къ тому же Ан-  
гличане почти всѣ остаются довольны  
и даже уносятъ куски отъ стѣны.“ —  
„Жаль, что не разнесли они всего  
твоего храма, прежде нежели я взду-  
малъ осматривать его.“ Сходя съ горы.  
я немного примирился съ самимъ со-  
бой; прекрасный видъ представился  
глазамъ моимъ: пространная, обрабо-  
танная долина, множество веселыхъ  
селеній, вдали на небосклонѣ высокія  
горы; по ихъ хребту извивается дорога,  
идущая изъ Сіены въ Римъ, чрезъ  
Aquadente. Вправо изъ-за горъ за-  
ливъ озера Тразимены. Я сѣлъ на  
скalu, и долго наслаждался чудесною  
картиною; прозрачность воздуха по-

зволяла ясно видѣть отдаленнѣйшіе предметы. На вершинѣ горъ блесталъ снѣгъ и сливался съ бѣлыми облаками; въ дикомъ кустарнике, на неприступныхъ для человѣка камняхъ бродили стада овецъ; поселенінъ работалъ въ долинѣ. Я сошелъ съ горы, сѣлъ въ коляску и чрезъ нѣсколько минутъ въѣхалъ въ Папскія владѣнія; на границѣ ожидали меня нѣсколько нищихъ; ни одинъ не пройдетъ мимо, не попытаясь попросить у проѣзжающихъ una picola moneta, во имя нѣсколькихъ святыхъ. На берегу мелкаго ручья, черезъ который дорога идетъ безъ моста, стояли два таковыхъ промышленника, и только что я подъѣхалъ, они бросились въ воду и побѣжали предъ коляской, какъ будто бы безъ нихъ почтальонъ не могъ сыскать брова; по томъ оба протянули руки и жалкимъ хоромъ просили милостыни; я спросилъ у идущаго мнѣ на-встрѣчу кресть-

янина: какъ зовутъ городокъ на горѣ въ сторонѣ отъ дороги?—онъ отвѣчалъ мнѣ и тотчасъ потребовалъ награжденія за оказанную услугу.

Пачинай отъ Сатиссіо, почти все Ѣдешь близъ озера Тразимены (Perugio): его украшаютъ два лѣсистые острова, дорога лежитъ чрезъ Pasciniano, маленькой городокъ на крутомъ берегу. Говорятъ, что здѣсь погибло нѣсколько тысячъ Римлянъ, принужденныхъ послѣ потерянаго сраженія идти черезъ сей узкій переходъ, занятый уже Кареагенцами.

Ты былъ въ Швейцаріи, тебѣ слу-  
чалось съ высоты горѣ смотрѣть на  
спокойныя воды пространного озера:  
ты знаешь, какъ въ немъ ясно отра-  
жаются берега при послѣднихъ лучахъ  
заходящаго солнца, какъ легкій чутъ  
примѣтный членокъ рыбака, закиды-  
вающаго сѣть, колеблетъ поверхность  
воды и оставляетъ по себѣ минутный

слѣдъ; воть чмю я теперь любовался, забывъ мало извѣстныхъ мнѣ Ганнибала и Фламинія, Кареагенцевъ и Римлянъ, обагрившихъ кровью своею Тразименскія воды и зеленые луга, его окружающіе. Я думалъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь спокойно наслаждаюсь красотой природы, раздавались нѣкогда крики побѣдителей; остатки трепещущихъ за отечество Римлянъ сбирались подъ знамена; трупы воиновъ, слоновъ и лошадей покрывали волны теперь спокойнаго Тразименскаго озера. Все исчезало, какъ исчезаетъ на водѣ слѣдъ рыбачьяго членка!

Въ Перуджіо пріѣхалъ я вечеромъ, и осматривалъ городъ на другой день поутру. Онъ построенъ на нѣсколькихъ холмахъ; чище и красивѣе другихъ, видѣнныхъ мною въ Италіи городовъ: есть улицы прямыя и широкія. Родина живописца Петра Перуджино, учителя Рафаэлева, который, по моему мнѣ-

нію, весьма немного обязанъ своему учителю. Пусть превозносятъ Петра Перуджино, какъ основателя живописи, по мнѣ, онъ только иконописецъ, а тѣ, которые такъ высоко цѣнятъ работу его, раскольники старовѣрцы. Какое единобразіе въ вымыселѣ, въ краскахъ и въ рисункѣ! Къ тому же большая часть картинъ его здѣсь: *al fresco*, сырость стѣнъ попортила ихъ во многихъ мѣстахъ, въ иныхъ совсѣмъ изгладила и теперь необходимо дополнять ихъ воображеніемъ. Въ соборной церкви: снятіе со креста, писанное Бароччіемъ: вотъ картина! жаль съ нею разстаться. Она была увезена въ Парижскую галлерею Французами, а они дурныхъ изъ Италии не въвозили.

Близъ Фолиньо, осматривалъ я опять, по милости Рейхарда, совершенно незначущую сталактитную пещеру, и почевалъ въ Сполетто. 18-го, рано по-

утру отправился я въ Терни; хотѣлось застать солнце надъ водопадомъ.

За 5 Итал. миль отъ Терни, по дорогѣ чрезъ Абруццо въ Неаполь, въ мѣстѣ гористомъ и дикомъ, стремится изъ озера Люко рѣчка Веллино, и, низвергаясь съ огромной скалы (въ 1060 футовъ выш.), образуетъ водопадъ, называемый: *cascade delle marmore*; потомъ, соединяясь съ рѣкою Нерою, течетъ по обработанной веселой долинѣ до красиваго городка Терни.

Я не берусь описаніемъ познакомить тебя съ водопадомъ Терни; самое выраженіе: *водопадъ* — даетъ слишкомъ слабое понятіе объ этомъ свирѣпомъ стремленіи и низверженіи воды. Покатость, по которой катится Веллино, еще далеко отъ паденія придаетъ ему непонятную скорость, и вдругъ вся рѣка, лишенная дна, летитъ съ ужасной высоты, съ ревомъ ударяется о скалы, такъ сильно, что большая часть

водъ превращается въ пары, и бѣлыми влажными облаками возносится выше самаго паденія.—Солнечные лучи образуютъ надъ ними яркую радугу.—Первой скачекъ Веллино въ 600 фут. На него нельзя смотрѣть иначе, какъ съ иѣкотораго отдаленія, и никакая человѣческая нога не проложила еще смѣлой тропинки, по которой бы можно было подойти ближе къ сему чуду природы. Но какъ выразить красу и ужасъ такого явленія! Безпрерывное ударение вѣчно возобновляющихся водъ и спокойное противодействованіе мшистыхъ вѣковыхъ скалъ! Надъ самой пучиной, куда и взора не опускаешь безъ трепета, спокойно вьется мотылекъ, и малиновка порхаетъ по камнямъ, съ веселой пѣснью садись на гибкіе стебли висячихъ растеній.

Удивленіе, нераздѣльное съ такимъ зрящемъ, еще усугубляется когда подумаешь, что теченіе Веллино отъ \*

озера Люко и самое паденіе сей рѣки, не есть твореніе природы, а произведеніе рукъ человѣческихъ. Римляне, желавшіе избѣжать частыхъ наводненій озера, оставили по себѣ сей бессмертный памятникъ, который вмѣстѣ со многими ихъ работами, смѣлостію вымысла и трудностію исполненія, далеко превосходитъ все то, что теперь дѣлается или предпринимается.

Переходы на скалы, съ которыхъ лучше можно видѣть каскадъ, всѣ заняты нищими, которые подѣлали тутъ заборы и калитки и налагаютъ по-дѣльству на любопытство путешественника. Я долго смотрѣлъ на водопадъ и потомъ взглянулъ на быструю рѣчку Неру, текущую по долинѣ; она показалась мнѣ почти стоячею водою. По берегу ея, подъ тѣнью высокихъ зеленыхъ дубовъ, шель я въ глубокомъ ущельи огромныхъ скалъ, обросшихъ плющемъ, до маленькой деревни, въ

которой ожидала меня повозка моя.  
Здѣсь, съ пріѣзда моего въ Италію, въ  
первый разъ видѣлъ я крытую алею  
изъ померанцовыхъ деревьевъ.

Отъ Терни до городка Civita Castellana, гдѣ я ночевалъ, прекрасная дорога  
и нѣсколько красивыхъ селеній; Civita  
Castellana за пять станцій отъ Рима.—  
Здѣсь виноградникъ, оливковыя и фрук-  
товыя деревья исчезаютъ; передъ гла-  
зами единообразныя дикія или худо  
обработанныя поля; кажется, природа  
отказывается красою своею развлече-  
вать вниманіе ѿдущаго въ Римъ; ничто  
не препятствуетъ ему умственно го-  
товить себя къ свиданію съ древнимъ  
обладателемъ вселеній и заранѣе го-  
товиться съ нимъ воспоминаніями. За  
22 мили отъ Рима, на возвышеніи, каж-  
дый почталіонъ и ветуринъ считаетъ  
обязанностію, остановиться и показать  
вдали куполъ Св. Петра, который ясно  
видѣнъ тогда, какъ прочія зданія города

еще непримѣтны. Не въѣзжая въ предмѣстіе, надобно перейхать чрезъ быстрый мутной Тибръ; близъ моста, на берегу, было множество народа; я остановился, дабы узнать причину сего сборища: прекрасная молодая Англичанка, (я зналъ ее во Флоренціи), гуляя верхомъ, хотѣла принудить лошадь свою пройти по узкой сыпучей тропинкѣ, где и пѣши ходятъ съ осторожностю; лошадь взвилась и вмѣстѣ съ милою Miss Butterst опрокинулась въ Тибръ; чрезъ полчаса лошадь выбралась на берегъ, а несчастная исчезла; не имѣютъ даже и печальной надежды отыскать ея тѣла, которое конечно увлечено въ море. Вообрази себѣ отчаяніе матери; она въ Туринѣ и ввѣрила единственную, любимую дочь свою, попеченію дяди, который взялся показать ей Римъ!—Вотъ подъ какими несчастными предзнаменованіями упѣдѣлъ я сей городъ. Древній житель она-

го, безъ сомнінія, отсрочилъ бы свой въездъ до другаго дна, или по крайней мѣрѣ посовѣтовался бы съ жрецами ближняго храма.

Я прощаюсь съ тобою у Porta del popoli; передъ глазами моими три прямые улицы и величественный Египетскій обелискъ, съ которыми познакомлю тебя, самъ съ ними познакомившись.

*Неапольской заливъ. Сиррентская долина, 20 Мая.*

Тому три недѣли, какъ я пзъ Неаполя переселился на житѣе въ Сиррентскую долину, взялъ съ собою застать книгу, и въ полной мѣрѣ наслаждаюсь сельскою жизнію или просто жизнію. Ноутру встрѣчу солнце, ввечеру провожаю его, и самъ ложусь спать; днемъ гуляю если не очень жарко, или читаю въ прохладной пещерѣ, на берегу моря. Заливъ отдѣляетъ меня

отъ Неаполя; но съ здѣшнимъ прозрачнымъ воздухомъ ясно видѣнъ и городъ, и виллы, и села у подошвы Везувія, и самъ Везувій яснѣ и величественнѣе, нежели изъ Неаполя. Часто, спля на высокомъ и отвѣсномъ берегу моря, откуда мнѣ рыбачыи лодки кажутся плавающими по водѣ мошками, восхищаюсь безпрестанно новыми красотами природы, и думаю: зачѣмъ здѣсь нѣтъ тебя! Какими красками, какими картинами запасся бы ты здѣсь на всю жизнь! Чѣмъ бы ты почувствовалъ, глядя на эти скалы, покрытыя пышными растеніями; на чудесные оттенки горъ, на отраженіе ихъ въ темноголубомъ морѣ, на дымящійся Везувій! Сколько бы новыхъ выражений внушилъ тебѣ этотъ упоительный воздухъ цвѣтушихъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ!

Въ нашей сторонѣ, какъ ни вертись, а не отдѣлаешься отъ черныхъ сосенъ,

развѣсистыхъ вязовъ, семы березъ и дремлющей ивы; сырой болотный туманъ, для прикрасы по неволѣ назовешь чистымъ, благовоннымъ воздухомъ, да въ добавокъ посадишь и заставишь пѣть соловья тамъ, гдѣ ему ни пѣть, ни сидѣть ис хочется, и куда вѣроятно онъ и залетаетъ только по нуждѣ или по ошибкѣ. А здѣшняя природа украшеній никакихъ не требуетъ: смотри и старайся писать точно то, что видишь. И потому, по моему мнѣнію, наши сѣверные поэты несравненно болѣе имѣютъ достоинства въ вымыслѣ, чѣмъ тѣ, кои родились и жили въ краяхъ, щедро украшенныхъ рукою Провидѣнія. Виргилій въ окрестностяхъ Неаполя списалъ съ натуры Елисейскія поля, Тартаръ, пещеру Сивиллы и Цербера; потомъ, высадивъ Энея на берегъ, заставилъ пройти по тѣмъ самымъ мѣстамъ, по которымъ прошелъ самъ; но сдѣлай предпо-

ложење, что Виргилій всю жизнь свою гулялъ по окрестностямъ Петербурга и если тогда умѣлъ бы онъ написать шестую книгу Энеиды, то былъ бы вдвойнѣ поэтомъ. Теперь скажи мнѣ, отчего поэты такъ часто и охотно воспѣваютъ восхожденіе солнца, а о закатѣ его говорятъ рѣдко и только слегка? Я здѣсь и то и другое вижу ежедневно, и право не знаю, которой изъ двухъ картинъ дать преимущество: *ce sont deux superbes pendants du m me maître.* Море отъ хижины моей въ нѣсколькихъ шагахъ, и я каждый вечеръ хожу на берегъ, сажусь на высѣченную въ скалѣ скамью, и оттуда смотрю, какъ солнце яркимъ огненнымъ щитомъ тонетъ и гаснетъ въ волнахъ, оставляя по себѣ на морѣ длинную горячую полосу; какъ золотить оно парусы вдали на горизонте плывущаго корабля, какъ лучи его тухнутъ постепенно на поверхности

водъ, потомъ въ долинѣ, потомъ исчезаютъ на вершинѣ горъ, блеснувъ въ послѣдній разъ на бѣлыхъ стѣнахъ и на крестѣ монастыря; смотрю и сердцемъ жалѣю, что нѣтъ у меня кисти Вернета, или что я не поэтъ. Кстати о Вернетѣ скажу тебѣ, что не бывъ въ Неаполѣ, о произведеніяхъ его судиши только архімативемѣнѣ. Какъ, не видавши ихъ въ натурѣ, понять и повѣрить на картинѣ этому небу, воздуху, водѣ! Мне самому многія изъ картинъ его казались до сихъ поръ удачнымъ вымысломъ, напр. я помню одну изъ нихъ: на чистомъ небѣ свѣтить луна, вблизи, съ правой стороны, огромная арка, опершись однимъ концемъ о крутої берегъ, другимъ спустилась въ море, въ самомъ берегѣ, подъ темными сводами, переходы и излучистая лѣстница, по которой сходятъ нѣсколько человѣкъ, одинъ изъ нихъ несетъ

зажженой факель, нѣсколько другихъ, въ рубахахъ, въ красныхъ колпакахъ, стоять внизу по колѣно въ водѣ и причаливаютъ лодку, въ коей брошенъ неводъ, веревки, боченокъ и проч.; въ туманномъ отдаленіи гористый островъ. Признаюсь, что сю странную, но природой поставленную арку, соединеніе свѣта луны и факела, словомъ, всю картину почиталъ я идеальнымъ произведеніемъ или по крайней мѣрѣ соединеніемъ въ одно такихъ предметовъ, кои въ натурѣ разбросаны и отдѣльны. Вчера, вечеромъ, увѣрился я въ противномъ: весь этотъ берегъ видѣлъ я при свѣтѣ луны; видѣлъ рыбаковъ, спускающихся по лѣстницѣ съ зажженными факелами, идущихъ на ночной рыбной промыселъ. Картина Вернета живо представилась моей памяти, и теперь я увѣренъ, что онъ не выдумалъ ее и написалъ не изъ головы, а съ natu-

ры. Вообще берега Сорренто, Массы, Амальфи, Салерно, представляютъ самыя разнообразныя, самыя удивительныя зрѣлища. Каменної, высокой и отвесной берегъ изрытъ въ нѣсколько ярусовъ гrotами, галлереями, изъ коихъ брали прежде камни для строенія; множество лѣстницъ ведетъ прямо въ море; не по всякой однакоже можно спускаться безопасно; часто изъ одной гроты въ другую проходятъ по узкой наружной панели. Въ иныхъ мѣстахъ, вода, ударяясь безпрестанно о скалы, такъ ихъ изрыла и выдолбила, что дала иной видъ работъ человѣка, и пещера, начатая людьми, окончена природой. Ты можешь себѣ представить, какой шумъ и громъ производить, во время бури, біеніе волнъ въ сюю пустую гору; съ какимъ ревомъ валъ, плеснувъ въ ущелья между каменьевъ, обратно стекаетъ въ

море! Я люблю это мѣсто; здѣсь всегдѣ ожидаетъ меня твоя фантазія.

*Cорренто, 3 Июля.*

Нынчѣ хочу тебѣ писать о Помпѣѣ и Геркуланѣ; но прежде скажу нѣсколько словъ о Везувіи.—Не ожидай, что бы, по слѣдамъ минералоговъ, сталь я разбирать причины и дѣйствіе подземныхъ пожаровъ; я намѣренъ только немнога познакомить тебя съ Неапольскимъ волканомъ и разсказать, что видѣлъ я на вершинѣ его, потомъ, пройдя по улицамъ Помпей, спущусь на нѣсколько минутъ и въ Геркуланѣ.

Гора, которую обыкновенно называютъ Везувіемъ, состоитъ собственно изъ двухъ горъ, у коихъ вершины отдѣльны, а основаніе общее. Одна изъ нихъ возвышается въ видѣ усѣченного конуса, на которомъ теперь находится жерло, или кратеръ: весь этотъ конусъ не что иное, какъ на-

сыпь изъ золы и довольно мелкихъ каменьевъ. Другая гора, Сомма, бывшая въ древнія времена огнедышащею, утихла совершенно, поросла травою и обработана почти до верха. Везувій, при каждомъ изверженіи, измѣняеть видъ свой, иногда выростая отъ выбрасываемыхъ имъ камней и лавы. иногда дѣлаясь ниже по причинѣ обрушающихся стѣнъ кратера. По цѣлымъ днямъ и недѣлямъ бываетъ онъ спокойенъ, вдругъ задымится, и дымъ то подымается, то тихо стелется по скату горы. Первое изверженіе, намъ известное, случилось въ 79 году отъ Рожд. Христ., въ началѣ царствованія Императора Тита. Послѣ многихъ предвестниковъ страшного явленія, подземный огонь открылъ себѣ отверстіе на Соммѣ; лава потекла въ невѣроятномъ количествѣ, свѣти солнца быль нѣсколько дней помраченъ дымомъ и золою. Въ самое короткое время, Гер-  
\*\*

куланъ залило лавою, а Стабія и Помпей, не смотря на разстояніе ихъ отъ горы, погибли подъ пепломъ. Ужасное извержение сіе замѣчательно. сверхъ того, смертию несчастнаго Плинія, пріѣхавшаго съ противолежащаго Мизенскаго мыса, наблюдать вблизи явленіе, тогда мало еще извѣстное.

Послѣ бывали изверженія довольно значительныя; случившееся въ 1822 году хотя и не много нанесло вреда, но было изъ числа самыхъ сильныхъ.

Колебаніе земли, волнованіе моря, глухой, но ужасной подземный шумъ, обыкновенно предшествуютъ изверженію. Столбъ чернаго дыма выходитъ изъ жерла, поднимается отвѣсно на чрезмѣрную высоту и разстиляется по всему небосклону. Италіяне называютъ его Ріно, потому что въ самомъ дѣлѣ въ большомъ видѣ походитъ онъ на сей родъ деревьевъ, украшающихъ сады Неаполя и Рима. Трескъ

и удары, подобные сильнѣйшему грому, слѣдуютъ одинъ за другимъ безпрерывно; молнія сверкаетъ непрестанно и раздираетъ густую тучу, пробѣгая по столбу; лава начинаетъ течь: днемъ, подобно черной дымящейся рѣкѣ, тихо подвигается она по наклоненію горы, но медленность не уменьшаетъ ни ея силы, ни ужаснаго дѣйствія. Она влечеть съ собою цѣлые скалы, величайшия деревья сжигаетъ прежде неожели ихъ коснется; ничто не можетъ остановить ея хода или измѣнить направлениѣ; каменными волнами клубить она чрезъ стѣны, сносить ихъ, и онѣ плывутъ вмѣстѣ съ нею. Но самое удивительное, красивое и вмѣстѣ ужасное зрѣлище представляетъ вулканъ ночью: багряное зарево покрываетъ все небо и отражается въ морѣ; раскаленные камни летятъ и съ трескомъ разрываются въ воздухѣ; лава огненною струей спускается

съ горы и освѣщаетъ всю окрестность; земледѣлецъ издали можетъ слѣдоватъ за нею глазомъ и видѣть какъ исчезаютъ постепенно и садъ его, и нива, и домъ и какъ страшный черный камень заступаетъ мѣсто обработанной, плодоносной земли.

По преданію, св. Януарій, покровитель Неаполитанцевъ, одинъ имѣетъ власть прекращать ужасныя опустошенія Везувія; на дорогѣ изъ Неаполя въ Портічи есть мостъ, на немъ изображенъ этотъ святой изъ мрамора, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ остановилъ лаву за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, когда въ Неаполѣ начинали уже страшиться ея. Нельзя не пожалѣть о бѣдныхъ жителяхъ Помпей и Геркулана! Бѣ числѣ ихъ боговъ не нашлось ни одного, который бы, подобно св. Януарію, умѣлъ отстоять ихъ отъ погибели.

Желающіе подняться на Везувій.

обыкновенно изъ Портичи ъдуть верхами, на лошакахъ или ослахъ; мѣстами хорошая, усаженная фруктовыми деревьями дорога, приводить къ такъ называемому эрмитажу. Отсюда по излучистой тропинкѣ, чрезъ застывшую иеровную лаву, доѣзжаютъ до подошвы огромнаго конуса, гдѣ надобно непремѣнно спѣшиться. Крутая пепельная насыпь представляетъ видъ самый печальный и единообразный; она усѣяна обгорѣлыми камнями; на ней нѣть ни одной травки. Здѣсь можно различать всѣ лавы, вытекшія въ разное время изъ горы; иныя частію обратились уже въ землю и покрыты растеніями, другія черными полосами простираются до самаго моря и сохранили ужасную наружность.

Тутъ начинается самая трудная, самая утомительная часть сего путеше-ствія: не имѣя твердой опоры, нога безпрестанно скользить и погружается

въ зыбкую золу; сдѣлавъ съ величайшимъ усилиемъ нѣсколько шаговъ въ гору, сползаешь назадъ вмѣстѣ съ камнями, за которые хочешь удержаться и находишься опять на прежнемъ мѣстѣ; горячая зола жжетъ подошвы и препятствуетъ останавливаться для отдохновенія. Признаюсь, что я не разъ чувствовалъ въ себѣ болѣе охоты къ обратному пути, нежели къ продолженію его. Наконецъ, выбившись совершенно изъ силъ, добрался я до кратера, и легъ на краю его. Представь себѣ яму въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, болѣе версты въ поперечниѣ, съ неровными, то отвѣсными, то менѣе крутыми берегами, вотъ теперешній кратеръ; дна его не видно, изъ него выходитъ жаркій паръ, а по краямъ зола такъ горяча, что лежа чувствуешь мгновенно теплую сырость, проникающую сквозь одежду. Не смотря на это, я и товарищи рѣшились тутъ провести

ночь; хотѣли видѣть восходящее солнце и надѣялись, что удастся намъ быть свидѣтелями какого нибудь вулканическаго феномена; и такъ мы отправили проводниковъ обратно къ эрмитажу за дровами, факелами, хлѣбомъ и виномъ. Солнце закатилось въ облакахъ и туманѣ, и тѣмъ лишило насъ прекраснаго зрѣлища. Наступила совершенная темнота; въ Неаполѣ и Портичи свѣтлѣлись отдаленные огньки, а передъ нами въ безднѣ Везувія въ нѣсколькихъ мѣстахъ зажглось синеватое пламя: это былъ газъ, безпрестанно поднимающійся изъ кратера. Вдругъ раздался сильный подземный шумъ; подобно катящемуся по тучамъ грому, пробѣгалъ онъ пустоту горы, то удаляясь, то приближаясь съ трескомъ, а иногда съ звонкими ударами, происходящими какъ будто отъ молота, ударяющагося о металъ. Потомъ глубокое молчаніе и опять сильные въ

безднѣ удары, за ними ужасное кло-  
котаніе. Я прислушивался, смотрѣлъ  
въ черную пропасть и ждалъ новаго  
явленія; но все утихло, слышанный  
мною шумъ былъ точно не земной;  
настала полночь, мы почувствовали  
свѣжую сырость и съ нетерпѣніемъ  
желали возвращенія проводниковъ; они  
медлили и дали намъ время одуматься,  
а наблюдательному нашему расположе-  
нію простыть. Наконецъ, вдали по  
направленію отъ эрмитажа, показался  
свѣтъ; онъ тихо приближался къ намъ,  
то были проводники; прошло еще пол-  
часа, и мы на вершинѣ Везувія раз-  
ложили большой огонь, обогрѣлись, по-  
ужинали и, не смотря на темноту, рѣ-  
шились сойти съ горы, чтобы оставль-  
ное время ночи провести у пустынника.  
Съ трудомъ начали спускаться и пак-  
онецъ, спотыкаясь и падая, добрали  
до эрмитажа. Я расположился ночевать  
на дворѣ; жилище отшельника не бли-

стало со стороны чистоты, и съ первого взгляда догадался я, что онъ живеть тутъ не одинъ, а имѣть тысячи вѣрныхъ товарищей, которые бы мнѣ спать не дали, да и на другой день не захотѣли бы со мной разстаться; но я спалъ недолго; прогуливаясь одинъ подъ развѣсистыми дубами, встрѣтилъ первые лучи солнца, которое мало-помalu начало освѣщать богатую Campagna felice, Неапольскій заливъ, Неаполь и синяя горы Римскихъ владѣній. Утро незабвенное! Здѣсь въ первые окинулъ я глазомъ благословенный сей край, гдѣ и горячій пепель и всесожигающая лава обращаются въ пользу поселянину и вскорѣ щедро награждаютъ его, за панесенный ему уронъ. Густой виноградникъ, тучныя поля, весь годъ зеленые огороды, свидѣтельствуютъ о плодовитости огненной сей почвы.

Мои спутники, заспанные, но не вы-

спавшіеся, выходя одинъ за другимъ изъ келіи пустынника, необычайными тѣлодвиженіями подтвердили, въ глазахъ моихъ, справедливость моей догадки, и я не раскался въ проведенной мною безъ крыши ночи.

Мы сѣли опять на ословъ, а въ Портичи въ коляски, и возвратились въ Неаполь, гдѣ всѣ спрашивали насъ о бывшемъ въ прошлую ночь на Везувіи маленькомъ извержени. Часовые и гуляющіе по Неапольской набережной увѣрены были, что огонь, видѣнныи ими на вершинѣ горы, выходилъ изъ кратера.

**Потѣзда изъ Неаполя въ Помпею и возвращеніе  
чрезъ Геркуланъ.**

Еще не прошло двухъ часовъ, какъ оставилъ я Неаполь, гдѣ шумными толпами кипитъ по улицамъ народъ и теперь хожу по безлюднымъ домамъ, храмамъ, театрамъ и по площадямъ

Помпей. И она имѣла, подобно Неаполю, своихъ жителей, свои увеселенія, свои богатства, и гавань съ кораблями и войско. Одинъ часъ, быть можетъ обратилъ обширный городъ въ пространную гробницу и чрезъ семнадцать столѣтій, путешественникъ читаетъ на каждомъ домѣ четкими литерами имя давно истлевшаго хозяина; вездѣ видѣть слѣды бывшаго населенія, порядка, роскоши, признаки вѣры, обычаевъ и даже внутренняго устройства жилищъ.

Здѣсь всякий уголокъ занимателенъ; чувство какого-то самолюбія овладѣло мною, когда я примѣтилъ, что могу, безъ помощи ученыхъ и учености, читать въ протекшихъ столѣтіяхъ и, вопросая самъ видимые мною предметы, узнавать безъ догадокъ, какъ жили древніе, какъ проводили времена, какія почести отдавали умершимъ, какъ

жрецы приносили жертвы богамъ и  
какъ обманывали народъ.

Домы Помпейскіе болѣе или менѣе  
между собою сходны, почти всѣ имѣ-  
ютъ одинакое расположеніе, потому  
что древніе почти всѣ жили одинаково.  
Если бы ясталъ вводить тебя съ со-  
бою въ каждый домъ, въ которомъ  
былъ самъ, то ты вѣрно, не обойдя  
еще и половины города, наскучилъ бы  
моимъ описаніемъ. И потому буду го-  
ворить объ одномъ только изъ виднѣй-  
шихъ, о которомъ, для большей ясно-  
сти, войду въ подробности внутрен-  
няго его расположенія.

При самомъ входѣ въ предмѣстье  
Помпеи, со стороны Геркулана по пра-  
вую руку находится загородный домъ  
Марка Ария Діомеда; по невысокой лѣ-  
стницѣ входятъ на четверо-угольный,  
продолговатый дворъ, вымощенный до-  
вольно красивымъ мозаикомъ; кругомъ  
двора былъ крытый навѣсъ, поддер-

живаемый выштукатуренными колоннами; онъ служилъ убѣжищемъ отъ дождя, а дождевая вода стекала съ крыши въ два каменныхъ колодца; на краяхъ ихъ видны еще слѣды тренія веревокъ. Таковой крытый ходъ, для того же предмета существуетъ здѣсь почти во всѣхъ домахъ; изъ него входы въ отдельныя комнаты, имѣющія каждая свое назначеніе; онъ большею частію безъ оконъ, а свѣтъ получають черезъ дверь. Со двора Діомедова входятъ на маленькую площадку или террасу, съ коей видъ на море: тутъ древніе проводили почти весь день лѣтомъ, тутъ была ихъ пріемная и спальня. Терраса маленькимъ садикомъ соединена съ небольшою ванною, украшенною мозаикомъ; близъ нея комната съ длиннымъ очагомъ, надъ которымъ, въ трехъ чанахъ, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, нагревалась вода и получала различную степень теплоты;

надъ сею комнатою видна другая, въ которую изъ нижней собирались водяные пары: она служила банею; подлѣ видна еще другая, гдѣ послѣ бани настирали тѣло эссенціями, и еще одна, въ которой раздѣвались и одѣвались. Древніе были въ разсужденіи бани и ваній весьма прихотливы; купались по нѣскольку разъ въ день, и потому, кромѣ великолѣпныхъ бани для народа, многіе имѣли въ домахъ еще и свои собственныя. Другая дверь изъ крытой галлереи отворяется въ спальню, которая окошками въ садъ; за нею рядъ комнатъ, гдѣ жили женщины; столовая и еще много другихъ жилыхъ покоевъ. Нѣсколько ступеней ведутъ въ подвалъ; онъ состоитъ изъ трехъ коридоровъ, соотвѣтствующихъ тремъ сторонамъ крытаго хода на дворѣ; подвалъ сей служилъ погребомъ и теперь еще видны въ немъ большиe глиняные остроконечные сосуды, въ коихъ со-

храняли вино. Здѣсь нашли кости 17 человѣкъ, вѣроятно скрывшихся тутъ во время пепельного дождя; вѣроятно также, что въ числѣ ихъ находилась хозяйка дома; на ней найдены серьги и другія золотыя украшенія; въ Королевскомъ Музѣѣ показываютъ слѣпокъ груди и части одежды сей женщины, отпечатавшіяся въ отвердѣвшей золѣ, которая ее удушила. У дверей, ведущихъ изъ сада въ поле, найдены также два скелета: одинъ изъ нихъ (быть можетъ хозяинъ) держалъ въ одной руцѣ связку ключей, въ другой золотыя и серебряныя монеты; шедшій за нимъ несъ нѣсколько бронзовыхъ и серебряныхъ сосудовъ.

Разматривая домъ сей, всего болѣе дивился я прочности строенія, а особенно штукатурки, имѣющей глянецъ мрамора, и живости красокъ въ сохранившейся по стѣнамъ живописи. Тѣ однакожъ, кои равняютъ съ произ-

веденіями Рафаэля и Сальватора Розы картины, найденные въ Помпѣи и даже Геркуланѣ, ослѣплены, мнѣ кажется, пристрастиемъ къ древнімъ. То, что открыто въ обоихъ городахъ, доказываетъ, по моему мнѣнію, что скульптура была тамъ гораздо совереннѣе живописи. Въ числѣ статуй, вырытыхъ въ храмахъ, иныхъ превосходны во всѣхъ отношеніяхъ, а стѣны тѣхъ же храмовъ расписаны весьма посредственно. Если же принять въ соображеніе, что на стѣнахъ писали не лучшіе художники, то тогда и я признаюсь, что древніе маляры были гораздо искуснѣе нашихъ, потому что дѣйствительно въ иныхъ картинахъ замѣтна кисть хорошаго художника. Впрочемъ, пристрастное въ семь случаѣ сужденіе нѣсколько пзвинительно; мнѣ самому не шла на умъ критика, когда я былъ въ присутствії сихъ зданій; они внушаютъ почтеніе и даже пѣкоторую при-

знательность: безъ нихъ, могли ли бы мы такъ живо перенести себя въ прошедшее, за тысячу семьсотъ лѣтъ? Домы тѣхъ жителей Помпеи, которые были бѣднѣе, совершенно сходны съ бѣдными домами жителей Портичи и другихъ мѣстъ по сосѣдству Иеаполя: одна довольно тѣсная комната достаточна здѣсь и теперь для цѣлаго семейства; вѣроятно, что и тогда какъ нынче, ремесленники и работали, и стряпали, и обѣдали на улицѣ. Климатъ былъ тотъ же, слѣдственно и обычай тѣхъ временъ имѣлъ сходство съ теперешними обычаями. Но тогда каждый членъ общества принадлежалъ болѣе обществу, нежели самому себѣ; а потому и зданія общественные были великолѣпны, а частныя жилища скромны; и изъ надписей, на ѹденныхъ въ Помпѣѣ подъ нѣкоторыми храмами, видно, что послѣ землетрясенія, предшествовавшаго нѣсколькими годами раззоренію сего го-

рода, иные жители на своеи иждивеніи исправили и выстроили упадшія стѣны сихъ храмовъ, прежде нежели приступили къ исправленію собственныхъ домовъ своихъ.

Вышедъ изъ описанного мною дома, пошелъ я къ городскимъ воротамъ; по обѣимъ сторонамъ улицы видны гробницы, иныя мраморныя украшены барельефами, другія изъ простаго везувийскаго камня и каждая съ хорошою сохраненною надписью. Внутренность ихъ мало занимательна, потому что примѣчательнѣйшия вещи вынуты и находятся въ Музей. По некоторымъ примѣтамъ, когда откапывали сіи гробницы, можно было догадаться, что уже прежде (быть можетъ, самими жителями) были они открыты и обобраны. Подлѣ одной изъ гробницъ находится то мѣсто, гдѣ родственники и друзья собирались вокругъ каменного стола и, лежа на каменныхъ скамьяхъ, ёли и

пили въ честь умершаго. Неподалеку отъ воротъ, видѣнъ домъ, который, по мнѣнию нѣкоторыхъ, долженъ быть принадлежать Цицерону.

Я вошелъ въ городъ: на каждомъ домѣ кистью и красными чернилами описано имя хозяина. Сверхъ того, во многихъ мѣстахъ на стѣнахъ такимъ же образомъ написаны различные объявленія: продажа имѣній, лавки, отдающіяся въ наемъ, объявленія отъ театровъ и амфитеатра, день представлениія піесы и имя автора, сраженіе людей съ звѣрями и гладиаторовъ между собою; славнѣйшия изъ сихъ послѣднихъ называны поименно. Почти во всякой афишѣ уведомляютъ публику, что представлениіе будетъ съ веларіями (*velari*), т.-е. надъ театромъ будетъ наметъ или зонтикъ, защищающій зрителей отъ солнца и дождя. Видишь, что изъ сохранившихся памятниковъ можемъ мы знать

навѣрное, какія увеселенія занимали несчастныхъ Помпеянъ, за нѣсколько дней предъ уничтоженіемъ ихъ города.

Слѣдуя по главной улицѣ, проходишь мимо многихъ лавокъ, гдѣ продавали вино, масло, теплые и прохладительные папитки, хлѣбъ; мимо аптеки, скульптора, хирургического заведенія, музыкальной школы, мыльной фабрики, кузнеца и проч. и проч. Все это не догадки; изъ предметовъ, найденныхъ въ домахъ, безошибочно можно было заключить о ихъ назначеніи. — Въ Музѣѣ хранятся сосуды, инструменты, мука, печеної хлѣбъ, крупа, миндаль, изюмъ и множество другихъ вещей.

*Помпейскій Форумъ.* — Продолговатая четырехъ-угольная площадь, шаговъ въ 300 длины, съ двухъ сторонъ ея было по три ряда колоннъ, которые поддерживали кровлю и служили вѣроятно

для прогулки во время дурной погоды: на одномъ концѣ площади иѣсколько пьедесталовъ, но на нихъ не нашли ни одной статуи, что служитъ еще доказательствомъ, что здѣсь уже и прежде отрывали иѣкоторыя мѣста. Многія изъ колоннъ треснули, другія повалились, не отъ времени, а отъ землетрясенія, повредившаго иѣкоторыя зданія Помпей за тринадцать лѣтъ до ся совершенного уничтоженія. Изъ близъ лежащихъ матеріаловъ иѣсколькихъ исправленныхъ колоннъ видно, что жители занимались починкою сего портика, когда Везувій воспрепятствовалъ имъ привести оную къ окончанію.

*Храмъ Изиды.*—Умалчивая о храмахъ Венеры, Эскулапа, Юпитера, я говорю о храмѣ Изиды, потому что онъ сохраненъ гораздо лучше прочихъ: во многихъ мѣстахъ Неаполитанского Королевства видны остатки храмовъ,

посвященныхъ Египетскимъ божест-  
вамъ. Жители морского берега, имѣя  
торговое сообщеніе съ Александріею,  
ввели и у себя поклоненіе Ибису, Ану-  
бису и пр. Изображеніе всѣхъ сихъ  
боговъ съ собачьими головами, съ жу-  
равлиными носами, найдены здѣсь въ  
храмѣ Изиды. Онъ не великъ, не имѣлъ  
крыши, но рядъ колоннъ параллельно  
тремъ стѣнамъ его, поддерживалъ, какъ  
и въ другихъ храмахъ, неширокую кров-  
лю, подъ коеи укрывались отъ дож-  
дя. На одномъ концѣ храма нѣсколь-  
ко ступеней ведутъ на возвышеніе,  
гдѣ въ стѣнѣ видны три впадины, въ  
коихъ стояли идолы. Возвышеніе это  
(внутри просто) сзади имѣеть потаен-  
ную лѣстницу, и довольно правдопо-  
добно, что тутъ скрывался жрецъ,  
игравшій роль божества и отвѣчав-  
шій за него вопрошающимъ. Предъ  
возвышеніемъ стоять два жертвенни-  
ка; на одномъ изъ нихъ закалывали.

на другомъ сжигали жертву; другіе жертвеники близъ колоннъ служили для куреня. Въ задней части зданія: кухня и двѣ комнаты, гдѣ жили жрецы. Здѣсь нашли всю утварь языческаго храма, но любопытнѣе всего два скелета жрецовъ: одинъ изъ нихъ, стражася избѣгнуть смерти, пробилъ топоромъ стѣну; товарищъ его изъ пренебреженія къ жизни, или изъ привязанности къ наслажденіямъ ея—умеръ за столомъ, подлѣ коего лежали остатки куренка и яичная скорлупа.

*Театры Комической и Трагической.*— Они стоять одинъ подлѣ другаго; первый замѣчателенъ тѣмъ, что, противъ обыкновенія древнихъ театровъ, былъ крытый; оба не велики, но Трагической отличается размѣромъ и мраморными украшеніями; въ обоихъ видны мѣста для Весталокъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, сцена весьма мелка, она оканчивается стѣною

и тремя дверями, откуда выходили актеры. Хотя и найдены признаки машинъ, хотя антикваріи и увѣряютъ, что древніе умѣли вводить въ театральныя представлениа всѣ извѣстныи намъ волшебства, полеты и проч., но глядя на малое пространство сцены, на близкое ея отъ зрителей разстояніе, и антикваріямъ не вѣрю. Разборчивый вкусъ Помпеянъ не оставилъ бы ихъ ни па минуту въ заблужденіи, и они скоро замѣтили бы, въ легкихъ облакахъ, грубую ткань дымки, въ восходящихъ солнцахъ и лунѣ намасленные бумажные круги, а въ летающемъ по воздуху героя, поддерживающую его проволоку и веревку. Притомъ же извѣстно, что у древнихъ не было вечернихъ представлений, а при дневномъ свѣтѣ нѣть возможности обмануть глазъ и самаго незрячаго жптеля.

*Амбитеатръ.* Величественное, весь-

ма хорошо сохраненное зданіе. Оно  
мало чѣмъ менѣе Римскаго Колисея,  
а незнаніе его было тоже: звѣринаи  
травля, сраженіе звѣрей съ людьми и  
людей между собою, привлекали сюда  
весь городъ и всѣхъ окрестныхъ жи-  
телей. Невольникъ и гладіаторъ, на-  
значенные бороться со львомъ и ти-  
громъ, не только жертвовали жизнью,  
но должны еще были идти на смерть  
съ равнодушіемъ, съ рѣшительностю  
и умирать по извѣстнымъ правиламъ.  
Тотъ изъ нихъ, который показывалъ  
робость и малодушіе, былъ зрителями  
обруганъ и издыхалъ со стыдомъ.  
Мертвя тѣла выносили съ арены  
чрезъ особую дверь. Страбонъ, упо-  
миная о нравахъ жителей Компаний,  
говорить, что даже на пирахъ, на  
которые съзывали они друзей, иѣсколько  
паръ гладіаторовъ сражались и про-  
ливали кровь, между тѣмъ какъ вар-  
вары синъ насыщались яствами и упи-

\*

вались виномъ.—Тацитъ, въ XIV книжъ своихъ лѣтописей, упоминаетъ о кровопролитной распѣ, случившейся въ Помпейскомъ амфитеатрѣ между жителями Помпеи и Римскими поселенцами близъ-лежащаго городка Ночеры, пришедшими сюда на праздникъ: начало ссоры было назначутое, но скоро отъ браны перешли Помпейцы къ дракѣ, къ каменьямъ и къ оружію; множество Римлянъ осталось мертвыми и еще большие ранеными иувѣченными. Сенатъ, узнавъ о такомъ беспорядкѣ, лишилъ Помпеянъ на десять лѣтъ права давать зрѣлища въ амфитеатрѣ.

Покидая Помпею, я искренно жалѣлъ, что правительство назначило только 8 человѣкъ и 4 вола, для продолженія очищенія города отъ золы. При Французыахъ работа эта производилась съ большею дѣятельностю: они отрыли между прочимъ городскія стѣны, и такъ какъ пространство Помпей

теперь уже известно, то, прибавивъ работниковъ, можно бы въ самое короткое время возвратить ее всю любителямъ древности.

Дорога оть Помпей до Геркулана идетъ по берегу моря. Послѣднее изверженіе Везувія засыпало мостовую на нѣсколько вершковъ золою, которая весьма непріятна и даже вредна глазамъ, когда ее поднимаетъ вѣтеръ. Вся дорога эта усыпана слѣпыми нищими, они бѣгутъ за проѣзжими и неотступно требуютъ милостыни. Не знаю чому приписать большое число сихъ слѣпыхъ; не знаю, оть тонкой ли Везувіянской пыли теряютъ они зрѣніе, или, ослѣпнувъ по другой причинѣ, приходятъ сюда потому что уже пыль не можетъ имъ вредить.

*Геркуланъ.*—Точное положеніе Геркулана долго оставалось въ неизвѣстности, а неизвѣстность сія служила поводомъ ко многимъ догадкамъ и спо-

рамъ ученыхъ. Въ 1738 году, крестьянинъ деревни Резаны, выкопавъ колодезь въ 80 футовъ глубины, долженъ былъ прекратить свою работу, нашедъ, вместо воды, древнее строеніе: это былъ театръ Геркулана.

По сему первому признаку о существованіи города правительство начало отрывать далѣе; но такъ какъ надъ симъ мѣстомъ поверхность земли покрыта домами Портичи и Резаны, то предстояла опасность, подкапываясь подъ нихъ, повредить оные, а потому и принуждены были рыть почти наудачу, слѣдя горизонтальному направленію и засыпая снова открытые мѣста по мѣрѣ того какъ вынимали найденные предметы.—Теперь изъ всѣхъ найденныхъ въ Геркуланѣ домовъ и улицъ оставлена для любопытныхъ только малая часть театра.—Подъ землею, при факельномъ освѣщеніи, трудно и почти невозможно получить ясное по-

нятіе о строеніи, коего видны только отдѣльныя части; но, судя о величинѣ театра по длинѣ сцены, можно увѣриться, что онъ былъ гораздо обширнѣе Помпейскаго, а разсмотривая въ Музей найденные въ Геркуланѣ мраморы, бронзы и живописи, утвердительно можно сказать, что городъ этотъ былъ великолѣпнѣе Помпеи и что жители онаго были и богатѣе и роскошнѣе своихъ сосѣдей. Но путешественникъ, кому не удалось бы спуститься въ подземный Геркуланскій театръ, не долженъ жалѣть о томъ: онъ гораздо занимательнѣе для лите-лога, чѣмъ для любителя древности. Сей послѣдній, кромѣ мраморныхъ ступеней и малаго числа попорченныхъ колоннъ, не найдеть ничего примѣчательнаго; но природоиспытатель имѣетъ случай сдѣлать здѣсь много наблюденій. Пусть рѣшилъ онъ, точно ли Геркуланъ залило лавою или за-

сыпало большимъ количествомъ горячей золы, которая потомъ, бывъ смочена морскими волнами, отвердѣла и обратилась въ турфъ? Мнѣнія на этотъ счетъ могутъ быть свободны. съ тѣхъ поръ какъ два искусствыхъ минералога, занимаясь изслѣдованіемъ лавъ, покрывающихъ Геркуланъ со времени его уничтоженія, доказали, что ученые и невѣжды въ землѣ равны между собою. Гамильтонъ нашелъ только семь лавъ, а Венути насчиталъ ихъ до двадцати шести.

Въ Неаполь нѣтъ ни одного артиста, заслуживающаго вниманіе, но они здѣсь и не нужны; произведенія Греческихъ и Римскихъ художниковъ обогащаются ежедневно пространныя залы здѣшняго Музея. Земля Неаполя, такъ какъ и Рима, заключаетъ въ себѣ неизчерпаемое богатство превосходныхъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй.

Въ Геркуланѣ найдено множество прекрасныхъ колоннъ: алебастровыхъ, Африканскаго и Египетскаго мраморовъ Rosso и Gialo antico, мозаичные полы, бронзовые сосуды всѣхъ возможныхъ видовъ, канделабры, лампады, стулья, всякая мелочь, какъ-то: чернилицы, навощенныя дощечки, на которыхъ писали, кости для игры, рюмки, стаканы, бутылки; весь туалетъ Римской дамы, и проч. и проч.

Въ числѣ статуй замѣчательны мраморныя: Аполлонъ, три Музы, Августъ, Клавдій, Цицеронъ, Гомеръ; бронзовыя: два фавна, одинъ спящій, другой пьяный, Меркурій и еще другіе.

Но въ глазахъ моихъ удовлетворительнѣе всего мраморное во весь ростъ изображеніе Аристиппа: онъ стоитъ въ задумчивости, на лицѣ его видно глубокомысліе. Вокругъ тѣла окинутъ плотно и взброшенъ на плечо тонкій плащъ; подъ нимъ скрыта лѣвая рука,

правая держитъ свитокъ, который кажется предметомъ его размышленія. Драпировка, благородность осанки, совершенно согласны съ выраженіемъ лица. Предъ Аристиппомъ можно долго простоять въ задумчивости. — Въ похвалу статуй или картинъ, представляющей человѣка, на всѣхъ языкахъ употребляютъ слова: она *говоритъ*, elle est parlante, и чуть-было не выразился такимъ образомъ объ Аристиппѣ. Скажи, какъ похвалить живое изображеніе молчанія?

Самое любопытное открытие сдѣлано въ одномъ изъ домовъ Геркуланума. — Оно до сихъ поръ держитъ ученыхъ въ надеждѣ и ожиданіи: болѣе 800 папирусовъ или рукописей найдены въ одномъ мѣстѣ. Сіи свитки, имѣющіе нѣсколько вершковъ ширины и около трехъ аршинъ длины, обвернуты вкругъ деревяннаго или костянаго валька. Жарь обратилъ ихъ совершенно

въ уголь. На нихъ, хотя съ величайшимъ трудомъ, но можно читать писанныя литеры, которыя кажутся чернѣе неписанныхъ мѣстъ. Свитки болѣе истилѣвшіе, гораздо легче развертывать, нежели тѣ, которые менѣе подвержены были огню.

До сихъ поръ изъ прочитанныхъ папирусовъ вышли въ свѣтъ только два перевода съ Греческаго: Филомеда — о музикѣ, и Эпикура — о природѣ; да одинъ съ Латинскаго отрывокъ изъ поэмы, о походѣ Цезаря въ Египетъ.

Если бы позволено было не Греку и не Латинисту объявить свое мнѣніе о рукописяхъ, писанныхъ на сихъ двухъ языкахъ, то вотъ что бы сказалъ я Геркуланскому ученому обществу: „Милостивые государи! Вамъ по- „ручено возвратить ученому свѣту про- „изведенія древнихъ мудрецовъ; вы „сами надѣетесь дополнить изъ сихъ „папирусовъ, дошедшія до насъ не-

„полныя сочиненія. Милост. гос., и я  
„принимаю живѣйшее участіе въ ва-  
„шемъ занятіи и въ вашихъ откры-  
„тияхъ, и я надѣюсь читать ихъ въ  
„переводѣ; но позвольте доложить, что  
„если вы будете продолжать развер-  
„тывать такъ, какъ начали, то и вамъ  
„и мнѣ врядъ ли удастся прочитать  
„что-нибудь истинно-занимателное. Я  
„былъ въ той комнатѣ, гдѣ шесть че-  
„ловѣкъ читаютъ папирусы, и не удив-  
„ляюсь болѣе, что лѣтъ въ 70 вы ус-  
„пѣли напечатать только одинъ неза-  
„нимательный томъ. Изъ шести чело-  
„вѣкъ двое сидѣли надъ работой, и  
„зѣвая; двое зѣвали и прогуливались,  
„и двое зѣвая, изъясняли пришедшемъ  
„иностранцамъ способъ развертыванья  
„сихъ свитковъ. Этотъ способъ со-  
„вершенно механическій, онъ не тре-  
„буетъ никакой учености; терпѣніе и  
„хорошіе глаза для него достаточны; но  
„зачѣмъ, м. г., трудиться надъ такими

„рукописями, изъ которыхъ вы по  
„первымъ строкамъ можете видѣть, что  
„онъ не заключаютъ ничего любопыт-  
„наго; откладывайте ихъ въ сторону,  
„берите другія: такимъ образомъ, мо-  
„жеть быть, наконецъ и доберетесь до  
„потерянныхъ для насъ книгъ Тацита,  
„сочиненій Светонія и Цицерона. Все  
„это, смѣю васъ увѣритъ, было бы  
„гораздо полезнѣе музыки вашего Фи-  
„ломеда. При томъ можете умножить  
„число работниковъ и прибавить имъ  
„плату; они будутъ зѣвать менѣе и  
„работать охотнѣе.“

Симъ заключаю повѣстованіе о ви-  
дѣнномъ мною на Везувіи, въ Помпѣѣ  
и въ Геркуланѣ.

*Сорренто, 19 Августа.*

Я былъ въ Искіи и въ Капри. Извѣ-  
стно, что эти два острова, лежащіе  
при входѣ въ Неапольскій заливъ, слав-  
ятся: первый своею красотою, вто-  
рой тѣмъ, что императоръ Тиверій

жилъ на немъ довольно долго. Удалившись изъ Рима, для наслажденія сельской жизнью, выстроилъ онъ на островѣ Капри двѣнадцать дворцевъ, иные на самомъ берегу моря, другіе на высотѣ дикихъ скалъ. Говорять, будто бы онъ переходилъ изъ дворца во дворецъ, смотря по погодѣ, по времени года; если это справедливо, то я подозрѣваю его нѣсколько въ прихотливости. Капри имѣетъ всего верстъ десять въ окружности; суди самъ, можетъ ли на такомъ маломъ пространствѣ, разность въ климатѣ оправдать ужасныи издержки, сдѣянныя при построеніи великолѣпныхъ, украшеныхъ рѣдкими мраморами зданій? Къ каждому изъ нихъ былъ проведенъ каменный на сводахъ каналъ, по которому протекала прѣсная вода.

На восточной сторонѣ острова есть высокая, отвсюду крутая гора; отъ моря она поднимается прямою стѣною; на вершинѣ стоялъ одинъ изъ двор-

цевъ, теперь построена тамъ часовия, въ которой живеть *пустынники*; можетъ быть, вообразишь ты себѣ, при семъ словѣ, *анахорста*, жителя *пустыни*, въ дичи *мухой, непроходимой*, которому обѣдъ даютъ древа, а питіе ручей, у котораго въ хижинѣ кружится *рязвый котъ*, въ углу кричитъ *сверчокъ!* Ты ошибешься: здѣшние пустынники за-владѣли самыми красивыми, самыми проходимыми мѣстами; иностранцы путешественники являются къ нимъ обыкновенно прежде, нежели къ своимъ посланникамъ; они видять и принимаютъ болѣе гостей, чѣмъ здѣшніе министры: приходящимъ ип пить, ни Ѣсть не даютъ, а просить у нихъ денегъ; сами же пьютъ вино, ёдятъ мясо; на мѣсто кошекъ и сверчковъ, держать мышей и блохъ, словомъ, ничѣмъ не схожи съ идеальными пустынниками, развѣ нечистотою и разодраннѣмъ платьемъ. Но возвратимся къ горѣ. Римскій императоръ Тиверій любилъ

это мѣсто; однажды, гуляя тутъ, (такъ разсказываетъ историкъ Светоній) онъ весьма удивился дерзкой смѣлости одного рыбака, который, завидѣвъ Тиверія, взобрался къ нему по скалѣ, почитавшейся дотолѣ неприступною и, поднесши ему необыкновенной величины рыбу, ждалъ награды за такую услугу. Тиверію непріятна была смѣлость рыбака: онъ изъ шутки приказалъ натереть ему лице рыбью чешуею, а когда въ кровь истертыї бѣднякъ началъ радоваться въ слухъ, что не вздумалось ему поднести Тиверію пойманнаго имъ морскаго рака, послѣдній услышалъ слова сіи и велѣлъ тотчасъ тереть его лицо шкурою рака. Свободные отъ дѣлъ часы, Тиверій часто проводилъ подобнымъ образомъ. Иногда за преступленія, иногда по подозрѣнію, а часто и просто для увеселенія, приказывалъ, прогнѣвавшихъ его сбрасывать съ высоты утеса: тѣ изъ несчаст-

ныхъ, которые долетали до моря не разбившись въ дребезги, были убиваемы людьми, ожидающими ихъ въ лодкахъ.

Здѣсь видны развалины маячной башни; за нѣсколько дней предь смертію Тиверія, она разрушилась оть землетрясенія. На островѣ Капри есть два городка: нижній и верхній Капри; въ нихъ болѣе двухъ тысячъ жителей; изъ первого въ послѣдній входятъ по лѣстницѣ, которая вѣтается надъ стреминой въ 250 сажень вышины. Народъ дѣятеленъ, женщины прекрасны. Всѣ тяжести переносятся, вся работа исправляется людьми: гористое положеніе не дозволяетъ употреблять и муловъ. На Капри есть много примѣчательнаго, кромѣ историческихъ памятниковъ: любопытный гротъ, служившій вѣроятно ванною, быть можетъ, Тиверію; зубчатыя живописныя скалы: но вообще видъ острова дикъ, деревьевъ, и слѣдственно тѣни мало.

Не знаю, бѣжалъ ли ты по волнистому морю въ маленькой лодкѣ, съ плохими снастями и парусами, съ неискусными матросами? Я изъ Капри въ Сорренто воротился въ такой лодкѣ; распустивши парусы и отплывъ отъ берега, кормчій снялъ шляпу, и, протянувъ руки, попросилъ меня дать чтѣ-нибудь для бѣдныхъ душъ чистилища; такая просьба не внушаетъ довѣренности, особенно въ сильно-качающейся лодкѣ, управляемой пеловками гребцами. И такъ, хотя я и не обязанъ вѣрить чистилищу, но на всякий случай далъ монету въ пользу тамошнихъ жителей. Меня увѣрили послѣ, что здѣшніе мореходцы, собираемыя ими такимъ образомъ деньги никогда не употребляютъ на другой предметъ, а относятъ къ пастырямъ . . . .

П . . . . . III.

## НЕУЗНАННАЯ.

Въ древней *Пальмирѣ*, гдѣ теперь пустынныя бури движутъ песчаныя моря,—въ то время, когда великолѣпный градъ сей увядалъ въ самомъ цвѣтѣ своего мнемаго величія; когда наружный блескъ видимости явно противурѣчилъ съ тайными предчувствіями сердецъ; когда молвы, гаданія и слухи являлись по домамъ, какъ невидимые вѣстники; вдругъ показалась многимъ и во многихъ мѣстахъ—*она*.—Всѣ чувствовали присутствіе *ея*, никто ее не узнавалъ. Иные называли *се дуомъ*, другіе мечтою, иные какимъ-то тайнымъ соглядатаемъ.—Неузнанная въ чертогахъ, гонимая во градѣ, *она* удалилась.

Буря шумѣла. Ясныя молніи, какъ огненные ручьи, извиваясь, пробѣгали по черному Аравійскому небу. Зыбкія поля, скрепленные искусствомъ, взламывались вихремъ, и стройныя пальмовыя рощи трепетали. . . При большой дорогѣ лежалъ, разкинувшись подъ деревомъ, человѣкъ. Молніи освѣщали глубокое отчаяніе на оливковомъ лицѣ его; черные кудрявые волосы стояли щетиною; грудь холмилась. . . Мѣра преступленій его исполнилась, душа требовала очищенія. Тутъ явилась къ нему *Неизнанная*. Среди бури, колебавшей природу, она была спокойна и ласкова, какъ свѣтлое чувство дѣтской радости; легка, какъ духъ; стройна, какъ пальма; въ бѣлой одеждѣ, въ вѣнкѣ изъ свѣжей зелени, съ златою чашей въ рукахъ.—Безмолвно остановилась она предъ нимъ, и глаза его, сверкающіе какъ яркіе угли, встрѣтились съ ея тихими взорами. Такъ,

иногда, красное губительное пламя, вылетающее изъ жерла кипящаго вулкана, встрѣчается съ ласковымъ сияниемъ стоящей надъ нимъ луны.—Онъ долго въ нее всматривался, и узналъ ее и понялъ ея безмолвіе.—„Подай! Я согласенъ!“ И протянувъ жилистую руку, которой силу чувствовали дикіе кони пустыни, онъ, съ дѣтскою покорностію, принялъ сосудъ и выпилъ *все до dna*. Горько, какъ полынь, расступая на развалинахъ, показалось ему питіе. Но онъ стерпѣлъ. Огонь пробѣжалъ по всѣмъ суставамъ его существа. Все *старое* сгорало. Но мало по-малу буря уступала мѣсто порядку, и обновленіе слѣдовало за пожаромъ. Сердце его таяло, и застарѣлые преступленія изливались слезами, и съ тяжкими вздохами вылетали изъ холмистой груди его. Сила уступала гармоніи; мятежъ замѣнялся тишиною, и медленно, медленно на уста, изпившія

горечь, выступала сладость неописанная. Что-то небывалое поселилось въ груди его. Живая, сладкая утѣшениа, свѣтлѣя постепенно въ душѣ, озарали ее новымъ разсвѣтомъ, новымъ свѣжимъ утромъ яснаго бытія, неизвѣстнаго въ кипящемъ бореніи страстей и въ темнотѣ холодныхъ сомнѣній.— Ему казалось, что его принимаютъ опять въ семейство людей, отъ котораго онъ былъ отброшенъ, и образъ человѣка становился для него почтеніе. Онъ началъ чувствовать удовольствіе.— быть на землѣ.— Его дни стали веселы, какъ праздники, и ночи тихи, и сновидѣнія усладительны! Онъ не видалъ уже болѣе ни крови, ни ножей, ни посинѣлыхъ усть умирающаго. Новый міръ, новое небо представлялись душѣ его. Часто осенялъ ее теплый ароматный духъ, вѣявший изъ какого-то неизвѣстнаго края. . . Младыя девы, въ бѣлѣйшихъ воздушныхъ одеждахъ, усѣян-

ныхъ ясными искрами изъ желтаго злата, въ свѣтломъ хорѣ, стройно и медленно колебались предъ нимъ на зыбкихъ перламутровыхъ облакахъ. Иногда видалъ онъ, въ неизвѣстной отдаленности, невѣдомую, очаровательную страну, гдѣ существа легкія, какъ наши мысли, плавали—(такъ весело, какъ надежды въ душѣ человѣка) къ какомъ-то неизѣяснимо-прелестномъ свѣтло-фиолетовомъ сіяніи. Оттолѣ вѣяло обновленiemъ, жизнью, духовною прохладой, свѣжимъ благодатнымъ успокенiemъ и сладкимъ благовонiemъ безсмертія. Такъ занималась заря благоденствія въ душѣ обновленнаго. Прошедшее темнѣло за нимъ, какъ грозная ночь; впереди разгарался яснѣя и яснѣя тихой, привѣтливой день.

Прошли годы и годы, на часахъ судьбы пробилъ таинственный часъ, свершился жребій *Пальмиры*, и въ запустѣлыхъ окрестностяхъ великаго гра-

да видали почтенного Эмира, бѣлобрадаго старца, когда онъ, обращаясь лицемъ къ странѣ востока, сладкою бесѣдой поучалъ многочисленное племя свое чистотѣ и нравственности. Это былъ онъ, принявшій сосудъ изъ рукъ *Неузнанной*. Но кто же была она?— Преданіе говоритъ, что онъ самъ называлъ ее *свѣтлостью*, а иногда и другимъ иминемъ, похожимъ на первое.

8. Глинка.

# СТИХОТВОРЕНЯ.



## ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ  
Отмстить неразумнымъ Хозарамъ;  
Ихъ села и нивы, за буйный набѣгъ,  
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ;  
Съ дружиной своей, въ Цареградской бронѣ,  
Князь по полю ѹдетъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,  
Идеть вдохновенный кудесникъ,  
Покорный Перуну старикъ одному,  
Завѣтовъ грядущаго вѣстника,  
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ;  
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,  
Чтѣ сбудется въ жизни со мною?  
И скоро ль на радость сосѣдей-враговъ,  
Могильной засыплюсь землею?  
Открой мнѣ всю правду, не бойся меня,  
Въ награду любова возьмешь ты коня.

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,  
„А княжескій дарь имъ не нуженъ,

„Правдивъ и свободенъ ихъ вѣцій языкъ,

„И съ волей небесною дружень.

„Грядущіе годы таятся во мглѣ,

„Но вижу твой жребій на свѣтломъ челѣ.

„Запомни же нынѣ ты слово мое:

„Воителю слава — отрада.

„Побѣдой прославлено имя твое,

„Твой щитъ на вратахъ Цареграда,

„И волны и суша покорны тебѣ,

Завидуетъ недругъ столь дивной судьбѣ.

„И синяго моря обманчивый валъ

„Въ часы роковой непогоды,

„И праща, и стрѣла, и лукавый кинжалъ

„Щадить побѣдителя годы...

„Подъ грозной броней ты не вѣдаешь ранъ:

„Незримый Хранитель могущему данъ.

„Твой конь не боится опасныхъ трудовъ;

„Онъ, чужа господскую волю,

„То смиренный стоить подъ стрѣлами враговъ.

„То мчится по бранному полю,

„И холодъ и сѣча ему ничего;

„По при meshь ты смерть отъ коня своего.“

Олегъ усмѣхнулся; однако чело

И взоръ омрачилися думой;

Въ молчанъи, рукой опершись на сѣдло,  
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой;  
И вѣрнаго друга прощальной рукой  
И гладить, и треплеть по шеѣ крутой.

„Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,  
Разстаться настало намъ времѧ:  
Теперь отдыхай, ужъ не ступитъ нога  
Въ твое позлащенное стремя!  
Прощай, утѣшайся, да помни меня,  
Вы, отроки, други, возвьмите коня.

„Покрайте попоной, мохнатымъ ковромъ;  
Въ мой лугъ подъ устцы отведите;  
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,  
Водой ключевою поинте.“  
И отроки тотчасъ съ конемъ отошли  
А князю другова коня подвели.

Шируетъ съ дружиною вѣцій Олегъ,  
При звонѣ веселомъ стакана, —  
И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ  
Надъ славной главою кургана...  
Они поминаютъ минувшиѣ дни  
И битвы, гдѣ виѣстѣ рубились они.

„А гдѣ мой товарищъ? промолвилъ Олегъ,  
Скажите, гдѣ конь мой ретивый?

Здоровъ ли? все также ль легокъ его бѣгъ?

Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?“

И внемлеть отѣту: на холмѣ крутомъ

Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ!

Могучій Олегъ головою поникъ

И думаетъ: „Что же гаданье?

Кудесникъ, ты лживый, безумный старикъ,

Презрѣть бы твое предсказанье!

Мой конь и донынѣ носиль бы меня!“

И хочеть увидѣть онъ кости коня.

Вотъ єдетъ могучій Олегъ со двора,

Съ нимъ Игорь и старые гости.

И видить—на холмѣ, у брега Днѣпра,

Лежать благородныя кости,

Ихъ моютъ дожди, засыпаетъ ихъ пыль,

И вѣтеръ волнуєтъ надъ ними ковыль.

Князь тихо на черепъ коня наступилъ,

И молвиаъ: „Сини, другъ одинокой!

Твой старый хозяинъ тебя пережилъ;

На тризни—уже недалекой

Не ты подъ сѣкирой ковыль обагриишь

И жаркою кровью мой прахъ напоишь.

„Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!

Миѣ смертию кость угрожала!“

Изъ мертвай главы гробовая змія  
Шиня между тѣмъ выползала;  
Какъ черная лента, вокругъ ногъ обвилась,  
И вскрикнулъ внезапно ужаленный Князь.

Ковши круговые, запѣнясь, шиняты  
На тризинъ плачевной Олега;  
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидять,  
Дружина пирустъ у брега;  
Бойцы поминаютъ минувшіе дни  
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

А. Пушкинъ.

### ПРИВІДЪНІЕ.

Въ тѣни деревъ, при звукѣ струнъ, въ сіяніѣ  
Вечернихъ гаснущихъ лучей,  
Какъ первыя любви очарованья,  
Какъ прелесть первыхъ юныхъ дней —  
Явилася она передо мною,  
Бѣ одѣждѣ бѣлой, какъ туманъ.  
Воздушною лазурной пеленою  
Былъ окружень воздушный станъ.  
Таинственно она ее свивала  
И развивала надъ собою;

То снявъ ее, открытая стояла  
Съ темнокудрявой головой;  
То, вдругъ, всю ткань чудесно распустивши,  
Какъ призракъ исчезала въ ней;  
То, перстъ къ устамъ и голову склонивши,  
Огнемъ задумчивыхъ очей  
Задумчивость на сердце наводила!  
Вдругъ.... покрывало подняла.....  
Трикраты имъ куда-то поманила.....  
И скрылася.... какъ не была!  
Вотще продлить хотѣлось упоенъе...  
Не возвратилася она!  
Лиши грустю по милю привидѣньѣ  
Душа осталася полна.

Жуковскій.

### ТАИНСТВЕННЫЙ ПОСѢТИТЕЛЬ.

Кто ты призракъ, гость прекрасной,  
Къ намъ откуда прилеталъ?  
Безответно и безгласно  
Для чего отъ насъ пропалъ?  
Гдѣ ты? Гдѣ твое селенье?  
Чтѣ съ тобой? Куда исчезъ?

И зачѣмъ твоє явленье  
Въ поднебесную съ небесь?

\* \*

Не *Надежда* ль ты младая,  
Приходящая порой  
Изъ неизвѣдомаго края  
Подъ волшебной пеленою?  
Какъ она, неумолимо  
Радость милую на часъ  
Показать ты, съ цею мимо  
Пролетѣть и бросить насъ!

\* \*

Не *Любовь* ли намъ собою  
Тайно ты изобразилъ?....  
Дни любви, когда *одного*  
Міръ для насъ прекрасенъ быль?  
Ахъ, тогда сквозь покрывало  
Неземныи казался онъ....  
Снять покровъ: любви не стало!  
Жизнь пуста и счастье сонъ!

\* \*

Не волшебница ли *Дума*  
Здѣсь въ тебѣ явилася номъ?  
Удаленная огъ шума,  
И мечтательно къ устамъ  
Приложивши перстъ, приходитъ

Къ намъ, какъ ты, она порой,  
И въ минувшее уводить  
Насъ безмолвно за собой!

\* \*

Иль въ тебѣ сама святая  
Здѣсь *Лоза* была?...  
Къ намъ, какъ ты, она изъ рая  
Два покрова принесла:  
Для небесъ лазурно-ясный,  
Чистый, бѣлый для земли;  
Съ ней все близкое прекрасно,  
Все знакомо, что въ дали!

\* \*

Иль *Предчувствіе* сходило  
Къ намъ во образѣ твоемъ  
И понятно говорило  
О небесномъ, о святомъ?  
Часто въ жизни то бывало:  
Кто-то свѣтлый подститѣ  
И подымѣтъ покрывало,  
И въ далекое манитъ.

Жуковскій.

### МУХА И ПЧЕЛА.

БАСНЯ.

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,  
На тонкомъ стебелькѣ  
Качалась Муха, сидя,  
И на цвѣткѣ Пчелу увида,  
Сибѣнико говоритъ: „ужъ какъ тебѣ не лѣнь  
Съ утра до вечера трудиться цѣлый день!  
На мѣстѣ бы твоемъ я въ сутки захирѣла;  
Вотъ напримѣръ мое  
Такъ право райское житье:  
За мною только лишь и дѣла —  
Летать по баламъ, по гостямъ,  
И молвить не хвалясь, мнѣ въ городѣ знакомы  
Вельможъ и богачей всѣ domы.  
Когда бъ ты видѣла, какъ я пирую тамъ!  
Гдѣ только свадьба, именины,  
Изъ первыхъ я ужъ вѣрно тутъ,  
И бѣть съ фарфоровыхъ богатыхъ блюдъ,  
И пью изъ хрустальныхъ блестящихъ сладки вины,  
И прежде всѣхъ гостей,  
Беру, что думаю, изъ лакомыхъ сластей;  
При томъ же, жалуя поль нѣжной,  
Вокругъ молодыхъ красавицъ вьюсь,

И отыхать у нихъ сажусь  
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоснѣжной.—  
Все это знаю я, отвѣтствуетъ Пчела,  
Но и о томъ дошли мнѣ слухи,  
Что никому ты не мила,  
Что на пирахъ лишь морщатся отъ Мухи,  
Что даже часто, гдѣ покажешься ты въ домѣ,  
Тебя гоняютъ со стыдомъ.  
„Вотъ!“—Муха говоритъ—гоняютъ!—Что жъ  
такое!  
Коль выгонять въ окно, такъ я влечу въ  
другое“.

И. Крыловъ.

### МЛАДЫЙ ПѢВЕЦЪ.

Видали ль вы, какъ на закатѣ дня  
Младый пѣвецъ входилъ на холмъ уныло;  
Какъ провожалъ онъ взорами свѣтило,  
Когда въ волнахъ румяного огня  
Оно лучемъ прощальнымъ золотило  
Вечернихъ облаковъ края?

\* \*

Слыхали ль вы пѣвца печальный стихъ,—  
Когда онъ пѣлъ надеждъ своихъ утрату;  
Измѣну пѣлъ, любви коварной плату,

За жертву ей всѣхъ радостей земныхъ;  
Какъ примѣняль вечернему закату  
Закать отъ раннихъ дней своихъ?

\* \* \*

Тоска его прозрѣла близкій часъ!  
Ужъ нѣтъ пѣвца на холмѣ однокомъ,  
И замерла вчера во снѣ глубокомъ  
Пѣсни юноши, какъ лебединый гласть!  
Младый пѣвецъ, сраженный гиѣвнымъ рокомъ,  
Съ зарей вечернею погасъ!

Князь Вяземской.

#### О П Р А В Д А Н И Е .

Я силился счастливой старины  
Возобновить счастливыхъ мечтанья;  
Взывалъ къ тебѣ, взывалъ отъ глубины  
Души моей, исполненной страданья.  
Вотще, увы! печальныхъ строкъ моихъ  
Не хочешь ты отвѣтомъ удостоить;  
Не тронулась ты нѣжностю ихъ  
И презрѣла мнѣ сердце успоконить.  
Виновенъ я и въ памяти твоей

Не оживу! Прощенья у жестокой  
Не вымолю! Я былъ невѣренъ ей:  
Нѣть жалости къ тоскѣ моей глубокой,  
Вниманья нѣть къ мольбамъ любви моей.  
Виновенъ я! Я нѣжныя признанья  
Твердилъ сто разъ красавицамъ другимъ;  
Я къ нимъ спѣшилъ на тайныхъ свиданья,  
Я расточаль живыя ласки имъ,  
Но все дышаль Доридою одною,  
Въ объятьяхъ ихъ мечту о ней тая,  
Въ объятьяхъ ихъ былъ вѣренъ ей душою  
И отдавалъ имъ только чувства я.  
Въ собраніяхъ, веселью посвященныхъ,  
На празднествахъ столичныхъ богачей,  
При пламени безчисленыхъ свѣчей,  
При гулѣ струнъ смычками оживленныхъ,  
Какъ бѣшенный въ безумномъ вальсѣ мча  
То Делію, то Дафну, то Лилету,  
И всѣмъ троимъ готовый сгоряча  
Произвести по страстному обѣту;  
Касаяся душистыхъ ихъ кудрей  
Лицомъ моимъ, объемля жадной дланью  
Ихъ стройной станъ:—такъ въ памяти моей,  
Ужъ не было подруги прежнихъ дней;  
Принадлежалъ я новому мечтанью.  
Но къ нимъ ли я любовію пылалъ?  
Нѣть, милый другъ, когда въ уединенъи

Себя потому я строго повѣрялъ,  
Ихъ находя въ моемъ воображеніи,  
Тебя одну я въ сердцѣ обрѣталъ.  
Довѣрчивыхъ вертушекъ обольщая,  
Съ восторгомъ пѣль я чувство къ нимъ мое;  
Но жаръ любви, но голосъ я ея  
Какъ находилъ?—Тебя воображая!  
Не внемлешь ты и, мукъ моихъ жадна,  
По правиламъ прелестницъ хладнокровныхъ  
Все памятью обидъ своихъ полна.  
Прости же павѣкъ; но знай, что двухъ вл-  
новныхъ,  
Не одного найдутся имена  
Въ стихахъ моихъ, въ преданіяхъ любовныхъ!

Е. Б—й.

СОНЕТЪ.

Мы пьемъ въ любви отраву сладкую.  
Но все отраву пьемъ мы въ ней,  
И платимъ мы за радость краткую  
Ей безвесельемъ долгихъ дней.  
Огонь любви — огонь живительный:  
Всѣ говорятъ. Но что мы зриимъ?  
Опустошаетъ разрушительный  
Онъ душу объятую имъ!

\*

Кто заглушить воспоминанія  
О дняхъ блаженства и страданія,  
О чудныхъ дняхъ твоихъ, любовь?  
Тогда я ожилъ бы для радости,  
Для сновъ златыхъ цвѣтущей младости —  
Тебѣ предаться могъ бы вновь!

Е. Б-й.

ГРЕЧЕСКІЯ ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

—  
I.

ГРОБЪ КЛЕФТА.

Садилося солнце, а Димъ свой завѣтъ говорилъ:  
„Подите вы, дѣти! На ужинъ пора за водой!  
А ты, мой племянникъ, садися, Лампракиесъ,  
ко мнѣ!  
Тебѣ моя сбруя: одѣнься и будь Капитанъ!  
А вы, мои храбрые, саблю мою сироту  
Возьмите и мнѣ на постель нарубите зеленыхъ  
вѣтвей.  
Другіе подите, сыщите Священника мнѣ!  
Въ грѣхахъ я покаюсь; я многоя ихъ на душу  
бралъ:  
Ариатоломъ тридцать, а Клефтомъ я двадцать  
былъ лѣтъ.

Но смерть наступаетъ: я мирно хочу умереть.  
Постройте мнѣ гробъ, но чтобъ былъ онъ широкъ и высокъ,  
Чтобъ стоя мнѣ прямо, сражаться и въ Туровъ стрѣлять.  
На правую сторону сдѣлайте въ гробѣ окно,  
Чтобъ ласточки мнѣ прилетали весну возвѣщать,  
Чтобъ красный мнѣ Май воспѣвали пѣвцы  
соловьи!"

II.

**КАЛЬЯКУДЪ.**

Зачѣмъ я не птица? Валетъ бы, взвился бы  
высоко!  
Взглянулъ бы на Франковъ, на островъ Иеаку  
печальный!  
Послушать бы я, какъ младая жена Кальякуда  
Тоскуетъ, горюетъ и горькія слезы роняетъ!  
Какъ утица перья, она свои кудри терзаетъ;  
Какъ крылья у ворона, платья все черныя  
носитъ;  
Сидѣть подъ окошкомъ и смотрѣть на синее  
море,  
И вѣкъ корабли и морскія суда вопрошаютъ:  
„Суда, корабли, золочены ладьи, бригантины!"

Въ печальный ли Вальтось, изъ Вальтоса ль,  
быстрыя, мчитесь?  
Подайте мнѣ вѣсть о супругѣ моемъ Калья-  
кудѣ?“  
— Вчера Кальякуда мы видѣли близъ Гаври-  
лими:  
Сидѣлъ Капитанъ передъ яркимъ огнемъ и съ  
дружиной;  
Пеклись для него на рожнахъ молодые бараны,  
А рожны ворочали пять полоненыхъ имъ  
Бесовъ.

III.

**О Л И М П Ъ.**

Заспорили горы Олимпъ и Киссѣвъ;  
Олимпъ обернулся, къ Киссѣву шумить:  
Со мною не спорь, о Киссѣвъ ты гора,  
Не разъ оскверненный Коняра ногой!  
Я славенъ въ подлунной, Олимпъ я сѣдой!  
Высокъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;  
Я шуменъ, струю шестьдесятъ два ключа;  
Гдѣ ключъ лишь, тутъ знамя, гдѣ дерево —  
Клефть.  
Сидить у меня на вершинѣ орелъ;  
Въ когтяхъ у орла голова храбреца. —  
„Что сдѣлала ты, удалая глава!  
За что ты у храбраго срублена съ плечъ?“

„Събдай мою молодость, птица-орелъ,  
Събдай мою храбрость: твои подростутъ  
И крылья на локоть и когти на підь!  
Въ Ксеромерѣ, въ Луру я быль Арматолъ  
И Клефтъ на Олимпѣ двѣнадцать годовъ;  
Сто Агъ истребилъ я, сто сель ихъ сожегъ,  
А Турокъ, Албанцевъ, положенныхыхъ мной....  
Ихъ множество, птица, и счета имъ нѣть.  
Но жребій пришель мой, легъ въ битвѣ и я!“

Гиѣдичъ.

Замѣч. Съ удовольствіемъ увѣдомляемъ нашихъ читателей, что собраніе лучшихъ простонародныхъ, ново-Греческихъ пѣсень, переведенныхъ отличнымъ писателемъ нашимъ, Н. И. Гиѣдичемъ, скоро выдѣтъ изъ печати, украшенное любопытнымъ предисловіемъ о духѣ поэзіи нынѣшнихъ Грековъ и сходствѣ ея съ простонародною Русскою.

Издат.

GOOD NIGHT.

### ДОБРАЯ НОЧЬ.

„Прости, прости, мой край родной,  
Ужъ скрылся ты въ волнахъ!  
Косатка вьется, вѣтръ ночной  
Играеть въ парусахъ.

Ужъ тонуть огненны лучи  
Въ бездонной синевѣ,  
Мой край родной, прости, прости!  
Ночь добрая тебѣ.

„Проснется день, его краса  
Утѣшить Божій свѣтъ;  
Увижу море, небеса,  
А родины ужъ иѣть!  
Отцовскій домъ покинулъ я,  
Травой онъ заростеть,  
Собака вѣрная моя  
Выть станетъ у воротъ.

„Ко мнѣ, ко мнѣ, пажъ юный мой!  
Но ты дрожишь какъ листъ;  
Иль страшенъ ревъ волны морской?  
Иль вѣтра буйный свѣтъ?  
Не плачь! Корабль мой новъ! Плыту  
Ужъ я не въ первый разъ,  
И быстрый соколь на лету  
Не перегонить насъ“.

— Не буйный вѣтръ страшить меня,  
Не шумъ угрюмыхъ волнъ.  
Но не дивись, Сиръ Чальдъ, что я  
Тоски сердечной полнъ.

Прощаться грустно было мнѣ  
Съ родимою, съ отцемъ.  
Теперь надежды всѣ въ тебѣ  
И въ комъ-то неземномъ.

— Не скрылъ отецъ тоски своей,  
Какъ сталъ благословлять;  
Но доля матери моей  
День плакать, ночь не спать. —  
„Ты правъ, ты правъ, мой пажъ младой!  
Какъ смѣть винить тебя?  
Съ твоей невинной простотой,  
Ахъ! плакаль бы и я.

„Но вотъ, и кормщикъ мой сидитъ  
Весь полонъ черныхъ думъ.  
Иль буйный вѣтъ тебя страшитъ,  
Иль моря грозный шумъ?“  
— Сиръ Чальдъ! не робокъ я душой,  
Не умереть боюсь;  
Но я съ дѣтьми, но я съ женой  
Впервые разстаись!

— Проснутся завтра, на зарѣ,  
И дѣти и жена,  
Малютки спросятъ обо мнѣ,  
И всплачется она! —

„Ты правъ, ты правъ! и какъ пѣнать,  
Мой добрый удалецъ;  
Тебѣ, другъ, можно гореватъ!  
И мужъ ты и отецъ!

„Но я! ахъ трудно вѣрить мнѣ  
Слезамъ прелестныхъ глазъ!  
Любовью новою онѣ  
Осушатся безъ наст!  
Лишь тѣмъ однимъ терзакось я,  
Не въ силахъ то забыть,  
Что нѣть на свѣтѣ у меня  
О комъ бы потужить!

„И вотъ на темныхъ я волнахъ  
Одинъ, одинъ съ тоской,  
И кто же, кто по мнѣ въ слезахъ  
Теперь въ странѣ родной!  
Что жъ рваться мнѣ, жалѣть кого?  
Я сердцемъ опустѣлъ  
И безъ надеждѣ и безъ всего,  
Чтѣ помнить я хотѣлъ!

„О мой корабль! съ тобой я радъ  
Носиться по волнамъ!  
Лишь не плыви со мной назадъ  
Къ родимымъ берегамъ!

Далеко на скалахъ, въ степи  
Пріютъ същу себѣ.  
А ты, о родина, прости!  
Ночь добрая тебѣ!

(изъ *Байрона*) И. Козловъ.

### П С А Л О МЪ.

(ПОДРАЖАНИЕ).

„Малъ бывъ во братіи моей и юншій въ  
дому отца моего“.

Я младшій былъ въ своемъ дому,  
И меныше всѣхъ меня считали;  
И радость дѣтства и печали  
Вѣѣрѧлъ я Богу одному...  
Мои всѣ братья величавы  
Росли для подвиговъ, для славы;  
Былъ ими веселъ нашъ отецъ;  
А я, въ своей безвѣстной долѣ,  
Одинъ, съ моей цѣвицей, въ полѣ  
Смиренно пасъ моихъ овецъ...  
Дитя, беспечный сынъ природы,  
О мнѣ узнаютъ ли народы?...  
Иль жребій мой пустынныій цвѣтъ!

Но вдругъ блеснулъ въ пустынѣ свѣтъ,  
И мнѣ явился Ангелъ Бога:  
„Тебѣ широкая дорога  
Чре́зъ цолс жизни и въ вѣкѣ!“...  
И Бога дивнаго рука  
Изъ сонма братій величавыхъ,  
Отъ смиренныхъ стадъ меня взяла  
И прямо въ битву, въ бой кровавый,  
И мнѣ въ бою—стѣной была!  
И я, помазанъ отъ елея,  
Киняющимъ мужествомъ горѣлъ;  
И въ очи страшный злодѣя  
Безстрашно юноша глядѣлъ.  
Онъ паль, какъ столпъ.—Цвѣти отчизна!  
Израиль мой, съ твоихъ сыновъ  
Снята позора укоризна:  
Не знай ни плѣна, ни оковъ!

Федоръ Глинка.

И З М Ъ Н А.

Улетаетъ, улетаетъ  
Легокрылая мечта;  
Измѣняется, измѣняется  
И весна и красота.

Чтò спьшите? Поиграйте,  
Оживите сердце вновь!  
Улыбнитесь, и отдайте  
Первыхъ лфтъ моихъ любовь!

Все напрасно: ни желанья,  
Ни надежды не сбылись!  
Не услышали призванья:  
Полетѣли, унеслись.

Такъ осеннюю порою  
Стадо вольныхъ журавлей  
Подымается грядою  
И летить съ нагихъ полей.

Плетневъ.

### Д Е М О Н Ъ.

Въ тѣ дни, когда мы были новы  
Всѣ впечатлѣнья бытія:  
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,  
И почюю пѣные соловья;  
Когда возвышенныя чувства,  
Свобода, слава и любовь  
И вдохновенные искусства  
Такъ сильно волновали кровь:

Часы надежд и наслаждений  
Тоской внезапной осеня,  
Тогда какой-то злобный Геній  
Сталъ тайно навѣщать меня.  
Печальны были наши встречи.  
Его улыбка, чудный взглядъ,  
Его явительныя рѣчи  
Вливали въ душу хладный ядъ.  
Непостижимой клеветою  
Онъ Провидѣніе искушалъ;  
Онъ звалъ прекрасное мечтою,  
Онъ вдохновеніе презиралъ;  
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,  
На жизнь насыщливо глядѣлъ  
И ничего во всей природѣ  
Благословить онъ не хотѣлъ.

А. Пушкинъ.

ПѢСНЯ.

На яву и въ сладкомъ снѣ  
Все мечтаетесь вы мнѣ:  
Кудри, кудри шелковыя,  
Юныхъ персей красота,  
Прелестъ, очи и уста  
И лобзанія живыя.

\* \*

И я въ раннюю зарю  
Темнымъ кудрямъ говорю:  
Кудри, кудри, что вы вьетесь?  
Миѣ ужъ вами не играть,  
Миѣ ужъ васъ не цѣловать;  
Вы другому достаeteсь.

\* \* \*

И я утромъ золотымъ  
Молвлю персамъ молодымъ:  
Пухъ лебяжій, иѣгой страстной  
Не дыши по старинѣ: —  
Ужъ не быть счастливымъ мнѣ  
У груди моей прекрасной.

\* \* \*

Я твержу по вечерамъ  
Свѣтымъ взорамъ и устамъ:  
Замолчите, замолчите!  
Съ лютой долей я знакомъ,  
О веселомъ, о быломъ  
Вы съ душой не говорите!

\* \* \*

Ночью сплю ли я, не сплю—  
Все устами васъ ловлю,

\* \*

Сердцу сладкія лобзанья!  
Сердце бьется, сердце ждетъ,  
Но ужъ милая нѣдетъ  
Въ часъ условленный свиданья.

Баронъ Дельвигъ.

МОРЕ И ЗЕМЛЯ.

(съ греческаго, 1820.)

Море когда сѣтлосинее легкимъ колеблется  
вѣтромъ,  
Слабой душой восхищаюсь! Земля не мила  
становится!  
Болѣ пѣняетъ меня спокойствіе моря. Когда же  
Вдругъ глубина сѣдая застонеть и, сводами  
пѣнясь,  
Море вскипитъ, и сердито покатятся длиныя  
волны:  
Взоры къ землѣ обращаю, къ лѣсамъ, и отъ  
моря бѣгу я;  
Миѣ мила и земля, и отрадна тѣнистая роща!  
Дышитъ ли вѣтеръ въ ней яростный, есна  
шумить лишь пріятно.  
Жизнь ты ведешь, рыболовъ незавидную! Ло-  
дочка — домъ твой,

Морс — работа, а рыба добыча невѣрная.  
Мнѣ же  
Сладостный сонъ удѣломъ подъ яворомъ ши-  
роколистнымъ!  
Ропотъ источника близкаго весело, мило мнѣ  
слушать;  
Гадость онъ селянина журчаньемъ, не ужасъ  
наводить.

Масальскій.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. Н. Б—ой.

Скажи, альбомъ, въ простыхъ словахъ,  
Твоей владѣтельницѣ милой,  
Что царствуетъ она въ сердцахъ  
И всѣхъ влечетъ волшебной силой;  
Что слишкомъ счастливъ былъ бы я,  
Хоть мнѣ давно она знакома,  
Когда бы вспомнила меня  
Она безъ помощи альбома.

А. Крыловъ.

### ОТРЫВКИ

ИЗЪ ЕВГЕНИЯ ОНЪГИНА, ПОЭМЫ А. ПУШКИНА.

Отъ хладного разврата свѣта  
Еще уянуть не успѣвъ,  
Его душа была согрѣта  
Привѣтомъ друга, лаской дѣвь.  
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда.  
Его лелѣяла надежда,  
И мѣра новый блескъ и шумъ  
Еще плѣняли юный умъ.

· · · · ·  
Онъ вѣрилъ, что душа родная  
Соединиться съ нимъ должна;  
Что, безотрадно изнывая,  
Его всечасно ждеть она;  
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы  
За честь его пріять оковы,  
И что не дрогнетъ ихъ рука  
Разбить сосудъ клеветника;  
Что есть избранные судьбами.

· · · · ·  
Негодованье, сожалѣнье,  
Ко благу чистая любовь  
И славы сладкое мученье

Въ немъ рано распалили кровь.  
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ  
Подъ небомъ Шиллера и Гёте;  
Ихъ поэтическимъ огнемъ  
Душа воспламенилась въ немъ.  
И Музъ возвышенныхъ искусства,  
Счастливецъ, онъ не постыдилъ:  
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ  
Всегда возвышенныя чувства,  
Порывы дѣятельной мечты  
И прелесть важной простоты.

.....  
Онъ пѣлъ любовь, любви послушныи;  
Но пѣснь его была ясна,  
Какъ мысли дѣвы простодушной,  
Какъ сонъ младенца, какъ луна  
Въ пустыняхъ неба безмитежныхъ;  
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ;  
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,  
И романтическую даль,  
И увядашія розы;  
Онъ пѣлъ тѣ дальния страны,  
Гдѣ долго въ ломо тишины  
Лились его живыхъ слѣзы.

### Ч Е Р Е П Ъ.

Усошший братъ, кто сонъ твой возмутилъ?  
Кто пренебрегъ святынею могильной?  
Въ разрытый домъ къ тебѣ я нисходилъ,  
Я въ руки бралъ твой черепъ желтой, пыльной.  
Еще носилъ волосъ остатки онъ;  
Я зреялъ на немъ ходъ постепенный тлѣны.  
Ужасный видъ! Какъ сильно пораженъ  
Нимъ мыслящий наслѣдникъ разрушенъ!  
Со мной толпа безумцевъ молодыхъ  
Ребячески вокругъ ямы хохотала.—  
Когда бъ тогда, когда бъ въ рукахъ моихъ  
Глава твоя внезапно провѣщала!  
Когда бъ она цвѣтущими, пылкими намъ  
И каждый часъ грозимыи смертныи часомъ,  
Всѣ истины, извѣстныя гробамъ,  
Произнесла своимъ безстрастнымъ гласомъ?  
Чтò говорю? Стократно благъ законъ,  
Молчаньемъ ей уста Запечатлѣвшай!  
Обычай правъ, усошихъ важный сонъ  
Намъ почитать издавна повелѣвшай.  
Гробъ вопрошать дерзаетъ человѣкъ—  
О суетный, безумной изыскатель!  
„Живи живой, тлѣй мертвой!“ вотъ что рекъ  
Всего яснѣй таинственный Создатель.

Его судьбамъ покорно гробъ молчитъ.  
Зачѣмъ же насть несбывшееся мучить?  
Пусть радости живущимъ жизнь дарить,  
А смерть сама ихъ умереть научить!

Е. Б.

### БОГАЧЪ И ПОЭТЪ.

#### БАСНЯ.

Съ великимъ Богачемъ Поэтъ затѣялъ судъ  
И Зевса умолялъ онъ за себя вступиться,  
Обомъ велѣно на судъ явиться.  
Пришли: одинъ и тощъ и худъ,  
Едва одѣтъ, едва обутъ;  
Другой весь въ золотѣ и спѣсью весь раздутъ.  
Умилосердился, Олимпъ самодержецъ!  
Тучегонитель! Громовержецъ!  
Кричать Поэту, чѣмъ я виновенъ предъ тобой,  
Что съ юности терплю фортуны злой гоненье?  
Ни ложки, ни угла, и все мое имѣнье  
Въ одномъ воображеніѣ.  
Межъ тѣмъ когда соперникъ мой,  
Безъ выслугъ, безъ ума, равно съ твоимъ ку-  
миромъ,  
Въ палатахъ окружены поклонниковъ толпой,

Отъ роскоши и нѣги заплылъ жиромъ.  
— А это развѣ ничего,  
Что въ поздній вѣкъ твоей достигнутъ лиры  
звуки?

Юпитеръ отвѣчалъ,—а про него  
Не только правнуки, но будуть вѣдать внуки.  
Не самъ ли славу ты въ удѣлъ себѣ избралъ?  
Ему жъ въ пожизненность я блага мѣра далъ.  
Но вѣрь, коль при его умѣ была бѣ возмож-  
ность  
Почувствовать свою передъ тобой ничтож-  
ность:  
То болѣе бѣ тебя на жребій свой ронталъ.

И. Крыловъ.

### ПРИХОЖАНИНЪ.

#### БАСНЯ.

Есть люди—будь имъ лишь пріятель,  
То первой ты у нихъ и геній и писатель.  
За то уже другой,  
Какъ хочешь сладко пой,  
Не только, чтобы отъ нихъ похвалъ себѣ дож-  
даться,  
Въ немъ красоты они и чувствовать боятся.  
Хоть, можетъ быть, я имъ немнога досажу,  
Но, вмѣсто басни, быль на это вамъ скажу.

Во храмѣ прооповѣдникъ  
(Онъ въ краснорѣчіи Платона былъ наслѣд-  
никъ)

Прихожанъ поучалъ на добрыя дѣла.  
Рѣчь сладкая, какъ медь, изъ устъ его текла;  
Въ ней правда чистая, казалось, безъ искус-  
ства,

Какъ цѣпью золотой,  
Возьемля къ небесамъ всѣ помыслы и чувства.  
Сей обличала міръ, исполненный щетой.

Душъ пастырь кончилъ поученье,  
Но всякъ ему еще внималъ—и до небесъ  
Восхищенный въ сердечномъ умиленьѣ,  
Не чувствовалъ своихъ текущихъ слезъ.  
Когда жъ изъ Божьяго міряне вышли дому:  
„Какой прелестный даръ!“  
Изъ слушателей тутъ сказалъ одинъ другому.  
„Какая сладость, жарь!

„Какъ сильно онъ влечеть къ добру сердца  
народа!

„А у тебя, сосѣдъ, знать, черствая природа,  
Что на тебѣ слезинки не видать?  
Иль ты не понималъ?“—Ну, какъ не понимать!  
Да плакать мнѣ какая стать,—  
Вѣдь я не этого прихода.

И. Крыловъ.

### Н О Ч Ъ.

Уже утомившійся день  
Склонился въ багряные воды,  
Темнѣютъ лазурные своды,  
Прохладная стелется тѣнь;  
И ночь молчалива мирно  
Пошла по дорогѣ зеирной,  
И Гесперъ летитъ передъ ней  
Съ прекрасной звѣздою своей!

Сойди, о небесная, къ намъ  
Съ волшебнымъ твоимъ покрываломъ;  
Съ цѣлебнымъ забвенья фіаломъ,  
Дай мира усталымъ сердцамъ!  
Своимъ миротворнымъ явленьемъ,  
Своимъ усыпительнымъ пѣньемъ  
Томимую душу тоской,  
Какъ матерь дитя, успокой.

Жуковскій.

### НА СМЕРТЬ Н. Н.

Цвѣла и блестала  
И радостью взоровъ была;  
Младенчески жизнью играла  
И смерть, улыбаясь, на битву звала;  
И, вызвавъ, безъ боя, въ добычу нещадной,  
Съ презрѣniемъ брося покровъ свой земной,  
Отъ плачущей дружбы, любви безотрадной,  
Въ эфиръ унеслася крылатой душой.

Н. Г—чъ.

### НЕДОВОЛЬНЫЙ

(съ французского).

Какихъ намъ благъ просить отъ Бога?  
Фортуны?—Слишкомъ быстронога,  
Едва придетъ и пропадетъ!  
Чиновъ?—За ними рой заботъ!  
Высокихъ титловъ?—Тщетны звуки!  
Богатства?—Не запасъ отъ скучи!  
Съ мѣшками будешь самъ мѣшокъ!  
Великодушія?—Порокъ

Воюетъ съ нимъ открытой бранью!  
Похвалъ?—Глупцамъ бывають данью!  
Достоинствъ?—Зависти змія  
Вопьется яростно въ тебя!  
Познаній?—Въ кладезѣ глубокомъ  
Невѣрнымъ и туманнымъ окомъ  
Не сыщешь дна, не видишь зги!  
Любви?—Не ужившися съ нею!  
Жены?—Попытка въ лотерею!  
Друзей?—Опасные врати!  
Вина?—но грустно проторезвиться!  
Роскошныхъ яствъ?—Въ аптекахъ рыться!  
Горячей крови?—Розожжеть!  
Холоднокровья?—Будешь лѣдъ!  
Ума?—Вожатый ненадежной,  
Болтунъ подъ часть неосторожной!  
Союза мудрости?..Она  
Безъ зва подъ старость посѣщаетъ,  
Когда намъ болѣ не нужна,  
И каждый мудрецомъ бываетъ  
Съ убыткомъ счастья пополамъ!  
Покоя?—И къ монастырямъ  
Ему заложена дорога! —  
Какихъ же благъ просить отъ Бога?

Князь Вяземской.

### Э Л Е Г I Я.

На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья,  
Подъ каждымъ деревомъ искать успокоенія,  
Питать бездѣйствіемъ задумчивость свою,  
Подслушивать въ горахъ журчащую струю,  
Иль звонкое о брегѣ пlesканье океана,  
Подъ зыбкой пеленою вечерняго тумана,  
Взирать на облака, разбросанные кругомъ;  
Въ узорахъ и въ цвѣтахъ и въ блескѣ золо-  
томъ;—  
Вотъ жизнъ мои въ странѣ, гдѣ кипарисы сѣни,  
Средь лавровъ возростя, приманиваютъ къ  
лѣни,  
Гдѣ хижинны Татаръ вѣнчаютъ виноградъ.  
Гдѣ роща каждая есть благовонный садъ.

Алушка, 1824.

т.

### КЪ ЖУРНАЛЬНЫМЪ БЛИЗНЕЦАМЪ.

Цыпъ! цыпъ! сердитыя малютки!  
Вамъ злиться право не подъ стать.  
Скажите: стоило ль изъ шутки  
Вамъ страшный пискъ такой поднять?

9

Напрасна вашихъ силъ утрата!  
И такъ со смѣхомъ всѣ глядятъ,  
Какъ раздраженные цыплята  
Распѣтушились не въ попадь!

Ин. Вяз.....

### ЛЕВЪ СОСТАРѢВШІЙСЯ.

Могучій Левъ, гроза лѣсовъ,  
Постигнути старостью, лишился силы;  
Нѣтъ крѣности въ когтяхъ, нѣтъ острыхъ  
тѣхъ зубовъ,  
Чѣмъ наводилъ онъ ужасъ на враговъ,  
И самого сдва таскаютъ ноги хилы.  
А что всего больнѣй,  
Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,  
Но всяки, за старыя обиды Льва, въ отмѣнѣ.  
Нанерѣвъ ему наносить оскорбленье.  
То гордый конь его копытомъ крѣвкимъ бѣсть.  
То зубомъ волкъ рванеть,  
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.  
Левъ бѣдный, въ горѣ толь великому,  
Сжавъ сердце, терпить все и ждетъ кончины  
злой,  
Лишь изъявляя ропотъ свой  
Глухимъ и томнымъ рыкомъ;

Какъ видѣтъ, что оселъ туда жъ, натужа грудь,  
Сбирается его лягнуть,  
И смотритъ мѣсто лишь, гдѣ бѣ было по-  
больниѣ.  
О боги! возопилъ, стенаѧ, Левъ тогда,  
Чтобъ не дожить до этого стыда,  
Пошлите лучше мнѣ одинъ конецъ скорбѣ;  
Какъ смерть моя ни зла,  
Все легче, чѣмъ терпѣть обиды отъ осла!

И. Крыловъ.

### АЛЬБОМЪ.

Какъ поздней осенью послѣдніе цветы  
Задумчивой душѣ весну напоминаютъ;  
Какъ пурпурной зари живыя красоты  
Еще блестящій день глазамъ изображаютъ;  
Какъ древніей надписи нестертыя черты  
Утраченную жизнь изъ гроба вызываютъ:  
Такъ книги памятной священные листы  
Разрозненныхъ друзей вездѣ соединяютъ,  
И блага лучшія и лучшія мечты  
Въ бывалыхъ призракахъ отрадно воскре-  
шаютъ!

Плетневъ.

### ТРИ ПОЦЪЛУЯ.

Въ осенний темный вечеръ,  
Прижалвшись на диванъ,  
Сквозь легкой сонъ я слушалъ,  
Какъ вѣтры бушевали.  
Вотъ вдругъ ко мнѣ подкрались  
Три девушки прекрасны.  
Какую бы съ нимъ шутку  
Сыграть?— онѣ шептали.  
Прекрасную съиграемъ,  
Одна изъ нихъ сказала;  
Но прежде мы посмотримъ,  
Довольно ль спить онъ крѣпко.  
Пусть каждая тихонько  
Сонливца поцѣлууетъ,  
И если не проснется,  
Я знаю что съ нимъ дѣлать.  
Тутъ каждая тихонько  
Меня поцѣловала.  
И чтожъ! Какое чудо!  
Куда осенний холодъ,  
Куда и осень дѣлась?  
Мнѣ точно показалось,  
Что вновь весна настала,  
И стала опять я молодъ!

И. Крыловъ.

### ПРОЗЕРПИНА.

Плещутъ волны Флегетона,  
Своды Тартара дрожать;  
Кони блѣднаго Плутона  
Быстро къ Нимфамъ Пелиона  
Изъ Аида бога мчать.  
Вдоль пустыннаго залива  
Прозерпина, вслѣдъ за нимъ,  
Равнодушна и ревнива,  
Потекла путемъ однимъ.  
Предъ богинею колѣна  
Робко юноша склонилъ  
(И богинямъ лѣститъ намѣна!):  
Прозерпинѣ смертный милъ.  
Ада гордая Царица  
Взоромъ юношу зоветь,  
Обняла — и колесница  
Ужъ къ Аиду ихъ несетъ!  
Мчатся, облакомъ одѣты;  
Видятъ вѣчныя луга,  
Элизей и томной Леты  
Усыпленные брега.  
Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,  
Тамъ утѣхамъ нѣть конца!  
Прозерпина въ упоеніѣ,

Беаъ порфиры и вѣнца,  
Повинуется желаньямъ,  
Предаетъ его лобзаньямъ  
Сокровенныя красы;  
Въ сладострастной нѣгѣ тонеть,  
И молчить, и тѣмно стечьтъ...  
Но бѣгутъ любви часы!  
Плещутъ волны Флегетона,  
Своды Тартара дрожать;  
Кони блѣднаго Плутона  
Быстро мчать его назадъ,  
И Кереры дочь уходить,  
И счастливца за собой  
Изъ Элизія выводить  
Потаскною тропой;  
И счастливецъ отпираеть  
Осторожною рукой  
Дверь, откуда вылетасть  
Сновидѣній ложный рой.

А. Пушкинъ.

РУССКИЯ ПѢСНИ.

I.

Скучно, дѣвушки, весною жить одной,  
Не съ кѣмъ сладко побесѣдоватъ младой.  
Спротинушка, на всей землѣ одна,  
Подгорюнясь ли присядешь у окна—  
Подъ окошкомъ все такъ весело глядитъ,  
И миѣ душу то веселіе томить,  
То веселье—не веселье, а любовь,  
Отъ любви той замираеть въ сердцѣ кровь.  
И я выду во широкія позя—  
Въ полѣ нѣгой такъ и вѣстъ на тебя;  
Свѣжій запахъ ладкой травки полевой  
Вреденъ дѣвицѣ весенисю порой.  
Хочешь съ кѣмъ-то этимъ запахочъ дышать  
И другимъ устамъ его передавать;  
Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ тяжело,  
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.  
Больно, больно безнадежной тосковать!  
И я кинуся на тесовую кровать,  
Къ изголовью правой щечкою прижмусь  
И горючими слезами ободлюсь.  
Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ  
Травку вспрыснетъ, но се не освѣжитъ.  
Такъ и слезы не свѣжать ясна младой;—  
Скучно, дѣвушки, весною жить одной!

II.

Пѣла, пѣла пташечка  
И затихла;  
Знало сердце радости  
И забыло.  
Чтò, пѣвунья пташечка,  
Замолчала?  
Какъ ты, сердце свѣдалось  
Съ чернымъ горемъ?  
Ахъ! убили пташечку  
Злые выюги;  
Погубили молодца  
Злые толки!  
Полетѣть бы пташечкѣ  
Къ синю морю;  
Убѣжать бы молодцу  
Въ лѣсъ дремучай!  
На морѣ валы шумятъ,  
А не выюги —  
Въ лѣсѣ звѣри лютые,  
Да не люди!

Баронъ Дельвигъ.

### ПРОСТОСЕРДЕЧНЫЙ ОТВѢТЬ.

Съ подагрою въ груди супругъ сѣдой,  
Предчувствуя ужъ запахъ близкій ели.  
Въ послѣдній часъ, на роковой постели,  
Прощаясь съ молоденькой женой,  
Ей говорилъ сквозь кашель и сквозь слѣзы:  
Вдовой тебя оставить больно мнѣ!  
Но, ахъ! еще мучительный вдвойнѣ  
Мнѣ страхъ, что гдѣ пройдетъ, и снова розы,  
Моимъ въ гробу ругаясь крѣпкимъ сномъ,  
Блеснуть тебѣ предъ брачнымъ алтаремъ.....  
Другой супругъ..... за гробомъ ревность му-  
чить.  
Ты молода.... вдовѣть тебѣ соскучитъ.....  
— „Охъ, нѣтъ! жена въ отвѣть ему .. клянусь,  
„Голубчикъ мой, что твой поклѣпъ обиденъ!  
„Дай овдовѣть: вдовства я не боюсь,  
„Мнѣ жребій вдовъ быль завсегда завиденъ!“

К. В.

### ЧЕРТА МѢСТНОСТИ.

Прочесть ли вамъ любовное посланье?—  
„Радъ слушать васть!“ — Прошу совѣтовъ я.  
Домъ, ідь сидитъ владычница моя....  
„Позвольте мнѣ вамъ сдѣлать замѣчанье:  
„Я бѣ не сказалъ — сидить; да ужъ и домъ.  
„Мнѣ кажется, не ладить со стихомъ.  
„Не лучше ли: живеть иль обитаетъ,  
„И домъ смынить на храмъ, или чертогъ?  
„Любовь во храмъ и хату претворяетъ;  
„Къ тому жъ къ стихамъ идетъ высокій слогъ.“  
Такъ, спѣвъ и мнѣ парѣчья Музъ знакома.  
Но здѣсь въ стихѣ есть мѣстная черта:  
Несчастная, младая красота  
Сидитъ въ стѣнахъ смирительного дома!

К. Вяземской.

### ЖЕЛАНИЕ БОГА.

(изъ пс. 41.)

Какъ, съ пылкой жаждою елень,  
Когда сгораетъ знойный день,  
Склонивъ рога, бѣжитъ, усталый,  
Глотать шумящіе кристаллы  
Въ брегахъ студенаго ручья....  
Такъ истомялся душа мои,  
Въ пустыняхъ знойныхъ долиней жизни,  
Летить къ святой своей отчизнѣ,  
Къ Тебѣ, владѣющій судьбой,  
Къ Тебѣ, мой Боже, Боже правый!  
Твоей упиться жаждеть славы  
И слить на вѣкъ себя съ Тобой....  
Я утомился жизни битвой,  
И онѣмѣлая уста  
Не освѣжаются молитвой...  
Меня обходитъ клевета,  
И поносители лукавы,  
Ругаясь злобно для забавы,  
Твердять всечасно: „Гдѣ же твой Богъ?“  
Но я, я знаю Твой чертогъ,  
И ясно видѣть сердца очи  
Сію таинственную сѣнь,

Гдѣ Твой, безъ солнца и безъ ночи,  
Горитъ, не погасая, день...  
Я вѣдаю Твое селенье:  
Туда души моей полетъ.  
Влечеть святое умиленье....  
Какъ тихъ незаходимый свѣтъ  
Кругомъ обителей священныхъ!...  
Я часто, духомъ восхищенный,  
Летаю въ Твой надзвѣздный домъ!  
Почто жъ въ душѣ моей тревога?  
Мятусь и страхомъ и стыдомъ....  
Моя судьба въ рукахъ у Бога,  
То что мнѣ можетъ человѣкъ?  
Какъ день осенній, пусть мой вѣкъ  
Проходитъ смутенъ и умаленъ:  
Тоска — мой хлѣбъ, питье — изъ слезъ;  
Я на землѣ хожу печаленъ....  
Но тайный гласъ святыхъ Небесъ  
И нестараюмы свѣтилы  
Мнѣ говорять: „Пришелецъ унылый!  
„Твоя обитель — не земля!  
„Сіи лазурныя поля  
„Полны высокихъ воздаяній“....  
Крѣпись, мой духъ! Въ странѣ страданій  
Не вѣченъ твой жестокій плѣнъ!  
Пройдетъ пора земной неволи  
И, вольный плѣнникъ сей юдоли,  
Отбросивъ свой урочный тлѣнъ,

Взлетишь ты быстро изъ тумана,  
Изъ тѣсноты земной и мукъ,  
Какъ изъ разбитаго тимпана  
Послѣдній улетаетъ звукъ....

Федоръ Глинка.

A. H. С-вой.

Покой души, забавы, ожиданья,  
Счастливыя привычки юныхъ лѣтъ,  
Всѣ радости, чѣмъ намъ прекрасенъ свѣтъ  
При шепотѣ игриваго мечтанья,  
Отъ насъ судьба беретъ безъ состраданья,—  
И время ихъ свѣтваетъ легкій слѣдъ,  
Какъ хладный вѣтръ уноситъ поздній цвѣтъ,  
Когда пора настанетьувяданья.

Одно душа заботливо хранить,  
Какъ тайный даръ любви первоначальной:  
Отъ раннихъ лѣтъ до старости печальнойной  
Другъ первый съ ней. Его улыбка, видъ,  
Движенья, взоръ: все съ нею говоритъ,  
Все къ ней летитъ, какъ звукъ музыки даль-  
ной.

Плетневъ.

\*

### СОНЬ НЕВЪСТЫ.

БАЛЛАДА.

Вѣтеръ вѣль, гроза ревѣла,  
Мѣсяцъ крылся въ облакахъ,  
И рѣка, клубясь, шумѣла  
Въ омраченныхъ берегахъ.  
И, встревоженна тоскою,  
Ѣвельина слѣзы лѣтѣ:  
„Ахъ, теперь, грозой иочною  
Милый по морю плывѣтъ!“

\* \*

Долго бѣдная молиласъ  
Предъ иконою святой,  
Робкой думою носиласъ  
Надъ пучиною морской.  
Бѣтъ на башнѣ часъ полночи,  
И внезапно тайный сонъ  
Ей смѣжилъ печальны очи,  
И замолкъ тяжелый стонъ.

\* \*

Спить она; но духъ унылой  
И во снѣ тревожить страхъ:  
Все корабль ей снится милой  
На бунтующихъ волнахъ;

И казалось, что летаетъ  
Тѣнь знакомая надъ ней  
И какъ будто бы вѣщаетъ:  
„О, невѣста! слѣзъ не лей“.

\* \*

Голосъ друга незабвенной!  
Сердце вѣриное дрожитъ,  
Смотритъ тихо:—обрученный  
Передъ ней женихъ стоитъ.  
Въ ликѣ блѣдность гробовая,  
Мутенъ блескъ его очей,  
И бѣжитъ струя морская  
Изъ развившихся кудрей.

\* \*

„О, невѣста! въ край родимой  
„Я летѣлъ къ тебѣ съ мечтой,  
„И безцѣнной и любимой,  
„И съ пылающей душой;  
„Но варевѣла надо мною  
„Смертоносная волна;  
„Съ нашей радостью земною  
„Ты на вѣкъ разлучена.

\* \*

„Другъ, страданье пронесется,  
„Грозный мракъ не навсегда,  
„И надъ бедною зажмется  
„Лучезарная звѣзда.  
„О! не сѣтуй, что прекрасной  
„Жизни цвѣть увяль въ слезахъ:  
„Мы любили не напрасно,  
„Будемъ виѣстѣ въ небесахъ!

\* \*

„Но прости! Уже алѣетъ  
„Вамъ румяная заря,  
„Вѣтерокъ ужъ ранній вѣетъ,  
„Вѣетъ онъ не для меня!“  
И со вздохомъ улетаетъ  
Тѣнь младая отъ очей,  
И съ высотъ ей повторяетъ:  
„О! невѣста, слёзъ не лей“.

Иванъ Козловъ.

### Ц В Ъ Т Ы,

ВЫБРАННЫЕ ИЗЪ ГРЕЧЕСКОЙ АНЕОЛОГИИ \*)

— — —

1.

### Ж Е Р Т В А О Т Ч И З Н Ъ.

(Диоскоридъ).

Восемь цвѣтушихъ сыновъ послала на брань  
Дименета;  
Юноши бились — и всѣхъ камень единый  
покрылъ.  
Слезъ не лила огорченная мать, но вѣщала  
надъ гробомъ:  
„Спарта, я въ жертву тебѣ оныхъ родила  
сыновъ!“

\*) Отрывокъ изъ перевода отборныхъ Гре-  
ческихъ надписей съ подлинника. Мѣра сти-  
ховъ и ударенія въ именахъ собственныхъ  
соблюдены въ точности.

2.

**Любовь сыновняя.**

(Неизвестный).

Бремя священное сыну, отца, изъ пылающей  
Трои  
Вынесъ Эней, отъ него копья враговъ от-  
води.  
Къ сонмамъ Ахейскимъ взывалъ: „Не разите!  
Жизнь старца Арею  
„Малая жертва; но мнѣ даръ многоцѣнныи  
она!“

3.

**Орелъ на гробѣ Аристомена.**

(Антипатръ Сидонский).

**ПРОХОЖИЙ.**

Вѣстникъ Кронида, почто ты, мощныя крылья  
простерши,  
Здѣсь на гробѣ вождя Аристомѣна стоишь?

**ОРЕЛЬ.**

Смертныи вѣщаю: какъ я изъ цѣлаго сонма  
пернатыхъ  
Силою первый, такъ онъ первымъ изъ юно-  
шей былъ.

Робкія робкаго праху пускай присѣдять го-  
лубицы;  
Мы же бѣстрашныхъ мужей любимъ могилу  
хранить.

4.

**Аяксъ во гробѣ.**

(НЕИЗВѢСТНЫЙ.)

Лишь на могилу Аякса Фригіецъ сталъ дерзно-  
венно,  
Праху ругаясь, Ирой въ гробѣ обиды не  
снесъ,  
Страшно воззвалъ изъ обители мертвыхъ, и  
гласомъ смятенный,  
Падшаго гласомъ, живый съ трепетомъ  
вспять убѣжалъ.

5.

**Утопшій къ пловцу.**

(ЕЕОДОРИДЪ).

Въ бурныхъ волнахъ я погибъ, но ты плыви  
безъ боязни!  
Море, меня поглотивъ, въ пристань другихъ  
принесло.

6.

**Гробъ Исаода.**

(АЛКЕЙ МЕССЕНСКИЙ).

Тѣло пѣвца Исаода, сраженного въ рощахъ  
Локридскихъ,  
Предали Нимфы землѣ, въ чистыхъ омывші  
струяхъ;  
Сами воздвигнули гробъ. И паstryри козъ, ему  
въ жертву,  
Сладкое лили млеко, смѣшано съ медомъ  
златымъ.  
Сладко лилися пѣсни изъ устья почившаго  
старца:  
Вашимъ Кастаньскимъ ключемъ, Музы, онъ  
былъ воспоенъ!

7.

**Возмездіе.**

(АПОЛЛОНИДЪ).

Критскимъ стрѣлкомъ уязвленный орелъ не  
остался безъ мести:  
Жизни лишаясь, ему жадомъ за жало воз-  
далъ.  
Съ горячаго неба ниспалъ онъ стремглавъ и,  
постигши убийцу,

Сердце той сталью пронзилъ, коей былъ  
самъ пораженъ.  
Будете ль, Критяне, вы бросанiemъ стрѣлъ  
неизбѣжныхъ  
Нынѣ гордиться? Хвала Діевої мѣткой рукѣ!

8.

**Молитва.**

(неизвестный.)

Даруй добро мнѣ, Кронидъ, хотя бы ето не  
просилъ я;  
Зло отврати отъ меня, еслибъ о немъ и мо-  
лиль!

9.

**Суeta жизни.**

(палиадъ.)

Нагъ я на землю пришелъ, и нагъ я скроюся  
въ землю:  
Бѣдная участъ сія стоить ли многихъ тру-  
довъ?

10.

**Къ смерти.**

(АГЛЕЙ.)

Смерти ль страшиться, о други! Она спокой-  
ствія матери;  
Въ горѣ отрада; бѣдамъ, тяжкимъ болѣзнямъ  
конецъ.  
Разъ къ человѣкамъ приходитъ, не болѣ— и  
день разрушенья  
Намъ обреченъ лишь одинъ: дважды не гиб-  
нуль никто.  
Скорби-жъ съ недугами жизни на землѣ от-  
правляютъ всесасно:  
Туча минуетъ— за ней новая буря грозить!

11.

**Изваяніе Александра.**

(АРХЕЛАЙ.)

Царственный ликъ Александра, рѣшителя бра-  
ней кровавыхъ,  
Лисинпомъ здѣсь изваянъ: дышетъ въ ме-  
таллѣ Ирой!  
Въ небо онъ взоры вперилъ и Дію, мнится,  
вѣщаетъ:  
„Землю всю мнѣ, о Кронидъ! ты же Олим-  
помъ владѣй!

**Къ истукану Ніовы.**

(неизвѣстный.)

Боги живую меня превратили въ безчувствен-  
ный камень:  
Камню и чувство, и жизнь далъ Пракситѣла  
рѣзецъ.

**Спящій Еротъ.**

(платонъ философъ).

Въ рощу вступивъ сѣнолиственну, мы усмо-  
трѣли внезапно  
Сына Киприды: лицо пурпуровыхъ яблокъ  
свѣжѣ!  
Не былъ онъ къ брали готовъ; и лукъ, и кол-  
чанъ стрѣлоносный,  
Снятые съ плечъ, вблизи на кудрявыхъ де-  
ревьяхъ висѣли.  
Богъ любви почивалъ на ложѣ изъ розъ bla-  
говонныхъ,  
Сладко сквозь сна улыбаясь; златыя пчелки  
жукали,  
Съ нектарныхъ спящаго усть прилежно медъ  
собирая.

14.

Пѣвица.

(МЕЛЕАГРЪ.)

Паномъ Аркадскимъ клянусь, ты сладко  
поешь, Зинофил!  
Сладко поешь и смычкомъ движешь по звуч-  
нымъ струнамъ.  
Гдѣ я? куда убѣгу? меня окружили Ероты.  
Сонимъ легкокрылый, тѣснясь, мнѣ не даетъ  
и дышать!  
Въ сердце вливаютъ любовь, то Павіи пре-  
лестъ, то Музы  
Нѣжный голосъ... увы! страстью сугубой  
горю.

15.

Неназванные.

(НЕИЗВѢСТНЫЙ.)

„Знай: я люблю, и любимъ, и дарами любви  
наслаждаюсь“—  
Кто жъ ты, счастливецъ, и съ кѣмъ?— „Па-  
вія знаетъ одна!“  
\*

### ЗВЕЗДОЧКА.

Взгляни на звезды: много звездъ  
Въ безмолвіи ночномъ  
Горитъ, блеститъ кругомъ Луны,  
На небѣ голубомъ.  
Взгляни на звезды: между нихъ  
Милѣе всѣхъ одна!  
За что же? ранѣе встаетъ,  
Ярчай горить она?"  
Нѣтъ, утѣшаешь свѣтъ ея  
Разставшихся друзей;  
Ихъ взоры, въ синей вышинѣ,  
Встрѣчаются на ней.  
Въ звездѣ любезной чувство есть:  
И съ думою глядить.  
И взору шлетъ отвѣтный взоръ,  
И нѣжностью горитъ.  
И съ милой звездочкы своей  
Не сводимъ мы очесъ,  
И провожаемъ мы ее  
На небо и съ небесъ.  
Себѣ звѣзу избралъ ли ты  
Въ безмолвіи ночномъ?  
Ихъ много блещетъ и горитъ  
На небѣ голубомъ.

\*\*

Не первой вставшей сердце ввѣрь,  
И, суетный въ любви,  
Не лучезарнѣйшую всѣхъ  
Свою назови:  
Ту назови своей звѣздой,  
Чтѣ съ думою глядить  
И взору шлеть отвѣтный взоръ  
И иѣжностю горитъ!

Е. Б—ий.

24 Сентября 1824.

К И Е В Ъ.

О Кіевъ градъ, гдѣ, съ вѣрою святою,  
Зажглася жизнъ въ краю у насть родномъ,  
Гдѣ свѣтлый крестъ съ Печерскою глагою  
Горитъ звѣздой на небѣ голубомъ,  
Гдѣ стелятся зеленою пеленою  
Поля твои въ раздолы золотомъ,  
И Днѣпръ рѣка—подъ древними стѣнами,—  
Кипитъ, шумитъ, пѣнистыми волнами.

Какъ часто я душой къ тебѣ летаю,  
О свѣтлый градъ, по сердцу миѣ родной;  
Какъ часто я въ мечтахъ мой взоръ пльняю  
Священою твою красотой!

У Лаврскихъ стѣнъ земное забываю  
И надъ Днѣпромъ брошу во тьмѣ ночной:  
Въ очахъ моихъ все Русское прямое—  
Прекрасное, великое, святое.

Ужъ мѣсяцъ всталъ; Печерская сіяеть,  
Главы ея въ волнахъ рѣки горятъ,  
Она душѣ вѣка напоминаетъ.  
Небесные тамъ въ подземельѣ спятъ;  
Надъ нею тѣнь Владимира летаетъ;  
Зубцы ея о славѣ говорятъ.  
Смотрю ли въ даль—вездѣ мечта со мною,  
И милою все дышеть стариною.

Тамъ Витязи сражались удалье,  
Могучie, за родину въ поляхъ;  
Красою здѣсь цвѣли Княжны младыя,  
Стыдливыя въ высокихъ теремахъ,  
И пѣль Боянъ имъ битвы роковыя,  
И тайный жаръ таился въ ихъ серцахъ.  
Но полночь бѣстъ, звукъ иѣди умираеть.  
Къ минувшимъ днямъ еще день улетаетъ.

Гдѣ жъ смѣлые, которые сражались,  
Чей острый мечъ, какъ молнiя, сверкалъ?  
Гдѣ та краса, которой всѣ плѣнялись,  
Чей мілый взглядъ свободу отнималъ?

Гдѣ тотъ пѣвецъ, чимъ пѣньемъ восхищались?  
Ахъ! вѣшній бой на все миѣ отвѣчалъ!  
И ты одинъ, подъ башнями святыми,  
Шумиши, о Днѣпръ, волнами вѣковыми!

Къ.....

Я не былъ счастьемъ избалованъ;  
Нѣть, нѣть, красавица моя,  
Ужъ я давно разочарованъ,  
Узналъ всю бѣдность бытія.  
И сердцемъ я привыкъ не вѣрить  
Всѣмъ лучшимъ благамъ жизни сей!—  
Къ чему жъ напрасно лицемѣрить  
И взоромъ пламенныхъ очей,  
И сладкимъ шепотомъ рѣчей,  
И ласкою руки притворной?  
Я не любви твоей хочу,  
Я къ нѣжности твоей упорной  
Души ничѣмъ не пріучу.

Ѳ. Тума нскій.

КЪ КНЯЖНЪ\*\*\*,

ПРИ ПОСЫЛКЪ ЕЙ МОИХЪ ПѢСЕНЬ.

За пару строчекъ мѣрныхъ словъ,  
Тяжелой почтою стиховъ.

Отправленныхъ на упокой въ Іѣурналы,  
Поэты ремесломъ, лжецы и самохвалы,  
Твердять вездѣ, что имъ знакомъ языкъ болоъ.  
Такую честь себѣ присвоить не посмѣю;  
Но, строго заповѣдь смиренія храня,  
Отъ тайной гордости сберечься не умѣю.  
Когда вы просите риомъ скучныхъ отъ меня!  
Искуства звучнаго могуществомъ прекрас-

нымъ  
И голосомъ своимъ, всегда душѣ подвластнымъ,  
Всегда владѣющимъ душой,  
Преобразите вы ничтожный лепеть мой  
Въ языкѣ возвышенный, въ языкѣ любви пре-

лестной.

Вливая чувства жаръ въ перенесенный  
стихъ,  
Похитите съ земли, изъ-за границы тѣсной,  
Въ міръ лучшій, въ стройный міръ гармоніи  
небесной,  
И пѣсни слабыя и слушателей ихъ!

Такъ! Если вашимъ я вниманьемъ удостоенъ  
И призрѣли мой даръ подъ вѣрный свой по-  
кровъ;  
То радъ и я признать божественность стиховъ.  
И можетъ ли языкъ, что вами былъ присвоенъ.  
Не быть языкъ боговъ?

Князь Вяземской.

### ИРЛАНДСКАЯ ПѢСНЯ.

(изъ мура.)

Лучъ ясный играеть на свѣтлыхъ водахъ,  
Но тьма подъ сіяньемъ и холодъ въ волнахъ;  
Младыя ланиты румянцемъ горятъ,  
Но черныя думы духъ юный мрачать.

Есть думы о прежнемъ, ихъ ядъ роковой  
Всю жизнь отравляетъ мертвящей тоской;  
Ничто не утѣшить, ничто не страшить,  
Не радуетъ радость, печаль не крушить.

На срубленной изѣткѣ такъ вянѣтъ листокъ.  
Напрасно въ дубравѣ шумитъ вѣтерокъ,  
И красное солнце льстъ радостный свѣтъ,  
Листокъ зеленѣтъ, а жизни въ немъ нѣтъ!

Иванъ Козловъ.

### МОЯ ЛЮБОВЬ.

(1824).

За днями дни бѣгутъ толпой,  
Слѣдовъ ихъ сердце не находить;  
Но, другъ безцѣнныи, образъ твой  
Понынѣ властвуетъ душой  
И съ памяти моей не сходитъ.

\* \*

Я посѣщалъ прекрасный край: <sup>\*)</sup>)  
Тамъ ухо ропотъ моря слышитъ,  
Беззнойно, долго свѣтить Май,  
И человѣку тихій рай  
Въ тѣни оливъ и лавровъ дышеть.

\* \*

Тамъ, нѣжась въ лѣни и въ мечтахъ,  
Въ часъ лунныхъ, сладостныхъ тумановъ,  
Какъ будто видишь на горахъ,  
Вокругъ мечестей, на гробахъ,  
Блуждающія тѣни Хановъ.

\* \*

<sup>\*)</sup> Тавриду.

Тамъ жены, тайно, сквозь покровъ,  
Назвавъ себя, лукавымъ взглядомъ  
Манять счастливыхъ пришлцовъ  
На мягкий одръ, на пухъ ковровъ,  
Въ Гаремъ, увитый виноградомъ.

\* \*

Но въ той странѣ, на берегѣ томъ,  
Къ инымъ занятіямъ остыдый,  
Безъ цѣли странствую кругомъ,  
Мечталъ, грустиль я обѣ одномъ—  
Все о тебѣ, мой Ангелъ милый!

\* \*

Какъ ночью пѣсня соловья,  
Какъ пльнику родные звуки  
На берегѣ чуждаго ручья—  
Отрадна мнѣ любовь моя,  
Слянье нѣги, счастья, муки.

\* \*

Люблю, любовь потребна мнѣ!  
Я услажденъ, утѣшенъ ею!  
Наскучу ль жизнью въ тишинѣ,  
Мнѣ милый ликъ блеснетъ во снѣ  
И вновь я къ жизни пламенѣю.

Г.—

### ЛИСИЦА И ОСЕЛЬ.

Отколъ умная бредешь ты голова?  
Лисица, встрѣтясь съ Осломъ, его спросила.  
— Сейчасъ лишь ото Льва.  
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила?  
Бывало, зарычить: такъ стонеть лѣсь кругомъ;  
И я безъ памяти бѣгомъ,  
Куда глаза глядять отъ этого урода;  
А вы niche въ старости и дряхль, и хиль,  
Совсѣмъ безъ силъ,  
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.  
Повѣриши ли: въ звѣряхъ  
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ,  
И поплатился онъ старинными долгами:  
Кто мимо Льва ни шелъ, всякъ вымѣщалъ ему  
По-своему,  
Кто зубомъ, кто рогами.—  
Но ты коснуться Льву конечно не дерзнулъ?  
Лиса Осла перерываетъ.  
— Вотъ на! Осель ей отвѣчаетъ:  
А мнѣ чего робѣть, и я его лягнулъ;  
Пускай ослиныя копыта знаестъ!—  
Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,  
Не смѣютъ на тебя поднять онѣ и взгляды;  
Но упѣди лишь съ высоты,  
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

И. Крыловъ.

### КЪ НЕВЪРНОЙ.

Не отравляй моей тоски  
Улыбкой нѣжности притворной;  
И сердца снова не влеки  
Къ мученіямъ любви упорной!  
Невинный жаръ твоихъ ланить,  
Очей веселое сіянье,—  
Все помню я! Но не слетитъ  
Ко мнѣ любви очарованье.  
Нѣтъ, не слетитъ оно назадъ  
Къ моей душѣ полузабытой:  
Такъ оставляетъ ароматъ  
Сосудъ небережно разбитой...

В. Григорьевъ.

### ВЕСЕННИЙ ГИМНЪ ВСЕДЕРЖИТЕЛЮ·

(во время первого грома).

Дерзнетъ ли слабый гласть ничтожныя цѣвицы  
Сливаться съ звучною гармоніей громовъ  
И восхвалять Того, Кто маниемъ десницы  
Вращаетъ свѣтлый сонъ разсыпанныхъ мі-

ровъ!

\* \*

Къ Тебѣ летить, Господь, звукъ тихій пѣсно-  
пѣнья  
Изъ глубины души безвѣстнаго пѣвца!  
Не грозенъ для меня тлетворный мракъ заб-  
венья:  
Егову я пою, подсолнечной Творца!

\* \*

Непостижимый Богъ! Кипящій сонмъ твореній,  
Величіе свѣтилъ есть слабый отблескъ Твой.  
Не Ты ли и неходинъ днесъ съ заоблачныхъ се-  
лений,  
Одѣтый ужасомъ и грозной красотой?

\* \*

Всесильный! Ты ступилъ въ пылающей пор-  
фирѣ  
На небо ирачно—и въ слѣдъ Тебѣ гроза.  
Ты рекъ—Твой гнѣвныій гласъ отгрянуль въ  
долинемъ мірѣ;  
Какъ зыбкій сводъ шатра содроглись небеса.

\* \*

Ты длань свою простеръ—и тучи разстуши-  
лись,  
Промчалась молнія огнистою струей;  
Твой громъ зарокоталъ, поляны озарились...  
И пламень обвился вкругъ сосны вѣковой.

\* \*

Ты съ кротостью возвѣлъ на ликъ земли  
смятенной,  
Отрадный лучъ упалъ съ горящаго чела —  
Земля воспрянула въ одѣждѣ орошенной,  
И чистый вимамъ Владыкъ вознесла.

\* \* \*

Вотъ ясень приподнялъ свой верхъ, грозою  
смятой,  
Взыгралися стада на радостныхъ лугахъ,  
Съ утеса въ злачный долъ спрыгнулъ олень  
рогатой,  
И лебедь забѣлъ на трепетныхъ водахъ.

\* \* \*

Подателя щедротъ Природа восхваляетъ,  
Уже ли, праха сымъ, безмолвнымъ буду я!  
Чувствъ полная душа къ Тебѣ, Господи, взываетъ,  
И пѣсни тихія не преаришь Ты ея.

Пл. Ободовскій.

### ЦАРЬ ΘУЛЕСКИЙ.

(изъ ГЕТЕ).

Былъ въ Θулѣ царь; ему другъ милый  
Вручила при смерти бокалъ,  
И, неизмѣнныи, до могилы  
Онъ даръ завѣтный сохранилъ;

\* \*

И всякий разъ, когда краями  
Его къ устамъ онъ подносила,  
Глаза туманились слезами,  
И тяжкій вдохъ вино струилъ.

\* \*

Предчувствуя свою кончину,  
Всѣ грады царства своего  
Онъ перечель и отдалъ сыну,—  
Не отдалъ кубка одного.

\* \*

Въ наслѣдномъ замкѣ, что стѣнами  
Морскія волны отбивали,  
Онъ, окружонъ богатырями,  
За царскимъ пиромъ возсѣдалъ.

\* \*

Съ послѣдней каплей пиль царь вѣрный  
Свою послѣднюю слезу,  
И бросилъ кубокъ драгоцѣнныи  
Въ валы, кипящіе внизу.

\* \* \*

Онъ зрялъ, какъ черпалъ онъ краями,  
Какъ внизъ волной былъ увлеченъ.  
И, проводя его очами,  
Уже ни капли не пиль онъ.

---

### ПЕРЧАТКА.

(изъ шиллера).

Предъ вратами звѣринца  
Король Францискъ возсѣдалъ  
И битвы звѣрей ожидалъ.  
Вельможи толпою вкругъ Принца  
И дамы, въ убранствѣ драгомъ,  
Съ высокихъ балконовъ смотрѣли кругомъ.

И только рукою  
Знакъ подалъ Король,  
Враты растворились,—отоль

Тяжелой стопою  
Выходитъ левъ.  
Онъ взоромъ въ молчанъѣ  
Окинулъ собранье,  
Разинулъ свой зѣръ;  
Главою кудрявой  
Потрясъ величаво  
И легъ.— И снова знакъ сдѣлалъ Король.  
Другой придѣль оторился,  
И быстро оттолъ  
Свирипый тигръ устремилъся,  
И, льва узрѣвъ,  
Онъ поднялъ ревъ,  
И выгнулъ крутою  
Хвостъ гибкій дугою,  
И, выставя своей  
Кровавою пѣной  
Языкъ обагренной,  
Вокругъ льва обошелъ боязливой стопой,  
Съ суровымъ роптаньемъ;  
Потомъ, съ протяжнымъ ворчаньемъ,  
Со львомъ бокъ о бокъ  
На землю возлѣгъ.—  
И въ третій разъ подалъ Король мановеніе,  
И два леопарда изъ третьихъ дверей.  
Кипящіе жаждой сраженія,  
Устремились на тигра. Завидя звѣрей,

Онъ острыя когти на нихъ выпускаетъ.  
Но съ ревомъ съ земли  
Подъемлется левъ—и все утихаєтъ:  
Леопарды спокойно кругомъ полегли.

Въ то время съ балкона упала  
И прямо межъ тигра и льва улеглась  
Перчатка съ прекрасной руки. Смѣясь,  
Кунигунда Делоржу сказала:  
О рыцарь, колъ точно ты страстью гориша,  
Какъ мнѣ ежечасно твердишь,  
Достань мнѣ перчатку, и буду я вѣрить,  
Что ты предо мною не могъ лицемѣрить.

Поспѣши нисходитъ любовникъ младой,  
И вотъ—за ужасной уже загородкой,  
И твердою площадью прошедши походкой,  
Недрогнувшей поднялъ перчатку рукой.

И дамъ и вельможъ изумленныхъ собранье  
Въ болливомъ глядить на него ожиданьи;  
Но онъ невредимый изъ круга звѣрей  
Выходитъ съ добычей своей,  
И въ каждыхъ устахъ похвалу себѣ слышитъ;  
И радостнымъ взоромъ (онъ иѣжностью дышитъ)  
И близкое счастье пророчить ему)

Куяигунда героя встречаетъ.  
Но рыцарь въ лицо ей перчатку бросаетъ:  
„Благодарности, Дама, твоя не приму!“  
И въ тоже мгновеніе ее покидаетъ.

Михаилъ Загорскій.

Къ Ии. М. А. Г., урожденной К. С.

Ты видала, какъ играетъ  
Солнце раннею порой,  
И лился разцѣтастъ  
Окропленная росой;

\* \*

Ты слыхала, какъ весною  
Соловей въ ночи поеть,  
Какъ съ бездѣниою тоскою  
Онъ раздумье въ душу лѣтъ;

\* \*

Подъ черемухой дущистой,  
Часто взоръ падался твой  
Блескомъ радуги огнестой  
Надъ прозрачною рѣкой.

\* \*

Такъ твое воспоминанье,  
Твой плѣнительной привѣтъ --  
Для сердца очарованье  
И прекраснаго завѣтъ.

\* \*

Но съ увядшою душою,  
Между радостныхъ друзей,  
Какъ предстану предъ тобою  
Съ лирой томною моей?

\* \*

Хоть порой съ мечтами младость  
И блеститъ въ монхъ очахъ;  
И поѣтся мною радость  
На задумчивыхъ струнахъ:

\* \*

Но такъ цвѣть въ поляхъ мелькасть  
Виѣтъ съ кошеною травой,  
Такъ свѣтъ лунный озаряетъ  
Хладныи камень гробовой!

\* \*

Лишь желать, молить я смѣю:  
Да надеждъ прелестныхъ рой,  
Вѣстя вѣчно надъ твою  
Свѣтло-русой головой.

\* \*

Въ овѣтѣ, гостия молодая,  
Жизнью весело играй;  
Бурамъ издали внимай,  
Обо мнѣ воспоминай!

Иванъ Козловъ.

### СЕРБСКІЯ ПѢСНИ.

#### I.

##### Братья Якшичи.

Мѣсяцъ журилъ звѣзу денницау:  
Гдѣ ты была, звѣза денница?  
Гдѣ ты была, гдѣ губила время  
Три бѣлыхъ дня? — Въ отвѣтъ денница:  
Пробыла я, провела я время  
Падь блокаменныиъ Бѣлградомъ,  
Глядя на великое чудо,  
Какъ дѣлили отчину братья,  
Якшичи братья, Дмитрій съ Богданомъ.  
Отчину дружно они подѣлили,  
Всѣ города и земли безъ спору;  
Пополамъ раздѣлили Бѣлградъ.  
Споръ у нихъ вышелъ только за малость:  
Конь вороной и соколь чьи будутъ?  
Себѣ, какъ старшему, требуетъ Дмитрій

Сокола и коня воронаго;  
Не даетъ ему, не уступаетъ  
Богданъ ни того, ни другаго.  
На-утро, чутъ свѣтъ,—взялъ Дмитрій  
Сокола и коня воронаго,  
Ѣдѣть въ горы на ловъ. Выѣзжая жъ,  
Призвалъ любу <sup>\*)</sup> свою, Ангелію:  
Моя вѣрная жена, Ангелія!  
Отрави мнѣ брата, Богдана;  
Если ты его не отравиши,  
Не жди меня къ бѣлу двору обратно.  
То услышавъ, люба Ангелія,  
Садилася невесела, кручинна;  
Размышляясь такъ сама съ собою:  
Чего хочеть та зловѣщая кукушка?  
Чтобъ я деверя моего отравила!  
Передъ Богомъ мнѣ будетъ грѣхъ великий,  
Предъ людьми укоръ и безчестье;  
Укорить въ глаза старый и малый:  
Это та несчастная,—скажутъ,  
Чтѣ деверя своего отравила!  
А ежели его не отравлю я,  
Не смѣю во дворъ ждать мужа!

<sup>\*)</sup> Люба, по-Сербски: жена, супруга. Мы  
позволили себѣ употребить и въ Русскомъ  
переводѣ сіе поэтическое слово.

Все обдумавъ, придумала одну мысль:  
Идеть она въ глубокіе подвалы,  
Беретъ молитвенную чашу \*),  
Сковану изъ чистаго злата,  
Которая отъ отца ей досталась.  
Виномъ ее червленымъ наливаеть  
И приносить къ деверю съ поклономъ,  
Полу платья и руку цѣлуетъ:  
Прими отъ меня, милый деверь,  
Тебѣ кланяюсь виномъ и чашей;  
Подари коня и сокола мнѣ!  
Жалко стало ея Богдану,  
Подарилъ коня и сокола ей.

Дмитрій юдиль цѣлый день за охотой,  
Ничего не поймалъ, не наѣдилъ.  
Уже подъ вечеръ привелъ его случай  
Въ горахъ ко озеру зелену.

\*) У Сербовъ, когда сваты придутъ въ домъ невѣстинъ, отецъ ея выносить къ нимъ новую чашу, изъ которой они пьютъ за здоровье. Потомъ, при обрядѣ вѣнчанія, изъ той же чаши поять виномъ жениха и невѣсту. Эта чаша, называемая *молитвенной*, отдается новобрачной, которая хранить ее у себя, для памяти, по смерть.

На озерѣ утица златокрыла.  
Пустилъ сѣраго сокола Дмитрій,  
Чтобъ утицу поймалъ златокрылу;  
Но она не только не далася,  
Сама сѣраго сокола схватила  
И правое крыло ему сломила.  
Какъ увидѣлъ то Якничъ Дмитрій,  
Сбросиль съ плечъ онъ цвѣтное платье,  
Вплавъ по озеру тихому пустился,  
И на сушу сокола вынесъ.  
Потомъ сѣраго сокола спросилъ онъ:  
Каково тебѣ безъ крыла, сѣрый соколъ?  
Ему соколь пискомъ отвѣчаетъ:  
Безъ крыла моего таково мнѣ,  
Какъ брату одному безъ другаго.  
Тогда Дмитрій съ раскаяньемъ вспомнилъ,  
Что онъ отравить велѣль брата.  
Сѣль скорѣ на коня воронаго  
И погналъ, чтѣ есть мочи, къ Бѣлграду,  
Не застанетъ ли въ живыхъ еще брата.  
Къ Чекмекъ-мосту пригнавъ, понуждастъ  
Коня мостъ перейхать скорѣ;  
Сквозь мостъ коню ноги попали,  
Конь выломилъ переднія ноги.  
Себѣ види невлагоду такую,  
Снялъ Дмитрій сѣдло съ воронаго,  
На булаву на пернату сѣдло вздѣлъ,

Скорымъ шагомъ пошелъ ко Бѣлграду.  
Пришель, прямо къ женѣ обратился:  
Ангелія, моя вѣрная люба!  
Ты брата мнѣ не отравила?  
Ангелія ему отвѣчаетъ:  
Я брата тебѣ не отравила,  
А еще тебя съ братомъ помирала!

II.

**Смерть Любовниковъ.**

Дѣвушка съ юношой крѣпко любились,  
Одной водой они умывались,  
Однимъ полотенцемъ утирались.  
И никто не зналъ о томъ все лѣто.  
На другое лѣто все узнали;  
Отецъ, мать имъ знаться запретили,  
Дѣвушку съ юношой разлучили.  
Добрый молодецъ звѣздѣ поручаетъ  
Сказать отъ него душѣ-дѣвицѣ:  
Умири, драгая, поздно въ субботу,  
А я за тобою рано въ воскресенье.  
Чтѣмъ сказали, оба исполняютъ:  
Умерла дѣвица поздно въ субботу,

Умеръ добрый молодецъ рано въ воскресенье;  
Другъ подлѣ друга ихъ скоронили,  
Руки въ земль имъ соединили,  
Въ руки имъ дали по яблоку зелену.  
Протекло затѣмъ малое время,  
Выросла надъ молодцомъ зеленая сосна,  
Выросъ надъ дѣвушкой кустъ алой розы.  
Выется кустъ розовой около сосны,  
Какъ вокругъ пучка цвѣтовъ ниточка шелку.

III.

**Свадебный поѣздъ.**

Сестра звала на солнышко брата:  
Выдемъ, братецъ, на солнышко ярко;  
Солнца яркаго тепломъ насладимся  
И дивной красоты наглядимся,  
Какъ ѳдутъ разубрани сваты!  
Счастливъ домъ, къ которому пристанутъ!  
Въ чьемъ-то домѣ ихъ ожидаютъ?  
Чья-то мать ихъ будетъ дарить?  
Чей-то братъ имъ вина подносити?  
Чьей сестрѣ-то иежъ ими быти?  
Братъ сестрѣ отвѣчалъ съ улыбкой:  
Будь же, сестрица, веселенька!

Въ нашемъ домѣ ихъ ожидаются,  
Наша мать ихъ будетъ дарити,  
Я имъ буду вина подносити,  
Тебѣ невѣстой межъ ими быти.

А. Востоковъ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

(Выше помещенные пѣсни взяты изъ сбранія народныхъ Сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича, кн. III. № 3, кн. I. № 187 и 313. — Въ Сербскомъ подлинникѣ размѣръ хореической пятистопный съ пресѣченiemъ на второй стопѣ: — • — | — • — | — . Чтобы сохранить силу подлинника, переводчикъ не счелъ за нужное рабски подражать сему размѣру, неупотребительному у насть, и для Русскаго слуха, можетъ быть, нѣсколько утомительному. Онъ предпочелъ Русскій размѣръ о трехъ удареніяхъ съ хореическимъ окончаниемъ).

### ВИДѢНИЕ ВЪ ЛУНѢ.

Заря, алѣя, угасала  
Вдали, мелькая сквозь лѣса;  
И тихая вечерняя роса,  
Какъ благодать, сошла и засіяла!  
И день протекъ съ кипящей суетой...  
Все ароматами и нѣгою дышало;  
Но мнѣ чего-то все не доставало,  
И я страдалъ—сердечной пустотой!  
Вдругъ вся душа моя мятется и пылаетъ.....  
Ее зовутъ съ зеирной вышиной!  
И вотъ прекрасный кругъ безоблачной луны!  
Она изъ-за лѣсовъ, какъ лебедь, выплываетъ,  
И въ ней горятъ черты знакомой мнѣ красы:  
Эльмира! это ты въ своемъ жилишѣ новомъ!  
Твои волнистые волосы  
Смѣшились съ голубымъ твоимъ покровомъ.  
Задумчивая! Что мнѣ скажешь ты бѣзъ словъ?  
Что скажутъ мнѣ твои уныло-хладны очи?...  
Но ты скрываешься, какъ легкій призракъ  
ночи,  
Въ серебряномъ дыму летящихъ облаковъ!...

Федоръ Глинка.

### КЪ И. И. КОЗЛОВУ.

Невольники своихъ страстей,  
Отдавшись прихотямъ желаній,  
Не видимъ мы спокойныхъ дней  
Средь наслажденій и страданій.

Когда попутный вѣтеръ намъ  
На морѣ жизни въ парусъ дуетъ,  
Мы быстро мчимся по водамъ:  
Насъ нетерпѣніе волнуетъ.

Застигла ль буря на пути:  
Нашъ ропотъ къ небесамъ восходитъ.  
Безсильны мы бѣды нести,  
Вездѣ духъ немощи нась водитъ.

Вся жизнь смущеніе надеждъ:  
Мы то страшимся, то желаемъ,  
И ни на мигъ усталыхъ вѣждъ  
Во снѣ безпечномъ не смыкаемъ.

Но гдѣ жь душа, покоя стражъ,  
Залогъ любви обѣтованной  
И проводникъ незримый нашъ  
Въ пути до пристави желанной?

Увы, ся не внятенъ гласть!  
Мы внемлемъ голосу измѣны,  
И обаяли чувства нась,  
Какъ баснословная Сирены.

Плетневъ.

### РОМАНСЪ.

Друзья, друзья! Я Несторъ между вами,  
По опыту веселый человѣкъ.  
Я цюо давно: пилъ съ вашими отцами  
Въ златые дни, въ ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ.

\* \*

И въ нась душа кипѣла въ ваши лѣты;  
Какъ вы, за честь мы проливали кровь,  
Вино, войну намъ славили Поэты,  
Намъ сладко пѣлъ Мелетскій про любовь!

\* \*

Не конченъ пиръ—а гости разошлися;  
Допировать одинъ остался я:  
И что жъ? ко мнѣ вы, други, собралися,  
Весельчаковъ бывалыхъ сыновья!

\* \*

Гляжу на васъ: ихъ лица съ ихъ улыбкой,  
И тотъ же споръ про жизнь и про вино,  
И мнится мнѣ, я полагалъ ошибкой,  
Что и любовь забыта мной давно.

Баронъ Дельвигъ.

ДВА ЧЕРВЯКА.

(БАСНЯ.)

Два червячка родные братья были,  
На кустикѣ одномъ со дня рожденія жили,  
Одною пищею питались они —  
И подъ одинъ листокъ ползли въ иенасты дни;  
Отъ стужи рядышкомъ на солнцѣ согрѣвались  
И свѣжестью росы взаимно наслаждались.

Коль скучень братъ бываль,  
Другой равно страдалъ.  
Но вотъ пришла пора — бѣдняжекъ съ мѣста  
сбили  
И нашихъ червячковъ, двухъ братцевъ, раз-  
лучили.  
Одинъ поизѣзъ туда.  
Другой сюда.

Не знаю, долго ли они въ разлукѣ жили;  
Но знаю то, что ихъ Судьба вела, вела  
И въ превеликой садѣ обоихъ привела;  
Сама по деревцу имъ каждому избрала,  
Но только порознь жить, не вмѣстѣ, приказала.

А почему? и для чего?

Судьба не скажетъ намъ того.

Вотъ видать, что одинъ червякъ перемѣнился,  
Ужасно возгордился:

Онъ съ братомъ мало говоритъ,

На брата онъ теперь почти и не глядить;

Другой того не замѣчасть

И къ брату ползать продолжаетъ.

Однако, наконецъ, дошло ужъ до того,

Что братья полно и видаться.

А почему? и отъ чего?

Никакъ не можно догадаться!

По вотъ нашлись постарѣй червяки,

Не дураки;

Довольно ползали и въ свѣтѣ все видали.

Они мысль гордаго сейчасъ растолковали.

„Его-де Богъ привелъ на дубъ высокій сѣсть,

„А этому въ удѣлъ кустъ розовый достался;

„Онъ на посредственномъ мѣстечкѣ основался,

„А тотъ надѣется гораздо выше взлѣсть!“ —

Ну, если это такъ,

Глупъ гордый нашъ червякъ!

Не видать, что Судьба равно ихъ раздѣлила  
И безобидно наградила:  
Ему назначила забраться вверхъ ползкомъ,  
А быть по-прежнему все тѣмъ же червякомъ;  
Но брату ниже сѣсть и червемъ же оставаться.  
Да цвѣтомъ розы наѣзжаться.

Марья Даргомыжская.

---

КОТЪ И БѢЛКА.

(БАСНЯ.)

—Не стыдно ль, Васька, все ты спиши:  
Грѣхъ смертный праздность!—  
„Да что въ твоемъ трудѣ?“—Какъ что? ка-  
кая разность....—  
„Нѣтъ, Бѣлка! колесо ты попусту вертишь“.

Н. Остолоповъ.

---

### РАЗЛУКА.

Я зналъ ее: какъ первый лучъ,  
Блеснувшій утромъ изъ-за тучъ,  
Она явилась предо мною.  
Мы были сердцемъ и душою  
Для благъ взаимныхъ сведены  
И другъ для друга созданы.  
Покорны первому участью  
И первому довѣривъ счастью,  
Въ невинной простотѣ своей,  
Не знали тайныхъ мы сътей  
И несмыкавшагося ока  
Вокругъ нась бродившаго порока:  
Счастливымъ всѣхъ любить легко!  
Но мы прошли недалеко  
Путемъ невинныхъ наслажденій;  
Явился къ намъ враждебный геній:  
Онъ образъ дружества носилъ.  
И пасть внезапно разлучила.  
Увы, не возвратить, что было  
Такъ сердцу дорого и мило!  
Теперь навѣкъ я розно съ ней!  
Но вся она въ душѣ моей.  
Мой слухъ словамъ ея внимастъ:  
Съ ней сердце чувства раздѣляетъ.

Такъ путникъ утренней порой  
Глядитъ за птичкой надъ собой:  
Она поетъ и выше вьется,  
Скрывается; но раздается  
Ея отрадной пѣсни звонъ,  
И жадно ей внимаетъ онъ.

Плетневъ.

С. Д. П.

(въ день ея ангела.)

И тотъ, кто мудрость ненавидить,  
Кому Судьба глаза одни дала,  
Лишь только васъ увидить,  
То скажетъ: „мудрость какъ мила!“

17 Сентября 1822.

Премудрости вамъ имя дали;  
Н, правду молвить, вы отмѣнно мудрены!  
Кого собой вы не пѣняли?  
А не были еще ни разу влюблены!

17 Сентября 1823.

### Е Й Ж Е.

(въ день ея рождения.)

Чего вамъ пожелать для вашего рождения?  
Вы не обижены Природой и Судьбой:  
Умы, любезны вы и хороши собой—  
Прелестны!..Нужно ль что еще для наслаждения?  
Хотѣлъ бы рѣчи дать здѣсь оборотъ другой.  
Но сердце не всегда находить выраженья.

25 Сентября 1823.

А. Измайлова.

### КУПАЛЬНИЦЫ.

(идилія).

„Какъ! Ты расплакался! слушать не хочешь  
и старого друга!  
Страшное дѣло: Дафна тебѣ ни пол слова не  
скажеть,  
Пѣсень съ тобой не поетъ, не плачетъ, почти  
лишь не плачетъ,

Только что встрѣтить на смѣшилый взоръ  
Ликорисы, и обѣ  
Мигомъ красибуть, красибѣе вечерней зари  
передъ вихремъ!  
Взрослый ребенокъ, стыдися! Иль не знаешь  
сѣдаго Сатира?  
Кто же младенца тебя баловалъ? День цѣлый,  
бывало,  
Бѣдный на холмѣ сидишь ты одинъ и смотришь  
за стадомъ.  
Сердцемъ и скжалюсь я; старый, приду по  
смѣяться съ тобою,  
Въ кости играя поспорить, попѣть на свирѣ-  
ли. Что жъ вышло?  
Кто же, какъ ты, свирѣлью владѣеть и въ  
кости играетъ?  
Самъ ты знаешь, никто. Изъ чыхъ ты кор-  
зинокъ плоды ъль?  
Все изъ моихъ: я, жимолость тонкую самъ  
выбирай,  
Плелъ изъ нея ихъ узорами съ легкой, цвѣт-  
ною соломой.  
Пилъ молоко изъ моихъ же ты чашъ и кув-  
шиновъ. Тыквы  
Крѣпкія, полныя, словно широкія щеки мла-  
даго Сатира,  
Я и сушиль, и долбилъ, и на кожѣ рѣзаль ис-  
кусно

Грозды, цветы и образы сильныхъ боговъ и  
героевъ. —  
Тоже никто не имѣлъ (могу похвалиться) по-  
добныхъ  
Чашъ и кувшиновъ и легкихъ корзинокъ.  
Часто, бывало,  
Послѣ оргий Вакхальныхъ другіе Сатиры спѣ-  
шили  
Либо въ пещеры свои, отдохнуть на пуши-  
стыхъ постеляхъ,  
Либо къ рощамъ пугать и преслѣдовать  
юныхъ пастушекъ:  
Я же къ тебѣ приходилъ, и покой и любовь  
забывая.  
Пьяный, подъ пѣсню твою плясалъ я съ учени-  
мъ козленкомъ:  
Рѣвый, на заднихъ ногахъ выступалъ и пры-  
галъ неловко,  
Трясъ головой, и на роги мои и на бороду  
зился.  
Ты задыхался отъ смѣха веселаго, слезы бле-  
стѣли  
Въ ямкахъ щечекъ надутыхъ, и все забы-  
вался горе.  
Горе жъ какое тогда у тебя, у младенца  
бывало?  
Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирѣль,  
да и только.

Нынче ль тебя не утѣшу я? Нынче ль оставлю?  
Повѣрь мнѣ,  
Слезы утри! Успокойся и стараго друга по-  
слушай! —

Такъ престарѣлый Сатиръ говорилъ моло-  
дому Микону,  
Въ грусти беамолвной лежащему въ темной  
каштановой рощѣ.  
Къ Дафинѣ юный пастухъ разгараля въ ила-  
денческомъ сердцѣ  
Пламенемъ первымъ и чистымъ: любилъ и  
любилъ не напрасно.  
Все до вчерашняго вечера счастье ему пред-  
вѣщало:  
Дафна охотно плясала и пѣла съ нимъ; даже  
однажды  
Руку пожала ему и что-то такое шепнула  
Тихо, но сладко, когда онъ сказалъ ей: люби  
меня, Дафна!  
Что же два вечера Дафна не та, не прежняя  
Дафна?  
Только онъ къ ней, она отъ него. Понятные  
взгляды,  
Ласково-дѣтскія рѣчи, улыбка сихъ устъ пур-  
пуровыхъ,  
Нѣгой пылающихъ, все, какъ весенней водою  
уплыло!

Что случилось съ прекрасной пастушкой? Не  
знаетъ ли полно  
Старый Сатиръ нашъ обѣ этомъ? Не просто  
твѣрдить онъ: послушай!  
Ночь же прекрасная, тихо, на небѣ ни облака!  
Если  
Съ каждымъ лучемъ богиня Діана шлеть по  
лобзанью  
Эндиміону счастливцу: то былъ ли на свѣтѣ  
кто смертный  
Столько, такъ отрастно лобзаемъ и въ полную  
пору любови!  
Нѣтъ и не будетъ! Лучи такъ и блещутъ,  
земля утопаетъ  
Въ ихъ обаятельномъ свѣтѣ; Илиссъ изъ  
урны прохладной  
Льетъ серебро; соловы разсыпаются въ слав-  
достныхъ пѣсняхъ;  
Берегъ дышетъ томительнымъ запахомъ травъ  
ароматныхъ:  
Сердце полно живетъ, п душа упивается нѣгой.  
Бѣдный Миконъ Сатира послушался, медленно  
поднялъ  
Голову, сѣлъ, прислонился къ каштану вы-  
сокому, руки  
Молча сложилъ и взоръ устремилъ на Сатира;  
а старый

Локтемъ налегся на длинную вѣтвь и, качаясь,  
такъ началь:  
„Ранней зарею вчера просыпаюсь я: — хо-  
лодно что-то!  
Развѣ съ вечера я не прикрылся? Гдѣ теплая  
кожа?  
Какъ подъ себя не постлалъ я травъ аромат-  
ныхъ и свѣжихъ?  
Глядь, и зажмурился! Свѣтъ осѣпительный  
утра, не слитый  
Съ мракомъ лѣнивымъ пещеры! Что это? Дер-  
нуль ногами:  
Ноги привязаны къ дереву! Руку за кружкой:  
о боги!  
Кружка разбита, разбита моя драгоцѣнная  
кружка!  
Ахъ, я хотѣлъ закричать: ты усерденъ по  
прежнему старый,  
Лишь не по прежнему силенъ, мой другъ, на  
Вакхическихъ битвахъ!  
Ты не дошелъ до пещеры свою, на дорогѣ  
ты вѣрно  
Паль, побѣжденный виномъ и насмѣшникамъ  
въ руки попался!—  
Но плееканье воды, но веселые женскіе клики  
Мысли въ умѣ, а слова въ растворенныхъ  
устахъ удержали.

Вотъ, не сиѣя дышать, чути-чути я привсталъ;  
предо мною  
Частьй кустарникъ; легко листы раздвигаю;  
подвинулъ  
Голову въ листья, гляжу: тамъ синѣютъ, тамъ  
искрятся волны;  
Далѣе двинулся, вижу въ волнахъ Ликориса  
и Дафна.  
Обѣ прекрасны, какъ дѣвы-Хариты, и наги,  
какъ Нимфы;  
Съ ними два лебедя. Знаешь, любимые лебеди:  
бѣдныхъ  
Прошлой весною ты спасъ; ихъ матерь kle-  
вала жестоко;—  
Мать отогнала ты, поймаль ихъ и въ дарь  
принесъ Ликорисъ.  
Дафну тогда ужъ любиль ты, но ей подарить  
ихъ боялся.  
Первяя чувства любви, я помню, застѣнчивы,  
робки:  
Любишь и милой страшишься наскучить и лас-  
кой излишней.  
  
Бѣлыя шеи двухъ лебедей обхвативъ, Ли-  
кориса  
Вдругъ поплыла, а Дафна нырнула въ кри-  
сталльяя воды.

Дафна явилась, и смехъ ее встрѣтилъ: „Дафна,  
я Леда,  
Новая Леда!“ — А я Аматузія! Видишь, не  
такъ ли  
Я родилася теперь, какъ она, изъ пѣны бле-  
стящей? —  
„Правда, но прежняя Леда ничто передъ но-  
вой! Мнѣ служить  
Два Зевесса: чѣмъ же похвалишься ты предъ  
Кипридой?  
— Мужемъ не будетъ моимъ Ифестъ хромоно-  
гий и старый! —  
„Правда и то, моя милая Дафна; еще скажу:  
правда!  
Твой прекрасенъ Миконъ; не сыскать настуха  
его лучше!  
Кудри его въ три ряда; глаза небеснаго цвѣта;  
Взгляды ихъ къ сердцу доходятъ; какъ пер-  
сикъ, въ пору созрѣвшій,  
Юный, онъ свѣжъ и румянъ и пухомъ бле-  
стящимъ украшенъ.  
Что жъ за уста у него? Душистая, алые розы,  
Подныя звуковъ и словъ, сладчайшихъ всѣхъ  
пѣсень воздушныхъ.  
Дафна, мой другъ, поцѣлуй же меня! Ты скоро  
не будешь  
Часто твою цѣловать Ликорису охотно? Ты  
скажешь:

Слаще въ лобзаньяхъ уста пастуха молодаго  
Микона!“  
— Все ты смеешься, подруга лукавая! Все по-  
напрасну  
Въ краску вводишь меня! И что миѣ Миконъ  
твой? Хорошъ онъ,  
Лучше ему! Я къ нему равнодушна.— „Зачѣмъ  
же красиѣшь?“  
— Я по неволѣ красиѣю: зачѣмъ все ко миѣ  
пристаешь ты?  
Все говоришь про Микона! Миконъ, да Миконъ;  
а онъ что миѣ?—  
Что жъ ты трепещешь и грудью ко миѣ при-  
жимаешься? Что такъ  
Пламено, что такъ неровно дышетъ она?  
Послушай:  
Еслибъ (пошлюсь на бессмертныхъ боговъ,  
я того не желаю)  
Еслибъ, гонясь за заблудшей овцою, Миконъ  
очутился  
Здѣсь, вотъ на берегѣ: чѣмъ бы ты сдѣала?“  
— Я бѣ? утопилась!—  
„Точно, и я бѣ утопила! Но отъ чего? Что  
за странность?  
Развѣ хуже мы такъ? Смотри, я плыву: не  
прекрасны лѣ  
Въ золотѣ струй эти волны власовъ, эти  
нѣжныя перси?

Вотъ и ты поплыла; вотъ ножка въ водѣ за-  
бѣдѣлась,  
Словно нашъ снѣгъ, украшеніе горъ! А вся  
такъ бѣла ты!  
Шея же, руки: вглядися, скажешь—изъ кости  
слоновой  
Мастеръ большой ихъ отѣлалъ, а Зевсъ на-  
полнилъ съ избыткомъ  
Сладко-плѣняющей жизнью. Дафна, чего жъ  
мы стыдимся?“  
—Другъ Ликориса, не знаю; но знаю, сты-  
диться прекрасно!—  
„Правда, но все непонятнаго много тутъ скры-  
то! Подумай:  
Что же мушкины такое? Не точно ль, какъ  
мы, они люди?  
Тоже творенье прекрасное дивнаго Зевса-  
Кронида;  
Какъ же мушкины мы стыдимся, съ другимъ  
же, намъ туждымъ созданьемъ,  
Съ лебедемъ шутимъ свободно: то длинную  
шею лаская,  
Клевъ его клонимъ къ устамъ и цѣлуемъ; то  
съ иѣжностью треплемъ  
Бѣзныя крылья и персики жмемся ко груди  
пуховой.  
Нѣть ли во взорѣ ихъ силы ужасной, Меду-  
зиной силы,

Въ камень нась обращающей? Что ты мнѣ  
скажешъ?—„Не знаю!  
Только Ледой и я была бы охотно! И также  
друга ласкать и лобзать не устала бѣ въ сѣмъ  
образѣ скромномъ,  
Въ сей красотѣ бѣлизны ослѣпительной! Дерз-  
каго жъ боги,  
(Кто бы онъ ни былъ) молю, обратите рога-  
тымъ оленемъ,  
Словно ловца, Актеона, жертву Діанина гиѣва!  
Ахъ, Ликориса, рога!—Что рога?—Рога за  
кустами!—  
„Дафна, Миконовъ Сатиръ!,, — Уплывемъ,  
уплывемъ!—“ Все онъ слышалъ,  
Все онъ разскажеть Микону! Вѣдныя мы! Мы  
погибли!“ —

Такъ, осторожный, какъ юноша пылкій, я  
разговоръ ихъ  
Кончилъ внезапно! И все быть доволенъ:  
Дафна, ты видишь,  
Любить тебя, и невинная доля прекрасной  
достойна  
Сердцемъ Микона владѣть на земли и въ оби-  
телихъ Орка!  
Чтожъ ты не плачешь по прежнему, взрослый  
ребенокъ! Сатира

Старого, видно, слушать полезно? Поди же  
въ шалашъ свой,  
Сладкимъ велѣньямъ Морфея покорствуй!  
Эротъ не оставить  
Дѣла прекраснаго! Вѣрь мнѣ, спокойся: онъ  
кончить, какъ начальъ".  
Баронъ Дельвигъ.

МОТЫЛЕНЬ И ЦВѢТЫ.

(Стихи, написанные въ Альбомѣ Н. И. И., на  
рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую  
на букетѣ изъ pensées и незабудокъ.)

Поляны мирной украшеніе,  
Благоуханные цвѣты,  
Минутное изображеніе  
Земной, минутной красоты!  
Вы равнодушно разцвѣтаете,  
Глядяся въ воды ручейка,  
И равнодушно упрекаете  
Въ непостоянствѣ мотылька.

Во дни весны, съ востока яснаго  
Младой денницѣ пробужденъ,  
Въ предѣлы бытія прекраснаго  
Отъ высоты спустился онъ.

Исполненный воспоминаниемъ  
Небесной, чистой красоты,  
Онъ вашимъ радужнымъ сияниемъ  
Плѣнился, милые цвѣты!

Онъ мнилъ, что вы съ нимъ однородныe  
Переселенцы съ вышинъ,  
Что вамъ, какъ и ему, свободныя  
И крылья и душа даны:  
Но вы къ землѣ цвѣты прикованы,  
Вамъ на землѣ и умереть;  
Глаза лишь вами очарованы,  
А сердца вамъ не разогрѣть.

Не рождены вы для вниманія;  
Вамъ не понятенья чувства гласъ;  
Стремишься къ вамъ безъ упованія,  
Безъ горя забываешь вѣст.  
Пускай же къ вамъ, рѣзвясь, ласкается,  
Какъ вы, минутный вѣтерокъ:  
Иною прелестью плѣняется,  
Бесмертья вѣстникъ, мотылекъ.

Не есть межъ вами два избранные,  
Два ненадмѣнныe цвѣтка;  
Ихъ имена, имъ сердцемъ даныи,  
Къ нимъ привлекаютъ мотылька.

Они безъ пышнаго сиянія,  
Едва примѣтны красотой:  
Одинъ есть цвѣтъ *воспоминанія*,  
*Сердечной думы* цвѣтъ другой.

О милое воспоминаніе  
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣть!  
О дума сердца—упованіе  
На лучшій, неизмѣнныи свѣтъ!  
Блаженъ, кто вѣсъ среди губящаго  
Волненья жизни сохранилъ,  
И съ вами низость настоящаго  
И преисбрегъ и позабылъ!

Жуковскій.



СЪВЕРНЫЕ  
ЦВѢТЫ

на 1826 годъ.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

*Приложено къ Русскому Архиву.*

МОСКВА.  
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),  
на Страстномъ бульварѣ.  
1881.



СЪВЕРНЫЕ  
ЩВѢТЫ

на 1826 годъ,

СОВРАННЫЕ

Барономъ Дельвигомъ.

ИЗДАНЫ

Изажомъ Слениннымъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

У КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА СЛЕНИНА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска  
изъ типографіи, представлено было въ Цен-  
зурный Комитетъ семь экземпляровъ сей  
книги для препровождения куда слѣдуетъ, на  
основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Фе-  
враля 25 дня, 1826 года.

*Цензоръ Александръ Бируковъ.*

---

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО  
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1826.

## О Г Л А В Л Е Н И Е.

### П Р О З А .

	Стр.
О состояніи художествъ въ Россіи ....	3
Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Д.....	96
Трактирная лѣстница.....	102
Путешествіе на Сентъ-Бернардъ.....	138
Непонятный союзъ.....	172
Неравнучный .....	179
Фирдоуси.....	188
Вожатый .....	201
Русскіе поклонники въ Іерусалимѣ. (От- рывокъ изъ путешествія по Греціи и Палестинѣ въ 1820 году).....	203
Еще нѣсколько словъ о Серальской би- бліотекѣ.....	270

## VI

## ПОЭЗИЯ.

	Стр.
О. С. Пушкиной.....	3 .
Къ Н. Н .....	4
Отрывокъ изъ повѣсти Ала .....	5
Подражаніе Корану.....	9
Подражаніе 136 Псалму .....	10
Стансы къ Д***.....	12
Къ друзьямъ. (Стихи, приписанные къ собранию Стихотворений А. Х. Востокова .....	13
Въ Альбомъ С. Е. К — ой.....	14
Къ Аннетѣ .....	15
Смерть Фигнера.....	16
17 Сентября, 1824.....	25
Элегія.....	26
Черты Осени .....	28
Міръ Фантазіи.....	29
Баратынскому. (Изъ Бессарабіи) .....	30
Явленіе Клоринды Танкреду. (Изъ Освобожденнаго Іерусалима.) .....	31
С. М. С — ой .....	33
Развалины.....	34
Слава Богу.....	35
Пощада пѣвца .....	36
Характеристика. . . . .	39

VII

	Стр.
Л. С. П — ну .....	40
Идеалъ .....	41
Персидскій романесъ. (Изъ повѣсти: Орсанъ и Лейла).....	42
Строеніе Скадра. (Изъ Сербскихъ народныхъ пѣсень.).....	44
Альбомъ.....	54
Н. И. Гнѣдичу .....	56
Отрывки изъ второй пѣсни Евгения Онѣгина, поэмы А. Пушкина .....	57
Надпись къ Портрету Лирика.....	63
Подражаніе Аристотелю.....	64
Нарвскій водопадъ .....	—
Мы.....	67
Эпитафія .....	—
Надпись .....	68
Поэсь Киприды. (Отрывокъ изъ XIV пѣсни Иліады). ....	69
Объясненіе.....	84
Стансы къ Николаю Ивановичу Гнѣдичу. (На Кавказъ и Крымъ.) .....	85
Отрывки изъ Персидской повѣсти: Орсанъ и Лейла .....	89
Вечеръ. (Изъ Шиллера). ....	91
Къ увѣдающей красавицѣ .....	92
Молитва .....	93

## VIII

	Стр.
Три слѣпца.....	94
Надпись къ источнику.....	95
Н. Н., поднося ей яблоко.....	—
Княжнѣ С. Р — ль .....	96
Степная жизнь. Воспоминанія. Походъ.	98
Отрывокъ изъ Поэмы: Цаганы.....	101
Семь пятницъ на недѣль.	103
Луна.....	106
Къ Лидѣ. (Подражаніе К. Галлу.) .....	107
Къ мнимой счастливицѣ .....	109
Стрѣлки. (Басня.) .....	115
Еврейская Мелодія. (Изъ Байрона.)....	117
Къ подаренному локону .....	118
Лили и Роза. (Въ Альбомъ Т. Е. Е — ой).	120
На погребеніе Англійскаго Генерала	
Сира Джона Мура .....	122
Эпитафія.....	124
Моя Эпитафія. (Подражаніе Скаррону.).	—
Элегія.....	125
Мадrigаль.....	126
Дѣвъ картины.....	126
Русская пѣсня .....	128
Элегія .....	130
Дѣвъ авѣдочки .....	131

# ПРОЗА



## О СОСТОЯНИИ ХУДОЖЕСТВЪ ВЪ РОССИИ.

### Письмо I.

Я исполняю твоё желаніе, любезный другъ! Готовъ представить тебѣ очеркъ состоянія художествъ въ Россіи. Но, по простой пословицѣ русской: уговоръ лучше денегъ, хочу съ тобою напередъ условиться.

Ты много видѣлъ, много знаешь; но (почему не сказать правды?) не знаешь еще своего отечества. Воспитанный далеко отъ него, подъ чужимъ небомъ, ты новъ въ Россіи. Ты смотришь на нее сквозь уменьшительное стекло, которое приобрѣлъ въ чужихъ краяхъ отъ своихъ наставниковъ; а потому и не удивительно, если многое

въ письмахъ моихъ покажется для тебя новымъ и, быть можетъ, не совершенно справедливымъ. Не будь опрометчивъ въ заключеніяхъ: это первое условіе. Второе: не жди отъ меня невозможнаго. Мои дѣла и обстоятельства не позволяютъ мнѣ написать къ тебѣ въ это время болѣе трехъ, или четырехъ писемъ. Въ нихъ я не могу всего выскажать, и такъ останусь на первый разъ доволенъ малымъ. Наконецъ третье: позволь мнѣ сдѣлать небольшое вступленіе, а потомъ говорить о дѣлѣ въ общихъ выраженіяхъ, безъ подробностей, которыхъ завели бы меня очень, очень далеко.

Начнемъ. *Изящныя искусства* тогда становятся достойными сего имени, когда они начинаютъ приближаться къ своей цѣли. Первые опыты дикаря въ рѣзбѣ, или въ раскрашиваніи, не могутъ быть называемы ни скульптурою, ни живописью, хотя

бы и имѣли они нѣкоторый признакъ подражанія природѣ. Искусства изящные услаждаются бытіе человѣка. Можетъ ли чувствовать нужду въ семъ услажденіи тотъ, кто не умѣеть удовлетворять первымъ потребностямъ жизни? Художества начинались съ образованіемъ народовъ. Поэтому можно утвердительно сказать, что у Славянъ, предковъ нашихъ, не было художествъ. Они имѣли боговъ, изображали ихъ подъ принятыми видами; но виды сіи были уродливы не менѣе того, какъ и самыя понятія ихъ о божествѣ были весьма странны и нелѣпы.

Сношенія съ Греками до Владимира великаго не могли послужить къ пользѣ въ семъ отношеніи. Причина: различіе вѣръ и образъ жизни Славяно-россовъ. Но при Владимірѣ принятие вѣры христіанской привело къ намъ и науки и искусства. Съ X вѣка художества появились въ Россіи; воз-

двигнуты храмы по образцу тогдашихъ греческихъ; живопись, мозаика и рѣзьба украшали ихъ,—и если бы въ послѣдствіи не суждено было Россіи испытать бѣдствій ужасныхъ, чрезвычайныхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ XIII и XIV вѣкахъ она могла бы для Европы быть тѣмъ же, чѣмъ была Европа для Россіи въ царствованіе Петра I.

Храмы умножались. Знатнѣйшие были сооружены въ Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ и Владимирѣ. Они требовали живописи; но живопись сія могла ли возвыситься въ то время выше того состоянія, въ которомъ была она при самомъ началѣ своемъ? Подражаніе принятымъ образцамъ и понятія вѣка, не допускавшія ничего новаго, особенно въ отношеніи къ изображеніямъ священныемъ, которыхъ одни составляли предметъ живописи, связывали дарованія. Если же художества не уп-

ли у насъ совершенно, то сему при-  
чиною повременное появление людей  
даровитыхъ, которые по крайней мѣ-  
рѣ шли вѣрно по тропѣ проложенной.  
Въ нашихъ лѣтописяхъ встречаются  
похвалы чрезвычайные иконописцамъ  
и другимъ искусствникамъ. Положимъ,  
что вкусъ тогда не былъ никакъ  
образованъ; но отзывъ объ однихъ и  
молчаніе о другихъ доказываютъ, что  
наши предки различали уже между  
худымъ лучшее.

Съ тѣхъ поръ, когда Россія свергла  
иго магольское, государи наши нача-  
ли чувствовать необходимость въ про-  
свѣщеніи народномъ. Были призывае-  
мы иностранцы; но добрые предки  
наши не много лучше смотрѣли на  
нихъ, какъ нынѣ Китайцы на Евро-  
пейцевъ. Успѣховъ было мало. Госуда-  
ри сами не могли быть чужды пред-  
разсудковъ своего времени, были недо-  
вѣрчивы, и хотя желали добра своимъ

подданнымъ, но въ отношеніи къ образованію ихъ дѣйствовали медленно. Россія ждала генія-воскресителя; наконецъ онъ явился.

Петръ великий постигъ первый, что народу русскому не должно оставаться долѣе на чредѣ посредственности. Онъ взвѣсилъ духъ и силы народа; уничтожилъ преграду, отдѣлявшую Россію отъ Европы, и открылъ пути, по которымъ должны были проникнуть въ нее лучи свѣта благотворнаго. Онъ все обнималъ, все видѣлъ, все изслѣдовалъ. Онъ зналъ, что иностранцы, призванные въ Россію (люди по большей части съ великими достоинствами), принесутъ пользу новому отечеству, но менѣе прославятъ Россію, нежели вѣрные, родные сыны ея. Не мѣсто говорить здѣсь о томъ, въ какой степени пользовался сей великий государь пособіями ума и познаній иностранцевъ, при немъ бывшихъ. То ис-

тина, что онъ хотѣлъ имѣть вездѣ и во всемъ *свое*; что не было отрасли познаній человѣческихъ, для которой онъ не назначалъ бы Россіянъ, и что не было предпріятія его, которое не увѣничалось бы полнымъ успѣхомъ.

Пусть охотники до старины соглашаются съ похвалами, приписываемыми какимъ-то Рублевымъ, Ильинскимъ, Ивановымъ, Васильевымъ и проч., живописцамъ, жившимъ гораздо прежде временъ царствованія Петра: я симъ похваламъ мало довѣряю. Всѣ успѣхи тогдашнихъ художниковъ могли состоять въ чистотѣ и нѣжности работы, пріятности красокъ, словомъ, въ механизмѣ, но не болѣе. Имъ не доставало образцевъ. Они не знали древнихъ. Если же художники русскіе, жившіе въ это время, равнялись съ современными греческими, или если даже и преосходили ихъ въ чемъ нибудь, то все это небольшой шагъ къ совершенству.

Правда, въ южной Россіи поздавна были довольно хорошие зодчие и живописцы. Вліяніе Польши на Малороссію, во многихъ отношеніяхъ вредное для последней, было причиною раньшаго образования вкуса между художниками сего края. Можно сказать утверждательно, что во всей Малороссіи нельзя найти ни одного стариннаго образа, подобнаго тѣмъ, которые встречаются въ знатнѣйшихъ церквахъ Москвы и другихъ городовъ великокорсѣйскихъ; но это частность, а я говорю вообще.

Художества (помни, любезный другъ, что я разумѣю ихъ въ надлежащемъ смыслѣ) художества водворены въ Россіи Петромъ великимъ. Съ сихъ поръ начинается ихъ бытіе въ нашемъ отечествѣ. Съ сихъ поръ они заслуживаютъ вниманіе.

Извѣстно, что Петръ, возвратясь изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ ничего не

опустилъ безъ вниманія, гдѣ столь часто любовался твореніями художествъ, и гдѣ даже сдѣлалъ значущее приобрѣтеніе картинъ, особенно фланандской школы и другихъ художественныхъ произведеній, отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ чужіе краи учиться художествамъ. Земцовъ, Еропкинъ обучались виѣ отечества архитектурѣ, а Никитинъ, Матвѣевъ, Захаровъ, Меркурьевъ и Васильевскій живописи. Не могу тебѣ дать полнаго понятія объ успѣхахъ сихъ художниковъ. Ихъ произведенія слишкомъ мало известны. Полагать должно, что Никитинъ и Матвѣевъ превосходили прочихъ. О первомъ я сужу такъ по отличному уваженію къ нему Петра великаго, а о второмъ потому, что онъ писалъ образа и портреты для двора, имѣлъ еще при Петрѣ I (если только надпись на одной картинѣ, мною видѣнной, не поддельна), званіе гофъ-

маллера. Матв'євъ былъ дѣйствительно  
весьма отличный художникъ. Произве-  
денія, ему приписываемыя, соединяютъ  
въ себѣ многія достоинства живописи:  
хорошій рисунокъ, сильный тонъ кра-  
сокъ, кисть наипріятнѣйшую. Матв'євъ  
можетъ быть поставленъ на ряду  
съ весьма хорошими живописцами гол-  
ландской школы.

Со временемъ Петра, церкви, особенно  
въ столицахъ, начали строить въ  
лучшемъ вкусѣ и наполнять ихъ пре-  
красными священными изображеніями.  
Возвратившіеся художники наши безъ  
сомнѣнія были занимаемы. Они могли  
имѣть учениковъ, которые въ свою  
очередь образовали другихъ, и такъ  
художество распространялось. По мѣрѣ  
умноженія надобности въ искусствахъ  
умножались и люди искусные. Со-  
оруженіе храмовъ, дворцовъ и зда-  
ній частныхъ давало пищу художе-  
ствамъ. Но мы столь мало знаемъ

ходъ послѣднихъ въ сіе время, что  
весьма трудно опредѣлить его съ  
точностію. Отъ людей просвѣщен-  
ныхъ, которые исключительно могутъ  
заняться симъ предметомъ, остается  
ждать въ послѣдствіи вѣрныхъ о немъ  
свѣдѣній. Они могутъ быть весьма  
любопытны. Жаль только, если са-  
мые произведенія не сохраняются до  
тѣхъ порь. Не умѣю описать тебѣ  
сожалѣнія, съ какимъ я смотрѣлъ не-  
однократно на мѣстные образа здѣш-  
ней Семёновской церкви (сооружен-  
ной по чертежу Земцова). Они те-  
перь уже много потеряли, хотя ни-  
какъ нельзя отнести произведеніе ихъ  
далѣе послѣднихъ годовъ царство-  
ванія императрицы Анны Ioannovны,  
или первыхъ Елизаветы Петровны.  
Прекрасный рисунокъ, стиль болѣе  
чистый, нежели каковъ видѣнъ обык-  
новенно въ тогдашихъ живописныхъ  
работахъ, доказываютъ, что образа

\*

сіи произведены рукою искусною. Я ничего не могъ о нихъ узнать достовѣрного; но полагаю, что они должны принадлежать Никитину, или кому либо изъ его товарищей. Въ соборѣ, чтò въ здѣший Петропавловской крѣпости, есть образа Матвѣева.

Петра не стало; но художества уже существовали, хотя и не утвердились еще. Вновь художниковъ въ чужie краи для усовершенствованія не посыпали, но довольствовались тѣми, которые были, или приглашали иностранцевъ.

Мирное въ началѣ правленіе Елизаветы позволило обратить ей главнѣйшее вниманіе на дѣла внутреннія. Слава двора русскаго требовала блеска.

Императрица воздвигла величайшія зданія и украсила ихъ великколѣпнѣйшимъ образомъ. Довольно напомнить тебѣ о Смольномъ монастырѣ. Зимнемъ и Царскосельскомъ дворцахъ, произ-

веденіяхъ зодчества, достойныхъ существовать въ позднѣйшемъ потомствѣ. Ты имѣешь уже о нихъ понятіе изъ чертежей, мною не задолго предъ симъ къ тебѣ посланныхъ. Это памятники искусства знаменитаго графа Растрелли. Кстати сказать здѣсь, что Гваренги (ты вѣрно слыхалъ о немъ) часто говоривалъ: „я не могу видѣть церкви Смольного монастыря, не снявъ шляпы“. Онъ находилъ планъ сей церкви превосходнымъ, и ему можно вѣрить.

Надобность въ художникахъ во всѣхъ родахъ была причиною вызова многихъ изъ чужихъ краевъ вновь. Отличнѣйшие изъ нихъ были: графъ Ротари, славный историческій живописецъ, и Фонтебассо, написавшій много плафоновъ. Перваго есть прекраснѣйшая картина въ Александро-Невской лаврѣ, представляющая Рождество Спасителя. Мысль сей картины заимствовалъ ху-

дожникъ въ извѣстной Ночи Корреджіа: свѣтъ исходить отъ Божественнаго младенца и освѣщаетъ всѣ предметы. Въ дѣйствіи свѣта и тѣни, въ силѣ картины, въ прелести колорита, Ротари слишкомъ далекъ отъ своего неподражаемаго образца, но въ стилѣ рисунка едва ли не превосходитъ его. Есть въ Петергофѣ большое собрание портретовъ руки сего художника. Ротари умеръ въ первые годы царствованія Екатерины II и, если не ошибаюсь, въ 1768 году. Работы Фонтебассо находятся въ Царскосельскомъ и другихъ дворцахъ. Онъ отзываются манеромъ Тіеполо. Торелли (весъма отличный художникъ), былъ также приглашенъ въ Россію. Онъ расписалъ между прочимъ Китайскій дворецъ, что въ Оренбенбаумѣ въ саду. Пышное воображеніе, свобода исполненія и прелестный манеръ отличаютъ работы сего художника.

Всѣ произведенія сихъ художниковъ нравились императрицѣ; но она желала дать способы Русскимъ превзойти ихъ, и положила первое основаніе Академіи художествъ. Это было въ 1758 году.

Кто бы повѣрилъ, что въ сie самое время явится художникъ Русскій, достойный соперничества съ первѣйшими современными художниками Европы? Но онъ былъ дѣйствительно, для славы Россіи и своего вѣка. Хочешь знать имя его? Это Какориновъ.

Все, что могу сообщить о немъ по словамъ покойнаго Гловачевскаго, первого инспектора Академіи, умершаго за два года предъ симъ, заключается въ томъ, что Какориновъ, уроженецъ Сибирскій, строилъ виѣсты съ Чеватинскимъ церковь св. Николы Морского; что Чеватинскій былъ старѣе его лѣтами, слѣдовательно могъ быть его учителемъ, а Чеватинскій вѣроят-

но учился у одного изъ пансионеровъ Петра великаго, и наконецъ, что Ка-кориновъ, во время основанія Академіи, имѣлъ уже славу и пользовался покровительствомъ Ивана Ивановича Шувалова, извѣстнаго вельможи-менацата, первого начальника Академіи. Вотъ все свѣдѣнія о Ка-кориновѣ. О достоинствахъ его въ качествѣ зодчаго скажу послѣ. Теперь присовокуплю только, что въ тоже время быль како-то живописецъ Аргуновъ, первый учитель извѣстнаго въ послѣдствіи Лосен-ка, и еще одинъ русскій живописецъ, имѣвшій исключительное право писать портреты императрицы Елизаветы Петровны. Къ сожалѣнію покойный Гловачевскій, часто рассказывая мнѣ о семъ, не могъ припомнить имени сего художника.

Въ это время приглашены были изъ чужихъ краевъ для составленія Академіи: Лорренъ, живописецъ перспек-

тивный, Кювилье исторический, Жи-  
летть скульпторъ и Ла-Моттъ архи-  
текторъ. Какориновъ также назначенъ  
былъ профессоромъ Академіи. Сорокъ  
человѣкъ учениковъ было взято изъ  
Московскаго Университета для обра-  
зованія школы.

Первые художники, вышедши изъ  
оной, были Баженовъ и Старовъ, оба  
отличные зодчие; Лосенко и Козловъ  
исторические живописцы, изъ коихъ  
первый принесъ весьма важную пользу  
художествамъ въ Россіи, а послѣд-  
ній служилъ Академіи и имѣлъ свою  
особенную школу. О художникахъ сихъ  
буду говорить въ слѣдующемъ письмѣ  
подробнѣе. Они принадлежать болѣе  
вѣку Екатерины II, съ началомъ ко-  
тораго начинается новая эпоха худо-  
жествъ въ Россіи.

### Письмо II.

Въ предыдущемъ письмѣ я далъ тебѣ, любезный другъ, легкое понятіе о ходѣ художествъ въ Россіи до временъ Екатерины великой. Теперь бросимъ взглядъ на состояніе ихъ въ ея счастливое царствованіе.

Академія художествъ, заведенная при Елизаветѣ, не получила еще надлежащаго прочнаго существованія. Смерть воспрепятствовала сей императрицѣ исполнить это. Екатерина довершила начатое. Въ 1764 году она утвердила уставъ Академіи, даровала ей привилегію, назначила весьма значущія суммы на содержаніе Академіи и награды за успѣхи и искусство, а въ 1765 торжественно положила первый камень основанія прекраснѣйшему, огромнѣйшему и величественнѣйшему дому Академіи.

Я упоминаю о немъ, потому что онъ

почесться можетъ однимъ изъ превосходныхъ публичныхъ зданій, во всей Европѣ существующихъ. Утверждаютъ: что многіе проекты для него были представлены; но императрица, всегда осторожная во всѣхъ дѣлахъ своихъ, не рѣшилась сама сдѣлать выбора, не узнавъ прежде мнѣнія о сихъ проектахъ людей опытныхъ и искусныхъ, и для того повелѣла послать ихъ въ Парижъ для разсмотрѣнія въ тамошней Академіи. Французская Академія судила сіи проекты строго, и рѣшительно предпочла прочимъ одинъ, во всѣхъ отношеніяхъ преимущественнѣйший; проектъ сей былъ Каюриона.

Ты знаешь, что въ публичныхъ зданіяхъ три условія наиболѣе необходимы: удобство въ расположеніи, прочность въ сооруженіи и величие въ цѣломъ. Зданіе Академіи соединяетъ въ себѣ выполненіе всѣхъ сихъ условій. Прибавь къ тому еще соразмѣрность

частей, хороший стиль и огромную массу, двѣ тысячи четыреста квадратныхъ сажень занимающую и отъ одиннадцати до двѣнадцати сажень имѣющуя возвышенія, и ты составишь себѣ нѣкоторую идею о томъ величіи, котораго должно быть исполнено подобное зданіе.

Меня увѣрили, что мысль академического зданія взята съ извѣстнаго Казертскаго дворца близъ Неаполя. Судя по времени сооруженія его, это нравдоподобно. Рисунки сего дворца изданы Ванвителлемъ въ 1756 году; но согласиться съ симъ значило бы отыматъ славу у нашего зодчаго. Казертскій дворецъ и С.-Петербургская Академія имѣютъ форму параллелограмма въ планѣ и украшены пиластрами дорического чина: но можно ли назвать это сходствомъ? Казертскій дворецъ имѣть четыре двора, а зданіе Академіи пять. Средній академиче-

скій круглый превосходенъ. Но формъ и величинъ это почти Пантеонъ Римскій, только безъ свода. Притомъ ни расположение, ни самыя соразмѣрности частей и цѣлаго не сходны въ сихъ зданіяхъ. Въ академическомъ все принадлежитъ Какоринову. Гдѣ же, ты спросишь, получилъ Какориновъ столь великія познанія и вкусъ, что, не руководствуясь извѣстными памятниками, произвелъ первый изъ Русскихъ во всѣхъ отношеніяхъ образцовое зданіе? На это отвѣчаю: онъ былъ геній. Нѣкоторые полагаютъ, что графъ Растрелли былъ его учителемъ, но я имѣю причины въ семъ сомнѣваться: до Растреллія были въ Россіи славные зодчие. Зданія, сооруженные ими и самыемъ Растреллемъ, могли научить Какоринова. Впрочемъ замѣтить должно, что вкусъ сего послѣдняго и чище и обработаннѣе.

Къ сожалѣнію въ С.-Петербургѣ нѣть

ни одного строенія, кромъ академического, которое можно бы приписать Какоринову. Старинные дома частные измѣнены до того, что нельзя повѣрить, чтобы С.-Петербургъ существовалъ болѣе тридцати лѣтъ. Пять, или шесть зданій и нѣсколько церквей напоминаютъ только о вѣкѣ Петра и Елизаветы. Вкусъ ли, или другія какія причины это произвели, рѣши ты самъ; а я обращаюсь къ художникамъ.

Баженовъ и Старовъ учились въ Академіи подъ руководствомъ Какоринова и Ла-Мотта, который также былъ отличный зодчій. Баженовъ умеръ въ 1799 году, а Старовъ лѣтъ за десять предъ симъ. Первый былъ весьма уважаемъ за свои дарованія и искусство. Проектъ его возобновленія Кремля почитаютъ превосходнымъ. Онъ остается неполненнымъ. Старовъ извѣстенъ, какъ художникъ съ величайшими дарованіями. Главная церковь

Александро-Невской лавры одна изъ самыхъ лучшихъ въ Россіи; Таврическій дворецъ, коего большая галлерея достойна соперничества съ превосходными твореніями Палладіевъ; прекрасная церковь св. Софіи въ Царскомъ Селѣ и другія зданія ставятъ Старова въ число знаменитѣйшихъ русскихъ зодчихъ.

Одинъ просвѣщенный любитель назвалъ Лосенко Ломоносовымъ въ живописи. Я согласенъ съ нимъ иѣсколько. Ломоносовъ и Лосенко оставили каждый въ своемъ искусствѣ образцы для подражанія. Лосенко былъ весьма хороший рисовальщикъ. Въ бытность свою во Франціи и Италии онъ обратилъ на себя вниманіе и, возвратясь въ отчество, посвятилъ себя Академіи и былъ, можно сказать, основателемъ русской школы, имѣющей характеромъ своимъ иѣрность рисунка.

Дѣвѣ академической фигуры, писаны

\*\*

ная Лосенкомъ, находящаяся въ Академіи, и другія его произведенія по части исторической живописи, показываютъ, что онъ, живя въ Парижѣ во время Буше, столько имѣлъ въ себѣ силы, что принялъ въ руководство прекрасную Натуру. Онъ много учился съ антиковъ, множество сдѣлалъ образцовыхъ рисунковъ для воспитанниковъ и вель ихъ по настоящей дорогѣ. Нельзя похвалить колорита Лосенка, но должно отдать ему справедливость, какъ первому художнику - живописцу, давшему у насъ хорошее направление художествамъ. Въ его произведеніяхъ видно чувство, видѣнъ умъ, видны дарованія великия. Нельзя смотрѣть равнодушно на голову св. апостола Андрея, написанную симъ превосходнымъ художникомъ. Чувство самоотверженія въ ней выражено въ высшей степени. Это произведеніе находится въ Академіи художествъ.

Козловъ живописецъ исторический, не былъ гений; но онъ, какъ умный человѣкъ и какъ человѣкъ съ дарованиями, служилъ Академіи и воспитанникамъ; кромѣ того имѣлъ у себя собственную школу живописи, изъ которой вышли многіе хорошия живописцы. Въ Академіи есть его картина: отреченіе св. апостола Петра.

Къ сему же времени должно еще причислить Рокотова, художника хорошаго по портретной части, и Чемезова и Колпакова, гравёровъ.

Всѣ сіи художники сдѣлались болѣе или менѣе известными до вступленія на престолъ Екатерины великой и по времени образованія своего принадлежатъ вѣку Елизаветы.

Я сказалъ уже выше, что Академія получила настоящее учрежденіе свое при Екатеринѣ. Главнымъ начальникомъ назначенъ тогда же Бецкій, несъмъ просвѣщенный вельможа. Подъ его-

то начальствомъ и руководствомъ первого директора Академіи Какоринова, при неусыпныхъ стараніяхъ профессоровъ, въ числѣ которыхъ находился п. Торелли, известный живописецъ исторической, Академія произвела въ короткое время многихъ достойныхъ художниковъ. Въ теченіе тридцатичетырехлѣтняго царствованія Екатерины, Академія успѣла пріобрѣсть Европейскую славу. Многіе великие люди вмѣяли себѣ въ честь принадлежать къ числу членовъ ся. Знаменитѣйшіе художники иностранные, здѣсь и виѣ Россіи находящіеся, искали званія академиковъ или почетныхъ вольныхъ общниковъ. Фельтенъ, здѣшній уроженецъ, ученикъ и помощникъ графа Растрелли, архитекторъ, известный многими прекрасными зданіями и особенно превосходною лѣстницѣю, находящуюся въ академическомъ зданіи; Фальконетъ, знаменитый ваятель, вы-

званий для произведенія памятника Петру великому; Гваренги, одинъ изъ славнѣйшихъ архитекторовъ XVIII столѣтія; Дойенъ исторической живописецъ. весьма отличный художникъ; Лампи и многіе другіе, жившіе въ Россіи. были членами Академіи. Не исчисляя произведеній сихъ знаменитыхъ художниковъ, что конечно увлекло бы меня слишкомъ далеко, я скажу только, что все они, украшая столицу и Россію своимъ твореніями, способствовали распространенію вкуса и любви къ искусствамъ.

Екатерина, имѣя въ виду истинную пользу народа своего, не щадила сумъ на сооруженіе и украшеніе великолѣпныхъ публичныхъ зданій и памятниковъ; приобрѣла многія собранія картинъ, статуи, камеевъ и прочихъ художественныхъ вещей и образовала Эрмитажъ; подарила Академіи единственное собраніе алебастровыхъ от-

ливковъ съ древнихъ статуй, и словомъ, все дѣлала, чтобы способствовать художествамъ въ Россіи возвыситься на степень, достойную уваженія современниковъ и потомства.

Примѣръ монархии дѣйствовалъ на вельможъ, которые (я говорю о знатнѣйшихъ) наперерывъ другъ предъ другомъ начали собирать отличнѣйшія художественные произведенія, и нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно составили превосходныя.

Въкъ Екатерины утвердилъ и вкусъ и художества въ Россіи. Въ ея времѧ Академія выпустила около тысячи художниковъ, которые разсѣялись по имперіи и конечно не могли не сдѣйствовать своимъ произведеніямъ полезному на вкусъ общей вліянію.

Знаменитѣйшие изъ художниковъ, явившихся въ царствованіе Екатерины, суть слѣдующіе.

По части живописи исторической.

*Соколовъ.* Къ сожалѣнію сей художникъ жилъ не долго. Его дарованія и искусство заставляютъ жалѣть о ранней смерти его. Онъ могъ бы прославить Россію своимъ твореніями. Онъ былъ искусный рисовальщикъ и хорошій колористъ. Въ бытность свою въ Римѣ онъ полюбилъ произведенія славнаго въ то время Батонія и усвоилъ вкусъ его; но, идучи собственою своею дорогою, былъ бы, можетъ быть, и лучше и оригинальнѣе. Изъ произведеній Соколова одно особенно заслуживаетъ отличное вниманіе. Это картина Меркурій, усыпляющій Аргуса, въ естественную величину, находящаяся въ Академіи. Его же есть превосходная копія въ Александро-Невской Лаврѣ съ картины Петра Теста: Введеніе во храмъ Пресвятаго Бого-

родицы, и некоторые весьма хорошия работы у людей частныхъ.

Акимовъ, художникъ весьма умный. Онъ долго служилъ Академіи. Большой почитатель древнихъ произведеній и человѣкъ, обладавшій особыннымъ даромъ пріятнаго слова, онъ умѣлъ поселять въ воспитанникахъ страсть къ учению и любовь къ прекрасному. Иконостасъ въ Александро-Невской Лаврѣ и картина въ Академіи: Геркулесъ, сожигающійся на костре, суть лучшія его произведенія. Въ сей послѣдней фігура Геркулеса нарисована весьма хорошо.

Угрюмовъ. Этотъ художникъ имѣлъ чрезвычайную способность къ многосложнымъ сочиненіямъ; рисовалъ правильно; колоритъ его не блестящъ въ родѣ Лосенкова. Лучшія творенія его кисти суть: покореніе Казани и возведеніе на царство Михаила Феодоровича, принадлежавшія прежде Ми-

хайловскому замку и нынѣ находящійся въ Академіи. Но самымъ лучшимъ дѣломъ его жизни и служенія отечеству было образованіе Егорова и Шебуева, двухъ знаменитѣйшихъ художниковъ, намъ современныхъ. Подробнѣйшее свѣдѣніе объ Угрюмовѣ ты можешьъ получить изъ Журнала изящныхъ искусствъ.

По части портретной живописи.

Левицкій. Одинъ изъ первыхъ художниковъ, явившихся въ царствованіе Екатерины. Кажется, онъ учился у Рокотова. Впрочемъ имѣлъ свой собственный манеръ весьма пріятный. Краски его блестящи. Онъ особенно отличался въ выполненіи матерій.

Боровиковскій получилъ въ Малороссіи, своей родинѣ, первыя начала въ живописи. Кстати разсказать здѣсь, какимъ образомъ онъ сдѣлался извѣстнымъ Екатеринѣ. Анекдотъ о семъ

послужить доказательствомъ дарованій Боровиковскаго по части изобрѣтенія. Во время путешествія по Россіи, Государыня останавливалась въ нарочно выстроенныхъ для отдохновенія домахъ, гдѣ не было удобныхъ для того у жителей. Одинъ изъ такихъ домовъ былъ построенъ вновь въ Малороссіи, въ Миргородскомъ повѣтѣ (если не ошибаюсь). Предводитель дворянства, известный Капністъ желалъ украсить сей домъ просто, но прилично случаю, и поручилъ Боровиковскому, который, будучи въ отставкѣ поручикомъ, занимался по страсти живописью, написать двѣ или три картины. Художникъ сдѣлалъ ихъ нѣсколько, и въ томъ числѣ двѣ особенно примѣчательныя. Одна семь Греческихъ мудрецовъ предъ книгою Наказа и Екатерину, въ видѣ Минервы, объясняющу имъ совершенство сего

бесмертного творения; а другая Петра великаго, орющаго землю, Екатерину, въ слѣдъ за нимъ сѣющую сѣмена, и двухъ Геніевъ позади ея: Александра и Константина, которые боронить землю, вспаханную и засѣянную. Мысль сихъ картинъ отмѣнно понравилась Монархинѣ. Она пожелала узнать художника и, узнавъ его, повелѣла отправить въ Петербургъ къ Лампію. Прибывъ сюда, Боровиковскій въ самое скорое время сдѣлался соперникомъ своего учителя и, подружась съ Левицкимъ, воспользовался у сего послѣдняго тѣмъ, что было согласно съ его собственнымъ вкусомъ. Боровиковскій былъ портретный живописецъ, но онъ писалъ весьма много и отлично хорошо священныхъ изображеній для церквей. Онъ былъ трудолюбивъ до невѣроятности. Едва ли кто либо изъ Русскихъ живописцевъ произвелъ столько, сколько Бо-

ровиковскій. Многія его произведенія прекрасны въ полномъ смыслѣ слова. Лучшія находятся въ Казанской церкви. Если бы этотъ художникъ имѣлъ основательнѣйшія начала, то безъ сомнѣнія былъ бы однимъ изъ величайшихъ художниковъ Россіи. Впрочемъ, по обдуманности своихъ сочиненій, совершиенной сообразности съ избираемыми предметами и механизму живописи, онъ имѣетъ право на почетнѣйшее мѣсто въ числѣ живописцевъ нашихъ. Свѣжесть его красокъ, кисть (я разумѣю о лучшемъ времени сего художника) и выполненіе тканей, всегда будутъ почитаемы образцовыми. Боровиковскій писалъ почти всю Императорскую фамилію.

Щукинъ учился въ Академіи. Онъ также принадлежитъ къ числу отличныхъ художниковъ. Нѣкоторые портреты написаны имъ съ большимъ искусствомъ и пріятностію. Портретъ им-

ператора Павла есть важнейшее его произведение.

По части пейзажной живописи

сдѣвались извѣстными: Щедринъ (Семенъ), Матвѣевъ, всегда жившій въ Римѣ, Ивановъ (Михайла), который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и баталіческимъ живописцемъ, Мартыновъ и еще нѣкоторые. Первый былъ чрезвычайно занятъ при императорѣ Павлѣ и произвелъ нѣкоторыя вещи отлично хорошо. Съ его картинъ много есть эстамповъ. Они пріятнѣе картинъ, потому что Щедринъ, при всѣхъ достоинствахъ пейзажиста, имѣлъ колоритъ не совершенно правдивый. Второй сдѣлялъ себѣ имя въ самомъ Римѣ. Онъ былъ страстенъ къ своему искусству. Нѣкоторыя работы его превосходны. Художникъ сей любилъ природу и изображалъ ее вѣрно. Ивановъ болѣе из-

въстенъ какъ рисовальщикъ; онъ написалъ мало картинъ. По нѣкоторымъ можно судить, что онъ былъ человѣкъ съ необыкновенными дарованіями. Мартыновъ, ученикъ Ілліи Педрина, напротивъ писалъ очень много: его картины находятся во дворцахъ и у людей частныхъ. Нѣкоторыя превосходны. Ихъ отличаютъ вѣрность тоновъ, вкусъ и необыкновенная свобода кисти.

По части перспективной живописи

мы имѣли своего Каналетта въ Алексѣевѣ. Этотъ художникъ имѣлъ даръ рѣшительный; лучшія картины его дышатъ правдою; скажу болѣе, онъ обманываетъ зрителя. Это натура. Въ перспективѣ воздушной Алексѣевъ былъ весьма силенъ: писалъ весьма много и мало произвелъ посредственнаго. Онъ образовалъ Воробьеву.

Нельзя, говоря о живописцахъ, по-

забыть Евреинова, который былъ пре-  
восходный художникъ по части живо-  
писи на фианити.

Симъ оканчиваю взглядъ на живо-  
писцевъ Екатеринина вѣка. О ваяте-  
ляхъ и зодчихъ ея же времени пого-  
ворю послѣ.

---

Письмо III.

Писать коротко о предметѣ обши-  
ромъ очень трудно. Ясность мыслей  
и точность выражений требуютъ пре-  
дварительной обдуманности; я боюсь  
за себя: поспешность рѣдко произво-  
дить что нибудь хорошее. Сдѣлай ми-  
лость, будь ко мнѣ снисходителенъ.

Я обѣщалъ говорить тебѣ въ ны-  
нѣшнемъ письмѣ о ваятеляхъ Русскихъ  
Екатеринина вѣка, и ты вѣроятно удив-  
ился, почему я ни слова не сказалъ  
прежде о ваятеляхъ, предшествовав-  
шихъ сему времени. Виноватъ, но не  
болѣе какъ воевода, который почелъ

себя виноватымъ за то, что въ его воеводской канцелярии не было никакихъ тяжебныхъ дѣлъ.

Ваятелей до царствованія Екатерины II Россія вовсе не имѣла: и вотъ причина, по которой я умолчалъ объ нихъ, кажется достаточная. Ты въ правѣ болѣе обвинить меня за то, что я сказалъ такъ мало о зодчествѣ въ Россіи до царствованія Петра величайшаго. Согласенъ, но послѣ десяти или двадцати словъ ничего уже не остается говорить мнѣ о семъ предметѣ.

До Владимира великаго какіе были храмы и даже были ли они точно у язычниковъ, Россію населявшихъ, мы положительно не знаемъ. Первые храмы христіанскіе, я сказалъ уже, строились по образцу современныхъ Греческихъ. Послѣдовавшіе за сими были также болѣе или менѣе подражанія, уродуемыхъ по прихотямъ зодчихъ или строителей. Зодчество Византійскаго

вкуса замѣнено какимъ-то Готическо-Индійскимъ. Но что за новый характеръ и какъ онъ явился въ Россіи, ты спросишь безъ сомнѣнія. Отвѣчаю обѣ-яненіемъ. Наши церкви оставались въ планахъ своихъ почти неизмѣнны-ми до временъ Петровыхъ. Обыкно-веннѣйшая форма плановъ квадратъ съ четырьмя столбющими по срединѣ, внутри хоры (кромѣ средняго главнаго отдѣла) съ придѣлами на нихъ, стѣна алтаря, выдавшаяся полукругомъ, а если было три престола въ рядъ или болѣе, то нерѣдко столькими же полу-кругами выдававшаяся, притворъ отъ главнаго входа, или крытая галлерея снаружи вокругъ всей церкви: въ семъ заключались всѣ планы нашихъ церк-вей. Но въ лицевыхъ своихъ сторо-нахъ онѣ разнообразились до чрезвы-чайности; и кто наблюдалъ зодчество Индійцевъ, тотъ согласится со мною, что въ формахъ куполовъ нашихъ церк-

вей есть много общаго съ куполами Индѣйскихъ храмовъ; даже въ украшенияхъ наружныхъ очень много восточного вкуса, только не Срапынскаго или Маврскаго, а какого-то особенного, собственно напимъ церквамъ принадлежавшаго. Не путешествіи ли въ орду, вольныя и невольныя, привили сей вкусъ, или одна прихоть или причудливость зодчихъ сему виною?

Послѣ царя Ивана Васильевича III и до Петра у насъ бывали зодчие Европейцы. Они ввели въ Россію Итальянско-Готическое зодчество и соорудили многіе храмы и зданія пъ семъ вкусъ.

Церковь Василія блаженнаго въ Москвѣ всегда обращала на себя особенное мое вниманіе. По общей пирамидальной формѣ ее причислить должно къ зданіямъ Готическаго вкуса, а по девяти куполамъ ея, изъ коихъ одинъ другаго страннѣе и одинъ другаго за-

тѣйливѣе, она есть произведеніе, не подходящее ни подъ какой вкусъ зодчества, произведеніе, можетъ быть единственное въ своемъ родѣ въ цѣлой Европѣ по своей странности. Предки наши не имѣли и не могли имѣть понятія о красотѣ зданій. Они менѣе просвѣщены были другихъ Европейцевъ; богатство составляло крайнюю цѣль украшеній церковныхъ. И вызываемые иностранные зодчие строили, сообразуясь со вкусомъ земли, въ которой находились. Отъ того-то нѣкоторые старинные памятники зодчества въ Россіи имѣютъ что-то свое.

Обратимся къ ваянію. При введеніи христіанской вѣры въ Россіи кумиры истреблены, и отъ Владимира до Петра вѣроятно не было въ Россіи ни одной статуи, исключая однакожъ изваяній золотыхъ и серебряныхъ, разные предметы изображающихъ, которыхъ могли быть присылаемы царямъ въ пода-

рокъ отъ дворовъ Европейскихъ, или пріобрѣтаемы отъ иностранцевъ по-купкою, и украшали палаты царскія, если не по достоинству художества, то по цѣнности вещества, изъ котораго состояли. Упоминать о рѣзбѣ изъ дерева, украшеній для иконостасовъ и проч. т. п., считаю излишнимъ. Золото или позолота давали цѣну имъ, а не искусство.

Петръ великий первый имѣлъ у себя во дворцѣ статуи. Онъ первый цѣнилъ сіе искусство. Венера, известная подъ именемъ Таврической (она находится въ Таврическомъ дворцѣ) одно изъ первоклассныхъ твореній древности, какъ увѣряютъ, куплена имъ. Это чудесное произведеніе лучшихъ временъ Греціи едва ли известно теперь въ чужихъ краяхъ, но оно достойно соперничства съ Венерою Медицискою и въ иѣкоторомъ отношеніи даже превосходитъ ее. Венера Та-

врическая есть дѣва, Венера Медицинская—жена.

Въ царствованіе Елизаветы произведена конная статуя Петра великаго что предъ бывшимъ Михайловскимъ замкомъ, и императрицы Анны Ioанновны стоящей, достойная иѣкотораго вниманія по искусству, но кѣмъ именно, точно неизвѣстно; послѣднюю приписываютъ графу Растрелли: съдовательно онъ былъ и ваятель. Малопомалу появились ваятельный произведения въ Россіи, но до Гордѣева не было ни одного ваятеля Русскаго.

Теперь будемъ говорить о художникахъ нашихъ.

По части ваянія:

Гордѣевъ. Онъ былъ изъ первыхъ художниковъ, вышедшихъ изъ Академіи при Екатеринѣ. Получивъ твердые начала въ рисованьи, онъ зани-

мался своимъ искусствомъ подъ руководствомъ Жилета, образовавшаго многихъ достойныхъ ваятелей. Вкусъ Гордѣва былъ чистый, лѣпка прелестная, стиль складокъ въ одеждахъ приближающійся къ древнему Греческому. Онъ произвелъ многія весьма достойныя вещи. Скажу объ одной небольшой фигуркѣ, изображающей осень, изъ обожженной глины. Сie прекраснѣйшее произведеніе сдѣлано подъ патру Фальконетовой фигуркѣ Весны, и не боюсь сказать, несравненно превосходнѣе сей послѣдней. Ты не повѣришь? Но я желалъ бы, чтобы ты имѣлъ случай сравнить сіи два произведенія. Имѣя вкусъ образованній и любя правду, ты отдалъ бы справедливость Гордѣву, при всемъ томъ, что ты Русскихъ мало знаешь.

Шубинъ также былъ весьма отличный ваятель. Его бюсты живы; тѣло въ нихъ есть совершенное тѣло; всѣ

возвышенија безъ сухости и безъ излишней мягкости. Въ семъ родѣ произведеній онъ единственъ; но въ статуяхъ имѣлъ менѣе удачи. Въ постановленіяхъ и положеніяхъ вкусъ современный французскій.

Щедринъ (Федось, братъ пейзажиста) отличался лѣпкою; будучи въ Парижѣ, онъ изучалъ произведенія славнаго Пигаля и, возвратясь въ отечество, произвелъ нѣкоторыя вещи во вкусѣ его прекрасно. Щедринъ въ произведеніяхъ своихъ не искалъ красоты идеальной: онъ слѣдовалъ природѣ съ большимъ успѣхомъ. Марціасъ, спящій Эндиміонъ, его копія съ несравненного мальчика Пигалева и несеніе креста, барельефъ въ Казанской церкви, суть лучшія произведенія, которыя онъ когда либо сдѣлалъ.

Козловскій былъ истинный геній. Воображеніе пламенное, сочиненіе умное, исполненіе рѣшительное, отличали все

выходившее изъ рукъ сего знаменитаго художника. Онъ былъ славный рисовальщикъ. Почитатель и подражатель Буонаротія, Козловскій иногда, подобно сему знаменитому ваятелю, увлекался желаніемъ блеснуть познаніями своими въ анатомії и излишествовалъ въ выраженіи мускуловъ. Трудно впрочемъ опредѣлить, какое лучшее произведеніе его. Они всѣ прекрасны, всѣ прмѣютъ одни и тѣ же достоинства и (я говорю съ тобою, а не съ его записными почитателями) почти всѣ одинъ и тотъ же недостатокъ. Дѣвочка, сидящая фигура изъ мрамора, принадлежащая императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, кажется, чужда онаго, и потому можетъ почеститься въ числѣ изящѣйшихъ его произведеній. Колосальныя статуи Суворова на Суворовской площади здѣсь въ С.-Петербургѣ, и Самсона, въ Петергофѣ поставленная, произведены также

Козловскимъ. Художникъ сей много трудился; въ Императорскомъ Эрмитажѣ есть его фигура Геній изъ мрамора и нѣсколько небольшихъ произведеній изъ обожженной глины.

Мартосъ. Творенія сего знаменитаго художника и имя его известны въ цѣлой Европѣ. Онъ принадлежитъ къ числу превосходнѣйшихъ ваятелей новѣйшаго времени. Въ Россіи онъ можетъ почтеться лучшимъ изъ всѣхъ, какихъ она имѣла и имѣть доселе. Современникъ Гордѣева, Шубина, Щедрина и Козловскаго, онъ избралъ другіе пути въ свое мѣсто искусства. Обдуманное подражаніе древнимъ постепенно усовершало стиль его, и нѣкоторыя произведенія, имъ исполненные изящны въ высшей степени. Онъ менѣе пылокъ, нежели каковъ былъ Козловскій, но произведенія его болѣе удовлетворительны въ глазахъ безпристрастнаго критика. Мартосъ рѣдко

поражаетъ своими твореніями съ перваго взгляда; но они тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе, чѣмъ болѣе смотришь на нихъ; произведенія Мартоса не имѣютъ столько прелести и движеннія сколько творенія знаменитаго Кановы, но они не имѣютъ за то ничего манернаго, ничего принужденнаго, ничего излишествующаго. Благородство есть отличительный характеръ сочиненій Мартоса; выполненіе его вѣрно, тщательно, пріятно; въ драпированіи фигуръ онъ превосходитъ Канову, а въ барельефахъ и особенно многосложныхъ онъ едва ли теперь имѣеть себѣ равнаго.

Предѣлы письма не позволяютъ мнѣ распространяться въ изсчислѣніи произведеній Мартоса, ихъ очень много: но я не могу не поименовать тебѣ по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ.

Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежать памятники, украшающіе садъ

Павловска. Барельефъ, представляю-  
щій Гіменея, потушающаго пламен-  
никъ (на памятникѣ Великой Княгинѣ  
Еленѣ Павловнѣ), можетъ итти наря-  
ду съ произведеніями древнихъ Грековъ;  
памятникъ Великой Княгинѣ  
Александра Павловна, известный тебѣ  
по гравировкѣ заглавнаго листа въ  
сочиненіяхъ Жуковскаго (изд. перв.),  
есть также одно изъ лучшихъ творе-  
ній Мартоса; памятникъ Императору  
Павлу и въ особенности барельефъ,  
помѣщенный на цоколѣ онаго, изобра-  
жающій Августѣйшее семейство, опла-  
кивающее потерю отца и государя  
своего, особенно превосходенъ; статуя  
Актеона, колosalный памятникъ граж-  
данину Минину и князю Пожарскому  
и многія другія произведенія Мартоса  
приносять честь ему и Россіи. Худож-  
никъ сей уже въ преклонныхъ лѣ-  
тахъ; но силы генія его еще не угаса-  
ютъ: послѣднія его работы не усту-

паоть тѣмъ, которыя имъ исполнены въ лучшія дѣта жизни; онъ и теперь трудится.

Посылаю тебѣ рисунокъ съ одного изъ послѣднихъ произведеній сего знаменитаго художника, не съ тѣмъ, чтобы я почиталъ его прѣвосходиційшимъ (изъ работъ Мартоса трудно сдѣлать подобный выборъ), но оно подаетъ два важные предмета къ размышленію: впервыхъ назначеніе и мысль сего произведенія, а во вторыхъ искусство художника.

Одинъ набожный вельможа, приготавивъ въ церкви помѣстія своего для себя гробъ, хотѣлъ украсить оный изваяніемъ Ангела-хранителя, держащаго въ одной рукѣ образъ, даръ и благословеніе родителей, а въ другой лампаду, всегда горящую: подобіе пламennаго усердія къ Богу правосудному. Это выполнено Мартосомъ: изъ рисунка ты можешь судить о художе-

ственномъ достоинствѣ сего священ-  
наго изванія. Сочиненіе фигуры въ  
особенности отвѣчаетъ простотѣ и ве-  
личію мысли, святости предмета и  
важности назначенія.

Прокофьевъ есть послѣдній изъ валь-  
телей Екатеринина вѣка. Его произведенія,  
въ стилѣ современному Фран-  
цузскому, уступаютъ въ строгости  
формъ произведеніямъ Мартоса: но они  
дышиутъ жизнью. Смотря на нихъ, за-  
бываемъ, что видимъ предъ собою  
мраморъ или бронзу. Актеонъ его,  
преслѣдуемый своими собаками, спя-  
щій пастушокъ и Морфей превосход-  
ны. Въ Петергофѣ есть его работы:  
богъ рѣки Волхова и Тритоны. Чув-  
ство, знаніе и смѣлость отличаютъ  
вообще лѣпку сего художника. Онъ  
довольно трудился. Барельефы его имѣ-  
ютъ большія достоинства: сочиненіе  
умное, исполненіе свободное, рѣши-

тельное. Нѣкоторые окончены какъ  
нельзя лучше.

По части зодчества

явились въ царствование Екатерины великой слѣдующіе художники:

Волковъ, художникъ превосходный. Онъ имѣлъ дарованія необыкновенныя. Зданія, имъ сооруженные, исполнены чистоты вкуса и совершенной сообразности съ ихъ назначеніемъ. Странно видѣть употребляемыя иными зодчими украшенія, несоответственныя характеру строеній; портики, колоннады и проч., приличныя храмамъ, дворцамъ или домамъ огромнымъ, приставляемыя къ магазинамъ, конюшнямъ и тому подобнымъ, несравненно низшее назначеніе имѣющимъ постройкамъ. Волковъ не имѣлъ сего излишства. У него все у мѣста, все кстати; онъ много строилъ. Нѣкоторыя зданія его

могутъ почестися образцовыми. Къ числу сихъ принадлежитъ Соляной городокъ (магазинъ для храненія казенной соли) на берегу Фонтанки, и казенный пивоваренный заводъ, что на Выборгской сторонѣ здѣсь въ С. Петербургѣ.

Захаровъ однѣ изъ величайшихъ зодчихъ въ Россіи. Онъ, служа долго профессоромъ архитектуры въ Академіи Художествъ, образовалъ весьма много отличнѣйшихъ художниковъ. Его проекты возобновленія Исаакіевской церкви и соединенія зданій, Академіи Наукъ принадлежащихъ, колоннадами, превосходны въ обширнѣйшемъ значеніи слова; по его же проекту возобновлено главное Адмиралтейство въ С. Петербургѣ, зданіе огромнѣйшее и, можно сказать, единственное по чистотѣ архитектуры, согласію частей, соразмѣрности во всемъ и изящному стилю. Мельниковъ, зодчій, известный

необыкновенными дарованиями своими, обязанъ Захарову развитіемъ и усовершенствованіемъ оныхъ.

Михайловъ (Андрей) достойный отличного вниманія по многимъ прекраснѣйшимъ зданіямъ здѣсь и виѣ столицы. Въ С.-Петербургѣ произведены имъ Екатерининская церковь, домъ Россійской Академіи, и много домовъ частныхъ. Достопочтенный художникъ сей былъ сотрудникомъ Захарова по Академіи и теперь служить ей съ величайшою пользою. Опытностю и на выкомъ онъ пріобрѣлъ глубокія познанія по своей части. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ проектовъ его превосходны.

Воронихинъ, известный сооруженіемъ Казанской церкви, Горнаго корпуса, колоннады въ Петергофскомъ саду и проч. Онъ былъ въ большой славѣ. Теперь его критикуютъ особенно за Казанскую церковь, однако храмъ сей хотя и имѣть нѣкоторыя несо-

вершенства, можетъ стать на ряду съ  
весьма хорошими церквами въ Евро-  
пѣ. Мѣстное положеніе, не позволив-  
шее помѣстить колоннаду отъ главна-  
го входа, причиною тому, что она  
примкнута къ боковой фасадѣ церкви;  
отъ этого и самая церковь теряетъ  
много виду, и куполь ея, довольно ог-  
ромный, кажется слишкомъ малымъ по  
сопрѣемѣности со всею массою зданія;  
впрочемъ, разсмотривая сію церковь  
безпристрастно, найдешь въ ней мно-  
го достоинствъ; детали (подробности)  
вообще прекрасны. У Воронихина нель-  
зя отнять его дарованій; онъ былъ  
весьма искусный художникъ и особенно  
отличался внутреннимъ украше-  
ніемъ домовъ.

Демерцовъ и Михайловъ (Александръ) равно принадлежать къ числу  
весьма хорошихъ зодчихъ сего же  
времени. Первый известенъ сооруже-  
ніемъ церквей Св. Сергія и Знаменія

здѣсь въ С.-Петербургѣ, изъ коихъ въ послѣдней внутренность особенно прекрасна, а второй построеніемъ Литейной, принадлежащей Академіи Художествъ, многими другими строеніями казенными и частными и нѣкоторыми проектами, большое достоинство имѣющими.

О гравированіи на мѣди я не скажу еще ни слова, хотя и упомянуль о двухъ граверахъ Русскихъ, явившихся при Елизаветѣ. Впрочемъ о семъ искусствѣ мало можно сообщить любопытнаго.

До ПЕТРА I не было у настѣ граверовъ. Онъ вызывалъ нѣкоторыхъ изъ чужихъ краевъ. Въ числѣ ихъ не было отличныхъ. При Елизаветѣ же приглашенъ въ Россію знаменитый Шмитъ для выгравированія портрета Ея Величества, писанаго въ ростъ художникомъ Токе. Этотъ гравёръ, одинъ изъ славѣйшихъ своего времени, оста-

вался долго въ Россіи и образовалъ Колпакова и Чемезова, упомянутыхъ мною прежде. При Екатеринѣ были у насъ довольно изрядные гравёры иностранцы; изъ Русскихъ же отличились: Скородумовъ, котораго справедливо можно назвать нашимъ Бартолонціемъ, онъ былъ весьма хороши рисовальщикъ, (достоинство рѣдкое въ граверѣ) и произвелъ некоторые эстампы пунктировальнымъ манеромъ превосходно.—Берсеневъ, который гравивалъ гравштихомъ (*au burin*) чрезвычайно хорошо. Эстампъ его съ картины Лосенка, представляющей Св. Апостола Андрея, исполненъ отлично. По твердости рисунка, чистотѣ штриховъ и точному выполнению картины, это произведеніе можетъ почесться изъ лучшихъ вышедшихъ доселѣ въ Россіи. Берсеневъ скопировалъ въ большомъ форматѣ эстампъ славнаго Эделинга съ картины Филиппа де Шам-

пань, представляющей Моисея, нынѣ находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ и произвѣлъ другія достойныя работы. Къ сожалѣнію оба художника сіи жили не долго. Кошкинъ, ученикъ Берсенева, также могъ бы быть отличнымъ граверомъ, но обстоятельства отвлекли его отъ занятія симъ искусствомъ; о другихъ же граверахъ упоминать почитаю излишнимъ.

По части рѣзьбы на камняхъ и стали были въ Россіи при Екатеринѣ: Верные и Егеръ иностранцы, а изъ Русскихъ Васильевъ и потомъ Алексеевъ. Но лучшимъ въ сіе время почитался Леберехтъ, пріятностю лѣпки изъ воску и чрезвычайною отдалкою работъ своихъ замѣчательный.

Такимъ образомъ не было ни одного почти рода художествъ, въ которомъ бы не явились при Екатеринѣ Русские художники отличные; но, должно сказать правду, они мало или не такъ

какъ бы должно занимаемы были публикою. Иностранные, въ числѣ которыхъ были конечно превосходные, и болѣе посредственныхъ, вообще выигрывали во мнѣніи передъ Русскими. Князь Потемкинъ-Таврическій едва ли не одинъ былъ, который предпочиталъ своихъ чужеземцамъ и ни мало отъ того не былъ въ проигрышѣ. Домы его, что нынѣ Аничковской и Таврической дворцы, были первый передѣланъ, а послѣдній вновь сооруженъ известнымъ Старовымъ. Онъ употреблялъ потомъ Волкова. Многихъ художниковъ имѣлъ онъ при себѣ и особенно любилъ Русскихъ. Немногіе вельможи слѣдовали его примѣру; причина ясна: чтобы безошибочно судить о художествахъ, нужны познанія; чтобы поддерживать оныхъ, нужна любовь; чтобы имѣть довѣріе къ художникамъ, нужно убѣженіе въ ихъ достоинствахъ; а въ то время по недавнему образо-

ванію Академії большая часть богатыхъ любителей, избалованные возможностію, которую подавала Французская революція пріобрѣтать вещи превосходныя славныхъ мастеровъ за безцѣнокъ, и не думали о русскихъ художникахъ.

Одни зодчие наши были не безъ занятій; но всѣ прочія художества не обращали на себя должнаго вниманія публики.

Не такъ мыслила, не такъ дѣйствовала Императрица. Великая умѣла быть великою во всемъ; и хотя, какъ увѣряютъ старики, она признавалась, что не имѣла склонности ни къ музыкѣ, ни къ художествамъ, однако, зная, что науки и искусства необходимы въ государствѣ, всегда покровительствовала, ободряла, лелѣяла и тѣ и другія. Русскіе съ дарованіями были ей дѣтьми. Она любила ихъ какъ мать, она одна поддерживала всякаго

достойного художника русского, занимала ихъ и пеклась о томъ, чтобы они имѣли способы трудиться. Эрмитажъ, любимое мѣстопребываніе Императрицы, былъ наполненъ художниками. Государыня не оставляла ни одного по-чи безъ того, чтобы не сказать милостиваго слова, не ободрить похвалою или покупкою для себя произведенія достойного. Зодчество въ ея время возвысилось. Церкви, дворцы и публичныя зданія, здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Россіи сооруженные Русскими, удостовѣряютъ въ этомъ. Живопись также усовершилась. Важніе блистательнымъ образомъ явились вновь; и хотя справедливо, что художники, посвятившіе себя послѣднему, мало имѣли тогда случаевъ къ произведеніямъ важнымъ; однако жъ одинъ Георгіевскій залъ въ Зимнемъ дворцѣ, отдѣланный по проекту славнаго Гварнгіи и украшенный мраморными вая-

тельными работами Гордѣева, Мартоса, Козловскаго и Шубина (если бы не было другихъ превосходныхъ художественныхъ памятниковъ времени Екатерины) доказывается, сколько желала она видѣть увѣковѣченнымъ отличное искусство Россіянъ, ей современныхъ.

Весьма бы я желалъ исчислить самое главнѣйшее, чѣмъ произведено Русскими по части художествъ при Екатеринѣ, но это невозможно: предѣлы письма слишкомъ для того тѣсны. Впрочемъ ты могъ замѣтить изъ сказаннаго мною, что художества въ Россіи въ самое короткое время, по учрежденіи Академіи, сдѣлали исполненій шагъ впередъ.

Что жь было бы, еслибы умы совершенно готовы были воспользоваться вполнѣ сими успѣхами!

Нельзя не уважать дарованій, въ комъ бы они ни были и гдѣ бы ни явились, это правда; но любить укра-

шающія отечество, ихъ поддерживать, возвышать: обязанность всякаго, кто имѣеть къ тому средства, у кого есть любовь къ странѣ родной и кто желаетъ ей чести, славы и пользы.

Великіе умы, геніи необыкновенные принадлежать всему человѣчеству; но слава ихъ есть неотъемлемая собственность той земли, въ которой они родились и созрѣли.

Помни это, любезной другъ! Твое образованіе, умъ, родъ, знатность, все ручается за то, что ты можешь нѣкогда возвыситься на степень человѣка государственного. Истина сія тебѣ пригодится. Мы Русскіе еще и теперь не можемъ хвалиться много тѣмъ прекраснымъ, благороднымъ чувствомъ, которое называютъ гордостю національною. Это единственная бѣда наша. Прощай!

Письмо IV.

Кратковременное царствование императора Павла ознаменовано превосходными памятниками искусствъ изящныхъ. Онъ любилъ художества, чувствовалъ холодность публики къ произведеніямъ художниковъ отечественныхъ и собственнымъ примѣромъ доказалъ несправедливость малаго ея къ нимъ довѣрія. Петергофъ украшенъ въ его время множествомъ бронзовыхъ статуй, исполненныхъ Козловскимъ, Мартосомъ, Щедринымъ и Прокофьевымъ; для Михайловскаго замка многоя картины и статуи произведены русскими художниками; отлиты нѣкоторыя по формамъ, снятые съ древнихъ образцовыхъ произведеній для украшенія императорскихъ садовъ; умножилось число прекраснѣйшихъ храмовъ и зданій въ столицахъ и внутри Имперіи; рѣшено сооруженіе Ка-

занского Собора и, словомъ, художники русскіе произвели въ это время столько истинно достойныхъ твореній, что тотъ, кто не знаетъ Россіи, не повѣритъ, чтобы пять лѣтъ были къ тому достаточны. Императоръ уважалъ Баженова, Щедрина (пейзажиста) и многихъ другихъ славныхъ нашихъ художниковъ. Онъ былъ отмѣнно милостивъ ко всѣмъ, кто имѣлъ даръ и могъ содѣйствовать трудами своими чести Россіи. Императрица Марія Феодоровна, слѣдя врожденной любви ея къ изящному, равнымъ образомъ ободряла и покровительствовала дарованію. Мартосъ многими случаями къ произведенію ваятельныхъ твореній обязанъ Ея Величеству.

Въ семъ состояніи были художества въ Россіи, когда взошелъ на престолъ Императоръ Александръ.

Немногіе изъ художниковъ, отличившихся при Екатеринѣ, не дожили до

сего счастливѣйшаго вѣка; прочие прозвели лучшія свои творенія въ это время. Другіе явились вновь для славы своего отечества. Академія Художествъ, подъ начальствомъ незабвеннаго графа А. С. Строганова, благодѣтеля художниковъ русскихъ, получила новыя милости отъ щедротъ монаршихъ. Сооружена соборная церковь Казанскія Божія Матери, знаменитая многими славными твореніями лучшихъ нашихъ художниковъ. Воздвигнуты зданія, памятники. Столицы, города, села получили новый видъ. Вкусъ распространился повсемѣстно; правительство дало случай и средства отличиться художникамъ нашимъ, и художества въ Россіи достигли той степени, на которой находятся они въ образованнѣйшихъ странахъ Европы. Соперничество лучшихъ итальянскихъ и французскихъ художниковъ нынѣ для Русскихъ не страшно.

Ты, л. д., можетъ быть, подумаешьъ, что я сказалъ симъ слишкомъ много; но, прошу тебя, не спѣши судить мои выраженія; я говорю самую строгую истину. Ты убѣдишься въ ней, когда болѣе познакомишься съ Россіею. Отбрось только предубѣжденія и смотри на все прямymi глазами.

Въ царствованіе Императоровъ Павла и Александра, Академія образовала и еще не менѣе тысячи художниковъ.

Вотъ имена превосходнѣйшихъ По части живописи исторической: Егоровъ, Шебуевъ, Ивановъ (Андрей), Безсоновъ, Сазоновъ, Басинъ, Бруни, Брюловъ (Карлъ); по портретной: Варнікъ, Кипренскій, Венеціановъ; по перспективной: Воробьевъ; по пейзажной: Щедринъ (Сильвестръ), Боде; по части гравированія на мѣди: Уткинъ, Ческій, Галактіоновъ и Скотниковъ; по части ваянія: Демутъ-Малиновской, Пименовъ, Соколовъ, Гольбергъ, Кры-

ловъ; по части рѣзьбы на металлахъ: графъ Толстой и Шиловъ; рѣзьбы на крѣпкихъ камняхъ: Доброхотовъ; по части зодчества: Стасовъ, Мельниковъ, Гомзинъ, Беретти, Дудинъ, Калашниковъ, Глинка, два брата Топы, Мейеръ, Эльсонъ, Брюловъ (Александръ) и пр. Изъ числа сихъ художниковъ нѣкоторые могутъ быть поставлены наряду съ первостепенными иностранными художниками.

Егоровъ есть художникъ, обладающій необыкновенными дарованіями, рисовальщикъ, какихъ мало имѣть Европа. Ему удивлялись въ Римѣ: стиль его благородный, изящный, вышенный. Въ сочиненіи онъ превосходенъ. Живопись его пріятна, обворожительна. Если бы картины, имъ производимыя, были всегда равной силы, а лица имѣли болѣе выраженія, и наконецъ если бы воздушная и линейная перспектива въ его произве-

деніяхъ совершенно удовлетворяли строгаго критика; то я сказалъ бы: это нашъ Рафаэль, но болѣе близкій къ древнимъ, нежели Санціо. Егоровъ произвелъ за десять лѣтъ предъ симъ картину истязанія Спасителя въ темницѣ. Знаменитая вообще картина сія имѣть такія части, которымъ удивляться, скажу болѣе, предъ которыми благоговѣть должно. Фигура, изображающа Спасителя, и въ особенности туловище ея, нарисована неподражаемо. По изяществу стиля и формъ это антикъ: шея, грудь и плеча сей фигуры совершенны въ высочайшей степени. Фигура, привзывающа руки Спасителя къ столбу, выполнена съ такимъ знаниемъ и вѣрностію, что украсила бы и лучшее твореніе Аннибала Каравачи. Сочиненіе вообще сей картины весьма умно. Спаситель введенъ въ темницу, разоблаченъ; одинъ изъ свершителей казни привязываетъ руки Его,

какъ я сказалъ уже; другой, держа  
розги, ждетъ съ звѣрскимъ нетерпѣніемъ  
минуты истязанія; воинъ, стоящій  
позади, дерзаетъ въ безуміи своемъ  
укорять Богочеловѣка; но Сей, возведя  
очи къ небу, молитъ Отца Своего да  
простить имъ: не вѣдѣть бо, чтѣ тво-  
рять. Въ лицѣ Спасителя многое выра-  
жено. Можно бы пожелать еще болѣе;  
но это такое желаніе, котораго никто  
еще не выполнялъ доселѣ. Надобно  
имѣть силы свыше силь человѣка,  
чтобы изобразить Бога, хотя и въ че-  
ловѣческомъ образѣ. Картину сю иные  
судили съ излишнею строгостю; но  
есть ли хотя одно произведеніе худо-  
жественное, которое во всѣхъ частяхъ  
было бы равно совершенno? И Апол-  
лонъ Бельведерскій и Даоконъ не  
чужды погрѣшностей. Знающій чело-  
вѣкъ ихъ видитъ, но при всемъ томъ  
удивляется симъ безсмертнымъ творе-  
ніямъ.

Я распространился о произведении Егорова, потому что оно есть лучшее изъ всѣхъ произведеній живописи въ Россіи, и, говоря правду, едва ли наша школа произведеть скоро что либо подобное.

Егоровъ написалъ вѣсма много картинъ: двѣ въ Казанской церкви, достойныя кисти Гвидо Рени. Св. Иеронимъ (у графа Г. В. Орлова) и Спаситель, явившійся Магдалинѣ въ видѣ вертоградаря (у г. Масалова) суть, кажется, лучшія изъ картинъ Егорова послѣ Истязанія Спасителя. Небольшая кабинетная картины Егорова неоцѣнены. Св. Семейство, изъ трехъ фигуръ, что въ Эрмитажѣ, сочинено, нарисовано и написано въ совершенствѣ. Егоровъ любить страстно свое искусство. Онъ неутомимъ въ трудахъ. Его священные изображенія для церквей, по стилю, рисунку и благородству сочиненія, могутъ навсегда остатъ-

ся образцовыми. У Егорова есть много сочинений неисполненныхъ. Избение младенцевъ, семь дней сотворенія міра и въ томъ числѣ грѣхопаденіе Адама выше всѣхъ похвалъ. Для славы Россіи желать должно, чтобы художникъ имѣлъ возможность произвести сіи сочиненія въ большомъ видѣ.

Посылаю тебѣ рисунокъ съ одной картины Егорова, изображающей Сусанну. Какъ онъ ни слабъ, но ты можешь получить изъ него некоторое понятіе о семъ художникѣ. Дополни въ воображеніи совершенства живописи: пріятнѣйшій общиі тонъ, сладость кисти, прелесть лица, бѣлизну и нѣжность тѣла, пурпуровую и бѣлую одежду, придающія блескъ фігурѣ, и ты не ошибешься, если почтешь эту картину однимъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній Егорова и по ней будешь судить о тѣхъ, которыя я называю превосходными.

Шебуевъ не менѣе славныи художникъ. Достоинства его произведеній суть: сочиненіе обдуманное, рисунокъ весьма правильный, стиль чистый, благородный, выраженіе приличное предмету изображаемому, кисть свободная, пріятная, должное выполненіе свѣта и тѣни, большое знаніе перспективы и искусное расположеніе околичностей. Изъ произведеній сего художника отличнѣйшія находятся въ Казанской церкви. Это три большія картины, изображающія предметы, заимствованыя изъ жизни святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Ioanna Златоустаго, картины, дающія Шебуеву право на почетнѣйшее мѣсто въ числѣ первѣйшихъ современныхъ художниковъ Европы. Въ сихъ картинахъ соединены всѣ условія живописи. Одинъ колоритъ только темноватъ нѣсколько; впрочемъ и сей недостатокъ, если только можно назвать это недо-

статкомъ, не отымаеть ни сколько достоинства отъ сихъ несравненныхъ твореній. Общій тонъ ихъ, спокойный для глазъ, вселяетъ въ зрителя нѣкоторое особое чувство благоговѣйного вниманія, столь приличное при взрѣвніи на произведенія священныя. Взятіе Божіей Матери на небо, картина въ Казанской церкви, написанная съ находящагося нынѣ въ Эрмитажѣ эскиза г. Шебуева, сочинена превосходно. Въ церкви Царскосельскаго дворца есть плафонъ руки сего же художника, произведеніе прекрасное и огромнѣйшее изъ всѣхъ, какія были произведены доселѣ русскими живописцами. Подробное описание онаго ты можешь найти въ Журналѣ изящныхъ искусствъ.

Шебуевъ отъ времени получилъ необыкновенную практику; пишетъ чрезвычайно ловко; манеръ послѣднихъ произведеній его исполненъ свободы

и вкуса; но знатокъ болѣе удивляется тѣмъ, которая находятся въ Казанской церкви и, можетъ быть, потому, что исполненіе ихъ вѣрнѣ и окончательнѣе. Есть впрочемъ нѣкоторыя и изъ новыхъ работъ Шебуева, неуступающія работамъ, упомянутый храмъ украшающимъ. Изъ сочиненій г. Шебуева исполненныхъ два весьма многосложныя, особенно примѣчательны: крещеніе народа въ Киевѣ и Спаситель предъ Пилатомъ. Желательно, чтобы художникъ произвелъ сіи картины. Судя по достоинству сочиненія, онъ были бы безъ сомнѣнія превосходнѣйшими.

Я забылъ тебѣ сказать еще объ одной картинѣ г. Шебуева, находящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ и изображающей Иоанна Крестителя, младенца, утоляющаго жажду. Простота сочиненія фигуры, прекрасно расположенная околичность и исполненіе

вообще пленяютъ зрителя. Къ сожалѣнію картина сія, не знаю, отъ какой причины, много потерпѣла. Чтобы предупредить для тебя потерю сего произведенія (ты, можетъ быть, не скоро еще будешь въ Петербургѣ) посыпаю рисунокъ.

Ивановъ (Андрей) и Безсоновъ также принадлежать къ числу отличныхъ нашихъ художниковъ. Первый особенно достоинъ вниманія по тому усердію, съ которымъ онъ печется объ образованіи молодыхъ художниковъ. Воспитываясь вмѣстѣ съ Егоровымъ и Шебуевымъ, онъ былъ ихъ соперникомъ, но по обстоятельствамъ семейнымъ не могъ быть въ Римѣ и образовать, какъ они, свой вкусъ классическими твореніями мастеровъ великихъ. Впрочемъ онъ произвелъ много вещей прекрасныхъ. Ивановъ сочиняетъ хорошо, драпируетъ фигуры со вкусомъ, даетъ силу картинамъ своимъ

и имѣть надлежащія свѣдѣнія въ перспективѣ. Безсоновъ написалъ много прекрасныхъ плафоновъ. Есть и картины его весьма достойныя.

Сазоновъ, Басинъ, Бруни и Брюловъ (Карлъ) художники молодые, обѣщаютъ весьма много. Послѣдній соединяетъ въ себѣ всѣ дарованія, нужные для совершенного живописца.

Варникъ и Кипренскій, два превосходные портретисты наши, немногихъ имѣютъ соперниковъ въ Европѣ. Они идутъ разными дорогами въ своеобразіе искусства къ одной цѣли: совершенству. Варникъ рисуетъ чрезвычайно вѣрно; въ выполненіи свѣта и тѣни, въ переходѣ и точности тоновъ, въ знаніи воздушной перспективы и сочиненіи неподражаемъ. Публика не всегда справедливо осуждаетъ его за колоритъ. Кипренскій рисуетъ не столь строго, но его кисть весьма пріятна, краски блестящи, отработка чрезвы-

чайна. Въ перспективѣ онъ весьма силенъ. Варникъ удивляетъ знатоковъ безпристрастныхъ; Кипренскій иравится вообще. Произведенія Варника превосходны; Кипренскаго прекрасны. Собственный портретъ, Варникомъ написанный, освѣщеній солицемъ, есть единственная вещь въ своемъ родѣ. Онъ много писалъ портретовъ, писалъ историческія картины, пейзажи и вылѣпилъ небольшую фигуру умирающаго Филохтета. Во всякомъ изъ сихъ родовъ Варникъ оказалъ дарованія необыкновенные.

Кипренскій также произвелъ много отлично хорошихъ вещей. Одна изъ лучшихъ: молодой отдыхающій садовникъ, находится въ Эрмитажѣ. Изъ прилагаемаго рисунка ты будешь видѣть сочиненіе ея, умный выборъ натуры прелестной, можешь представить себѣ какъ сильна должна быть картина, и конечно согласишься, что Ки-

пренскій есть одинъ изъ отличнѣйшихъ художниковъ русскихъ.

Венеціановъ извѣстенъ какъ портретистъ и живописецъ сельскаго домашняго рода. Онъ много произвелъ прекраснѣйшихъ вещей сухими красками. Его произведенія нравятся вѣрностю и пріятностю красокъ и чрезвычайною точностью въ исполненіи свѣта и тѣни. Лучшія и, можно сказать, отличнѣйшія въ своемъ родѣ произведенія его суть: внутренность гумна, спящій мужичокъ и деревенское утро, семейство за чаемъ. Первая находится въ Эрмитажѣ. Въ картинѣ сей художникъ превосходно выполнилъ дѣйствіе трехъ свѣтовъ, входящихъ во внутренность гумна: вдали чрезъ открытыя ворота, съ боку также чрезъ ворота и спереди чрезъ отверстіе или окно въ крыше.

Воробьевъ, живописецъ перспективный, произвелъ много превосходныхъ

картина. Лучшія находятся въ Эрмитажѣ. Онѣ представляютъ наружный видъ храма Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, внутренность придѣла Голгофы той же церкви и церкви св. Елены, написанныя имъ по возвращеніи изъ путешествія въ Палестину. Художникъ сей принадлежитъ къ числу отличившихъ современныхъ художниковъ.

Щедринъ, пейзажистъ, весьма уважаемый въ самомъ Римѣ. Россія не имѣла еще подобнаго. Быде художникъ съ большими дарованіями.

Объ Уткинѣ ты слыхалъ конечно въ Парижѣ. Онъ тамъ прославился гравированіемъ и въ Россіи поддерживаетъ прекрасными произведеніями свою славу, справедливо приобрѣтеннюю имъ въ отечества. Граверы наши: Галактіоновъ, Ческій и Скотниковъ произвели весьма хорошія вещи и конечно были бы также извѣстны въ

чужихъ краяхъ, если бы гравированіе представляло въ Россіи болѣе случалось къ важнымъ занятіямъ.

Ваятели наши Демутъ-Малиновскій и Пименовъ имѣютъ большія достоинства. Лучшія произведенія ихъ находятся въ Казанской церкви. Русскій Сцевола, статуя, исполненная первымъ, какъ подражаніе натурѣ, прекрасна.

Гольбергъ и Крыловъ подаютъ о себѣ чрезвычайныя надежды. Первый въ лѣнкѣ можетъ почеститься лучшимъ изъ художниковъ русскихъ, нынѣ существующихъ. Его бюсты неподражаемы. О произведеніяхъ сихъ двухъ художниковъ можешь узнать въ Журналѣ изящныхъ искусствъ.

Соколовъ также заслуживаетъ вниманія, какъ отличный ваятель. Его статуя: молочница съ разбитымъ кувшиномъ, прелестна.

О графѣ Толстомъ я говорить не буду. Его знаютъ въ Европѣ. Произ-

водимыя имъ медали на знаменитыя  
происшествія отечественной войны  
1812, 1813 и 1814 годовъ, ты видѣлъ,  
и мнѣніе твое о величайшемъ достоин-  
ствѣ изобрѣтенія и исполненія ихъ  
совершенно справедливо. Графъ Тол-  
стой есть просвѣщеннѣйшій изъ ху-  
дожниковъ русскихъ. Дарованія его  
необыкновенны, а любовь къ иску-  
стствамъ безпримѣрна, и особенно у  
насъ, гдѣ фамильные титла нерѣдко  
предпочитаются тѣмъ дарамъ, кото-  
рые даетъ природа и которые выше  
всѣхъ даяній свѣта. Шиловъ извѣстенъ  
нѣкоторыми весьма достойными рабо-  
тами. Портретъ Александра, вырѣзан-  
ный Шиловымъ, весьма похожъ. Доб-  
рохотовъ отличается въ рѣзьбѣ на  
камняхъ чрезвычайною чистотою, точ-  
ностію и пріятностію исполненія. Онъ  
большой практикъ и въ отдѣлкѣ са-  
мыхъ малѣйшихъ предметовъ неподра-  
жаемъ.

Изъ современныхъ зодчихъ отлич-  
ияйшіе суть: Стасовъ и Мельниковъ.

Стасовъ произвелъ весьма много зда-  
ний казенныхъ и частныхъ. Изъ пер-  
выхъ лучшимъ почитается главный ко-  
нюшенный дворъ, здѣсь въ С. Петер-  
бургѣ по его проекту возобновлен-  
ный. Характеръ архитектуры Стасова  
важенъ, подробности хорошей сораз-  
мѣрности, стиль чистый. Стасовъ пер-  
вый началъ употреблять у насъ древ-  
ній дорическій орденъ въ колоннахъ.

Мельниковъ имѣть способности не-  
обыкновенные и чрезвычайно много  
вкуса. Его пропорціи изящны. Одарен-  
ный пылкимъ воображеніемъ, онъ  
во всемъ оригиналъ. Старообрядче-  
ская церковь, сооружаемая здѣсь въ  
С.-Петербургѣ по проекту Мельнико-  
ва, есть одно изъ лучшихъ произве-  
деній новѣйшей архитектуры въ Рос-  
сии и, смѣло скажу, ни отколѣ не за-  
имствованное. Въ сей церкви одинъ

только главный недостатокъ: она не изъ мрамора; если же есть другіе, то они ничтожны.

Мнѣ случилось видѣть проекты Михайлова, Стасова и Мельникова, дѣланые ими для соборной церкви въ столицѣ. Всѣ они превосходны; всѣ доказываютъ, что зодчие сіи обладаютъ величайшими дарованіями. Не беру на себя рѣшить, который изъ сихъ проектовъ превосходнѣе; но еслибы ты потребовалъ моего мнѣнія, я сказалъ бы по чистой совѣсти: проектъ Михайлова прекрасенъ, проектъ Стасова величественъ, проектъ Мельникова прекрасенъ и величественъ. Я понимаю здѣсь самый послѣдній проектъ Мельникова. Онъ дѣлалъ ихъ весьма много, и сколь разнообразны они ни были, всегда держался главной мысли: правильной формы въ планѣ съ портиками равной соразмѣрности со всѣхъ четырехъ сторонъ. Гомзинъ,

Беретти, Калашниковъ, Дудинъ, художники съ большими достоинствами. Первые два живутъ въ Петербургѣ и произвели много прекрасныхъ зданій. Беретти также трудился надъ проектомъ соборной церкви, который послѣ трехъ, упомянутыхъ выше, достоинъ занять первое мѣсто.

Нельзя забыть Витберга, который получилъ славу зодчаго проектомъ своимъ храма Спасителю. Хотя многіе зодчіе, и въ томъ числѣ знаменитый Гваренги, находили въ семъ проектѣ недостатки; но по смѣлости мысли и необъятной огромности, это произведение исполинское. Въ послѣдствіи художникъ много занимался обработываніемъ сего проекта, и вѣроятно нынѣ онъ весьма улучшень. Витбергъ былъ воспитанникъ Академіи и весьма хороший живописецъ. Не это ли причиною, что зодчіе были неравнодушны къ быстрымъ успѣхамъ его въ ихъ

искусствъ и слишкомъ строго судили  
первый его опытъ?

Молодые художники: Глинка, два  
брата Тоны, Эльсонъ, Мейеръ и А.  
Брюловъ даютъ о себѣ весьма большія  
надежды. Послѣдній обѣщаетъ быть  
притомъ и славнымъ живописцемъ.

Литейное искусство доведено въ  
Россіи до совершенства. Нигдѣ въ  
свѣтѣ не отливаются такъ счастливо,  
такъ чисто и такихъ большихъ про-  
изведеній, какъ у насъ. Симъ обяза-  
ны Екимову, мастеру единственному  
въ своемъ дѣлѣ. Можаловъ былъ от-  
личный литейщикъ въ царствованіе  
Екатерины.

Вотъ, любезный другъ, исчисленіе  
лучшихъ нашихъ художниковъ и са-  
мое поверхностное понятіе объ от-  
личительныхъ достоинствахъ каждого.  
Я не могъ тебѣ поименовать всѣхъ,  
заслуживающихъ того: говорилъ о тѣхъ  
только, которые въ продолженіе жизни

своей имѣли случай сдѣлаться извѣстными, или теперь подаютъ надежды. Но сколько было такихъ, которые скончались рано! Ротчевъ, Яненко живописцы, Воротиловъ, Моисеевъ, Кащенко ваятели, Есаковъ медальеръ и множество другихъ были люди весьма достойные, и особенно Кащенко, гекій, какіе рѣдко являются. Убіеніе младенцевъ, эскизы изъ обожженной глины въ Эрмитажѣ, и взятіе Божіей Матери на небо барельефъ въ Казанской церкви, произведенія Кащенки, заставляютъ всегда жалѣть о прежде-временной его смерти.

Объ иностранцахъ - художникахъ, посвящавшихъ дарованія и искусство свое служенію Россіи, не могу говорить подробно. Со временемъ Екатерины и до сихъ поръ у насъ ихъ было очень много. Всякой изъ нихъ болѣе или менѣе былъ полезенъ, но услуги Гваренги, Томона и Дойена

незабвенные. За нихъ можно всегда благодарить Европу. Гваренги и Томонъ произвели при Александрѣ образцового зданія; Дойенъ, служа въ Академіи, способствовалъ образованію лучшихъ нашихъ живописцевъ. Изъ зодчихъ мы имѣли еще Камерона, Брени, художниковъ достойныхъ. Теперь имѣемъ Росси (ученика Брени) и Монферана, коему довѣрено сооруженіе Исакіевской церкви. Всѣ сіи и другіе художники имѣютъ полное право на нашу признательность, но гордиться можемъ только Русскими.

Теперь позволь представить тебѣ нѣкоторыя общія замѣчанія мои о состояніи художествъ въ Россіи.

Русская школа начало получила отъ Лосенка по части искусствъ подражательныхъ и Какоринова по части зодчества. Слѣдовавшіе за Лосенкомъ художники держались принятыхъ отъ него правилъ, въ которыхъ отражался

вкусъ времени. Мартосъ примѣромъ своимъ доказалъ преимущество подражанія древнимъ. Егоровъ и Шебуевъ утвердили хороший вкусъ. Симъ художникамъ школа наша наиболѣе обязана; и если какой либо своеобразный новый гений не уклонится отъ настоящаго пути и не повлечеть за собою толпу, то живопись и ваяніе достигнутъ у насъ совершенства. Время это не далѣко. Учрежденіе русской галлереи при Эрмитажѣ и сооруженіе двухъ храмовъ Спасителю въ Москвѣ и Исаакіевскаго въ С.-Петербургѣ, дадутъ новую жизнь художествамъ; а ты знаешь, что художники всегда являлись тамъ, где была въ нихъ потребность. Сверхъ того мы имѣемъ тысячи церквей, въ которыхъ живопись съ распространеніемъ вкуса будетъ безъ сомнѣнія замѣнена лучшнею. Вотъ весьма важныя причины возможности

возвышенія подражательныхъ худо-  
жествъ въ Россіи.

Въ чужихъ краяхъ менѣе имѣютъ  
нужды въ произведеніяхъ значущихъ.  
Тамъ все наполнено. У насъ напро-  
тивъ. Мы имѣемъ нужду въ нихъ. У  
насъ ихъ еще слишкомъ мало.

Зодчество въ Россіи сдѣлало бы-  
стрѣйшіе успѣхи, потому что пот-  
ребность въ прекрасныхъ зданіяхъ го-  
раздо существеннѣе для народа, недо-  
стигшаго еще высшей степени обра-  
зованности, нежели въ произведеніяхъ  
живописи и ваянія. Старовъ, Баже-  
новъ, Волковъ были преемниками Ка-  
коринова, но стиль ихъ былъ строже  
и чище. Захаровъ утвердилъ вкусъ  
чистый. Нынѣшнимъ художникамъ ос-  
тается идти прямымъ путемъ.

Вліяніе хорошаго вкуса въ отдален-  
ныхъ краяхъ Россіи примѣтилъ въ  
зодчествѣ, нежели въ живописи и вая-  
ніи. Ваятели трудятся только для пра-

вительства и немногихъ людей частныхъ; въ провинціяхъ они были бы безъ хлѣба; а произведенія живописныя историческія и въ столицахъ и внѣ столицъ болѣе требуются для церквей; но понятія требователей еще не образовались столько, чтобы можно было произвести художнику что либо превосходное.

Одно правительство ничего не щадить для художествъ. Оно одно ихъ поддерживаетъ. Оно одно ихъ питаетъ.

Публика наша (я говорю о такъ называемой лучшей, которая вездѣ поддерживаетъ искусства) начинаетъ любить художества своего отечества: это доказываетъ общество поощренія художниковъ; но истинныхъ любителей мы имѣемъ слишкомъ мало. Предубѣжденіе въ пользу иностранцевъ не совсѣмъ исчезло. Любовь къ искусствамъ есть, но нѣтъ любви къ русскому. Повѣриши ли, въ Петер-

бургъ нѣтъ ни одного богача, который бы имѣлъ у себя собраніе русскихъ произведеній, при всемъ томъ, что нѣтъ ни одного рода художества, въ которомъ бы мы не имѣли художниковъ превосходныхъ, и что есть множество галлерей, наполненныхъ и прекрасными и весьма посредственными иностранными произведеніями.

Немногіе наши художники извѣстны въ чужихъ краяхъ, потому что произведенія русскія не гравируются. Если бы это было, то я увѣренъ, что и здѣсь узнали бы многіе, что въ Россіи художества давно уже находятся на степени высокой.

Писатели наши молчать о русскихъ художникахъ; потому ли, что не многіе изъ нихъ знакомы съ художествами, или по другой какой причинѣ, судить не мое дѣло. Представь, что даже и то, что я наскоро написалъ тебѣ, показалось бы для большей ча-

сти нашей публики новостію неслышанною. Я готовъ быль бы даже просять тебя, чтобы ты послалъ мои письма для напечатанія въ какомъ либо періодическомъ изданіи, если бы они были болѣе обработаны. Впрочемъ теперь ты ихъ владѣлецъ. Они въ полной твоей волѣ.

Прощай, мой другъ! Если ты не совершенно удовлетворенъ, не гнѣвайся на меня. Со временемъ надѣюсь написать что нибудь о состояніи художествъ въ Россіи и подробнѣе и доказательнѣе. Теперь я сдержалъ слово, представилъ тебѣ очеркъ состоянія ихъ: и этого на сей разъ довольно.

В.....—

## ОТРЫВОКЪ.

ИЗЪ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ Д.

— — —

Изъ Азіи перебрали мы въ Европу \*) на кораблѣ. Я тотчась отправился на такъ названную *Митридатову гробницу* (развалины какой-то башни); тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикопеи не сильно подействовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфаѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды

\*) Изъ Тамани въ Керчь.

блестали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденные горы..... „Вотъ Четырдагъ“, сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснуль. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картины плѣнительные: разноцвѣтныя горы сияли; плоскія кровли хижинъ татарскихъ издали казались ульями; прильпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ..... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный.....

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ разнодушiemъ и безпечностю Неаполитанского Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря

и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ. похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзупѣ оставило у меня въ памяти.

Я обѣхалъ полуденный берегъ, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній; но страшный переходъ его по скаламъ Кикенеиса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за хвостъ татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы перѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я началъ ужъ тосковать о миломъ полуночнѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ. все еще видѣлъ и

тополи и виноградная лозы. Георгіевской монастырь и его крутая лѣстница къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Видно міѳологическія преданія счастливѣ для меня воспоминаній историческихъ; по крайней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рионы. Я думалъ стихами. Вотъ они:

Къ чему холодныя сомнѣнья?  
Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,  
Гдѣ крови жаждущимъ богамъ  
Дышились жертвоприношенья;  
Здѣсь успокоена была  
Вражда свирѣпой Эвмениды;  
Здѣсь провозѣстница Тавриды  
На брата руку занесла;  
На сихъ развалинахъ свершилось  
Святое дружбы торжество,  
И душъ великихъ божество  
Своимъ созданьемъ возгордилось.

.....  
Ч—, помнишь ли былое?  
Давно ль съ восторгомъ молодымъ

Я мыслилъ имя роковое  
Предать развалинамъ инымъ?  
Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,  
Теперь и лѣнь и тишина,  
И въ умиленьи вдохновенномъ,  
На камнѣ, дружбой освященномъ,  
Пишу я наши имена.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной.  
Я прежде слыхалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К\*\* поэтически описывала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дворецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полуевропейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины гарема и на ханскоѳ кладбище.

Но не тъмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ говорить М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму, а то бы непремѣнно имъ воспользовался.

Растолкуй мнѣ теперь: почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелестъ неизъяснимую? Отчего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?



## ТРАКТИРНАЯ ЛѢСТНИЦА.

I had baried one and all  
Who loved me in a human shape;  
And the whole earth would henceforth be  
A wider prison unto me:  
No child—ne sire—no kin had I,  
No partner in my misery;

Byron.

Все, что зналъ, все, что любилъ,  
Я невозвратно скончалъ,  
И въ области веселой дні  
Никто ужъ не жилъ для меня!  
Безъ мѣста на пиру земцомъ,  
Я . . . лишній гость на немъ.

Жуковскій.

Я путешествовалъ довольно по свѣту,  
и если обстоятельства не всегда были  
благопріятны для наблюденій надъ цѣ-

лыми странами, по крайней мѣрѣ я не пропускалъ случаевъ рассматривать людей въ частности, и рѣдко проходило, чтобы наблюденіе человѣка не было для меня поучительно. Такимъ образомъ, въ одно изъ моихъ путешествій, я узналъ замѣчательнаго старика, исторію котораго постараюсьъ разсказать здѣсь, какъ умѣю.

Въ 1815 году, когдаѣхалъ я монемъ въ чужie краи, мнѣ надобно было остановиться на нѣсколько дней въ Копенгагенѣ, которой хотя и былъ мнѣ известенъ, но за всѣмъ тѣмъ привлекалъ еще мое любопытство. Ничѣмъ незанятой, съ утра до вечера бродилъ я по городу, или гулялъ по живописнымъ окрестностямъ и любовался видомъ прекраснаго Зунда. Въ королевской трактирѣ, гдѣ была моя квартира, приходилъ я только для обѣда и ночлега; за общимъ столомъ занимали меня путешественники всѣхъ націй,

которые большею частію останавливались въ сей столицѣ для отдыха послѣ морскаго пути, совершаемаго ими въ которой нибудь изъ портовъ Балтики; или оттуда въ прочія части Европы; ввечеру я приводилъ въ порядокъ въ своемъ журналѣ мысли и замѣчанія, сдѣланныя въ продолженіе дневныхъ моихъ бродяжничествъ.

Комната моя была прямо противъ большой лѣстницы; рядомъ со мною жилъ дряхлый старикъ, котораго каждое утро трактирной слуга вывозилъ на креслахъ съ колесами къ лѣстницѣ, увозилъ въ комнату для обѣда и послѣ снова вывозилъ до вечера. Слуга, котораго спросилъ я о немъ, могъ только сказать, что онъ знаетъ его очень давно, и что всякое утро ходить смотрѣть, не умеръ ли этотъ скучной старикъ, которой, не смотря на то, что платить хорошо за услуги, надоѣль всѣмъ въ трактире своимъ единообраз-

нымъ поведеніемъ и молчаливостью. Хозяинъ зналъ не болѣе; онъ сказалъ мнѣ его имя, сосчиталъ богатство, говорилъ много; но со всѣмъ тѣмъ я ничего не узналъ, ни кто онъ, ни почему избралъ такой странной родъ жизни.

Этаго однакоже довольно было, чтобы возбудить любопытство: я началъ наблюдать за стариюмъ. Проживши нѣсколько дней въ трактирѣ, я считалъ себя нѣкоторымъ образомъ въ правѣ съ нимъ кланяться, какъ со знакомыми; иногда сказать ему: доброе утро, или похвалить погоду, и съ удовольствиемъ замѣтилъ, что участіе живаго существа ему было приятно. Датчане, какъ и всѣ сѣверные германскіе народы, не очень общежительны, и любопытства нельзя поставить имъ въ порокъ. Скупость, эгоизмъ и жизнь каждого про себя дѣлаютъ то, что со сдѣль боятся поклониться сосѣду, чтобы не ознакомиться съ нимъ короче,

и часто люди, живущие другъ подъ друга всю свою жизнь, не только не знакомы, но даже не знаютъ одинъ другаго по имени. По этому самому я былъ, можетъ, единственной человѣкъ, привѣтствовавшій учтиво старика, которой, время отъ времени, привыкалъ ко мнѣ болѣе и болѣе. Ему пріятно было вниманіе чужестранца; кланяясь мнѣ, онъ снималъ теплой свой картузъ и долго смотрѣлъ за мною въ слѣдъ, не покрывая своей головы, съ которой остатки бѣлыхъ волосъ вились рѣдкими кудрями по плечамъ.

Физіономія его была пріятна, но чрезвычайно печальна; часто по цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ у лѣстницы, не примѣчая прохожихъ; но иногда какой-то признакъ улыбки склонялъ туманъ съ блѣднаго лица, и большіе голубые глаза его оживлялись любопытствомъ. Видно было, что онъ съ особымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на

молодыхъ людей; но при видѣ женщины черты его перемѣняли выраженіе. Онъ смотрѣлъ въ ту сторону, куда она проходила; взоры его останавливались въ этомъ положеніи; голова склонялась на руку, и я часто, изъ своей комнаты, сквозь полурастворенную дверь видаль, какъ онъ отиралъ слезы.

Наконецъ я принялъ въ немъ самое живое участіе; началь чаше говорить съ нимъ, даже сидѣть вмѣстѣ у лѣстницы. Со всѣмъ тѣмъ замѣтилъ, что онъ охотнѣе спрашивалъ, нежели отвѣчалъ на моя вопросы. Въ разговорѣ его много было ума и образованія; и хотя онъ берегъ слова, но короткіе вопросы и еще кратчайшіе отвѣты имѣли въ себѣ удивительную силу опыта и здраваго разсудка. По немногу онъ привыкъ ко мнѣ, любилъ слушать мои разсказы, любилъ спрашивать о моемъ отечествѣ: подемотрѣвъ, что я

веду журналъ, любилъ, чтобъ я прочитывалъ ему свои замѣчанія: для меня это было незатруднительно; потому что, готовясь жить въ Германіи, я писалъ для практики журналъ свой на нѣмецкомъ языкѣ. Такимъ образомъ я довѣрялся, не требуя взаимной довѣренностіи, и это былъ лучшій способъ выиграть ее.

Однажды, возвратясь съ утренней прогулки, остался я послѣ обѣда, за дурною погодою, дома, и, записавъ винное мною въ тотъ день, вышелъ къ своему старику и сѣлъ съ нимъ у лѣстницы.

—Вы писали? спросилъ онъ меня. Желалъ бы очень слышать сегодняшніе ваши случані.

—Охотно прочитаю, сказалъ я: сегодня для меня была пріятная прогулка. Съ сими словами я развернулъ тетрадку своего журнала и началъ:

„Сентября 15 погода по утру прекрасная. Надобно было посѣтить академію художествъ, гдѣ мнѣ хотѣлось посмо-трѣть работы славнаго Торвальдсена. Я обѣжалъ всѣ залы и нашелъ только одно его ученическое произведение: Амура и Психею. Оно изрядно. Чего же болѣе для ученика? Другаго ниче-го нѣть замѣчательнаго“.

Я вышелъ за городъ по дорогѣ, ве-  
душей къ королевскому звѣринцу. Съ  
лѣвой стороны разсѣяны были прѣ-  
красные загородные домики, съ пра-  
вой Зундъ катилъ свои свѣтлозеленыя  
волны. Песчаная дорога вскорѣ уто-  
мила меня, и я, не дошедъ до звѣрин-  
ца, сѣлъ на камень подлѣ самой воды.  
Легкіе набѣги струй спокойнаго моря  
взливались почти до ногъ моихъ и  
образовали во всю длину отлогаго пе-  
счанаго берега узкую черту прибитой  
травы, вымываемыхъ камешковъ и  
раковинъ. Черта сердитаго моря была

выше на берегъ и далеко за миою; видна была граница, до которой докатывались бурныя волны; тутъ они оставляли обломки, обрывки снастей и пеньу своей ярости. Трава не смѣла расти на мѣстѣ, подверженномъ ихъ нападенію; но далѣе за границей разцвѣтали въ безопасности и подорожникъ, и цикорій, и серебристая мать и мачиха. Въ проливѣ свѣтлѣла вода какъ зеркало: корабли, при западномъ вѣтеркѣ, бѣжали въ обѣ стороны на югъ и на сѣверъ. Множество лодочекъ, покачиваясь подъ парусами, бороздили воду во всѣхъ направленіяхъ, будто гоняясь за тѣнью легкихъ облаковъ, летѣвшихъ по вѣтру и отражавшихъ образъ свой въ гладкой поверхности моря, на которое изрѣдка набѣгала мелкая рябь отъ вѣтерка, временно вырывавшагося изъ-за берега.

Каменистые холмы Шведскаго берега и на немъ Карлскrona были пря-

мо предо мною и подъ золотыми утренними испареніями живописали всю картину. Облака летѣли надъ мою головою къ востоку и скрывались за сѣрымъ Шведскимъ берегомъ; я провожалъ ихъ взорами, и мысли мои неслись вмѣстѣ съ ними къ родинѣ моей. Шелестъ волнъ, ласкавшихся къ прибережнымъ камешкамъ, прелесть ландшафта, воспоминанія, возбужденныя мыслями объ отечествѣ, погрузили меня въ мечты; память перелетала отъ случая къ случаю и съ грустью остановилась на обстоятельствѣ, побудившемъ меня къ путешествію. Я вспомнилъ и ласки надежды, и вѣроломные обманы счастія.

Мои мысли были печальны; я отвернулся отъ моря и увидѣлъ другую картину: по ту сторону дороги, сквозь ворота низенькой изгороди, увидѣлъ я подъ опрятного домика на скамейкѣ безногаго, но еще не стараго сол-

дата. Двое здоровыхъ мальчиковъ прибивали къ стѣнѣ домика грушевое дерево; двое другихъ катали обручемъ; пятаго инвалидъ, посадивъ на деревянную ногу свою верхомъ, качалъ, пропѣвалъ веселую пѣсню. Я подошелъ къ нему и попросилъ напиться. „Сию минуту, сударь,“ сказалъ онъ, приложивъ руку къ фуражкѣ, и закричалъ женѣ своей въ окошко, чтобъ она вынесла пива. „Не угодно ли вамъ прѣѣсть, пока она нацѣдитъ,“ продолжалъ онъ. Я сѣлъ съ нимъ на каменную скамейку и, похваливъ дѣтей, спросилъ съ участіемъ, гдѣ онъ потерялъ ногу?

Онъ рассказалъ мнѣ обѣ осадѣ Копенгагена Англичанами, при которой пушечное ядро лишило его возможностей продолжать службу; какимъ образомъ послѣ сего онъ женился и живеть небольшою пенсіею, счастливъ и bla-

гополученъ, посреди своего семейства съ милою женою.

Разсказъ его былъ коротокъ, но чувствованія благодарности къ Провидѣнію, выраженные имъ съ горячностію, и противуположность моихъ мыслей съ картиною семейственнаго счастья, тронули меня за сердце, особенно, когда прекрасная женщина вынесла мнѣ на тарельѣ пару большихъ грушъ и въ кружкѣ пива, а служивой, взявъ ее за руку, продолжалъ: „Такъ сударь, я счастливъ, и не смотря на то, что бѣденъ и безъ ноги, любимъ доброю Бертою; на что мнѣ послѣ этого богатство, когда я съѣдѣ и счастливъ въ своемъ семействѣ теперь, а въ позднія лѣта надѣюсь быть утѣшенъ и прозрѣнъ попеченіями дѣтей своихъ“.

Я взялъ кружку изъ рукъ хозяйки и, чтобы скрыть проступившія на глазахъ моихъ слезы, дѣялъ усилие пропустить нѣсколько глотковъ....

Я былъ остановленъ рыданіями старика, который, закрывъ одною рукою лицо, махалъ другою, какъ бы упрашивая не продолжать болѣе.

Испуганный, я не зналъ чему приписать это, припадку ли, или моему чтенію. Горесть имѣть въ себѣ нѣчто торжественное и внушаетъ какое-то почтеніе; иногда самое утѣшеніе бываетъ не у мѣста, и потому я, со стѣсненнымъ сердцемъ, безмолвно ожидалъ, пока пройдетъ сила первого возмущенія. Старикъ скоро открылъ свое лицо, протянулъ ко мнѣ руку и съ усилемъ голоса просилъ извиненія, что встревожилъ меня. „Я постараюсь вамъ заплатить за это, продолжать онъ, и какъ скоро соберусь съ силами, то разскажу вамъ, почему вы видѣли слезы мои“. Онъ позвонилъ; слуга увезъ его въ комнату.

Прошло нѣсколько дней точно такихъ же, какъ и прежде. Старикъ по

прежнему сидѣлъ у лѣстницы, но былъ очень слабъ. Наконецъ мнѣ надобно былоѣхать: я сказалъ ему обѣ этомъ за день до отѣзда, и казалось, что это извѣстіе тронуло старика.

„Мнѣ жаль, что разстаюсь такъ скоро съ вами, сказалъ онъ. Однако же надобно исполнить свое обѣщаніе: не откажитесь обѣдать сего дня у меня, и вы услышите мою исторію, молодой человѣкъ“.

Я далъ слово.

За обѣдомъ старикъ противъ обыкновенія хотѣлъ казаться веселымъ; часто слова его сопровождались пріятными шутками, но минутная улыбка тотчасъ исчезала съ лица его, омраченного выраженіемъ горести. Такъ точно потѣшной огонь, блеснувъ ночью на нѣсколько секундъ, оставляетъ послѣ себя еще болѣшую темноту, нежели прежде.

Это было осенью. Въ шесть часовъ

уже смеркалось. Стариkъ будто дожидался времени, въ которое сердце человѣческое, по какимъ-то непонятнымъ побужденіямъ, становится смѣлѣе, довѣрчивѣе и откровеннѣе.

Кофе былъ снятъ, столъ убранъ; мы сидѣли другъ подлѣ друга на софѣ; сердце мое билось отъ ожиданія. Наконецъ послѣ долгаго молчанія стариkъ началъ.

„Я вступилъ въ свѣтъ 19 лѣтъ, съ отличнымъ образованіемъ, съ большимъ богатствомъ, съ хорошимъ именемъ, съ живымъ и пылкимъ характеромъ и блестящими надеждами на будущее: передо мною открыто было поприще гражданской службы; я занялъ видное мѣсто; мои способности, со вспомогательными средствами образования и богатства, обѣщали мнѣ въ свѣтѣ всѣ почести. Ревность къ службѣ, снискавшая мнѣ довѣренность вышнихъ начальниковъ, ручалась за

постоянство успѣха на пути къ отли-  
чиямъ. Я былъ любимъ въ обществѣ  
и уважаемъ товарищами. Казалось,  
ничего мнѣ не доставало къ моему  
возвышенію.

Юность, ловкость, богатство, завлекали меня часто въ любовныя связи, но никогда сердце не участвовало въ сихъ успѣхахъ тщеславія. Предоставленный рано самому себѣ, я сдѣлался вѣтренникомъ, и, надменный и вскользь легкими побѣдами, началъ не уважать женщинъ. Я не зналъ, какого наслажденія лишалъ себя, теряя это благороднѣйшее чувствованіе, которое одно только доставляетъ намъ истинное на землѣ счастіе.

Я сдѣлался гордъ, независимъ въ своихъ поступкахъ; сердился на свѣтъ, и скучалъ всѣми его удовольствіями. Судьба слишкомъ рано поставила меня выше товарищей, и потому я не находилъ себѣ равнаго. Къ женщи-

намъ я былъ уже совершенно равнодушенъ. Въ такомъ пресыщении души и холодности сердца, достигъ я до двадцатипятилѣтняго возраста, наскучивъ жизню, подобно многимъ любимцамъ счастія, избалованнымъ преждевременными успѣхами въ свѣтѣ.

Такое существованіе мало приличествовало моему пылкому характеру. Дѣятельность службы занимала только умъ; сердце же, по ошибочному направленію, искавшее занятія въ разсвѣянности, не находило пищи и снѣдало само себя.

Миѣ предлагали жениться; но мнѣніе, составленное о женщинахъ, и какое-то удаленіе отъ дѣвицъ, между которыми не встрѣчалъ еще ни одной, обратившей моего вниманія, отвлекали меня отъ супружества.

Однако же часъ мой насталъ. Въ одномъ обществѣ я увидѣлъ дѣвицу, которой красота и скромной видъ по-

разили меня. Сначала по гордости чувствованій думалъ я, что смотрю на нее, какъ художникъ на прекрасное изображеніе; но когда мнѣ сказали, что она уже невѣста, тайная горестъ, овладѣвшая душою, и образъ ея, не оставлявшій моихъ мыслей, показали, что я заплатилъ дань любви. Не знаю, было ли бы продолжительно впечатлѣніе, сдѣланное милою дѣвушкою, если бъ она была свободна, или, по своеестественному человѣческой природы, желанія наши возбуждаются одними препятствіями, только огонь неиспытанной страсти загорѣлся въ сердцѣ моемъ со всею силою.

Свадьба той, которая умѣла внушить незнакомыя чувствованія, лишила меня вовсе спокойствія. Не подозрѣвая за собою любви, я думалъ сначала, что терзанія сердца были движеньями оскорблennаго самолюбія, и что мнѣ должно отнять то сокровище,

которымъ владѣлъ другой не по праву; свое же право я поставлялъ въ томъ, что оно мнѣ нравилось, следовательно должно было принадлежать мнѣ.

Не буду описывать, какъ и послѣ какихъ долгихъ покушеній, отъ которыхъ надобно было устоять только свыше, нежели человѣку, я восторжествовалъ надъ милою женщиной; скажу только, что исканія мои начались отъ самолюбія, кончились самою пламенною любовью, и эта любовь рѣшила участіе моей жизни.

Нѣсколько мѣсяцевъ протекли въ совершенномъ блаженствѣ; тайна остыла чувствованіе наслажденія. Я переселился въ новый для себя міръ, оживленный собственными чувствованіями; казалось, все въ немъ создано было для нашего счастія: небо было сѣвѣтлѣе; скука, туманившая землю, исчезла; люди казались добрѣе; согрѣ-

тая душа моя отверзлась вновь для благодарныхъ чувствованій. То, чему я пересталъ вѣрить, возобновилось во мнѣ съ удивительною свѣжестью. Эгоизмъ, возрожденный холоднымъ наблюденiemъ, исчезъ; мѣсто его заступила жаркая любовь къ ближнему; я сталъ счастливѣе и добродѣтельнѣе.

Такъ думалъ я основать свое счастье; но увидѣлъ, что преступныя чувствованія, какъ бы ни казались они возвышенными, не ведутъ настѣ никаогда къ благополучію. Вскорѣ ядъ ревности отравилъ общее наше спокойствіе. Мужъ моей любезнай началь подозрѣвать наше обращеніе. Домашнія ссоры заступили мѣсто согласія, и привязчивость ко мнѣ возрастала безпрестанно. Я долженъ былъ терпѣть, потому что любилъ пламенно. Всѣ оскорбления, сдѣланныя моему самолюбію, считалъ я ниже чувствованія, заставлявшаго переносить ихъ;

\*

самая совѣсть, вмѣшиваясь въ разсужденія мои, твердила, что я заслуживалъ это, и потому, слѣдя внушенніямъ благоразумія, успѣвалъ я иногда успокоивать встревоженные подозрѣнія ревности; но не менѣе того причина подозрѣній всегда существовала; миръ семейственный былъ нарушенъ; брюзгливость водворилась между супругами, и лучшіе люди, отдаляясь другъ отъ друга, близки были къ ненависти.

Чтобы отвлечь подозрѣнія, снова началъ посѣщать я противу воли общества и по старому ласкаться къ женщинамъ большаго свѣта. Никакая мысль измѣны не могла найти мѣста въ сердцѣ моемъ, полномъ любви; но неопытность юной подруги моей, ея младенческая довѣрчивость, моя дурная слава, укоренившаяся во мнѣніи общемъ и наконецъ подтверждаемая собственнымъ ея опытомъ, заставля-

ли бояться моей невѣрности. Увѣренія мои, что такое поведеніе нужно для спокойствія общаго, не дѣйствовали: она была несчастна отъ ревности мужа, но собственная ревность дѣлала ее несчастною вдвое. Не въ состояніи воздерживаться пламенныхъ чувствованій своихъ, часто измѣняла она своей страсти, не взирая на присутствіе постороннихъ людей, не смотря на беспокойный и бдительный надзоръ своего мужа. Живой и пылкой характеръ ея принималъ глубоко впечатлѣнія. Какъ часто видалъ я иѣжное лицо ея, оживленное улыбкою удовольствія и неподѣльною прелестью выражавшемся во взорахъ любви, измѣнявшимся совершенно: въ одно мгновеніе румянецъ пропадалъ, блѣдность и судорожное онѣпеніе губъ замѣняли улыбку. Краска выступала снова, но не та, которая даетъ новую прелесть красотѣ:

глаза сверкали и потухали; дыханіе замирало. Это бывало въ обществахъ; наединѣ горестнѣйшія сцены меня ожидали: я бывалъ обремененъ всѣми проклятіями, которыя влечетъ за собою сознаніе преступленія.

Этого было еще недовольно къ моему несчастію: мною овладѣло чувствованіе, похожее на ревность, но которого точно опредѣлить не умѣю. Я не могъ упрекнуть любимую женщину ни даже въ тѣни невѣрности, обвинить хотя въ легкомысленномъ взгляде, уважалъ ея добродѣтель въ самой слабости; но мысль, что она должна была дѣлить свое сердце, волею или неволею, умерщвляла совершенно душу мою. Эта мысль была тѣмъ мучительнѣе, что нечистой источникъ ея былъ въ собственномъ моемъ сердцѣ; подозрѣніе обыкновенной ревности гнѣздится только въ воображеніи: мужъ, угибавшій жену свою ревностью, и

она, отравлявшая тѣмъ же всѣ минуты жизни своей, могли только подозрѣвать; но подозрѣніе неутвержденное имѣть и свои покойныя минуты. А мнѣ, мнѣ же не вѣрь чѣмъ было со мнѣваться! Одно имя мужа приводило меня въ трепетъ; приближеніе его къ любимой мною особѣ оледеняло всю мою внутренность; мучительная досто-вѣрность, увеличиваемая чувствованіемъ безсилія къ отвращенію наносимыхъ имъ оскорблений, которыя онъ дѣлалъ мнѣ умышленно извѣтльными своими супружескими ласками, наполнила все мое существованіе ужаснѣйшими терзаніями. Бывали минуты, когда я забывалъ самъ себя; когда кровь, застывая капля по каплѣ въ сердцѣ, вдругъ разливалась жгучимъ пламенемъ по жиламъ. Тогда я готовъ былъ броситься на противника своего какъ тигръ и растерзать его; но кроткой и умоляющей взглядъ любви обезоружи-

валъ меня, и я, дѣлая жесточайшій переломъ чувствованій своихъ, вонзalъ ножъ въ собственное сердце.

Таково было начало непозволительной любви, въ которой многie думаютъ искать своего счастія. И хотя дѣйствительно бывають минуты, которыхъ нельзя купить ни за какія сокровища земныя; но эти минуты кратки, и не въ состояніи выкупить послѣдующіе за ними дни горестей и раскаянія.

Хладнокровный человѣкъ спросилъ бы: почему же ты, чувствуя такія муки, не перемѣнилъ своихъ поступковъ и для общаго спокойствія не сдѣлалъ усилия разорвать преступную связь?

Я бы отвѣчалъ тогда и отвѣчаю теперь, что такая любовь подобна падению человѣка, которой, сдѣлавъ неосторожной шагъ съ крутой горы, не можетъ уже остановиться и, не взи-

рая на всѣ усиліи, только увеличивать скорость своего бѣга; наконецъ, увлекаемый непреоборимою силою, падаетъ въ разверстую предъ нимъ пропасть невозвратно.

Такъ было и съ нами. Несчастія наши увеличивались; но они, казалось, раздѣляя, болѣе стягивали узелъ, насы соединявшій. Связь наша еще болѣе утвердилась союзомъ отеческой любви. Тайна осталась неразгаданною для супруга: онъ считалъ себя счастливымъ отцомъ прекраснаго мальчика, для котораго родительскія ласки его были неистощимы. Съ какою завистью смотрѣлъ я на его восхищеніе, на тѣ почченія, которыми онъ осыпалъ младенца! Сердце мое терзалось отъ горести и негодованія, что я долженъ скрывать, что не могу дать свободы жаркому и священнѣйшему чувствованію природы. Но я вымѣщалъ изъявленіе любви своей на другихъ дѣ-

тяхъ; ласки мои даже были наистовы: часто доходило до того, что я плакаль вмѣстѣ съ ребенкомъ, испуганнымъ отъ стремительности восторговъ, которыми вознаграждалъ я свое принужденіе. Это принужденіе и негодованіе росли вмѣстѣ съ мальчикомъ, кото-рого слѣпая любовь отца дѣлала образцомъ баловства и дурныхъ привычекъ. Преступленіе боязливо, и робкая любовь матери не имѣла силы останавливать успѣховъ безнравственного воспитанія сына, не смотря на всѣ мои убѣжденія. Ребенокъ въ пять лѣтъ превосходилъ всѣ примѣры сверстниковъ въ дурныхъ поступкахъ, и каждая минута его возраста была моимъ мученіемъ: я казнился собственными своими дѣлами.

Общія наши несчастія увеличивались съ минуты на минуту. Съ трудомъ возстановляемое согласіе раз-строивалось безпрестанно: спокойствіе

было нарушено. Въ продолженіе этого времени горестное мое положеніе, обратившее всѣ мысли и способности мои къ одному предмету, отняло у меня нравственныя силы для занятія чѣмъ либо другимъ. Я началъ небречь обществомъ, службою, собственными дѣлами. Люди прозвали меня дикаремъ; начальство остерегалось дѣлать какія-либо порученія человѣку, который не хотѣлъ заниматься должностю. Я лишился мѣста; имѣніе было разстроено; я ни о чемъ не думалъ: непонятное равнодушіе ко всему разительно противорѣчило безпрестанному терзанію страстей моихъ: всѣ мои душевныя качества слились въ одно только чувствованіе: я пыталъ только при одной мысли: другія же мои дѣйствія отвѣнялись какою-то неизѣяснимою грустью и подавлялись при самомъ начальѣ тяжкимъ душевнымъ уныніемъ.

Страданія разрушили меня, но успѣ-

хи разрушениі еще быстрѣе дѣйствовали надъ нѣжною подругою моего несчастія. Потеря спокойствія душевнаго, порывы страстей, а болѣе ихъ принужденіе, мое положеніе, дурное воспитаніе сына разтерзали слабое сердце ея. Болѣзнь быстрыми шагами привела ее къ дверямъ гроба. Я не забуду ужасной минуты, улученной мною передъ ея кончиною. „Ты причиною моей смерти и смерти ужасной, говорила она; и умираю, не имѣя силы раскаяться, потому что еще люблю тебя. Я не уношу за предѣлы жизни ни одного утѣшительного чувствованія. Холодность къ мужу моему, рожденная твою взыскательною любовью, не оставляетъ меня при смерти; да и самая любовь моя къ тебѣ можетъ ли назваться утѣшительпою при дверяхъ гроба, когда она отравлена угрозеніями совѣсти? Помышленіе же о судьбѣ сына, мужа

„и твоей приводить меня въ трепетъ:  
„я не вижу въ будущемъ ничего кро-  
„мъ страданій. Но я тебѣ прощаю.  
„Живи, если можно, для сына!“

Старикъ остановился: дрожацій го-  
лосъ его прервался; слезы выступили  
на глазахъ. „Она умерла, сказалъ онъ  
помолчавъ, и конечно судьбѣ угодно  
было оставить мнѣ жизнь для того,  
чтобъ продолжать мои мученія до сихъ  
поръ; просто человѣческихъ силъ не-  
достало бы переносить страданія такъ  
долго.

Смерть жены открыла мужу нашу  
связь; онъ нашелъ нѣсколько писемъ,  
которыя объяснили ему даже тайну  
рожденія сына..... Онъ былъ столько  
благоразуменъ, что скрылъ отъ свѣта  
несчастіе жены и собственное..... Но  
могъ ли онъ смотрѣть равнодушно на  
дитя, которое безпрестанно напомина-  
ло ему безчестіе семейства? Нѣтъ,  
этого нельзя ему было сдѣлать.... Я

сужу по неукротимости собственныхъ страстей. И такъ холодность и отвращеніе къ ребенку увеличивались; пре-небреженное воспитаніе сдѣлало изъ него совершенного негодяя. Я не могъ видѣть его, не могъ направить склонностей; но какая-то тайная надежда быть ему полезнымъ привязывала меня къ жизни и заставляла переносить страданія души растерзанной.

Такимъ образомъ сынъ мой достигъ до 17 лѣтняго возраста, а ненависть отца до высочайшей степени: онъ не могъ долѣ скрываться и, выведенный изъ терпѣнія его дурными поступками, открылъ съ упреками тайну его происхожденія. Молодой человѣкъ, послѣ многихъ знаковъ взаимной холода-ности, рѣшился избѣгнуть презритель-наго принужденія, оставилъ родитель-скій домъ.

Вообрази, другъ мой, восхищеніе мое при этомъ случаѣ. Я думалъ, что тер-

пѣніе мое награждено; мнѣ казалось, что этотъ поступокъ возвращаетъ мнѣ сына, мои права, и что я уже не одинъ въ мірѣ. Болѣзнь прѣпятствовала мнѣ самому броситься въ объятія сына; я написалъ къ нему письмо; изъяснилъ то, что могло быть отъ него скрыто, и нетерпѣливо и радостно ожидалъ прижать къ оживленному сердцу плодъ столькихъ страданій и несчастій.... Но я жестоко обманулся въ моей лъстивой надеждѣ... сынъ мой не пришелъ... онъ прислалъ только письмо... вотъ... прочти... ты увидишь, что я не въ состояніи самъ прочесть его...

Я взялъ бумагу изъ трепещущихъ рукъ старца и про себя читалъ слѣдующее:

„Милостивый Государь!

Кто бы вы ни были, человѣкъ или чудовище, но если въ самомъ дѣлѣ дали мнѣ жизнь, то я долженъ васъ не-

\*\*

навидѣть. И какую жизнь дали вы мнѣ? Безъ семейства, безъ отца, безъ добраго имени. Кто убилъ мать и сына сдѣлалъ не человѣкомъ, не давъ ему ни имени, ни нравственности, тотъ самъ не заслуживаетъ имени отца. Прощайте! Я никогда васъ не увижу...“

Я видѣлъ, какъ глаза старика слѣдовали за движеніями моихъ глазъ и какъ черты лица его и движеніе руки выражали значеніе каждой строчки, каждого слова, вытвержденаго имъ наизусть; наконецъ онъ не вытерпѣлъ напряженія чувствъ: глаза его налились, онъ закрылъ себѣ лицо и долго рыдалъ, не могши вымолвить ни одного слова.

Моя исторія кончилась, началъ онъ, успокоившись: какой случай разительнѣе этого могу разсказать я? Я не видалъ и не слыхалъ болѣе о моемъ сынѣ. Несчастный, отчаянныи, терзаемый раскаяніемъ, тридцать лѣтъ по-

слѣдъ сего влаку тяжкую и презрительную жизнь. Мучимый совѣстю человѣкъ похожъ на того, кто осмѣлился пристально поглядѣть на солнце: онъ послѣ безпрестанно видѣть передъ глазами, куда ни оборотить ихъ, черное пятно. Это пятно ложилось на всѣ мои мысли, на всѣ дѣла, на всѣ мои поступки, и меня, пораженнаго проклятіемъ неба, дряхлость постигла въ семь положеній. Я не могъ выходить изъ комнаты, не могъ ни о чёмъ заботиться. Родственниковъ у меня нѣтъ, и люди мои, употребляя во зло слабость и невнимательность, обманывали меня безнаказанно, потому что меня ничто не тревожило болѣе. Однако же мысль о томъ, что у меня, можетъ, есть сынъ, заставила подумать о приведеніи въ порядокъ дѣлъ своихъ. Я перевелъ свое имѣніе на деньги, положилъ въ банкъ съ условіемъ, если чрезъ 20 лѣтъ не найдется мой наследникъ, то употребить капиталъ на богоугодныя дѣла.

Одна надежда увидѣть когда нибудь сына и попросить у него прощенія подкрѣпляла меня. Такимъ образомъ, живучи процентами, для избѣжанія несносной скучи, меня подавляющей, наялъ я комнату въ этомъ трактирѣ, и, чтобы не совсѣмъ раззнакомиться съ видомъ людей, заставляю вывозить себѣ къ лѣстницѣ.

И такъ ты видишь, другъ мой, что пріятная жизнь, честная служба, счастіе семейственное, удовольствія общества для меня не существовали: онѣ были сномъ, идеаломъ, къ которому стремилась душа моя, и вмѣсто блестящаго удѣла, которой обѣщали мнѣ богатство и тѣ дары, которыми щедро надѣлила меня природа, осталось мнѣ только горестное утѣшеніе сидѣть у лѣстницы и смотрѣть на прохожихъ, которые часто, смѣясь надъ участью старого холостяка, безпрестанно возобновляютъ мучительную казнь моего сердца.

Впиши мою исторію въ свой журналъ, молодой человѣкъ, продолжалъ онъ; можетъ быть, когда нибудь случится тебѣ сдѣлать изъ нея полезное употребленіе».

Онъ пересталъ; горькія слезы катились по щекамъ его. Мы разстались безмолвно.

На другое утро онъ былъ очень слабъ, когда я, выходя по утру, привѣтствовалъ его по обыкновенію у лѣстницы. Возвращаясь въ подень домой, снизу еще увидѣлъ я около него толпу людей, которые очень горячо о чемъ-то разсуждали. Пораженный предчувствіемъ, я взбѣжалъ вверхъ въ нѣсколько скакчковъ: онъ сидѣлъ, опершись и закрывъ лицѣ лѣвою рукою, сквозь пальцы которой еще блестали слезы; правая лежала на сердцѣ.... но оно уже не билось..... Несчастный кончилъ свою страдальческую жизнь...

Алексѣй Коростылевъ.

## ПУТЕШЕСТВИЕ

НА СЕНТЬ-ВЕРНАРДЪ.

О, кто бы въ сей груди возжегъ  
Духъ пылкій, вдохновенный Барда,  
Чтобъ живо и представить могъ  
Походъ мой къ высотамъ Бернарда,  
Красу и ужасъ здѣшнихъ мѣсть,  
Слѣды погибшихъ въ сей пустынѣ,  
И тамъ Христовъ священный крестъ,  
Гдѣ вранъ не залеталъ донымѣ.  
Не позабуду въ жизнь мою  
Гостепріимства добрыхъ братій;  
Для всѣхъ пришельцевъ въ семъ краю  
Отверзта нѣжность ихъ обятій.  
Обѣть ихъ: путника спасать  
На крутизнахъ и на стремнинахъ,  
Усталымъ помочь подавать,  
Погразшихъ отрывать въ лавинахъ,  
Трудиться не для изды земной,  
Жизнь ближнихъ искупать своею.  
Чей подвигъ выше? Гдѣ герой.  
Кого имъ уподобить смѣю?

Кто ёдетъ изъ Швейцаріи на Сентъ-Бернардъ, не минуетъ Мартини или Мартинаха, небольшаго городка нижняго Валлиса, лежащаго на берегу Роны. Лучше сказать, отсюда обыкновенно предпринимается это путешествіе. Мы пришли сюда съ товарищемъ моимъ Л., веселымъ, добродушнымъ Шотландцемъ, изъ самаго Шамуни пѣшкомъ, а далѣе хотѣли пуститься на мулахъ; почему, при входѣ въ гостиницу, первымъ нашимъ дѣломъ было заказать къ завтрему пару ихъ съ проводникомъ. Прямо противъ оконъ нашей комнаты возвышались на пригоркѣ, въ самомъ живописномъ положеніи, развалины древняго замка герцоговъ Савойскихъ, съ высокою башнею, еще довольно уцѣлѣвшую. Но, утомленнымъ отъ Суворовскаго перехода черезъ Col de balme и Forclaz, намъ было не до нихъ; и мягкая постель на тотъ разъ казалась намъ

примѣчательнѣе развалинъ самой Пальмиры.

Назавтра разбудили насъ со свѣтомъ. До монастыря 12 часовъ пути; поэтому въ которомъ часу утра отиравишияся отсюда, въ томъ часу вечера прибудешь на мѣсто. Отцы же монастырскіе ждутъ къ себѣ въ седьмомъ часу, въ которое время у нихъ вечерняя трапеза. Договорившись съ проводникомъ, мы не замедлили отиравиться. Цѣна здѣсь за мула пять рублей на день. Трактирщикъ, отпуская насъ, отложилъ расчитаться по возвращеніи: какой вѣжливой! Но собственно это значило: милости просимъ опять ко мнѣ, а тамъ уже за все получимъ съ васъ разомъ вдвое.

День былъ прекрасный. Миновавъ предмѣстье Мартини, лежащее въ  $\frac{1}{2}$  часа отъ города. въѣхали мы въ долину d'Entremont, простирающуюся отъ самого большаго Сентъ-Бернarda по

всему течению Дрансы. Вершины сей горы еще невидно; одинъ Pic du Mont Vélan возносится, покрытый всегдашнимъ снѣгомъ, господствуя надъ окружными высотами. Широкая и гладкая дорога поднимается почти непримѣтно. Вообразивъ прежде дикую, утесистую, едва проѣзжую дорогу, мы начинали теперь жалѣть, что взяли муловъ. Бѣхать лѣнивымъ шагомъ по ровному почти мѣсту, казалось намъ скучно и какъ бы совсѣмъ. А потому, отдавши ихъ проводнику, шли мы болѣе пѣшкомъ. Живописные берега Дрансы, обворожая взоръ, не давали чувствовать усталости. Не знаю отъ чего, но здѣшніе ландшафты нравились мнѣ болѣе всѣхъ видѣнныхъ. Яблони и груши, хранимыя отъ вѣтровъ окружающими ихъ высотами, сопутствовали намъ отъ самаго Мартини. Крутые скаты горъ трудолюбіе жителей обратило въ пашни, и удивленный взоръ

замѣчаетъ бразды илуга тамъ, гдѣ не подозрѣвалъ бы и слѣда человѣческаго. За St. Branchier, лежащемъ въ двухъ миляхъ, скала преграждаетъ путь страннику. Дорога шла прежде подъ нею, но послѣ необычайного разлитія водь въ 1818 году, Дранса, перемѣнивъ свое теченіе, заняла это мѣсто, и волна шумитъ теперь тамъ, гдѣ раздавались шаги усерднаго богомольца или любопытнаго, какъ мы, путешественника. Попечительное правительство, прорубивъ насквозь скалу, устроило галлерею въ 44 туаза длиною, достаточной ширины для проѣзда въ *charts à banc*, линейкахъ, употребляемыхъ здѣсь вмѣсто дорожныхъ экипажей. Въ срединѣ галлерей сдѣлано отверстіе для свѣта, однако же онъ слабъ и не даетъ замѣтить, что здѣшь подземельемъ. У Орсіера долина *d'Entremont* соединяетъ съ другою, именуемою *Ferret*, и принимаетъ влѣво, тогда какъ эта

уклоняется вправо. Въ Liddes, до котораго 4 мили, дѣлаютъ halte, муловъ кормятъ, а трактирщику отъ путешественниковъ перепадаетъ лишній талеръ. Здѣсь также вѣрять въ долгъ, въ твердой надеждѣ, что и на обратномъ пути не обойдутся безъ контрибуціи.

Въ часу отъ Liddes какое бы вы думали мѣсто? Петербургъ! Да, Петербургъ, но не тотъ, въ которомъ столько васъ, товарищей моего дѣтства, не воображающихъ. можетъ быть, въ эту минуту, что вашъ другъ, залетавшій иногда въ жару воображенія за облака, действительно теперь поднимается къ нимъ, хотя не на Пегасѣ, а на мулѣ, ступающемъ вѣрище и не столь опасномъ для сѣдока. Петербургъ, или лучше le bourg de Saint-Pierre, скромная деревушка съ каменными выбѣленными домиками, послѣднее обитаемое мѣсто на пути въ монастырь. Читая на

нѣмецкой картѣ моего спутника Sanct-Petersburg, охотно предавался я пріятному обману и хотѣлъ вѣрить, что это нашъ родимой, русской городъ. Зачѣмъ, думалъ я, географъ, поставившій здѣсь имя его, не чародѣй, могущій по мановенію жезла замѣнить эту бѣдную колокольню блестящимъ Адмиралтейскимъ шпилемъ и маленькую Дрансу величественною нашей Невою? Что если бы изъ-за 2.000 верстъ хотя на мгновеніе явилась сюда столица наша, какъ иногда въ волшебной пьесѣ по знаку свистка выходитъ изъ подполу дворецъ какой-нибудь феи, среди пустыни, написанной на холстѣ! Здѣсь же бы въ самомъ дѣлѣ попали вы въ пустыню, какой и Гонзагу не случалось, можетъ быть, видѣть. Какъ бы кстати было мнѣ обнять васъ, милье, не прерывая моего путешествія. Тогда бы отъ васъ зависѣло продолжать вмѣстѣ прогулку на Сентъ-Бер-

нардъ, какъ помните ли бывало (горные походы вѣдь намъ не новы) хаживали мы на Пулкову, или Дудоровскую. Но зачѣмъ строить воздушныя столицы? Мечты остаются мечтами. Очнешься отъ сна воображенія, и вылетѣвшій вздохъ убѣждаетъ, что разлука еще горьче прежняго. У самаго выѣзда изъ *bourg de St. Pierre*, глубокая пропасть отдѣляетъ цвѣтущую, обработанную долину отъ дикой, каменистой страны. Быстрои, обильной водами потокъ *la Valsorey*, свергаясь въ оную съ шумомъ, пѣною и кипѣniемъ, представляетъ первую картину дикости и служитъ фронтисписомъ ожидающихъ васъ видовъ. Каменный мостъ, котораго построеніе приписываютъ Карлу Великому, ведетъ черезъ пронасть. Съ него водопадъ представляется огромнымъ бѣлымъ столпомъ, колеблющимся надъ бездною. Мы всходили на гору къ самому его жерлу и

ложились на краю пучины; но смотрѣть его долго невозможно: быстрота паденія васъ, кажется, увлекаетъ, шумъ оглушаетъ, голова кружится, и вы спѣшите назадъ, чтобы отдохнуть отъ поразительной сцены, и снова любоваться ею издали. Такъ жизнь большаго свѣта, сказалъ бы на моемъ мѣстѣ философъ, извлекающій наставлениія изъ самой природы, издали кажется блестящею, плѣнительною, завидною, тогда какъ кружашіеся въ вихрѣ ея чувствуютъ одинъ только шумъ, принужденность и однообразіе.

Въ bourg de St. Pierre показываютъ каменную Римскую версту, colonne militaire, вдѣланную въ стѣну церковной ограды, и комнату, которую занималъ Бонапартъ при переходѣ съ войскомъ чрезъ сю гору. Объ этой эпохѣ не перестаютъ воспоминать здѣшніе старожилы, и она есть безъ сомнѣнія важнѣйшая, если не единственная, въ

исторії всей этой страны. Сколько столѣтій проходило, и ничто не нарушило спокойствія сего уголка свѣта, удаленного отъ шума мірскаго, распрай, раздирающихъ человѣчество! Огражденные неприступностью этихъ хребтовъ, а еще болѣе бѣдностью своею, жители какого бы, казалось, могли ожидать нашествія? И вдругъ честолюбіе одного человѣка возбудило сіи горы отъ вѣковаго сна, наполнило тихія долины звукомъ громоносныхъ орудій, удививъ мирныхъ сыновъ Валлиса невиданнымъ зрѣлищемъ полчищъ, превозмогающихъ всѣ преграды, положенные природою, чтобы обагрить свою кровью чуждыя и далекія поля при кликахъ славы и отечества.

Тотчасъ за мостомъ представляется взору обширная площадь, обведенная съ одной стороны стѣною утесовъ, а съ другой теченіемъ Дрансы. Тутъ имѣло Французское войско свои бива-

ки съ 15 по 21 Мая 1800 года. Намъ показывали, гдѣ расположена была конница, гдѣ пѣхота, гдѣ артиллерия. Проводникъ пашъ Joseph Piota не упустилъ намъ рекомендовать себя за проводника Бонапарте, о которомъ рассказалъ тысячу анекдотовъ и подробностей. По словамъ его, здѣсь разобрали артиллерию, колеса несли на рукахъ, а другія волокли по землѣ, задѣланыя въ деревянные цилиндры. Подъ каждое употреблено было до 60 человѣкъ. Собравшись къ переходу, вся армія снабжена была сухарями на три дня; достигнувъ же монастыри, каждый рядовой получалъ по стакану вина. Войско прошло мимо, не останавливаясь ни минуты: такъ, говоря мѣстнымъ сравненіемъ, лавина пролетаетъ, не касаясь шаткой хижинъ, тогда какъ утесы падаютъ. сокрушеніе быстрымъ ея стремленіемъ.

Гладкая дорога, по ту сторону бур-

га Св. Петра, превращается въ каменистую; подъемъ становится круче, деревья замѣняются кустарниками, хлѣбопашество исчезаетъ; только на лугахъ наметанные скирды возвѣщаютъ, что произрастеніе еще не прекратилось. Въ тѣсныхъ ущельяхъ мы едва могли разъѣзжаться съ лошадьми, которыхъ гнали поселянс, павьюченныхъ сѣномъ. Случилось даже, что мы роняли связки и приуждены были останавливаться, чтобы пособить поднять ихъ. Châlets или хижины, стоящія особнякомъ и служащія въ лѣтнее только время жилищемъ для пастуховъ, суть единственныя слѣды населенія. Отъ послѣдняго châlet природа принимаетъ рѣшительно печать дикости и пустоты: растеніе едва кое-гдѣ проглядываетъ, мѣсто зеленыхъ холмовъ занимаютъ голые скалы; дорога усыана мелкимъ камнемъ, или пробита по гладкому утесу, или на крутизнахъ вымощена боль-

шими плитами; то идеть по краю оврага, извиваясь узкою тропинкою, то уклоняется въ сторону и, исчезая, открываетъ между скалъ чистое мѣсто. Все мертво, одна Дранса шумитъ и пѣнится въ видѣ тысячи ручьевъ, образующихъ безпрестанныя паденія, то бѣжитъ вдоль дороги, то пересѣкаетъ ее; когда же на минуту скроется отъ взора, то отзыается слуху во глубинѣ пропастей. Вися надъ бездною, мы скользили на каждомъ шагу; мулы же, по привычкѣ своей, или надъ самымъ краемъ, заглядывали въ пропасть, и грозили намъ самимъ отважнымъ, но вѣроятно послѣднимъ въ жизни скачкомъ. Проводникъ то и дѣло кричалъ намъ, что не надо бояться и дать имъ волю. Видъ мрачной природы наводитъ уныніе и на душу: мы вѣхали задумавшись, товарищъ мой, носясь мыслями по скаламъ родимой своей Шотландіи, а я воспоминая о

Сибирскомъ моемъ знакомцѣ, Алтай, который, при всей своей дикости, не перещеголяетъ здѣшняго своего Альпійскаго собрата.

За часть сѣ небольшимъ оть монастыря открывается первое строеніе, принадлежащее къ нему: это *la vacherie* или скотный дворъ для коровъ и лошадей. Мы видѣли сихъ послѣднихъ съ жеребятами, пасущимися на скатѣ горы. Жалкое пастище! Но по трудности доставлять сюда сѣно, ихъ привчаютъ отыскивать скучный кормъ и въ лѣтнее время имъ довольствоваться. Даѣте немного, вѣзжаете вы на ровное мѣсто, названное путешественниками Долиною Мертвыхъ. Два печальные предмета поражаютъ ваши взоры: землянка, называемая здѣсь *charnier*, въ которой собраны кости несчастныхъ, погибшихъ на семъ бѣдственномъ переходѣ; подлѣ же другое строеніе, не столько мрачное и сѣ ви-

ду получше, служащее въ зимнее время убѣжищемъ для застигнутыхъ непогодою или для усталыхъ въ пути. По сему назначенію, не всего ли причинѣе назвать его зимовьемъ, какія для этого въ пустыхъ и безлюдныхъ мѣстахъ устроены у насъ въ Сибири.

Странное дѣло! Въ нѣсколько часовъ путешественникъ перемѣняетъ всѣ климаты. Глядя на природу, постепенно умирающую, на предметы, окружающіе его, едва вѣритъ чувствамъ своимъ. Далеко ли еще заnimъ благословенныя долины, достойное преддверіе цвѣтущей, роскошной Италии; а здѣсь отъ полей безплодной почвы до зимовья, стоящаго какъ бы на пути къ Ледовитому морю, все уже напоминаетъ о Сибири. Дикия козы, мелькая по крутизnamъ утесовъ, умножаютъ еще болѣе сходство мѣсть, лежащихъ подъ столь различною широтою.

Чѣмъ выше поднимаетесь, тѣмъ часть

отъ часу холода становится чувствительнѣе, наконецъ проникаетъ всѣ члены, и право, выѣхавши изъ Мартини въ самый теплый день, въ пору здѣсь было вспомнить о шубахъ, которыми запастись не догадались мы. За  $\frac{1}{4}$  часа до монастыря увидѣли мы въ половинѣ Августа необыкновенное зрѣлище: снѣгъ и ирѣглубокой покрываль лощину, по которой шла дорога. Это были остатки лавины, упавшей еще весною и неуспѣвшей растаять во все лѣто. Снѣгъ былъ столько крѣпокъ, что мулы наши ступали не проваливаясь. Извѣстно, что лавины засыпаютъ иногда пространство въ глубину футовъ на 80. Здѣсь только открывается монастырь Св. Бернарда. Вы готовитесь услышать о готическомъ зданіи съ куполами, съ колокольнею, со всѣми украшеніями архитектуры, которая бы отвѣчала его извѣстности. Три небольшія, простыя, каменныея

строенія, вышиною въ полтора этажа, имѣющія видъ обыкновенныхъ домовъ, вотъ все, что вы находите. Главный корпусъ, гдѣ церковь и кельи, по лѣвой руке; тутъ принимаютъ путешественниковъ; флигели по правую, и заняты службами. Строеніе расположено на площадкѣ среди утесовъ, на самой верхней точкѣ дороги, ведущей въ Val d'Aoste, которая за монастыремъ начинаетъ уже спускаться къ низу. Окруженія горы вершинами своими составляютъ около него обширный, величественный амфитеатръ. Монастырь сей принадлежитъ къ Валлансу и, завѣдавая всею долиною d'Entremont, стоитъ на самой границѣ сего Швейцарскаго кантона съ Піемонтомъ. Онъ есть высочайшее обитающее мѣсто въ древнемъ мірѣ. Высоту его отъ поверхности морской полагаютъ въ 7.500 футовъ.

Остановившись у крыльца, взошли

мы въ коридоръ, гдѣ встрѣтилъ нась отецъ ключарь и повелъ въ столовую. Было 6 часовъ; до трапезы братіи оставался часъ; но привѣтливый монахъ спросилъ, не хотимъ ли мы сѣсть за столъ одни, не ожидая общаго ужина. Принять это приглашеніе намъ показалось неловко, и хотя горный воздухъ и трудная дорога возбудили въ нась сильной аппетитъ, но мы, продрогши, довольствовались рюмкою киршвасера. Отецъ ключарь оставилъ нась не надолго, по возвращеніи же предложилъ посмотрѣть библіотеку и собранія по разнымъ частямъ. Книгъ въ первой не много; намъ показали одинъ только манускриптъ, важности котораго не утверждаю. Здѣсь бюстъ изъ бѣлого мрамора генерала Дезе, погребенаго въ сей обители; не знаю, похожъ ли онъ, но въ лицѣ выраженіе героя. Собранія значительныѣ, но я не минералогъ и потому не берусь су-

дить о достоинствѣ показанныхъ намъ штуфовъ, а скажу только, что въ нихъ заключаются всѣ роды ископаемыхъ сей отрасли Альповъ. Нумизматическій кабинетъ состоитъ изъ рѣдкихъ Римскихъ монетъ, медалей и пр., отысканныхъ большею частію подгѣ самаго монастыря, на мѣстѣ котораго стоялъ въ древности храмъ Юпитера. Въ собраніи семь также много мѣдныхъ дощечекъ съ надписями, означающими благодарность сему богу за счастливый переходъ чрезъ сie мѣсто: видно, сколь оно и въ то время почиталось опаснымъ. Слова *Jovi Poenino*, изображенныя на пѣкоторыхъ, были поводомъ къ разнымъ толкамъ антиквариевъ. Одни, переводя ихъ Юпитеру Пуническому, выводятъ изъ того, что Анибалъ, на походѣ своемъ въ Италию, переходилъ съ войскомъ чрезъ сию гору: заключеніе впрочемъ не очень основательное; и по всему кажется,

больше вѣроятія заслуживаютъ тѣ, которые полагаютъ, что быстрому Африканцу не за чѣмъ было итти окольною дорогою, но гораздо ближе черезъ Mont Cenis. Съ тѣхъ поръ, какъ Сардинское правительство вступило въ прежнее владѣніе Піемонтомъ, и мѣсто древняго храма отошло къ нему, рѣтіе на немъ братіи воспрещено. Странная мѣра: кому бы ближе, какъ не ей, и поручить это дѣло? Многіе изъ монаховъ люди ученые, и для чего лишать анахоретовъ одного удовольствія, предоставленного имъ случаемъ? Съ другой стороны, что за расчетъ, когда лучшее уже выкопано; и какихъ сокровищъ предполагать въ сихъ мѣстахъ, гдѣ никогда не было и необходимаго для существованія человѣка?

Въ разсмотриваніи рѣдкостей наступило время трапезы. Мы застали братіи человѣкъ 8 и другихъ путешественниковъ до 12 съ разныхъ кон-

цевъ Европы. По прочтеніи молитвы отцы пригласили нась сѣсть, а сами заняли мѣста между нами, чтобы не оставить гостей однихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ удовлетворить любопытству каждого. Мой сосѣдъ, монахъ, человѣкъ молодой (да и всѣ они молодыхъ лѣтъ), на вопросъ мой о числѣ братіи, сказалъ мнѣ, что оно не опредѣлено, а бываетъ ихъ отъ 20 до 30. Настоятель обители именуется Prevѣt, зависить непосредственно отъ папы и по старости живетъ обыкновенно въ Мартини, куда переѣзжаютъ также и дряхлые изъ нихъ, неспособные къ службѣ, и больные, которымъ нельзя уже переносить тамошняго климата. Вотъ почему не замѣтилъ я изъ братіи ни одного старого. Климатъ на вершинѣ Св. Бернарда не только что нездоровъ, но для многихъ даже убийственъ. Воздухъ всегда самой суровый; тепла никогда болѣе не бываетъ  $15^{\circ}$ , и то очень

рѣдко; утренники замѣтны почти все лѣто, и за нѣсколько времени до нашего прибытія, въ концѣ Іюля, было холоду до 4°. Монахи носятъ круглой годъ шерстянную одежду, но тѣмъ не менѣе подвергаются простудамъ, ревматизмамъ и груднымъ болѣзнямъ. Рѣдко кто пробудетъ здѣсь лѣтъ десять, не заплативъ здоровьемъ исполненію обѣтовъ своихъ среди сихъ пустынъ, отверженныхъ природою и человѣкомъ. За то мы пользуемся однимъ важнымъ правомъ, замѣтилъ мнѣ отецъ; умирать не на С-тѣ Бернардѣ, гдѣ нѣть довольно земли для погребенія умершихъ: все голый камень, и ни одинъ кустикъ распустившимися листьями не возвѣщаетъ прихода весны. Начало сей обители относится къ половинѣ десятаго столѣтія. Основателемъ же оной считаются Св. Бернарда, бывшаго первымъ ея святителемъ. Въ теченіи 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ ходятъ между

сими мѣстомъ и окольными селеніями караваны муловъ, навьюченыхъ сѣномъ, дровами и другими нужными для монастыря запасами. Отъ 8 до 9 тысячъ странниковъ, слѣдующихъ изъ Піемонта въ Валлісъ, или обратно, такъ какъ сей путь есть кратчайшій, пользуются гостепріимствомъ обители. Пріѣзжающихъ изъ одного любопытства не бываетъ въ томъ числѣ и тысячи. Осеню сообщеніе становится труднѣе, и наконецъ совсѣмъ прерывается; путешественники не показываются; монахи провождаются туманные дни и долгія ночи полярной зимы одни, отдѣленные отъ прочихъ живыхъ существъ міра; раздается только падение лавинъ и вой вѣтровъ, свирѣпствующихъ вокругъ стѣнъ обители, въ которой и при шумѣ стихій не прерывается мирное пѣніе иноковъ, приносящихъ въ жертву Всевышнему не однѣ пѣсни хваленія, но и самихъ се-

бя, если того нужда требуетъ во спасеніе человѣчества. Обязанность братіи въ зимнее время послѣ каждой непогоды выходить по дорогѣ къ монастырю на встрѣчу путешественникамъ для оказанія имъ нужной помощи. Сверхъ того каждый день отправляютъ они служителя, именуемаго magonier, до мѣста, назначенаго убѣжищемъ для странниковъ, чтобы навѣдаться, нѣть ли тамъ кого, требующаго пособія, и оставить съѣстныхъ припасовъ будущему пришельцу. Для отысканія же усталыхъ, застигнутыхъ стужею, или погребенныхъ подъ снѣгомъ, водить они съ собою нарочно пріученныхъ къ тому собакъ. Кто не знаетъ собакъ Сентъ-Бернарда? Кто не слыхалъ объ этихъ животныхъ, служащихъ орудіемъ дѣятельнѣйшей благотворительности? Естественные друзья человѣка, они не оставляютъ его и въ сей странѣ недостатковъ и бѣдствій, но, раз-

дѣляя съ нимъ опасности, избавляютъ его часто отъ нихъ. По врожденному инстинкту собаки сіи слышать чуть-емъ несчастнаго подъ снѣгомъ, лаемъ призываютъ на помощь и лапами помогаютъ вырывать его изъ сугроба. Были даже, говорять, примѣры, что они приносили къ обитали найденныхъ ими замерзшихъ дѣтей. Много ли разумныхъ тварей похвалится подобными подвигами добра? Но къ сожалѣнію сіи животныя сами остаются иногда жертвою великодушныхъ своихъ поисковъ. Въ 1816 году паденiemъ лавины убило вдругъ трехъ собакъ, при чемъ погибъ и монастырскій служитель, сопровождавшій ихъ. Узнавъ, что я Русскій, хвалился миѳ отецъзнакомствомъ съ нашимъ княземъ Б., котраго, въ бытность свою за сборомъ подаянія, встрѣтилъ гдѣ-то въ Италии и получилъ отъ него на монастырь 50 цехиновъ. Так же превозносилъ онъ

живущаго телерь въ Женевѣ статье-  
секретаря графа К., содѣйствію кото-  
рого обязанъ монастырь щедрыми при-  
ношеніями. На вопросъ мой, много ли  
сюда заѣзжаетъ Русскихъ, онъ не могъ  
вспомнить никого. Пересматривая кни-  
гу путешественниковъ, я тоже не на-  
шелъ ни одного земляка. Кушанье  
наше состояло изъ супа, говядины съ  
картофелемъ, телятины съ салатомъ и  
десерта изъ орѣховъ и винныхъ ягодъ.  
Кромѣ краснаго вина *à discréition* раз-  
несли послѣ жаркаго по рюмкѣ муш-  
кателю. Изъ-за стола встали въ 8 ча-  
совъ, заключивъ трапезу молитвою.  
Тогда служитель монастырскій пока-  
залъ намъ отведенную для каждого  
комнату. Мы съ Л. заняли одну; всѣ  
онѣ расположены по сторонамъ корри-  
дора. Комнатки маленькия, по необхо-  
димости самаго зданія; но постель и  
мебель не хуже, какъ во многихъ го-  
стинницахъ. Соответственно климату,

вездъ двойные рамы, двойные двери.  
Жаль, что не заведено Русскихъ пе-  
чей. Въ нетопленномъ покоя я такъ  
прозябъ, что насили согрѣлся, укрыв-  
шись всѣмъ, что случилось. Мы уже  
спали, когда прибыли въ монастырь  
Англичанка и двое Французовъ. Доб-  
рая братія, не смотря на позднее  
время, принялась хлопотать по преж-  
нему и угостила новопріѣзжихъ съ тою  
же ласкою, какъ и насъ.

На другой день разбудили насъ, по  
приказанию нашему, къ ранней обѣд-  
ни, которая отправляется въ 6 ча-  
совъ. Церковь старинная, небольшая.  
Главное украшение въ ней памятникъ  
Дезе, котораго остатки съ побѣдного  
поля Маренго по приказанию Бона-  
парта перенесены сюда. Онъ соору-  
женъ изъ бѣлаго мрамора и вѣланъ  
въ стѣнѣ. Барельефъ представляетъ  
послѣднія минуты генерала, падающа-  
го съ лошади и поддерживаемаго сво-

имъ адъютантомъ. Надписи нѣтъ никакой, да и для чего бы? Вообще не постигаю мысли назначить здѣсь мѣсто погребенія военному человѣку. Тюреннъ, покоющійся въ храмѣ инвалидного дома, у мѣста; но въ семъ домѣ страннопріимства и благотворительности, гдѣ всего менѣе помышляютъ о славѣ земной и кровавыхъ побѣдахъ, приличнѣе бы храниться праху. Говарда или Винцента де Поля. Безкорыстные отцы, угощая странниковъ, не принимаютъ никакой платы. Это у нихъ положенное правило. Но въ церкви заведена кружка, въ которую можно власть приношеніе, сколько кому угодно. Ни одинъ прѣзжій конечно не упускаетъ по мѣрѣ возможности расплатиться симъ способомъ за оказанное гостепріимство. По отправленіи службы насы позвали къ завтраку и подали кофе съ сухарями и масломъ.

По желанию общества осмотреть положение обители, отецъ ключарь вызвался быть нашимъ проводникомъ и повелъ насъ вокругъ озера. Лишь только собаки его увидѣли, какъ бросились къ нему и начали ласкаться. Видъ этихъ добрыхъ животныхъ доставилъ намъ удовольствіе, не менѣе прочихъ рѣдкостей сего мѣста. Собаки очень смирны, не лаютъ ни на кого, не кусаются и похожи на большихъ дворовыхъ. Они бѣжали за нами во все время прогулки, и легко представить, что никто не упустилъ подозревать и приласкать ихъ. Мы видѣли собакъ до пяти; климатъ и для нихъ вреденъ: года три или четыре все время ихъ службы. Озеро монастырское не велико и отличается только чернымъ цвѣтомъ воды. Можетъ быть, каменное дно или окружающія его горы темного цвѣта производятъ это дѣйствіе. Въ немъ полагаютъ множество

можеть, и не безъ основанія. У древнихъ было обыкновеніе бросать деньги въ воду, призывая боговъ къ спопыществованію въ какомъ либо предпріятіи. Мѣсто храма на южной его сторонѣ, нѣсколько возвышенное, привѣтно по отломкамъ мрамора и кирпича, валяющимся во множествѣ. Чего стоило построеніе его Римлянамъ, если представить высоту горы, трудность доставлять сюда материаалы, краткость времени, удобного для работы, недостатокъ способовъ для продовольствія рабочихъ! Но было ли что невозможнно соорудителямъ колоссовъ, въ которыхъ видеть потомство труды полу-боговъ и гигантовъ? Миѣ попадались куски съ нарѣзками рѣзца; хотѣлось взять нѣсколько съ собою на память; но какъ сдѣлать, цутешестую налегкѣ? Одинъ изъ нашего общества, Нѣмецъ, пришедшій сюда пѣшкомъ и страстный видно любитель древностей,

не устоялъ противъ приманчивости Римскихъ мраморовъ и плотно ими на-  
грузилъ карманы. Охота пуще неволи;  
но сомнѣваюсь, чтобы достало у него  
терпѣнія дотащиться съ камнями во-  
свояси. Недалеко отсюда стоитъ гра-  
ничный столбъ: властолюбіе возложило  
руку свою и на сіи голые бесплодные  
хребты, которыми обладаніе никому  
никакой пользы принести не можетъ.  
Таковый знакъ присвоенія нигдѣ не  
у мѣста менѣе, какъ здѣсь, гдѣ чело-  
вѣкъ, отдѣленный отъ міра, вознесен-  
ный за облака, забываетъ все земное,  
и страсти его подобныхъ, въ сооб-  
ществѣ добродѣтельной братіи, кажутся  
ему еще мельче и ничтожнѣе. Провод-  
никъ нашъ показалъ намъ монастыр-  
скій огородъ, бѣдный огородъ, для ко-  
тораго надобно было возить землю  
изъ-за нѣсколькихъ верстъ: гряды двѣ  
капусты и салату, воть и все! Чего  
же болѣе ожидать тамъ, гдѣ цѣлый

годъ не бываетъ 12 ясныхъ дней? Монахи разводятъ эту зелень какъ рѣдкость и для одного только удовольствія. Послѣдній предметъ нашего любопытства былъ совсѣмъ особаго и странного рода, какому нигдѣ можетъ быть, не найти подобнаго: это низменный домикъ, именуемый *le cacheau*, въ которомъ складываются найденные мертвыя тѣла. Всегдашній холодъ не допускаетъ ихъ до гніенія; черты лица сохраняютъ видъ свой въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ чего тѣло сохнетъ и становится подобно мумії. Ужасенъ видъ непогребенныхъ мертвцевъ, расположенныхъ рядами и большею частію по недостатку мѣста приставленныхъ къ стѣнѣ стоямя: ихъ насчиталъ я до двадцати. Но что и въ гробницахъ, служащихъ одному тицеславію живыхъ, а не спокойствію усопшихъ? Этотъ способъ истлевать не снѣдю червей, не въ тѣсномъ гр-

\*.

бѣ, а въ комнатѣ на свѣжемъ воздухѣ, и не одному, а въ обществѣ хотя и молчаливомъ, мнѣ по крайней мѣрѣ больше нравится, и не всякому ли покажется, при всей странности своей, менѣе мрачнымъ и даже нѣсколько отраднымъ? Жаль только, что въ этомъ отношеніи не вездѣ Сентъ-Бернардская температура. А право, если живые здѣсь нуждаются и терпятъ, то мертвые пользуются всѣми выгодами; братія страдаетъ отъ влиянія климата, но покойники конечно не пожалуются.

Воротившись въ обитель, я видѣлъ уже многихъ собиравшихся къ отѣзду. Хотя гостепріимные отцы позволяютъ и троє сутокъ гостить у нихъ, но лучше провести эти дни у подошвы, нежели на вершинѣ Сентъ-Бернарда. Догадливый проводникъ осѣдалъ уже муловъ и стоялъ съ ними у крыльца. Я имѣлъ только время, уложивъ дорожную свою сумку, поблагодарить

добрую братию и въ особенности отца ключаря. Но прежде, нежели мы простились, они вручили мнѣ книгу, прося записать свое имя. Это одно они позволяютъ себѣ въ отношеніи къ путешественникамъ, и то при самомъ прощаніи. Объ отечествѣ же нашемъ, званіи и (подивитесь, въ католической землѣ!) вѣрописовѣданіи не услышите ни одного вопроса. Вписавшись, какъ должно, я прибавилъ порусски: „Первый Русскій въ семъ году на Сентъ-Бернардѣ. Климатъ супротивъ Сибирскаго, по крайней мѣрѣ въ Августѣ не зябъ я на берегахъ Енисея. Природа угрюма и скуча. Но гостепріимство доброй братии замѣняетъ здѣсь всѣ дары ея, и путникъ оставляетъ обитель съ сердцемъ, утѣшенчымъ видомъ христіанскихъ добродѣтелей, достойныхъ украшать не сию пустыню, но здѣмъ“.

А. Илличевскій.

19 Августа 1824.

## НЕПОНЯТНЫЙ СОЮЗЪ \*).

Прелестныя серебряныя звѣзды ясно  
свѣтлѣли на черномъ Аравійскомъ не-  
бѣ; пустыня вторила звонкое рыканіе  
льва и сердитый ревъ тигра; а воль-  
ные Арабы Іемії, вблизи древнихъ  
развалинъ неизвѣстнаго города, спо-  
койно лежали подъ шатрами своими,  
слушая сладкія восточныя повѣсти и  
дружелюбно поглаживая именитыхъ  
коней своихъ. Въ одномъ изъ шатровъ  
старый Абуфаръ продолжалъ повѣ-  
ствованіе о необыкновенной встрѣчѣ  
въ жизни своей. Онъ говорилъ:

„Итакъ путешественники, одушев-

\*.) Въ непродолжительномъ времени вый-  
деть полное собраніе аллегорій сего автора.

ленные святымъ усердiemъ, проходили знайные пески, направляя путь къ Меккѣ. Верблюды, корабли пустыни, важно тянулись въ пестромъ караванѣ, и красивые кони, друзья Арабовъ, легко играли подъ статными метателями джерида. Между многими уроженцами далекихъ странъ я замѣтилъ одну чету и не спускалъ ее съ глазъ. *Онъ* и *она* составляли разительную противоположность, но были соединены тѣсно. Онъ искривленъ, тяжелъ и черенъ, какъ уголь: она стройна, какъ пальма, легка, какъ благовонный дымъ алоя или душистой амвры, и бѣла, какъ пухъ лебединый.... Странное несходство и непонятная между обоими связь!... Онъ любилъ питаться грубыми яствами; она искала совсѣмъ другой пищи. Съ дикою алчностю пожиралъ онъ кровавыя мяса и глоталъ запрещенный напитокъ. Она, напротивъ, питалась только легкимъ сокомъ,

или лучше сказать, ароматомъ плодъ и растеній. И когда всѣ люди и верблюды съ жадностю бросались къ пустыннымъ водометамъ, она одна, съ непонятнымъ спокойствиемъ, ожидала окончанія суеты и, глотая издали одну свѣжесть, одну легкую алмазную пыль летящихъ струй, веселилась, какъ дитя, радужною игрою лучей въ водопадѣ. Никогда не видали ее алчушею, никогда не слыхали жалобъ ея на жажду и зной. Смиренно терпѣли-  
ван, она насыщала гладъ, говоря о правдѣ, о добродѣтели, о чистотѣ, о высокой любви; а жажду утоляла повторенiemъ про себя сладкихъ стиховъ Корана. Окутанная легкою, бѣлою, какъ она, одеждой изъ кисеи тонкой, какъ воздухъ, она казалась перламутровымъ облакомъ, которое пролетаетъ иногда по темносинему небу нашей Іеміи.

Кроткая, какъ голубица, непорочная, какъ дѣва рая, и невинная, какъ дитя, она всегда любила ласкать дѣтей и, казалось, что будучи съ ними, становилась ими, а они ею. Онъ, тучный и неопрятный, спалъ безъ просыпу; она чистая, воздушная, проводила и ночи безъ сна. Когда утренняя звѣзда зажигалась ясно, какъ жизнь новорожденного младенца, когда начиналь дуть свѣжій вѣтерокъ, гоня передъ собою цѣлое море ароматовъ, свѣянныхъ съ цвѣтушихъ долинъ; тогда вдохновенные дервиши воскликали: „Вотъ часъ, въ который Господь призираеть на землю и громко вопіетъ, да услышать правду Божію судіи и пастыри народовъ земныхъ“. Сонливый ничего не слыхалъ; но она благоговѣйно становилась въ часъ сей на колѣни и молиласъ, какъ только можетъ молиться безтѣлесная. Мы никогда не слыхали разговора ея.... Она не говорила по на-

щему. Одинъ только онъ могъ понимать языки, которыми она говорила. Иногда видали мы, какъ она указывала ему на разныя мѣста въ Коранѣ. При омовеніи рукъ, напримѣръ, она открывала слѣдующій стихъ: „Право-  
вѣрный, умывай руки семь разъ на  
„день; но помни, что душа твоя долж-  
на быть въ 77 разъ чище седмери-  
цено умытыхъ рукъ! Тако угодиши  
„Богу: зane Богъ благъ и всемогущъ“. Безобразный читаль и хмурился. За-  
ходилъ ли разговоръ о Божествѣ и  
человѣкѣ, она указывала на то мѣсто,  
гдѣ пророкъ говорить: „Богъ шест-  
вуетъ между человѣкомъ и его серд-  
цемъ“. И однажды, когда путешест-  
веники разсуждали, какъ надобно  
жить, она съ увѣренностю указала  
ему на извѣстный стихъ Корана: „Че-  
ловѣкъ, когда ты родился на свѣтъ,  
„тогда всѣ радовались, однѣ только ты  
„плакалъ; живи такъ на свѣтѣ, что-

„бы въ часъ смерти твоей вѣ пла-  
кали, одинъ бы только ты радовался!“

Такъ наводила она его на всякое добро; но онъ не любилъ ее слушаться. Однако жъ одинъ только онъ умѣлъ съ нею разговаривать, какъ свой съ своимъ, и на вопросъ: „кто она?“ всегда отвѣчалъ: нездѣшняя. Онъ ее мучилъ и любилъ. Она много, много отъ него страдала, однако жъ не могла съ нимъ разлучиться: чудно, но справедливо!

Наконецъ достигли Мекки, и безобразный, прежде, нежели зашелъ въ домъ молитвы, повлекъ свою прекрасную въ домъ шира и разврата. Такъ онъ и скрылся отъ нашихъ глазъ. Мольщики исполнили долгъ и весело возвращались съ свои дома. Безобразный уже не возвращался..... Послѣ (былъ слухъ), пресыщенный чрезмѣру брашнами, онъ гдѣ-то уснулъ и не пробуждался болѣе. Но она возвратилась

и, какъ говорятъ, воспѣвая веселыя  
пѣсни, въ свое далекое отечество“.

Кто жъ этотъ *онъ*? и кто *она*? во-  
прошали нетерпѣливо юные слушате-  
ли.— „Стройный Алманзоръ и стыдли-  
вая Лейла, у которой черныя очи сияли  
влажнымъ огнемъ... Ужъ *онъ* конечно  
не *духъ*; а *она* вѣрно не *тѣло*“. Такъ  
сказалъ старый Абуфаръ и замолчалъ.

Ф. Глинка.

## НЕРАЗЛУЧНЫЯ.

Спокойны жители Востока. Они удивляются живой, порывчатой дѣятельности суетливыхъ Европейцевъ. Важный, благовидный обитатель береговъ Гангеса и Эвфраты, безмолвно сидящій на узорчатомъ коврѣ своемъ, сложа руки выше пояса, съ улыбкою сожалѣнія смотритъ на странную дѣятельность Европейца, бѣгающаго туда и сюда, иногда съ необдуманною рѣзвостію ребенка, но по большей части съ некоторымъ тоскливымъ, многозаботнымъ и нерѣдко судорожнымъ движениемъ человѣка, какъ будто осужденного къ какой-то страшной участіи.  
„Зачѣмъ же хвалятся они своими на-

„уками, своею философию“, говорять восточные о Европейцахъ, „когда ихъ „науки, когда ихъ философія не даютъ „имъ спокойствія? Стоитъ ли жить, „чтобъ тревожиться! Человѣкъ созданъ „для покоя высокаго, для созерцанія „усладительнаго....“

Испытатели природы приписываютъ дѣйствію солнца различіе темпераментовъ. Полагаютъ между прочимъ, что сухость воздуха на Востокѣ унимаетъ рѣзвость крови. Неизвѣстно, достовѣрна ли сія причина; но достовѣрно, что жители Востока, богатые и бѣдные, занятые и праздные, любятъ молчать, задумываться и предаваться нѣ-которой роскошной мечтательности, придающей и самой ихъ наружности какой-то видъ спокойнаго самодовольствія. Дикіе, огненные, стремительные на войнѣ, они мирны среди мира, медленно-глаголивы въ бесѣдахъ, кротки,

сладконравны \*) въ домахъ и кажутся тающими въ роскоши садовъ своихъ. Ихъ созерцательное бытіе на землѣ проходитъ, какъ долгая усладительная дремота.

Недалеко отъ развалинъ древняго Персеполиса, священно - знаменитой столицы царей и маговъ Персии, обиталь нѣкогда Зунбаръ смиренный послѣдователь великаго Зороастра. Слово жизни (Зендъ-авеста) было правиломъ его собственной жизни, и тотъ, кто улыбался тотчась по рожденіи, былъ

\*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на востокѣ существуетъ обычай, сидя съ гостемъ молчать, думать, курить трубку и только отъ времени до времени спрашивать другъ у друга: „каково теперь расположение вашего нрава?“ на что отвѣчаютъ: „оно усладительно, какъ сахаръ!“

мудрецомъ ему любезнѣйшимъ. Зунбаръ вѣрилъ, что вѣковѣчное время, самобытно, безусловно-почивающее въ своей безпредѣльности, нѣкогда восхотѣло и породило Ормуса и Аrimана. Оба были блестательны и благи. Но Аrimанъ воскипѣлъ завистью и потемнѣлъ. Онъ очреватѣлъ *самостію* и, отторгшись отъ общаго устроенія, отяжелѣлъ и низвратился долу, гдѣ въ неисчислимыхъ видахъ зла свирѣпствуетъ, воюя противу вѣрнаго Ормуса и любимыхъ имъ человѣковъ. Глубокая тма, любимая стихія Аrimана, окружаетъ его и клевретонъ его. Синто тма густо застилаетъ землю, на которую молитвы вѣрныхъ низводятъ лучи горнаго свѣта изъ лона вѣчно сіяющаго Ормуса. Зунбаръ умѣлъ читать въ великой книгѣ природы. Онъ вѣдалъ и священный языкъ (санскритъ), на которомъ написаны книги Зендъ и тайныя Вѣды. Каждая буква сего изы-

ка, начертанная въ опредѣленное времѧ, низводила горній свѣтъ и врачевала въ извѣстномъ кругѣ общій недугъ дольняго мрака. Сады и нивы кроткаго Зунбара были плодоноснѣе, его деревья рослѣе и цвѣты махровѣе обыкновенныхъ: вездѣ кругомъ него видна была какъ бы сгущеная жизнь и свѣжестъ; ибо на немъ почивало благословеніе повсюду и все-любящаго Ормуса.

Послѣдніе лучи солнца отражались на богатой позолотѣ обрушенныхъ лазоревыхъ столповъ, украшавшихъ нѣкогда дворцы и гробницы царей. Прохладный вечеръ нисходилъ, какъ тайный даръ неба, на раскаленныя поля. Зунбаръ сидѣлъ въ саду своемъ противъ высокаго водомета, подъ живымъ навѣсомъ, на которомъ благоухали красивые ясмины и тысячи бѣлыхъ и алыхъ розъ.

Тишина и благоуханіе возвышали

душу его. Онъ видѣлъ радужныя дороги, воздушныя, лазоревыя палаты, храмы, слитые изъ золата живаго какъ жизнь и тонкаго какъ огонь, сады съ древами неземными, цвѣты изъ алмазовъ и камней самоцвѣтныхъ и рои младыхъ пери, купающихся въ разливѣ алой зары. Иногда духъ его парилъ еще выше. Онъ видѣлъ хрустальныя врата, сквозь которыхя, какъ во снѣ, открываются радости рая... И нѣкогда созерцалъ онъ и слышалъ, какъ одна половина неба спорила съ другою о томъ, чего болѣе заключается въ существѣ Господа: всепремудрости, или всеблагости? И вдругъ, среди таковой созерцательной задумчивости, видить онъ однажды предъ собою странную чету. Двѣ женщины явились ему: одна старая, наморщенная, изувѣченная, подпертая клюкою, дряхлая, какъ немощь и непріятная для глазъ, какъ безобразіе; другая

свѣжая, молодая, стройная, съ легкимъ станомъ, съ голубыми ясными очами, съ миловидною головою на круглой, прямой, бѣлой шеѣ, которая вмѣсто ожерелья обнизывалась мелкими свѣтлорусыми кудрями. Она была вся прекрасна, какъ улыбка невинности и чиста, какъ слеза сердечная. Кто вы? спросилъ ихъ Зунбаръ такимъ языкомъ, котораго слова понятны, но неслышны, какъ слова человѣка, разговаривающаго умственно съ самимъ собою. Кто вы?.. „Мы родныя сестры“, отвѣчала младшая. „Мы пущены въ міръ человѣковъ, чтобыходить по землѣ одной за другою; она (указывая на старшую) для того, чтобы мучить, а я—чтобъ утѣшать. Она всего лишаетъ, я все замѣняю. Видишь, какія у нея жесткія руки и на нихъ цвѣкіе желѣзныѣ когти! Мои ладони ласковы, какъ шелковистость атласа, и мягки, какъ ланита невѣсты, лобзае-

мая женихомъ ея. Ими лаская, я ублажаю, щѣлю, успокаиваю сердце, разтерзанное ею. Она мучитъ, какъ нечистая совѣсть; я успокаиваю, какъ голосъ ангела къ кающемуся грѣшнику. Она горька, какъ полынь; я сладостна, какъ прохладительное штие востока. Она стоны и жалобы, я извлекаю изъ сердецъ человѣческихъ тѣ сладкія, тѣ возвышенныя чувства и тѣ чистѣйшія слезы, которыя духи жизни собираются въ златые сосуды и приносятъ, какъ дань, какъ лучшую жертву, предъ густопламенныи престолъ Надибеснаго.“ Но для чего же вы всегда вмѣстѣ? Зачѣмъ ты, прекрасная, не бросишь своей безобразной?... Тогда старшая отвѣчала: „Зунбарь, ты стяжалъ мудрость, но не получилъ еще ключа разумѣнія. Вѣдай: такъ постановлено свыше... Безъ меня сестра моя была бы только существомъ умственнымъ; при мнѣ она

дѣйствительна. Не знали бы цѣлебной сладости врачевства, когда бы не было огорчительной скорби и болѣзни. Истинную щѣнность придаю сестрѣ моей я. Безъ меня люди многое бы забыли и лишились бы счастія облагороживать существо свое тѣмъ высокимъ ощущеніемъ, которое даруетъ она. Однимъ словомъ, кто рѣшится не гнушаться моимъ безобразіемъ, къ тому близка будетъ и ея красота; ибо гдѣ я, тамъ и она.“ Они говорили еще многое и паконецъ сказали свои имена на нѣкоемъ восточномъ нарѣчіи. Звуки сего нарѣчія покажутся, можетъ быть, странными для европейскаго слуха, а потому я и означаю имена обѣихъ въ переводѣ: первая по нашему значить Ницета, вторая Жалость.

Ф. Глинка.

## Ф И Р Д О У С И.

..... Jamais roses de poësie,  
Trésors charmants de grâce et de  
fraîcheur,  
De tels parfums n'embaumerent l'Asie!

**Millevoye.**

Можетъ быть, не только произведения и любопытныя подробности жизни Персидскаго Омера, но и самое имя его не вѣмъ еще у насъ извѣстно. Между тѣмъ, въ западной Европѣ, многіе литераторы такъ же занимаются нынѣ восточнаю словесностію, какъ прежде вѣзъ занимались греческою и латинскою. Вѣроятно и наши знакомыи восточныхъ языковъ скоро познакомятъ насъ съ знаменитою Ша-Наме, поэмою Фирдоуси. Его жизнь

такъ необыкновенна и занимательна, что онъ самъ можетъ быть предметомъ поэмы. Мильвуд его имѣлъ въ виду, когда писалъ прекрасную свою элегію: *Le tombeau du poëte Persan.*

Фирдоус жилъ въ половинѣ XI столѣтія по Р. Х. Онъ родился въ городѣ Тузѣ. Отецъ его былъ садовникъ. Первыми познаніями поэзіи онъ обязанъ былъ учителю своему Эсседи, который, по смерти Фирдоуси, дописалъ и поэму его Ша-Наме. Странный рассказываютъ случай, какъ открылись дарования сего поэта.

Въ 1055 году Персія должна была признать надъ собою власть славнаго завоевателя Махмуда, султана Турецкаго. Онъ утвердилъ свое мѣстопребываніе въ Газнѣ. Его владѣнія простирались отъ Эвфраты до Инда. Сей государь, прозванный Гази, принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ владѣтелей востока. Сила оружія доста-

вила ему власть надъ илеменемъ чуждымъ; но онъ хотѣлъ любовію привязать къ себѣ новыхъ подданныхъ. Ему известна была ненависть Персовъ къ прежнимъ ихъ обладателямъ, Сарацинамъ. Чтобы не винить въ нихъ и къ себѣ подобнаго чувства, онъ началъ изъявлять совершенное уваженіе къ ихъ законамъ, обычаямъ, исторіи, а особенно къ ихъ языку.

На востокѣ во всѣ времена власть государей много зависѣла отъ образования званія гражданъ, которые, присвоивъ себѣ исключительное право на обладаніе науками, приводили простой народъ въ изумленіе тайнами своихъ познаній. Махмудъ собралъ всѣхъ мудрецовъ Персіи, окружилъ себя ими и приказалъ своимъ полководцамъ и воинамъ изъявлять имъ всѣ почести. Въ ихъ бесѣдахъ почерпнулъ онъ свѣдѣнія о новомъ своемъ отечествѣ, о духѣ правленія

предшественниковъ своихъ и восплеменился прекрасною мечтою затмить ихъ бранную славу славою мира и благоденствія подданныхъ. Онъ былъ тогда въ лучшемъ цвѣтѣ лѣта. Поэзія на него дѣйствовала, какъ весеннее солнце на растенія. Миротворецъ враждебныхъ племенъ, воскреситель падшихъ законовъ, поклонникъ истины и мудрости, достопиѣ былъ пѣсней Музъ. Махмудъ самъ чувствовалъ это. Въ собранії просвѣтителей народныхъ, философовъ и поэтовъ, торжественно объявилъ онъ, что ему было бы пріятно, если бы кто изъ нихъ вдохновеннымъ произведеніемъ увѣковѣчилъ время его царствованія. Всѣ поэты совокупились для исполненія воли монарха. Анзари былъ избранъ ихъ главою. Но величие предмета превышало всеобщее усердіе. Духъ пѣснопѣнія свободенъ и не подвластенъ ничьему призванію.

Питомцы Музъ, сопровождаемые учителемъ своимъ Анзари, вышли однажды за городъ. Полдневный зной принудилъ ихъ искать отдохновенія въ прохладной пещерѣ. Тамъ предались они любимому занятію восточныхъ поэтовъ. Въ свободное время обыкновенно между ними начинается поэтическая игра. Всѣ они вмѣстѣ составляютъ четверостишие, принадлежащее къ такъ называемымъ *робои*. Въ немъ каждый стихъ долженъ состоять изъ отдѣльной мысли, которая бы отъ первого до послѣдняго стиха постепенно усиливались. Всѣ стихи оканчиваются на одну риѳму и заключаютъ въ себѣ по четыре стопы изъ трехъ слоговъ: короткаго и двухъ долгихъ. Анзари произнесъ первый стихъ. Послѣ некотораго молчанія старшій изъ учениковъ его отвѣчалъ вторымъ. Найденъ былъ и третій стихъ, хотя по долгому молчанію; но

четвертаго не могъ пріискать никто изъ всего собранія. Между тѣмъ, какъ они, предавшись размышенію, сидѣли въ тишинѣ, Анзари увидѣлъ предъ собою незнакомаго юношу. Никто не примѣтилъ, какъ онъ вошелъ въ пещеру. Онъ былъ черноволосъ, лицемъ смуглъ, но глаза его сияли, какъ звѣзды; одѣтъ, какъ охотникъ; за плечами висѣлъ у него лукъ. Молодой человѣкъ спросилъ у нихъ, о чёмъ они думаютъ. Анзари, прочитавъ ему три первые стиха своего робои, сказалъ, что никто изъ нихъ не можетъ найти четвертаго. Юноша вдругъ его сказалъ. Они всеѣ были поражены силою и благозвучіемъ его. Тогда Анзари повелъ пришельца въ Газну, представилъ Махмуду и объявилъ, что одинъ этотъ молодой человѣкъ въ состояніи написать такую поэму, какой ожидалъ отъ нихъ царь. Восхищенный монархъ

\*

объщалъ ему въ награду шесть золотыхъ темъ.

Этотъ юноша былъ Фирдоуси. Призванный государемъ, онъ оставилъ Тузъ и поселился въ Газнѣ, гдѣ царские чертоги замѣнили ему скромную хижину бѣднаго его родителя. Любимецъ монарха скоро почтенъ былъ всѣмъ народомъ. Прекрасная душа его, казалось, получила новый блескъ на высотѣ счастія. Свободный отъ тягостныхъ, часто убийственныхъ для дарованія, заботъ жизни, исполненный высокаго своего предмета, дыша одною поэзіею, Фирдоуси предался своему занятію со всѣмъ жаромъ юноши. Придворная жизнь не разслабила полудикаго воспитанника Музъ и природы. Посреди изобилія онъ сохранилъ всю свѣжесть своихъ чувствованій. Онъ любилъ великолѣпіе, какъ очаровательные вымыслы воображенія, какъ роскошныя картины

своей восточной природы. Всѣ вельможи и близкіе къ государю не только не завидовали прекрасной судьбѣ его, которой онъ былъ достоинъ, но чувствовали къ нему какое-то неизъяснимое уваженіе, какую-то особенную любовь, похожую на впечатлѣніе, какое остается въ душѣ нашей при разсмотриваніи совершившаго произведенія скульптуры, или живописи. Этотъ періодъ жизни Фирдоуси безъ сомнѣнія былъ счастливѣйшимъ.

Махмудъ, по обыкновенію восточныхъ владѣтелей, старался окружить престолъ своей всѣмъ, чтѣ только было блестательнѣйшаго въ обширномъ его государствѣ. Отроки изъ знатнѣйшихъ домовъ Персіи составляли его услугу. Приближая къ себѣ ихъ съ дѣтства, осыпая своими милостями, онъ съ удовольствіемъ приготавлялъ въ нихъ будущихъ себѣ помощниковъ правленія. Его любовь къ нимъ до-

ходила до пристрастія. Не въ правѣ  
ли быть онъ ожидать отъ нихъ всей  
къ себѣ привязанности? Между тѣмъ,  
одинъ изъ сихъ отроковъ, болѣе про-  
чихъ любимый своимъ государемъ,  
болѣе всѣхъ пользовавшійся его ми-  
лостями, началъ показывать совер-  
шенное къ нему хладнокровіе и пре-  
небреженіе къ его благодѣяніямъ. Пыл-  
кое воображеніе молодаго человѣка  
обольстилось славою поэзіи. Фирдо-  
уси сдѣлался предметомъ его удивле-  
нія. Отрокъ посвящалъ ему каждую  
минуту свободнаго своего времени.  
Въ его бесѣдахъ находилъ онъ чистѣй-  
шія наслажденія. Наконецъ онъ го-  
товъ былъ сдѣлаться рабомъ его, лишь  
бы неотлучно при немъ находиться:  
онъ забылъ всѣ свои обязанности и  
отношенія къ государю.

Слѣдствія сего ничтожнаго, пови-  
димому, обстоятельства, очень важны  
были для Фирдоуси. Самолюбіе Max-

муда оскорбилось. Можетъ быть, не столько ревность, сколько зависть овладѣла имъ. Онъ чувствовалъ, что неожиданное стечениѳ подобныхъ случаевъ легко истребить всѣ плоды его прѣдусмотрительности. Всего непрѣятнѣе было то, что врагъ его не подалъ противъ себя никакого видимаго оружія. И такъ чувство миценія должно было оставаться тайнымъ.

По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ знаменитый трудъ поэта приближался уже къ концу. Махмудъ Гази, герой поэмы, превознесенъ былъ въ ней выше всѣхъ владыкъ Азіи. Послѣдовала награда. Царскіе послы представали передъ пѣвцомъ, когда онъ щель изъ ванны. Но какъ Махмудъ исполнилъ свое обѣщаніе? Онъ прислалъ Фирдоуси шесть серебряныхъ темъ. Оскорблѣнныи поэтъ двѣ изъ нихъ отдалъ невольнику за омовеніе, двѣ за выпитую имъ чашку шербета, а остальныя

Махмудовымъ посламъ. Въ жару не-  
годованія своего Фирдоуси написалъ  
самые обидные стихи на монарха и  
скрылся изъ Газны.

Государь, узнавши о всемъ, началъ  
раскаяваться въ своемъ поступкѣ. Онъ  
дорожилъ чистотою славы своей. Ему  
казалось, что современники и потом-  
ки были уже противъ него. Желая  
примириться съ оскорблениемъ поэ-  
томъ, онъ разослалъ за нимъ повсю-  
ду въ своемъ государствѣ. Прошло  
довольно долго времени въ тщетныхъ  
поискахъ. Наконецъ некоторые изъ  
посланныхъ прибыли въ Тузъ. Тамъ  
объявили имъ, что Фирдоуси скры-  
вается въ домѣ отца своего, который  
жилъ за городомъ. На девяти вер-  
блюдахъ привезены были драгоцѣнныя  
подарки, назначенные Махмудомъ пѣв-  
цу славныхъ дѣлъ его. Посланые отъ  
царя встрѣчены были садовникомъ у

дверей его хижины. Они объявили ему, что государь прислалъ дары Фирдоуси и просить его опять возвратиться къ нему во дворецъ. Отецъ поэта пригласилъ ихъ въ садъ свой и ввелъ въ бесѣдку. На полу ея разостланъ былъ коверъ, а сверхъ него лежало покрывало. Садовникъ спросилъ ихъ въ другой разъ: кого они ищутъ? Посланые произнесли имя Фирдоуси. Онъ поднялъ съ ковра покрывало, и предстоявшіе увидѣли, что пѣвецъ лежалъ предъ ними мертвый.—Щедроты царскія не воскресятъ его, сказалъ садовникъ и, обливаясь слезами, склонился на трупъ сына своего. Онъ ничего болѣе не могъ сказать присутствовавшимъ.

Это печальное извѣстіе поразило сердце чувствительного государя. Онъ долго оплакивалъ кончину пѣвца своего и хотѣлъ излить свои милости на

сестру его; но она отвергнула всѣ  
предложенія, осталась безбрачною и  
кончила жизнь близъ гроба милаго  
брата.

---

## В О Ж А Т Ы Й.

Однажды въ сумерки, когда я находился въ бездѣйственной задумчивости между сномъ и бдѣniемъ, Онъ явился ко мнѣ. Чрезъ затворенную дверь вошелъ онъ въ комнату, схватилъ меня за руку и широкими шагами повелъ, все прямо, въ далекій путь. Мы подходили къ лѣсамъ: они предъ нами разступались; приближались къ стѣнамъ: онъ раздвигались; мы взлѣзали на горы, спускались въ пропасти земныя: вездѣ намъ мостились мосты, вездѣ ожидали членоки-самоходы.... Чудесный вводилъ меня даже во внутренность огромныхъ камней, подъ поддоніе рѣкъ и показывалъ составъ деревъ подъ ихъ ко-

рою.... Повсюду жизнь и бытие; вездѣ я видѣлъ духъ жизни: онъ развивалъ нѣжные стебельки цветковъ; онъ двигалъ жизнь по грубымъ жиламъ гранита; онъ пролеталъ, какъ молния, нѣдра земли и зараждалъ металлы..... Я видѣлъ таинства природы и тайные общества человѣковъ: все обошелъ, облетѣлъ, видѣлъ, не зная самъ, кто былъ мой вожатый, крылатый, какъ Меркурий. И теперь друзья говорятъ мнѣ: ты былъ водимъ *воображениемъ*.

Ф. Глинка.

## РУССКИЕ ПОКЛОННИКИ ВЪ ИЕРУСАЛИМЪ.

Отрывокъ изъ путешествія по Греции  
и Палестинѣ, въ 1820 году.

Кто не бывалъ на морѣ, тотъ не  
легко повѣрить, чтобы прекрасный  
днѣтній день могъ иногда казаться не-  
сноснѣе зимней непогоды. Но мы узна-  
ли сіе на опытѣ во время скучнаго  
переѣзда отъ Родоса до Яффы. Без-  
вѣтріе застигло нась въ виду крѣ-  
пости Кастель-россо, на берегу Ка-  
раманскомъ, и мы цѣлые пять дней  
не могли двинуться съ мѣста. Все въ  
природѣ утомляло взоръ единообра-  
зіемъ: съ утра до вечера море свѣт-  
илось какъ зеркало, а небо было без-

облачно. Нестерпимый жаръ и духота въ каютахъ, палящій зной на палубѣ (гдѣ растопленная смола текла по доскамъ и канатамъ), печальный стукъ парусовъ о мачты, вселяли въ насъ уныніе и заставляли жалѣть о буряхъ, съ коими боролись мы въ самыхъ сихъ мѣстахъ, на пути изъ Египта въ Морею... Не такъ ли иногда, послѣ бури страстей, въ дремотѣ нравственной и съ отвращеніемъ ко всему, что прежде насъ плѣняло, жалѣемъ о сильныхъ горестяхъ, потрясающихъ бытіе, но возвышающихъ душу!.. Наконецъ легкій вѣтерокъ помогъ намъ войти въ пристань Кастель-россо, гдѣ мы съ трудомъ запаслись гнилою водою. Крѣпость построена на маленькомъ утесистомъ островѣ, какъ бы оторванномъ отъ твердой земли, и жители должны издалека доставать нужное для пищи.

Мы еще простояли болѣе сутокъ противъ южнаго мыса Кипрскаго (сар Gatte), въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Сильное морское теченіе влекло корабль на западъ и отдаляло насъ отъ желанной цѣли.—Берегъ Сирійскій открылся не прежде 20 Августа: сперва показалась влѣвѣ вершина Кармилѣ; потомъ, прямо передъ нами, бѣловатое поморіе Кесарійскoe, и вправѣ цѣпь высокихъ горъ близъ Іерусалима. Съ умиленіемъ и жаднымъ любопытствомъ смотрѣли мы на сю землю, столь важную въ исторіи рода человѣческаго, обильную чудесами и событиями великими, колыбель Христіанской вѣры; на землю, гдѣ живуть преданія Ветхаго и Новаго Завѣта, гдѣ каждый холмъ, каждая дебрь, каждая развалина, говорятъ о дѣлахъ пророковъ и знаменитыхъ витязей.

Весь оный край, отъ Сура (древ-

\*\*

яго Тира) до Газы, очень опасенъ для судовъ въ бурное время года; а Греческіе кормчіе, исключая смѣлыхъ островитянъ съ Идры, Исары и Спецціи, тогда были вообще неискусные мореходцы въ Архипелага. Къ счастію нашъ *каравокиръ* (хозяинъ судна), родомъ изъ Скіаѳо, уже нѣсколько разъ привозилъ поклонниковъ въ Яффу и, твердо зналъ сіи мѣста, взялся провести корабль на рейду, даже ночью. Онъ сдержалъ слово и на разсвѣтѣ бросилъ якорь верстахъ въ двухъ отъ города. Мы сѣхали съnimъ на берегъ въ небольшой лодкѣ, пробираясь между огромными камнями, о кои разбивались волны съ ревомъ, и пошли отдыхать въ Греческій *метохъ* (подворье), гдѣ были гостепріимно встрѣчены проигуменомъ. Черезъ него отправили въ Іерусалимъ къ епітропамъ (намѣстникамъ) грамоту bla-

женинъшаго патріарха Поликарпа \*),  
извѣщавшую ихъ о напіемъ посѣщеніи.

Яффа (древняя Іоппія) была нѣкогда  
средоточiemъ торговли между Пале-  
стиною, Египтомъ и ближними остро-  
вами. Нынѣ, въ безпечное и хищное  
правлениe Турковъ, пристань занесе-  
на песками и оживляется только во  
время проѣзда поклонниковъ. Городъ  
построенъ уступами, почти вѣсъ изъ  
тесанаго камня, съ глубокимъ рвомъ  
и стѣною, примыкающею съ обѣихъ  
сторонъ къ морю; улицы тѣсны, а

---

\* ) Патріарха Константинопольскаго имену-  
ютъ по гречески *Всесвятъшиимъ* (Фанагуш-  
татос), а прочихъ *Блаженнѣйшиими*.—Вотъ,  
для любопытныхъ, полное титло первосвяти-  
теля Іерусалимскаго: „Блаженнѣйший и свя-  
тѣйший отецъ и патріархъ святаго града  
Іерусалима и всей Палестины, Сиріи, Ара-  
вії и за Йорданомъ, Каны Галилейской и свя-  
таго Сіона“.

домы некрасивы и какъ бы подавлены плоскими кровлями. Но окрестности, по дорогѣ къ Иерусалиму, прекрасны: отъ самыхъ воротъ идутъ большия сады и виноградники, славимые всѣми путешественниками.

Мы нашли жителей въ смятениі и страхѣ. Новый паша Акрскій (отъ коего зависитъ Яффа), Абдулла, забывъ важныя услуги, оказанныя ему Евреемъ Хаимомъ, велѣлъ умертвить сего несчастнаго и бросить трупъ въ море: всѣ иновѣрные, Греки и Мусульмане, сожалѣли о незаслуженной казни человѣка, имъ благодѣтельствовавшаго \*). Въ то же время отриць

\* ) Хаимъ пользовался довѣренностью прежнихъ пашей, Джеззара и Солеймана; но, пропавъ иѣкогда первого, лишился ушей и носа. Одинъ изъ Европейскихъ консуловъ сбѣтовалъ ему, въ дружескомъ разговорѣ, удалиться въ какое-либо христіанское госу-

войска внезапно окружилъ городъ Сафеть, обитаемый Евреями, и насильственно собралъ съ нихъ дань, равную десятильней подати. Турки и чужестранные купцы не укрылись отъ притѣсненій; Европейскіе консулы, люди малозначущіе и робкіе, не смѣли противиться, и всѣ начальства трепетали предъ новымъ правителемъ, коего беззаконное самовластіе и сви-

дарство, гдѣ пріобрѣтенный имъ богатства (добыча его убийцы!) доставили бы ему средства кончить дни свои въ изобилии и покой. „Богатства? прервалъ Ханъ: ахъ, ужели думаете, что можно здѣсь оставаться тому, у кого есть кусокъ хлѣба!“—Говоря такимъ образомъ, онъ обманывалъ себя или другихъ. Не скучность удерживала его въ земль, гдѣ собственность и жизнь каждого въ непрестанной опасности; но сила привычки, слѣпая вѣра въ предопределѣніе и какое-то врожденное равнодушіе, составляющія отличительную черту въ характерѣ восточныхъ народовъ.

рѣпство грозили Палестинѣ вторымъ Джеззаромъ. Но для насъ обстрѣльства сіи были благопріятны. Мусселимъ (губернаторъ) Яффскій, боясь подать поводъ къ жалобамъ, принялъ немедленно мѣры къ охраненію насъ отъ всякаго беспокойства до самаго Іерусалима, и строго запретилъ Арабскимъ шейхамъ требовать обычный *кафаро* т. е. подорожные сборы, отъ коихъ Россійские подданные освобождены VIII статьею Кайнарджійскаго мирнаго договора.

Доставъ, за умѣренную цѣну, нужныхъ намъ лошадей и верблюдовъ, мы отправились изъ Яфы 22 Августа, передъ вечеромъ, въ сопровожденіи мусселимова чиновника и монастырскихъ драгомановъ, иѣхали прекрасною Саронскою долиною до Ремли (древн. Аримаѳії); тамъ пробыли нѣсколько часовъ, ожидая восхожденія мѣсяца. Отъ сего города равнина

возвышается непримѣтно до подошвы горъ Іудейскихъ, безплодныхъ и населенныхъ малолюдными племенами хищныхъ Аравлянъ. Вступивъ въ ущелія, мы увидѣли другую природу: мѣста дикія, гдѣ почти нѣтъ слѣдовъ человѣческой дѣятельности, гдѣ по-російски кустарникомъ развалины показываются изрѣдка на холмахъ, какъ гробы временъ минувшихъ. Дорога, каменистая и трудная, то извивается по крутизnamъ, то спускается въ глубокіе овраги, на дно пересохшихъ потоковъ. Видъ сей пустыни, весьма живо и вѣрно описанной Шатобраномъ (*Itinér. de Paris à Jérusalem, part. III.*), вливаетъ въ душу уныніе: тамъ свистъ вѣтра и пронзительный вой шакаловъ заглушаютъ крикъ проводниковъ и топотъ конскій.

При вѣездѣ въ бѣдную Арабскую деревушку, верстахъ въ 15 отъ Іерусалима, нась остановили именемъ

шейха Абу-Гоша, грозы поклонниковъ, съ усилиюю просьбою зайти къ нему для отдохновенія. Мы нашли его на маленькомъ дворикѣ, сидящаго въ тѣни, на рогожахъ, и окруженаго старѣйшинами его племени. Всѣ прияли насъ очень ласково. Абу-Гошъ хвалился знакомствомъ съ Англійскою королевою, супругою Георга IV, и славнымъ Сиднеемъ Смитомъ \*), показывалъ полученные отъ нихъ подарки—стъ явнымъ намѣреніемъ возбудить и нашу щедрость—и угостивъ дружелюбно, пустился провожать караوانъ за деревню. Онъ сидѣлъ на прекрасной лошади и управлялъ ею съ отмѣннымъ проворствомъ; при спу-

\*.) Кромѣ подарковъ, Сидней Смитъ оставилъ шейху оттискъ большой печати, на коей было вырѣзано нѣсколько Арабскихъ словъ, изъ Корана, въ похвалу христіанамъ, ихъ усердію къ молитвѣ, и проч.

скѣ въ Теревинѣскую долину, бросилъся на всемъ скаку съ крутизны, не пошатнувшись въ сѣдлѣ и безпрестанно понуждая коня широкими и острыми стремянами. Прощаюсь, обѣщалъ поѣтить насъ въ *Кудсъ-шерифъ* \*), клялся не обижать никогда Русскихъ путешественниковъ и просилъ замолвить за него доброе слово страшному пашѣ Акрскому.

Нельзя вообразить ничего печальнѣе окрестностей Іерусалима: горы, стремнины, овраги, безъ зелени, почти безъ деревьевъ, засыпанные вездѣ на четверть круглыми камнями; казалось, что каменный дождь ниспалъ съ

\*.) *Кудсъ-шерифъ*, т. е. знаменитая святыня или очищеніе: такъ Мусульмане называютъ Іерусалимъ, разумѣя сей городъ мѣстомъ очищенія отъ грѣховъ, и ставя почти на ряду съ Меккою и Мединою. Еще зовутъ его *Бейтъ-уль-мукааддесъ*—домъ святый.

неба на сю преступную землю. Около полудня, утомленные зноемъ, мы поднялись на высоту и увидѣли передъ собою рядъ зубчатыхъ стѣнь и башенъ, не окруженныхъ ни предмѣстіями, ни разбросанными хижинами, и какъ бы воздвигнутыхъ среди пустыни. При первомъ взглядѣ на сіи древнія стѣны,—городъ Давида, Ирода и Годфреда—тысячи воспоминаній, одно другаго живѣе, одно другаго священнѣе, тѣснятся въ душу. Пусть ходные умы смѣются надъ восторгами поклонниковъ! Здѣсь, у подошвы Сиона, всякий христіанинъ, всякий вѣрующій, кто только сохранилъ жаръ въ сердцѣ и любовь къ великому!

Предваренные изъ Яффы Греческіе монахи встрѣтили насъ у западныхъ воротъ (*Бабъ-уль-Халиль*), привѣтствуя отъ имени втораго епитропа, Прокопія (старшій, архіепископъ Петры Аравійской, былъ тогда въ своей

епархії), и провели въ назначенный намъ монастырскій домъ, близъ патріархіи и храма Воскресенія. Въ семъ гостепріимномъ убѣжищѣ доставили намъ возможныя удобства, и мы въ полной свободѣ занялись поклоненіемъ святынѣ и обозрѣніемъ всего достойнаго примѣчанія въ городѣ и виѣ онаго.

Не стану описывать того, что было много разъ описано учеными и внимательными путешественниками — о чёмъ такъ много спорили и продолжаютъ спорить. Изъяснения различно сказаний другихъ. Каждый шагъ въ новомъ Іерусалимѣ измѣренъ: но обширность старого еще подвержена сомнѣнію, и положенія нѣкоторыхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ и Евангеліи, не опредѣлены удовлетворительно. Мы знаемъ, что новый городъ занимаетъ только часть прежняго, разрушенного Титомъ въ

71 году по Р. Х. Иосифъ Флавій (de Bell. Jud. VI. 6) увѣряетъ, что окружность ~~стѣнъ~~ составляла 33 стадіи; нынѣ содержитъ она, по свидѣтельству Маундреля, только 4630 обыкновенныхъ шаговъ, или съ небольшимъ три версты. Иные критики, стараясь согласить мѣстныя наблюденія съ текстомъ Гудейского историка, убавляютъ мѣру его стадій; другие просто обвиняютъ его въ невѣрности и увеличиваютъ—хотя опытомъ доказано, что нельзя такъ легко осуждать древнихъ писателей, но что новѣйшія, точныя изысканія часто подтверждали ихъ извѣстія, казавшіяся намъ баснями. Любопытные могутъ имѣть понятіе о доказахъ, на коихъ основаны разныя мнѣнія ученыхъ о положеніи горы Сіонской, Голгоѳы и проч. прочитавъ разсужденіе Данвиля (*Sur l'étendue de l'anc. Jérus. et de son temple*) и статью Риттера (*Allgem. vergleich. Geograph.*

hie, III Abth. § 31). Шатобріанъ слѣдуетъ во всемъ первому \*).—Избѣгая напрасныхъ повтореній, я предложу Русскимъ читателямъ нѣсколько собственныхъ замѣчаній о нынѣшнемъ состояніи главныхъ *мѣстъ поклоненія* и о жизни нашихъ соотечественниковъ въ Іерусалимѣ.

Важнѣйшая для Христіанъ святыня,

\*) Вообще извѣстія Шатобріановы о нынѣшнемъ Іерусалимѣ столь же точны, сколько его записки о Греціи невѣрны и поверхности. Мы сами видѣли тому не одинъ приѣздъ въ Морѣ. Докторъ Авраміотти, съ коимъ онъ познакомился въ Аргосѣ, написалъ цѣлую книгу въ опроверженіе его *путешествія* и, по большей части, укоряетъ спра-ведливо. Но удѣлъ Авраміотти—забвеніе; а многіе отрывки Шатобріановы, пребываніе въ Палестинѣ, исторія Кареагена и особенно смерть св. Лудовика, останутся навсегда въ памяти у каждого, кто умѣеть цѣнить изящное.

Гробъ Господень, заключена въ стѣнахъ большаго храма Воскресенія, сооруженнаго св. Еленою около 326 года. Напрасно сомнѣвались въ подлинности сего памятника: множество сильныхъ доказательствъ удостовѣряетъ, что Христіане, въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ, сохраняли вѣрное свѣдѣніе о мѣстѣ страданія и погребенія Спасителя. Они, по словамъ Гибона „означили ѿеатръ каждого до- „стопамятнаго дѣйствія, слѣдуя несомнительному преданію“ (IV, 101. См. вышепом. *Dissert. sur l'anc. Jérus. et Шатобр. Mém. sur l'authenticité des tradit. Chrét.*).—Сей храмъ былъ до половины разрушенъ пожаромъ, въ октябрѣ 1807 года. Гробъ остался невредимъ; но кедровый куполъ церкви, объятый огнемъ, упалъ на отваленный по воскресеніи камень и раздробилъ его; Греческій *Каѳоликонъ* (соборъ) и окружные придѣлы сгорѣли. Западная

Европа, нѣкогда проливавшая рѣками кровь за обладаніе симъ святыишиемъ, равнодушно смотрѣла на его развалины. Одни Греки, въ рабствѣ и угнетеніи, собрали до 7 миллионовъ левовъ (болѣе  $4\frac{1}{2}$  милл. рублей), купили цѣну золота у Порты позволеніе и возобновили все зданіе на прежнихъ основаніяхъ, подъ надзоромъ простаго *Калбы*—самоучки - зодчаго. Старики, дѣти, женщины работали изъ усердія, и многіе донынѣ утѣшаются воспоминаніемъ, что носили землю при строеніи храма. Такія пожертвованія, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, доставили нашимъ единовѣрцамъ право совершать литургію на Св. Гробѣ: право, утвержденное *хати-шерифомъ* (именнымъ указомъ) султана Махмуда, но еще оспориваемое Католиками.

Вступивъ въ церковь, поклонникъ съ негодованіемъ видить Турецкую стра-

жу, жадно считающую входящихъ, для сбора положенной дани. Часто начальникъ оной, въ знакъ уваженія, идетъ передъ нимъ, даже въ алтари, показываетъ чубукомъ мѣста святыя, или разгоняетъ толпящійся народъ плетью! Шагахъ въ 40 отъ дверей, среди величественной ротонды, воздвигнута надъ Гробомъ Христовымъ часовня (кувуклій) изъ желтоватаго мрамора, обращенная на востокъ. Въ ней сперва придѣлъ *Ангела*, а потомъ тѣсная пещера, гдѣ, по древнему обычаю, было положено тѣло на большомъ камнѣ, въ самой горѣ высѣченномъ и покрытомъ нынѣ мраморною доскою. Тридцать шесть лампадъ горятъ надъ нимъ день и ночь, въ открытомъ сверху куполѣ. На семъ нетлѣнномъ жертвенникѣ совершаются проскомидія; а при началѣ литургіи сосуды переносятся въ придѣлъ, гдѣ часть отваленного Ангеломъ камня служитъ престоломъ. Стѣны ку-

вуклія, снаружи и внутри, украсаются тканями: поводь ко многимъ ссорамъ между разными вѣроисповѣданіями!

На каждомъ шагу, въ семъ храмѣ, находитъ вѣрюшій слѣды великаго дѣла искупленія. Здѣсь Христосъ былъ обремененъ оковами и привязанъ къ столбу \*); здѣсь Онъ явился, по вос-

\*). Отломокъ сего столба хранится въ придельѣ у Францисканскихъ монаховъ, за желѣзною рѣшеткою, такъ что поклонники не могутъ пѣловать онаго, а только дотрогиваются до него концемъ трости. Католики, въ оправданіе столь ненавистной предосторожности, говорятъ, будто бы Греки неоднократно старались похитить сю святыню. Греческие духовные, съ своей стороны, обвиняютъ ихъ въ подобныхъ покушеніяхъ и сами берегутъ за рѣшеткою, подъ престоломъ, часть столба, на коемъ Спаситель былъ насаженъ воинами для пороганія... *Hiacos intra muros recessatur et extra.*

кресеніи, Маріи Магдалинѣ и (если вѣрить преданію) скорбящей Матери; здѣсь узнанъ крестъ Его. Тамъ, камень *помазанія*, на коемъ тѣло Его было умашено ароматами и обвито плащеницею; придѣлы поруганія (Impregere), раздѣленія ризъ, благаго разбойника, Лонгина Сотника; гробы Іосифа и Никодима.—Вверху, на Голгоѳѣ, два маленькие престола означаютъ гдѣ пригвождали Спасителя къ древу и гдѣ оно водружено было. Внизу сходъ въ подземелье, въ коемъ царица Елена нашла Крестъ, раскопавъ заваленную подошву холма... Тщетно Кесарь Адріанъ, во времена гоненій, старался присвоить сіи мѣста идоло-служенію, воздвигнувъ истуканъ Венеры на Голгоѳѣ и Юпитера надъ Гробомъ Господнимъ. Сіи кумиры не привели святыни въ забвеніе, но еще болѣе сохранили память о ней до пріиществія въ Іерусалимъ благочести-

вой царицы, утвердившей знаменіе вѣры Христовой на развалинахъ язычества.

Наружные стѣны церкви закрыты частными домами и принадлежащими Греческому монастырю строеніемъ. Прежде было два входа; но одинъ, съ сѣверной стороны, закладенъ: остались только южные врата, называемыя *святыми*. Ключи въ рукахъ у Турковъ, кои отпираютъ двери не иначе, какъ въ присутствіи *мутевелли* (надзирателя), назначаемаго Акрскимъ пашею, и драгомановъ Греческаго, Католическаго и Армянскаго. Тогда городскіе жители и поклонники всѣхъ исповѣданій обходять свободно разные придѣлы, но не могутъ служить молебновъ въ чужихъ отдѣленіяхъ. Нѣкоторые, испросивъ позволеніе духовныхъ властей, остаются на время во внутренности храма съ чередными монахами и священниками, и вмѣстѣ съ

ними получаютъ пищу сквозь небольшія окна въ дверяхъ и въ сводѣ надъ главнымъ алтаремъ Греческимъ.

И мы провели въ семъ священномъ уединеніи нѣсколько дней, для меня незабвенныхъ. Все окружавшее возбуждало въ моей души неизъяснимыя чувства. Часто въ глубокую полночь, когда привыкшіе къ оному зрѣлищу монахи покойно спали въ келляхъ, я стоялъ, облокотясь на подножіе столба, среди большой церкви. Куполы, переходы и весь Греческій *Кафоликонъ*, до самаго алтаря, скрывались во мракѣ; но святые памятники были какъ бы опоясаны рядами неугасающихъ лампадъ и казались свѣтыми оазисами въ темной дебри. Давно-минувшее воскресало въ моемъ воображеніи: страданія Праведнаго, источникъ жизни, отсюда излившійся, когда скрижалы Моисеевы уступили мѣ-

сто Новому Закону; торжество Крестоносцевъ, преклонявшихъ колъна предъ величимъ Гробомъ, ихъ мечами освобожденныи: и вѣнчаніе героя-вождя діадимой изъ тернія. Я смотрѣлъ на могилу Годфреда \*), и вдохновенная Тассова пѣснь гремѣла въ моемъ слухѣ!.. Къ утру сіи мечтанія прерываемы были благовѣстомъ въ деревянный колоколь: священники и діаконы мелькали какъ тѣни, съ курящимися въ рукахъ кадилами; гласы поющихъ ликовъ мѣшались со звукомъ органовъ, и хвала Божеству возноси-

\*.) Напрасно ставятъ въ вину Грекамъ поврежденіе гробницъ, воздвигнутыхъ во время Латинскаго владычества надъ могилами Годфреда и брата его Балдуина. Сіи памятники истреблены пожаромъ; но мѣста ихъ означены кирпичными возвышеніями, и отъ самихъ Католиковъ всегда зависѣло возобновить древніе гробы и надписи.

лась на разныхъ языкахъ, съ разными обрядами, но въ единомъ храмѣ...

Всѣ *мѣста поклоненія* раздѣлены между Греками, Католиками и Армянами. Копты имѣютъ только одинъ алтарь, пристроенный къ кувуклю; а Сириане (Несториане), Грузины, Хабети или Абиссинцы и Марониты, о коихъ упоминается въ прежнихъ описаніяхъ, удалены изъ храма силою, либо уступили добровольно свои права другимъ народамъ. Каждый укращаетъ свою *собственность*, какъ хочетъ; но тамъ, гдѣ владѣютъ вмѣстѣ два исповѣданія, число иконъ и лампадъ установлено единожды навсегда съ согласія Турковъ. Порядокъ служенія и обряды также опредѣлены подробно особымъ положеніемъ, и съ того времени не стало одной, ближайшей причины къ раздору между Іерусалимскими Христіанами. Еще таятся въ

сердцахъ взаимныя досады, и приносимое на украшение церкви золото еще расточается въ Акрѣ, Дамаскѣ, Царѣградѣ, дабы вредить соперникамъ. По крайней мѣрѣ главы духовенства, не преставая обвинять другъ друга въ ежедневныхъ обидахъ, стараются не допускать монаховъ до явныхъ и соблазнительныхъ ссоръ, бывавшихъ нѣкогда у Св. Гроба. къ прискорбію единовѣрцевъ.

Начало злу въ закоренѣлой ненависти каждого исповѣданія къ другому и въ желаніи овладѣть исключительными мѣстами, гдѣ кровь Спасителя пролита за всѣхъ. Отъ самаго раздѣленія Римской церкви съ Константинопольскою, духъ смиренія и любви рѣдко управлялъ ихъ сношеніями. Въ глазахъ Крестоносцевъ Греки едва ли не были хуже поклонниковъ Могаммеда; въ глазахъ Грековъ Католики не имѣли права на имя Хри-

стіанъ \*). Наслѣдственная между ими злоба не уменьшилась и нынѣ, особенно въ некоторыхъ приморскихъ городахъ и на островахъ, подвластныхъ Портъ, гдѣ часть жителей приняла догматы Римскіе. Католикъ обращенный въ Православіе, подвергается Греками вторичному крещенію. За то Католикъ, женившійся на Православной, долженъ быть разведенъ съ нею: такъ учили въ 1817 году, въ Смирнѣ, Европейскіе проповѣдники, рожденные

\* ) Когда нынѣшніе Греки говорятъ о Христіанахъ, то всегда разумѣютъ себя или Русскихъ; Католиковъ называютъ *Латинами*, *Франгами* или просто *Западными* (οἱ Δυτικοὶ) Въ томъ же смыслѣ и царь Иоаннъ Васильевичъ отвѣчалъ іезуиту Поссевину: „Вѣра наша, Вѣра христіанская, изъ давнихъ лѣтъ была себѣ, а Римская Церковь была себѣ“ и проч. См. Статейн. спис. и Истор. Госуд. Росс. IX. 359.

въ землѣ просвѣщенія и терпимости!  
Tantaene animis coelestibus irae?

Относительно къ Св. Гробу обѣ стороны основываютъ свои требования на грамотахъ разныхъ халифовъ и султановъ, отъ Омара до Махмуда II. Но Греки хотятъ *равенства*, а Католики—*господства*, утверждая, что сія святыня есть ихъ собственность, и что имъ однимъ принадлежить ея храненіе. До самаго обновленія *Великой Церкви* (ή μεγάλη ἐκκλησία), такъ называютъ храмъ Воскресенія), они не позволяли Православнымъ служить въ кувукліи и, даже послѣ изданнаго въ 1815 году хати-шерифа, старались возвратить себѣ утраченныя преимущества, пользуясь вліяніемъ своихъ посланниковъ при Портѣ. Недостатокъ въ деньгахъ и начавшійся съ Армянами споръ за Виолемскій храмъ принудили ихъ оставить въ покое Грековъ и наблюдать

\*

сдѣланное положеніе. Въ силу онаго, Греки и Католики поочередно моютъ и метутъ кувуклій и камень помазанія; имѣютъ равное число иконъ, лампадъ и подсвѣтчиковъ, и равное право украшать стѣны покровами. Армяне лишены большой части сихъ выгода: у нихъ одна икона надъ дверями и нѣсколько лампадъ; во всѣхъ духовныхъ обрядахъ они занимаютъ третье мѣсто.

Каменные четырехугольные столбы, окружающіе кувуклій, и переходы, верхніе и нижніе, также раздѣлены по частямъ между всѣми исповѣданіями. На Голгоѳѣ Католикамъ принадлежитъ южная сторона, а Грекамъ досталась отъ Грузинъ съверная, гдѣ стоялъ Крестъ. Чѣмъ касается до мѣста обрѣтенія онаго, то сей сводъ, тѣсный и полный сырости, еще въ спорѣ между ими. Первые не допускаютъ туда ставить чужихъ лампадъ,

а послѣдніе жалуются на умышленное поврежденіе мраморныхъ досокъ, положенныхъ Православными \*).

Но, порицая справедливо сіи распри, скажемъ, что образъ восточнаго судопроизводства много содѣйствуетъ къ продолженію оныхъ. Приговоры кадіевъ основаны почти всегда на показаніяхъ свидѣтелей, особенно Мусульманъ, и потому каж-

\*.) Мы пропускаемъ многія подробности, необходимыя для того, кто желалъ бы имѣть точное свѣдѣніе о нынѣшнемъ положеніи храма: здѣсь онѣ были бы утомительны и неясны. Надѣемся, что любопытство читателей будетъ скоро удовлетворено изданіемъ въ свѣтъ прекрасного и полнаго плана *Великой Церкви*, снятаго на мѣстѣ г. академикомъ Воробьевымъ. Никто изъ новѣйшихъ путешественниковъ не имѣлъ для сего столько способовъ, и никто не могъ бы лучше ими воспользоваться. Къ его рисункамъ приложится описание главнейшихъ обрядовъ, исчисленіе иконъ и лампадъ каждого исповѣданія, и проч.

дый тяжущійся старается склонить на свою сторону стражей храма и почетныхъ жителей Іерусалимскихъ. Дабы увѣрить ихъ въ несомнѣнности права, нужны обычай и давность, коп въ глазахъ Турковъ важнѣе мертвыхъ грамотъ. Кто, напримѣръ, мететь и украшаетъ кувуклій, тотъ (по ихъ понятіямъ) владѣеть онимъ: зная сіе, всякъ боится уступить сопернику и противится упорно малѣйшей новизнѣ. Сверхъ того, паши, мусселимы, кади, непрестанно питаются между Христіанами вражду, для собственныхъ выгодъ. Покровительствуя нынѣ однихъ, завтра обѣщаютъ другимъ сильное заступленіе, и радуются умноженію жалобъ и доносовъ. Въ 1819 году паша Дамасскій, главный правитель Іерусалима, позволилъ Армянамъ, за 60 тысячъ левовъ. прорубить дверь близъ алтаря ихъ въ Вифлеемской церкви, къ великой доса-

дѣ Католиковъ; а симъ вызвался отмѣнить, за меньшую цѣну, данное позволеніе. Ему не заплатили требуемаго, и дверь осталась отвореною. На слѣдующій годъ, ставъ опять лагеремъ передъ стѣнами города съ идущимъ въ Мекку караваномъ, онъ взялъ еще съ Армянъ 30 тысячъ левовъ, и вторично предложилъ Католикамъ тѣ же условія... Если правда, что законы и правительства образуютъ вездѣ народную нравственность, то беспристрастный наблюдатель долженъ въ духѣ Турецкаго владычества искать вину осуждаемыхъ пріи пороковъ.

Трудно исчислить, чего стоить Іерусалимскимъ Христіанамъ минимая терпимость Порты и снисходительность мѣстныхъ начальниковъ. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, Греки издержали на подарки, въ теченіе одного только мѣсяца Августа 1820, до ста кошельковъ, т. е. 50 тысячъ ле-

вовъ. Прибавимъ къ сему необходимые расходы на церковное строеніе, на патріархію, и проч.—и мы увѣримся, что слухи о тайныхъ монастырскихъ сокровищахъ, будто бы ежедно умножаемыхъ обильными подаяніями, столь же баснословны, какъ и повѣсть о неистощимой кладовой Абуказема, въ Арабскихъ сказкахъ \*)

\*) Въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи (*Introduction aux Mémoires sur la Grèce de M. R.*), въ коемъ многія любопытныя извѣстія переданы съ неправдами и напрасными ругательствами, повторена—хотя и не утвердительно—сказка о калоинѣ-то древнемъ сокровищѣ, въ Греческомъ монастырѣ Св. Гроба. По словамъ автора, султаны тщетно хотѣли узнать, гдѣ оно хранится, и овладѣть имъ; самъ первосвятитель, бывая въ Иерусалимѣ, не смѣетъ требовать отчета у казначея, избираемаго изъ надежнѣйшихъ монаховъ и передающаго сію тайну своему преемнику... Можемъ увѣритъ читателей, что всѣ игумены, ризничіе, казначеи въ полной зависи-

Напротивъ того, монахи всѣхъ исповѣданій были въ наше время доведены до крайности. Католики, рѣдко видая у себя Латинскихъ богомольцевъ и получая изъ Рима весьма бѣдныя пособія, лишились неожидаемо въ Испаніи большихъ имѣній, захваченныхыхъ Кортесами. Греки едва могли уплачивать свои долги и содер-жать себя доходами съ принадлежа-щихъ Св. Гробу земель и метоховъ, виѣ Палестины, и приношеніями Пра-вославныхъ поклонниковъ. Самы Армяне, богатѣйшіе изъ всѣхъ восточ-

---

ности у патріарха; что подаянія поклонни-ковъ и другіе церковные доходы собираются его намѣстниками, и что въ монастырѣ нѣть иной кладовой, кромѣ патріаршѣй. Въ та-мошней ризницѣ мы видѣли иѣсколько се-ребряныхъ паникадилъ, распятій, евангелій и шитыхъ золотомъ плащаницѣ, го большей части Русской работы; но она єуступаетъ въ богатствѣ многимъ Аѳонскимъ.

ныхъ Христіанъ, почти разорились послѣ несчастія, постигшаго въ 1819 году единовѣрныхъ имъ Константино-польскихъ *сарафовъ* (банкировъ), изъ коихъ иные были казнены, а другіе сосланы въ заточеніе, по указу султанскому.

Возвратимся къ нашему описанію. На юговостокъ отъ *Великой Церкви* нѣсколько развалинъ означаютъ путь *страданія* (*via dolorosa*), коимъ Спасительшелъ отъ претора до Голгоѳы. Тамъ, ссылаясь на свидѣтельства святыхъ отцевъ и другихъ писателей, показываютъ дома Пилата и благочестивой жены Вероники, жилище злого богача, мѣсто, гдѣ Богоматерь встрѣтила Сына, несущаго крестъ; *врата суда*, которыми изводили на казнь преступниковъ за гордкія стѣны. Но въ семъ отношеніи древнія преданія недостаточны: они дополняются баснями *мирхаджіевъ* (во-

жатыхъ) и собственнымъ воображениемъ поклонниковъ. Тоже скажемъ о домахъ архiereевъ Анны и Каиафы, св. Иоакима и Анны, о темницѣ Петра Апостола, и проч. Время, многократные плененія Иерусалима и тяжкое мусульманское иго изгладили почти всѣ слѣды онъихъ второстепенныхъ памятниковъ христіанства.

На томъ мѣстѣ, гдѣ, по общему мнѣнію, былъ преданъ смерти Апостоль Яковъ, сооружена великолѣпная обитель, принадлежавшая попеременно Грузинамъ, Грекамъ и Армянамъ. Послѣдніе (какъ увѣряютъ) овладѣли ею насильственно при первосявителѣ Паисіи. Нынѣ состоитъ она подъ управлениемъ особаго Армянского патріарха, независящаго ни отъ Эчмядзинскаго, ни отъ Константинопольскаго. Сими только пожертвованіемъ Греки могли удержать за собою главный свой монастырь, для

нихъ гораздо важнѣйшій по сเมжности съ храмомъ Вескресенія. Въ немъ живутъ епитропы и угощаются богоильцы въ первые дни послѣ пріѣзда. Малыя церкви и келліи разбросаны тамъ, безъ порядка, среди открытыхъ сбѣй и переходовъ; а подъ ними устроены житницы для прокормленія множества иноковъ и православныхъ Аравлянъ \*).

Обитель *Франціосъ*, т. е. Католическая, въ рукахъ у монаховъ ордена Францисканскаго. Начальствующій оною пменуется *Хранителемъ Св. Гроба*

---

\*) Кроме патріархіи, у Грековъ есть въ городѣ еще нѣсколько монастырей, мужскихъ и женскихъ, изъ коихъ примѣчанія достойны: Иоанна Предтечи, по красотѣ церкви и всего строенія; св. Николая, гдѣ заведено училище для Аравлянъ; св. Георгія, съ больницей и домомъ прізвѣнія для стариковъ. и проч.

и обыкновенно съняется каждое трехдѣтіе.

Изъ древнихъ зданій, внутри стѣнъ, особенно привлекаютъ любопытство путешественниковъ укрѣпленный замокъ, называемой *домомъ Давидовыма*, и славная мечеть Омарова. Первый, по мнѣнию Данвиля, стоитъ на томъ мѣстѣ, где была твердыня Царя-псалмонѣвца, а въ послѣдствіи башня *Псефина*, съ коей, при восхожденіи солнца, взоръ достигалъ до предѣловъ Аравіи, до моря и до отдаленнѣйшаго края земли Гудовой (Іос. Флав. VI. 6). Видъ изъ нынѣшняго замка обнимаетъ всѣ окрестности. Въ промежуткахъ и за вершинами близкихъ каменистыхъ холмовъ возвышается другой рядъ горъ, столь же безплодныхъ; на иныхъ примѣтны остатки старинныхъ башенъ и обрушающіеся минареты.

Мечеть воздвигнута на горѣ Мо-

ріи, отдѣленной отъ Сиона глубокою лощиною — на самыхъ основаніяхъ Соломонова храма, возобновленнаго Зоровавелемъ и въ конецъ разрушенаго Титомъ. Развалины покрывали сie мѣсто во времена гоненій на Церковь Апостольскую и во время торжества ея. Когда же Омаръ овладѣлъ Іерусалімомъ и искалъ гдѣ бы начать строеніе своей мечети, то Греческій патріархъ Софоній, боясь лишиться Гроба Господня, указалъ побѣдителю на Морію. Халифъ Ель-Уалидъ довершилъ сie зданіе, образецъ Арабскаго художества, подобное (говорить Шатобріанъ) *шатру, раскинутому среди пустыни.* Христіанамъ строго запрещено входить въ него: всякое покушеніе подвергло бы Европейца большой опасности, а Турецкаго подданнаго неминуемой казни — если только онъ не перемѣнить вѣры. За годъ до нашего прїезда одинъ бѣд-

ный Грекъ былъ туда введенъ, переодѣтый, знатнымъ чиновникомъ паши Дамасскаго; но послѣ заплатилъ за то жизню, ибо не хотѣлъ спасти себя отступничествомъ \*).

Полуденная часть горы Сионской, заключавшаяся прежде внутри стѣнъ, нынѣ оставлена за городомъ. Тамъ совершалась *тайная вечеря*; тамъ гробницы Давида и Соломона, въ мечети, куда Турки не пускаютъ иновѣрныхъ.

\* ) Историкъ Крестовыхъ походовъ, архіепископъ Тирскій, и монахъ Рогеръ описывали оба сю мечети: кажется, что послѣдній имѣлъ случай осмотрѣть внутренность оной. Его извѣстія были намъ подтверждены разсказами нашего янычара, нарочно посланнаго туда въ часы молитвы. Онъ видѣлъ камень (для Мусульманъ священный), съ кото-раго Могаммедъ садился на *Ель-Борака*, готовясь летѣть на небо, и два малыхъ столба, кои будто бы давятъ проходящихъ между ими грѣшниковъ.

\*\*

На семъ же холмѣ кладбище Іерусалимскихъ Христіанъ всѣхъ исповѣданій (страницовъ погребаютъ въ сель Скудѣльничемъ),—а у подошвы бьетъ изъ камня ключь Силоамскій, о коемъ воспоминаетъ пѣвецъ *Потерянная Рая*, призываю небесную Музу:

• . . . . . if Sion hill  
Delight thee more, and Siloa's brook that  
flow'd  
Fast by the oracle of God. . . .

Гора Елеонская, съ растущими на ней по мѣстамъ масличными деревьями, отдѣлена отъ Сиона и Мори долиною Іосафатовою, устьяною развалинами. Посреди ея, въ дождливое время года, струится мутный потокъ, называемый *Кедрскимъ*; но лѣтомъ и осеню онъ совсѣмъ пересыхаетъ. Мастерское перо Шатобріаново живо изобразило сію дебрь, гдѣ, по словамъ пророка Йоилля, будуть нѣкогда собраны на судъ всѣ племена человѣческія.

„Камни на кладбищѣ Евреевъ навалены подобно грудѣ обломковъ, у подошвы деревни Силоамской; трудно различить самыя хижины между окружающими ихъ могилами. На семь полѣ разрушенія возвышаются три древніе памятника, гробницы Захаріи, Іосафата и Авессалома. Видя предъ собою печальный Іерусалимъ, надъ коимъ непримѣтно ни малѣйшаго дыма, откуда никакой шумъ не исходитъ; видя запустѣніе горъ, на которыхъ нѣтъ существа живаго, и все оные гробы въ беспорядкѣ, изломанные, разбитые, полуутверстые, можно подумать, что уже раздался гласъ трубы, зовущей на судъ, и что мертвые готовы встать изъ долины“.

Мѣсто Вознесенія Господня полагаютъ на средней вершинѣ Елеонской. Остатки пышнаго храма, сооруженнаго во времена Константиновы, обра-

щены въ мечеть. Замѣтимъ, что Мусульмане издавна присвоили себѣ всѣ высоты кругомъ города. Они думаютъ, что въ послѣдніе дни міра дикіе народы *Лог* и *Магог* придутъ осаждать пророка *Иссеу* (Иисуса Христа) въ Іерусалимѣ и займутъ ближнія горы; съ нихъ будутъ метать стрѣлы, кои упадутъ, обагренныя кровью, на собственныя главы дерзновенныхъ.

Возвращаясь оттуда къ воротамъ Геѳсиманскимъ и спустясь въ долину къ самому потоку Кедрскому, поклонники съ усердіемъ посвѣщаются Гробу Богоматери, въ пещерѣ. На ономъ совершаются литургія Православными и Армянами; Католики не имѣютъ сего права. Когда прекратится вражда между Христіанами на востокѣ, то первымъ залогомъ взаимной терпимости и мира будетъ равное ихъ участіе въ служеніи сей святынѣ, почитаемой всѣми исповѣданіями...

Подробное описание достопамятностей Иерусалимскихъ можно найти въ каждомъ путешественнике, начиная съ IV вѣка (см. *Itinerarium a Burdigalâ Hierusalem usque*) до нашихъ временъ \*). Всѣ извѣстія сходны одно съ другимъ. и послѣдніе странствователи невольно должны были повторять сказанное прежде. Ссылаясь на нихъ, я прибавлю нѣсколько словъ о мѣстѣ рожденія Спасителя, уважаемомъ самими Мусульманами.

\*.) См. также Греческій *Прокинтарій*, напеч. въ Вѣнѣ 1787. Изъ сочиненій Русскихъ богомольцевъ достойны вниманія записки: *Василія Барскаю*, ходившаго на поклоненіе Св. Гробу въ 1726 и 1729 году; *іеромонаха Мелетія*, 1793—1794; и крестьянина гр. Шереметева, *Кира Бронникова*. 1820—1821, любопытное по его званію и по опасностямъ, коимъ онъ подвергался на возвратномъ пути въ отчество, при началѣ войны Греческой.

Дорога къ Виелеему лежить на югъ мимо горы Сионской и обители Греческой во имя пророка Иліи. Въ долинахъ встречаются засеянныя поля и виноградники; следы древняго трудолюбія видны на каменистыхъ холмахъ, обсвѣченныхъ уступами для нахождения лозъ и смоковницъ.

Большая Виелеемская церковь, построенная крестообразно, была нѣкогда весьма великолѣпна; въ притворѣ еще цѣлы четыре ряда мраморныхъ столбовъ рѣдкой красоты. Она принадлежитъ Грекамъ и Армянамъ. Латинскіе монахи напрасно требуютъ себѣ въ ней части, ибо нельзя считать обыкновенный храмъ за *общее място поклоненія*, какъ Гробъ Господень или Голгоѳу. По сторонамъ главнаго алтаря двѣ лѣстницы ведутъ въ святый Вертеръ; тамъ, у восточной стѣны, означенено серебряною звѣздою, гдѣ родился Предвѣчный Младенецъ.

и устроенъ престоль, на которомъ служать Православные и Армяне. Ясли стояли немнога поодаль, въ большой впадинѣ, гдѣ нынѣ алтарь Католической. Вся пещера обложена драгоценнымъ мраморомъ и освѣщается лампадами, изъ коихъ каждое исповѣданіе имѣеть свое число, однажды навсегда установленное.

Виолеемскіе Аравляне частію обращены въ христіанскую вѣру; но ихъ суровые нравы тѣмъ не смягчились. Они достаютъ много денегъ, дѣлая изъ кости и перламутра четки и кресты, раскупаемые благочестивыми пришельцами.

Вообще время прибытія поклонниковъ въ Іерусалимъ есть время жатвы для тамошнихъ жителей. Симъ единственно оживляется страна, давно уже не *кипящая масломъ и медомъ*, гдѣ земледѣліе въ упадкѣ и нѣть промышленности, гдѣ народъ преданъ въ

жертву грабительству и насилиямъ вся-  
каго рода, гдѣ наконецъ, по выраже-  
нию Шатобріана „въ каждой деревнѣ  
„погибаетъ ежегодно по хижинѣ и по  
„семье, и скоро одно кладбище пока-  
„зываетъ мѣсто прежняго селенія“.

Всего болѣе посвящаютъ святыя мѣ-  
ста Греки и Армяне. Усердіе первыхъ  
достойно особенного удивленія; вѣра,  
сохранившая народное ихъ существова-  
ніе, была для нихъ главнымъ утѣ-  
шениемъ въ рабствѣ. Они стекались  
отовсюду, безъ различія пола и воз-  
раста: отцы семейства приносили въ  
Палестину плодъ многолѣтнихъ тру-  
довъ, оставляя дѣтей въ бѣдности; стар-  
цы, подкрепляемые желаніемъ (какъ  
дряхлый поклонникъ въ прекрасномъ  
сонетѣ Петrarки: *Move si'l vecchiarel  
canuto e bianco*), брели на костиляхъ  
ко гробу Того, *Чьимъ лицезрѣніемъ ча-  
яли настѣнитъся въ небо*. Многіе, ис-  
полнивъ обѣтъ свой, посвящали оста-

токъ жизни на служеніе во храмъ. Число Православныхъ богомольцевъ, прежде 1821 года, простиралось иногда до трехъ тысячъ: между ими бывало около двухъ сотъ Русскихъ.

Посольство наше старалось всѣми силами доставить своимъ соотечественникамъ въ областяхъ Оттоманскихъ возможную помощь и заступленіе. Они обыкновенно отправлялись изъ Одессы въ концѣ Августа, и по приѣздѣ въ Константинополь жили на особомъ дворѣ, не подвергаясь ни моровой язвѣ, ни оскорблѣніямъ отъ Турецкой черни: бѣдные получали денежныя пособія. Посланникъ сносился съ патріархомъ Св. Града о помѣщениіи ихъ, безъ платы, на отправляемый ежегодно въ началѣ Сентября корабль съ поклонниками, и выдавалъ имъ сверхъ паспортовъ *ферманы* (султанскіе указы), освобождавшіе Россійскихъ подданныхъ отъ всякой дани на пути и

во Храмъ, гдѣ сѣ прочихъ Христіанъ требуютъ за входъ по 24 лева. Въ Яффѣ они были принимаемы въ Греческомъ метохѣ и довольствуемы всѣмъ, по обычаю, на счетъ монастырской, за что оставляли проигумену небольшое подаяніе.

Отъ сего города многіе ходили иѣскомъ, а богатые и больные могли имѣть верховыхъ лошадей за дешевую цѣну \*). Достигнувъ Иерусалима, они жили сперва нѣсколько дней въ патріархіи и давали въ церковную казну вкладъ, какой хотѣли; но желавши вписать имена своихъ родственниковъ въ общиі Синодикъ, для вѣчнаго поминовенія, платили за каждое 50 левовъ и болѣе, смотря по достатку. Потомъ

\*) Отъ Яффы до Иерусалима считается 60 верстъ (12 часовъ). Отъ Иерусалима до Иерихона немного болѣе 20; а оттуда до Йордана 15 верстъ.

выбирали себѣ въ разныхъ обителяхъ келлій на всю зиму. Наемъ и пища, самая умѣренная, стоили отъ 150 до 200 левовъ.

Въ ожиданіи великаго поста бого-мольцы бывали въ ближайшихъ мѣстахъ поклоненія, въ Виѳлеемѣ, Вифаніи, Назаретѣ и проч. Нѣкоторые дажеѣздили на Синайскую гору, чрезъ Газу и Суецъ.

Стеченіе народа въ Іерусалимѣ возрастаетъ по мѣрѣ приближенія Пасхи. Армяне и Азіатскіе Греки собираются толпами изъ Караманіи, Сиріи, Египта; съ ними бываютъ и Грузины. Весь городъ приходитъ въ движение, особенно въ великую субботу, день явленія святаго сопѣта \*). Послѣ празд-

---

\*.) См. вышеопом. *Проскинитарій* и сказание нашихъ лѣтописцевъ и странствователей. О происхождении св. сопѣта мнѣнія въ самомъ Іерусалимѣ различны. Въ присутствіи мус-

ника мусселимъ, съ отрядомъ войска, провожаетъ поклонниковъ въ Иерихонъ, и къ Йордану; и вскорѣ за тѣмъ каждый возвращается прежнею дорогою

селима и Армянского духовенства гасятъ всѣ свѣчи и лампады во храмѣ—кромѣ отдѣленія Католического. Архіерей Греческій входитъ одинъ въ кивуклій и собираетъ хлопчатою бумагою свѣтъ, являющійся на мраморной доскѣ Св. Гроба, подобно *каніламъ пота*. Другіе говорять, что онъ показывается въ видѣ яркаго, неопалящаго пламени, и что его можно безвредно класть руками въ сосудъ. Еромонахъ Мелетій пишеть, что свѣтъ блистаетъ на гробовой крышкѣ какъ мелкій разсыпанный бисеръ, разныихъ цветовъ, который совсѣмъ не хотятъ вѣрить сему явлению. Какъ бы то ни было, архіерей выносить изъ пещеры въ придѣлъ Ангела горящія свѣчи и подаетъ ихъ въ два малыхъ окна, съ одной стороны Армінамъ, а съ другой Православнымъ, отъ которыхъ уже огонь *разливается по церкви подобно рѣкѣ* (слова Мелетія), при громкихъ восклицаніяхъ: „иѣтъ вѣры, кромѣ вѣры „Христовой!“

въ отчизну. Плаваніе отъ Яффи до Константиноополя, на хорошемъ кораблѣ и съ нужными запасами, становится въ 100 левовъ.

Прибавя къ сему исчислению еще 180 или 200 левовъ на подаянія разнымъ монастырямъ и церквамъ во все время пребыванія въ Палестинѣ, наемъ лошадей и другія мелочи, мы увидимъ, что необходимыя издержки нашихъ богомольцевъ не превышали пяти сотъ рублей. Но многіе изъ нихъ прѣѣзжали совсѣмъ безъ денегъ и должны были прислуживать монахамъ, или просить милостыни у воротъ Патріархіи, гдѣ имъ никогда не отказываютъ въ пищѣ. Для поданія симъ бѣднымъ странникамъ помощи, равно и для надзора надъ ними, посланъ былъ въ Яффу особый чиновникъ, въ званіи вице-консула... Происшествія 1821 года помѣшили успѣху сего дѣла и затруднили Русскимъ путь къ Св. Гробу.

Евреи не менѣе Христіанъ усердны къ посѣщенію страны своихъ предковъ, хотя знаютъ напередъ, какое утѣшеніе ихъ въ ней ожидаетъ. Они дорого платятъ за позволеніе войти въ Іерусалимъ, и еще дороже за клочекъ земли въ долинѣ Іосафатовой для будущей могилы. Ихъ страданія и бѣдность не возбуждаютъ ни въ комъ сожалѣнія; они презираемы равно Греками, Аравлянами, Турками. Среди развалинъ своей столицы, среди воспоминаній о древней независимости и славѣ, сей несчастный народъ съ удивительною покорностю сносить даже отъ дѣтей непрестанная обиды. Знакомецъ нашъ, шейхъ Абу-Готъ не понималъ, какъ могутъ быть Евреи поданными *Московскаго Падишаха*, и говорилъ: „что радъ привѣтствовать „въ своей землѣ цѣлыхъ тысячи Русскихъ поклонниковъ, но что сердце „его разрывается съ досады, когда

„одинъ Чифутъ (Жидъ) проходитъ безъ „пошлини...“ Въ такомъ уничиженіи они утѣшаются видомъ Сиона и непоколебимою надеждою на Царя-избавителя!

Постоянныхъ жителей въ Іерусалимѣ считается около 13 тысячъ \*), изъ коихъ большая часть Аравляне, исповѣдующіе Мусульманскую вѣру; есть однако же между ими нѣсколько Христіанъ. Сіи вообще очень бѣдны и питаются милостынею отъ монастырей Греческихъ и Католического.

Все городское управлениe въ рукахъ у Турковъ. Мы сказали выше, что Іерусалимъ зависитъ отъ паши Дамасскаго; но подать съ богомольцевъ, за доступъ къ Св. Гробу, принадлежитъ пашѣ Акрскому собирается его *мутавеллемъ* \*). Сие странное распоря-

\*.) Нельзя ручаться за сіе исчисленіе, ибо во всей Турціи нѣтъ ни метрикъ, ни подушной переписи.

женіе весьма невыгодно для Европейскихъ монаховъ, ибо подвергаетъ ихъ двоякимъ притѣсненіямъ и вредить ходатайству консуловъ, пребывающихъ въ Акрѣ и Яффѣ. *Мусселимъ* присыпается изъ Дамаска, а *молла* (верховный судья) прямо изъ Константинополя: послѣдній пользуется большимъ уваженіемъ.

Прежде отъѣзда изъ сей достопамятной страны мы хотѣли видѣть Іорданъ и Мертвое море. Мы знали, что въ лѣтнее время хищные Аравляне удаляются съ своими стадами отъ рѣки на вершины горъ, и что дорога менѣе опасна, нежели весною. Въ томъ

\*. Намъ сказывали, что Акрскій паша получаетъ сіи доходы въ званіи попечителя главной мечети въ городѣ Ремлѣ, состоящемъ подъ непосредственнымъ его управлениемъ, и что земля подъ храмомъ Воскресенія есть собственность оной.

увѣрилъ насть и почтенный архіепископъ Петрскій, недавно возвратившійся изъ епархіи, совѣту однакоже потребовать провожатыхъ отъ Турецкаго начальства. Все было сдѣлано по нашему желанію.

7 Сентября явилось къ намъ нѣсколько человѣкъ изъ мусселимовой стражи съ его чаушемъ (приставомъ), всѣ на прекрасныхъ лошадяхъ, монастырскій драгоманъ и два шейха изъ Арабскихъ племенъ, кочующихъ за Йорданомъ. Переїдавъ полдневный зной, мы пустились въ путь мимо Геѳсиманіи, по правой сторонѣ горы Елеонской; ввечеру остановились отдохать у колодца, на дворѣ обвалившагося караванъ-серая. Здѣсь, за три или четыре мѣсяца до насть, былъ ограбленъ молодой Англичанинъ, не имѣвшій при себѣ никого, кромѣ слуги и янычара. Защищаясь упорно, онъ ранилъ саблею одного изъ разбойниковъ

и въ наказаніе получилъ отъ нихъ самъ точно такую же рану: примѣръ правосудія, достойный сихъ дикихъ сыновъ природы! Оттуда въхали мы по косогорамъ и ущеліямъ до большой равнинѣ, окружающей Іерихонъ и въ полночь добрались до жалкихъ остатковъ сего города, нѣкогда славнаго.

Тамошній ага повелъ насть дружелюбно въ собственное свое жилище—въ башню, где укрываются поселянѣ съ ихъ стадами отъ хищническихъ набѣговъ. Ужинъ и ночлегъ были на площадкѣ вверху подъ открытымъ небомъ. На зарѣ все вокругъ насть ожило: провожатые спѣшили сѣдлать лошадей, а мы любовались пріятными видами съ высокой нашей спальни. Въ долинѣ зеленѣлись деревья и кусты, откуда кабаны выбѣгали на обработанныя поля къ самимъ хижинамъ. По ту сторону Йордана чернѣлся большой лѣсъ; а прямо передъ нами, меж-

ду двумя рядами горь Мертвое море ярко отражало лучи восходящего солнца. Преданія священной древности оттѣняли картину сельской жизни. Величавый Аравлянинъ, потомокъ Измайлa, полунагой, съ длиннымъ ружьемъ за плечами, гналъ на паству козъ и овецъ къ потоку, означеному чудомъ пророка Елисея; другое копали гряды, можетъ быть тамъ, где стоялъ домъ Раавы, и где Левиты носили Кивотъ Завѣта на гибель Иерихону..... При выѣздѣ изъ деревни, мы встрѣтили женщины, идущихъ съ глиняными на головѣ кувшинами за водою, въ синихъ широкихъ платьяхъ и закинувъ назадъ покрывала: наше приближеніе ихъ не встревожило. Одно слово *хаджи* (поклонникъ) удовлетворяло любопытство каждого и прекращало всѣ вопросы.

Обширная степь, отдѣляющая отъ Йордана оазисъ Іерихонскій, походитъ на дно морское, оставленное волнами; кой-гдѣ, около песчанныхъ бугровъ, показываются тамаринды, обыкновенно растущіе вдоль потоковъ, и колючій терновникъ. Во дни Христіанскаго владычества было, въ сей пустынѣ множество монастырей и скитовъ (*eremitoria graciosa*); нынѣ едва примѣтны слѣды ихъ. Мѣсто крещенія Спасителя, какъ полагаютъ Греки, въ 5 или 6 верстахъ отъ развалинъ обители во имя *Лавры Герасима*. Достигнувъ онаго, мы спустились съ крутаго берега, обросшаго внизу камышемъ и мелкимъ кустарникомъ, и перебѣхали въ бродъ на противную сторону, болѣе отлогую.

Верховья Йордана у подошвы лѣсистыхъ горъ Ермона и Антиливана: стремясь оттуда на Югъ прямую чер-

тою, онъ проходитъ сквозь Тиверіадское (Генисаретское) озеро и, подобно цѣпи, соединяетъ его съ Мертвымъ моремъ. Сія знаменитая рѣка лѣтомъ не шире 10 саженей и глубины посредственной, но бѣжитъ по каменистому дну съ отмѣнною быстротою; когда же начнутъ таять снѣга Ливанскіе, то разливается вдвое. Мы въ ней купались, и потомъ, слѣдя обычаю, налили свои *чопры* (плоскіе дорожные сосуды) немнога мутною, но пріятною ея водою \*). Поклонники симъ не довольствуются и мочатъ здѣсь простыни, кои должны при погребеніи служить имъ саваномъ.

---

\* ) Мы не нашли въ сей водѣ *солоноватаго вкуса*, какъ говоритъ Шатобріанъ, хотя были на Іорданѣ почти въ одно съ нимъ время года. Постоянъ немнога, она становится совсѣмъ прозрачною, а дно сосуда покрывается темноватымъ иломъ.

Впадающіе въ Іорданъ потоки по большей части въ жары пересыхаютъ; окружные пески совсѣмъ безводны. Его устье означается на поверхности Мертваго моря длиною полосою — какъ будто бы струи, издревле священный, мерзить смѣщеніемъ съ волнами про-клятыми озера, поглотившаго Содомъ и Гоморръ. Прежде думали, что она продолжаетъ свое теченіе подъ землею и соединяется въ Египтѣ съ Ниломъ, или въ Сиріи съ Фарромъ (см. Риттера Geogr. § 25). Но кроме другихъ доказательствъ, опровергающихъ сіе мнѣніе, мы знаемъ изъ свидѣтельства очевидцевъ, что Мертвое море возвышается и упадаетъ, смотря по прибыли и убыли Іордана.

Неподалеку отъ устья рѣка склоняется влѣво, и только верхи кустовъ показываютъ ея направленіе. Мы пустились прямо, безъ дороги, по сыпучему песку, бѣлому какъ снѣгъ отъ

покрывающей его соли. Жаръ былъ неносный. На густомъ, раскаленномъ небѣ солнце рдѣло будто на закатѣ. Съ одной стороны цѣпь Аравійскихъ горъ— утесистая стѣна безъ отдѣльныхъ вершинъ, безъ зубцевъ и изгибовъ — идетъ вдоль озера какъ неизмѣримая рама. Съ другой мѣловые холмы, чудною игрой естества, представляютъ шатры, малыя крѣпости и башни, украшенныя карнизами.— Все отлично здѣсь отъ другихъ мѣсть на земномъ шарѣ. Въ самыхъ степяхъ Сары близость воды перемѣняетъ виды природы: влага проникаетъ сквозь сухой хрящъ и одѣваетъ его зеленою травою; тлетворный воздухъ очищается; существа живущія находятъ пріютъ въ пальмовыхъ рощахъ, и бесплодная пустыня правращается въ цвѣтущей оазисъ — подобіе рая. Напротивъ того, окрестности Мертваго моря унылы и лишены всякихъ признаковъ жизни:

и вътъ свѣжести, и вътъ звѣрей, птицъ, растеній; изсохшія деревья, лежащія корнями вверхъ по берегу, принесены волною съ восточнаго конца, или, можетъ быть Іорданомъ во время разлива. Вода свѣтла, но пресыщена горькими солями. Трудно повѣрить слышанному Пококомъ и Шатобраномъ отъ какого-то монаха и отъ Виелеемскихъ Аравлянъ, что въ ней водится рыба; намъ сказывали провожатые, что даже заходящая случайно изъ реки тотчасъ умираетъ.

Въ длину Мертвое море (Арабск. Бахръ-уль-Лутъ, т.-е. Лотово) простирается на 75, а въ ширину на 20 верстъ; окружность его Зеценъ полагаетъ въ 5 дней пути. Сей новѣйший странствователь, и еще прежде игуменъ св. Саввы, Даниилъ, собрали довольно подробныя свѣдѣнія объ южномъ его краѣ, отчасти подтвержденныя намъ Иерусалимскими жителями,

ездившими въ Петру. Оно дѣйствительно оканчивается узкимъ заливомъ, чрезъ который лѣтомъ переходить въ бродъ по колѣно. — Странный образъ соляныхъ глыбъ, выбрасываемыхъ озеромъ, подалъ конечно поводъ къ сказкѣ, часто повторяемой, о видѣнномъ поклонниками *столбы Лотосы*. Что же касается до славного плода Содомскаго, то не всякий согласится съ мнѣніемъ Шатобріана. *Черноватыя, горькия спъмена* отысканныхъ имъ малыхъ лимоновъ не похожи на *пепелъ*, и вообще его описание не соотвѣтствуетъ нашимъ понятіямъ о семъ обманчивомъ яблокѣ, снаружи прекрасномъ, внутри гниломъ — какъ *радости мира*, замѣчаетъ одинъ путешественникъ.

Мы ночевали опять въ Іерихонѣ и на другой день возвратились въ Іерусалимъ новою дорогою, чрезъ монастырь св. Саввы. Отъ самаго потока

Кедрского до Мертваго моря идеть глубокій оврагъ, называемый *юдолію плача*. По его пересохшему дну мы приближались къ обители, построенной уступами на ужасной крутизнѣ, и поднялись вверхъ, содрогаясь невольно при каждомъ поворотѣ. Все зданіе обнесено высокими стѣнами и больше имѣетъ видъ укрѣпленаго замка, нежели убѣжища для мирныхъ иноковъ. Слѣдуя за игуменомъ по выстѣченнымъ въ каміѣ ступенямъ мы поклонились костямъ святыхъ отцевъ, избѣнныхъ невѣрными и гробу св. Саввы; видѣли пещеру сего благочестиваго труженика и финиковое дерево, имъ сажимъ насажденное. На самой вышинѣ двѣ четвероугольныя башни служать монахамъ подзорными каланчами. Окружные горы изрыты множествомъ вертеповъ, гдѣ нѣкогда обитало до 10 тысячъ отпельниковъ.

Намъ еще показывали окно, изъ  
коего раздаютъ ежедневно хлѣбъ ко-  
чующимъ неподалеку Аравлянамъ.  
Ихъ племя было издревле (какъ увѣ-  
ряютъ) приписано Греческими импе-  
раторами къ монастырю для услуже-  
нія и за то получало отъ него пищу,  
нынѣ же требуетъ оной съ угрозами,  
какъ принадлежащей себѣ дани; мате-  
ри приносятъ новорожденныхъ мла-  
денцевъ къ окну и берутъ за нихъ  
лишніе участки. Въ случаѣ ссоры съ  
иноками сіи полудикие Мусульмане  
держать ихъ въ осадѣ и пресѣкаютъ  
сообщеніе съ Иерусалимомъ.

Посѣщая обители палестинскія, мы  
не забывали осматривать ихъ книго-  
хранилища—хотя неудача нашихъ ис-  
каний на горѣ Аѳонской оставляла и  
здѣсь мало надежды. Въ патріархіи  
есть нѣсколько рукописей, но все треб-  
ники, патерики и творенія церков-

ныхъ учителей. Грамоты, относящіяся къ правамъ Грековъ, съ давняго времени отосланы въ Константинополь; прочія бумаги, нами видѣнныя, любопытны потому только, что дополняютъ печальную картину претерпѣваемыхъ Іерусалимскими Христіанами утѣсненій.

14 Сентября, въ день Воздвиженія Креста, мы лобызали въ послѣдній разъ Гробъ Господень и всѣ святыни въ Великой Церкви. Архіепископъ Георгіманскій служилъ литургію на Голгоѳѣ, потомъ начался торжественный ходъ изъ Греческаго Каѳоликона въ подземелье св. Елены. Архіерей держалъ на головѣ серебряное Распятіе съ частію Животворящаго Древа; за нимъ несли хоругви, кресты, иконы; народъ устипалъ ступени лѣстницъ зелеными вѣтвями и цвѣтами. Во время молебна, знаменіе спасенія было

троекратно воздвигаемо на самомъ  
мѣстѣ его обрѣтенія.

Въ тотъ же день мы простились съ  
гостепріимными епитропами и, взявъ  
у мусселима провожатыхъ до Акры,  
выѣхали изъ Св. Града...



ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СЕРАЛЬ-  
СКОЙ БИБЛИОТЕКѣ \*).

Въ *Съверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 годъ (стр. 162—165) было помещено извѣстіе о *Серальской Библиотекѣ*, почерпнутое мною въ Константинополѣ изъ достовѣрнаго источника. Я рассказалъ, по какому случаю Скарлатъ Ка-

\*) Доставлено издателю при слѣдующей запискѣ: „Въ попавшейся мнѣ случайно 23 книжкѣ *Московскаго Телеграфа* 1825 г. увидѣлъ я возраженіе на помѣщенную въ „прошлогоднихъ Съверныхъ Цвѣтахъ“ мою „статью о Серальской Библиотекѣ“. Считаю „долгомъ“ оправдаться и на сей разъ подпи- „сать свое имя. Благодарю искренно г. изда- „теля Моск. Телеграфа за его доброе мнѣніе, „и прошу извиненія въ томъ, что печатаю „свой отвѣтъ не въ его журналѣ.“

раджа, дѣдъ бывшаго господаря Валахскаго, осмотрѣлъ уцѣльвшія въ оной Греческія и Латинскія рукописи, и нашелъ, что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного сочиненія древняго, которое не было бы уже извѣстно.

Издатель Болонскаго *Всеобщаго Бюллетеня*, желая увѣриться въ истинѣ сообщеннаго мною свѣдѣнія, обратилъся къ сыну господаря, Константину Караджѣ, и напечаталъ въ своемъ журналь (Іюль 1825) его возраженіе; *Московскій Телеграфъ* (№ 23, стр. 314 — 317) передалъ оное Русскимъ читателямъ.

Мое положеніе затруднительно. Я долженъ, для своего оправданія, спорить съ правнукомъ самого Скарлата, утверждающимъ, что его предокъ никогда не бывалъ въ семъ книгохранилищѣ. Мы оба не имѣемъ и не можемъ имѣть точныхъ доказательствъ: даже въ Сераль мы конечно не нашли

бы слѣдовъ помянутаго посѣщенія.  
Люди безпристратные не потребуютъ  
отъ меня свидѣтельствъ подъ прися-  
го изъ такой земли, гдѣ часто самое  
невинное знакомство съ Европейцемъ  
вмѣняется Греку въ преступленіе. Они  
не отвергнутъ правоподобій, за недо-  
статкомъ ясныхъ доводовъ, и только  
спросятъ: былъ ли я въ состояніи су-  
дить о достовѣрности того источника,  
на которыйсылаюсь?

Бейзаде Константина Караджа весь-  
ма учиово называетъ мое извѣстіе \*)  
„сказкою, не имѣющею тѣни истины,  
и выдуманною, по старому обычаю,  
какимъ нибудь путешественникомъ“:  
а вслѣдъ за тѣмъ говорить о легковѣр-  
ныхъ, „которые, не зная языка и на-

\*) Не имѣя у себя Италіанскаго подлинни-  
ка, долженъ положиться на вѣрность перево-  
да въ Моск. Телеграфѣ и буду выписывать  
его точныя слова.

„короткое время останавливаюсь въ „странѣ, гдѣ все для нихъ ново, при- „нуждены повторять нелѣпости, какія „тамъ услышать“. Одно заключеніе противорѣчитъ другому; но молодой нашъ критикъ не заботится о такой мелочи.

Онъ не зналъ моего имени, но слы-  
шалъ человѣка, рассказывающаго по-  
дробности о собственномъ его семей-  
ствѣ за 50 или 60 лѣтъ—подробности,  
отчасти имъ самимъ подтверждаемыя.  
Слѣдовательно ему нельзя было при-  
нять меня за минутнаго гостя въ его  
отчизнѣ, *принужденнало повторять не-  
льпости...*

Находясь иѣсколько лѣтъ сряду въ Константиноополѣ при Россійскомъ по-  
сольствѣ и потомъ путешествуя по Греціи, я вездѣ навѣдывался усердно  
о древнихъ рукописяхъ, въ надеждѣ,  
что какой нибудь счастливый случай  
поможетъ мнѣ отыскать всего Тита-

Ливія и Діодора, или утраченныя Ан-  
еологіи Мелеагра, Филипа Фессалоник-  
скаго, Агаєя... Особливо желалъ я  
имѣть понятіе о Серальской Бібліотекѣ,  
вообще для Христіанъ неприступ-  
ной, и просилъ въ 1817 г. содѣйствія  
А. А. Фонтона, бывшаго тогда первымъ  
напімъ драгоманомъ. Онъ распра-  
шивалъ нарочно многихъ Турковъ к  
боярь Греческихъ, и наконецъ узналъ  
отъ одного изъ послѣднихъ о случив-  
шемся съ Караджею.

Г. Фонтонъ, по мѣсту своему и по  
долговременной опытности, могъ су-  
дить, лучше иныхъ жителей *Фанаря*,  
вѣроятны ли сіи подробности? Его  
знакомецъ былъ человѣкъ свѣдущій и  
правдивый \*); главныя обстоятельства

\*.) Прибавлю еще, что сей Грекъ служилъ  
нѣкогда при драгоманѣ Порты, и что его  
отецъ былъ коротко знакомъ съ господаремъ  
Іоанномъ Караджею.

сей повѣсти, какъ-то: болѣзнь и опасенія Мустафы III на счетъ отравы, особенное его благоволеніе къ обоимъ Караджамъ, ихъ познанія въ медицинѣ и свободный доступъ въ Сераль, были давно извѣстны. Скарлатъ пользовался даже въ дѣлахъ государственныхъ довѣренностью Султана и помогалъ ему въ любимомъ его занятіи: въ астрологическихъ исчисленихъ. Должно ли, послѣ того, называть *немъостію* дошедшее до насъ преданіе, что сему хитрому Греку удалось проникнуть и въ Серальское книгохралище, подъ видомъ псканія записокъ о древнихъ лѣкарствахъ противъ яда?

Нашъ критикъ, кажется, обреченъ судьбою на противорѣчія. Онъ говорить сперва, что, сколько ему извѣстно, *ни одинъ Христіанинъ никоїда не былъ въ сей библиотекѣ*, — а потомъ, *что генералъ Себастіани, испросивъ*

„дозволеніе осмотрѣть оную, получилъ въ подарокъ географію Птоломееву и харатейный списокъ Ветхаго и Нового Завѣта...“ Спрашиваю: если, по словамъ К. К., было дано сіе дозволеніе иностранному послу, то не уже ли бы отказали въ томъ любимцу султанскому, для спасенія жизни самого государя?

Генералъ Себастіані осматривалъ Сераль незадолго до начатія послѣдней войны съ Россіею, въ то время, когда Селимъ III и его *харемъ* жили въ Бешикташѣ. Вотъ что я слышалъ отъ г. ст. сов. Влангали, находившагося при драгоманѣ Порты кн. Каллимахи, коему поручено было сопровождать посла при семъ посѣщеніи.

На внутреннемъ дворѣ, за вратами *блаженства* (Бабъ-усь-сеадеть), рядъ большихъ комнатъ заключаетъ въ себѣ драгоценности, издревле собираемые Оттоманскими государствами. Тамъ

хранится оружие разныхъ султановъ, множество рѣдкихъ книгъ Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ \*); рукописи Греческия и сокровища, доставшіяся Могаммеду II при взятіи Царяграда—даже части мощей и цвѣты тѣла святыхъ, въ серебряныхъ вызолоченныхъ ракахъ и украшенныхъ алмазами ковчегахъ, предъ коими горить день и ночь лампады и свѣчи \*\*). Г. Влангали былъ прежде, по особенному

\* ) А не однѣ учебныя Арабскія книги, какъ думаетъ К. К. (см. ниже). Ассимъ-Эфенди, переводившій на Турецкій языкъ словарь Камусъ, доставалъ оттуда многія важныя рукописи. Мураджса д'Оссонъ (Tableau de l'Emp. Othom. t. II. p. 493) говоритъ, что въ Сералѣ есть двѣ восточные библіотеки, одна Ахмѣда III, а другая Мустафы III, содержащія въ его время болѣе 15 тысячъ томовъ.

\*\*) Не смотря на свою ненависть къ Христианамъ, Мусульмане чтятъ многихъ нашихъ святыхъ. Въ Салоникѣ могила Великомучени-

слушаю, во всѣхъ сихъ отдѣленіяхъ, но не могъ ни до чего дотрогиваться: ибо Турки боятся навлечь бѣдствія на имперію, если позволять невѣрнымъ разбирать оныя древности. Ему издали показывали и то святилище, въ коемъ Хассѣ-одалы стрегутъ Хыркай-шерифъ Санджаки-шерифъ, т.-е. ризу и знамя Пророка \*). Генералъ Себастіанъ ви-

ка Димитрія находится внутри одной изъ главныхъ мечетей и обставлена неугасающими лампадами. Славный Капуданъ-Паша, Гази-Хассанъ, возилъ всегда съ собою десницу Иоанна Крестителя, отнятую у какого-то Аeonскаго монаха, и имѣлъ къ ней особую вѣру; по смерти его сія святыня была нѣсколько времени въ Сералѣ, гдѣ кн. А. Каллимахи, отецъ господаря Скарлата, видѣлъ ее въ богатомъ ковчегѣ съ Греческою надписью: ἀυτὴν ἡ χεὶρ ἡ ἀφάσια χορυφῆς τοῦ δεπνότου — сія есть рука, прикоснувшаяся верху вѣдмичю (см. службу 5 Яввара).

\*) Въ семъ мѣстѣ каждый Султанъ, при

дѣлъ мимоходомъ внутреннія комнаты, сады, оружейный и восточную библіотеку; но не былъ тамъ, гдѣ лежать монеты и Греческія рукописи. Впрочемъ, судя по отличному къ нему уваженію султана Селима (особливо послѣ неудачного появленія Англійскаго флота въ Мраморномъ морѣ), легко станетъ, что онъ вторично входилъ въ Се-раль и получилъ въ подарокъ нѣсколь-

---

восшествіи на престолъ, совершаеть первымъ свою молитву и принимаетъ поздравленія отъ придворныхъ. Туда входятъ съ нимъ однажды въ годъ (15 Рамазана) *Садразамъ* и *Шеихъ-уль-Исламъ* (верховный визирь и мuftи), съ первѣйшими государственными сановниками, снимаютъ покрывала съ ризы Могаммедовой, цѣлуютъ ея край и обмакиваютъ оный въ воду, которая потомъ разсыпается, какъ святыни, къ принцамъ крови, въ харемъ Султанской и ко всѣмъ присутствовавшимъ при семъ обрядѣ.

ко книгъ: тѣмъ еще не доказывается,  
чтобы онъ самъ выбиралъ ихъ.

Критикъ продолжаетъ: „Въ Констан-  
тинополѣ люди, болѣе другихъ знаю-  
щіе внутренность Серала, полагаютъ,  
что тамошняя библіотека состоитъ  
изъ небольшаго количества учебныхъ  
книгъ Греческихъ, Латинскихъ и  
Арабскихъ, изъ нѣсколькихъ старин-  
ныхъ медицинскихъ книжъ, на Латин-  
скомъ языке, и что въ ней нѣтъ ни  
одного классическаго творенія“. Труд-  
но говорить о семъ утверждительно, если  
подлинно ни одинъ Христіанинъ не бы-  
валъ въ библіотекѣ; Турки же не учат-  
ся Европейскимъ языкамъ и не ста-  
нутъ рыться въ пыли и гнили, дабы  
удовлетворить любопытство Глуревъ,  
Но я готовъ допустить сie заключеніе  
и желаю только знать: въ чемъ К. К.  
со мною спорить? Отвергаемое имъ  
приключеніе его предка есть обстоя-

тельство совсѣмъ постороннее, и было сообщено единственно для показанія, отъ кого могли узнать, что въ Сералѣ нѣть Греческихъ и Латинскихъ рукописей, важныхъ и донынѣ неизвѣстныхъ. Тоже самое и почти въ тѣхъ же словахъ утверждается нашъ Бейзаде, хотя начальъ-было говорить о *сказкахъ и истиностяхъ...* Но похожъ ли онъ на того Ирландца, который въ богословскомъ преніи отвѣчалъ своему противнику: „твое предложеніе спра- „ведливо, и вотъ какъ я его оспариваю!“

Скажу, наконецъ, что Италіанскій журналистъ напрасно обратился съ своимъ запросомъ къ молодому человѣку, выѣхавшему изъ Константинополя въ 1812 году почти ребенкомъ и могущему судить о настоящемъ дѣлѣ по однимъ слухамъ, а не къ отцу его, господарю Ioannу. Миньніе сего

опытного старца было бы гораздо убѣдительнѣе для всѣхъ читателей— и для меня самаго.

Д. Дашковъ.

ПОЭЗИЯ.



### О. С. ПУШКИНОЙ.

Насъ случай свелъ; но не слѣпцемъ меня  
Къ тебѣ онъ влекъ непобѣдимой силой:  
Поэта другъ, сестра и геній милой,  
По сердцу ты и мнѣ давно родна.

Такъ въ памяти сердечной безъ заката  
Мечта о немъ горитъ теперь живѣй:  
Я полюбилъ въ тебѣ сначала брата,  
Братъ по сестрѣ еще мнѣ сталъ милѣй.

Удѣль его: блескъ славы вѣчно лѣстивой,  
Но часто намъ сіяющій изъ тучъ;  
И отъ нея ударить яркій лучъ  
На жребій твой въ безпечности счастливой.

Но для него ты благотворнѣй будь:  
Свѣти ему звѣздою безмятежной,  
И въ бурной мглѣ отрадой, дружбои нѣжной  
Ты услаждай тоскующую грудь.

Князь Вяземскій.

Къ N. N.

Среди трудовъ и важныхъ Музъ,  
Среди учености всемирной,  
Ты не утратилъ ибжнай вкусъ:  
Еще ты любишь голосъ лирной;  
Еще въ душѣ твоей огонь,  
И сердце наслажденій просить,  
И Аполлоновъ борзый конь  
Отъ Музъ тебя въ Киеву носить.  
Отъ древней Спарты до Афинъ,  
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима  
До стѣнъ Пальмиры и Солима  
Умомъ ты міра гражданинъ.  
Ты любишь отдыхать съ Эратой  
Разнообразной и живой,  
И нась уносишь за собой  
Въ міры фантазіи крылатой.  
Тебѣ легко: ты награжденъ,  
Благословенъ, взлелѣянъ Фебомъ;  
Подъ сумрачнымъ родился небомъ,  
Но будто въ Аттикѣ рожденъ.

К. Батюшковъ.

### ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ АЛА.

Въ странѣ любимой небесами,  
Гдѣ величавая рѣка  
Межу цвѣтующими брегами  
Играетъ ясными струями,  
Тамъ, гдѣ Альбертова рука  
Лишила княжескаго права  
Неосторожнаго Всеслава,  
Гдѣ послѣ грозный Иоаннъ,  
Пылая местью кровожадной,  
Казнилъ за Магнуса гражданъ  
Неутомимо, беспощадно,  
Гдѣ добрый геній старины  
Надъ чистымъ зеркаломъ Двины  
Хранитъ донынѣ, какъ святыню,  
Остатки каменной стѣны  
И кавалерскую твердыню,—  
Въ дому отцовскому, въ тишинѣ  
Какъ цвѣтъ Эдема разцвѣтала  
Очаровательная Ала.  
Межъ тѣмъ въ сосѣдней сторонѣ  
Устами Наткуля къ войнѣ  
Свобода смѣлыхъ вызывала,  
И удааго короля  
Имъ угнетенная земля

Съ валовъ Балтійскихъ принимала,  
Когда, прославившись мечемъ,  
Онъ шелъ съ полуночнымъ царемъ  
Извѣдать силы боевые,  
Не зная, дерзкій, какъ бодра  
Желѣзной волею Петра  
Преображенная Россія.

Родитель Алы доходилъ  
Къ предѣлу жизненной дороги.  
Онъ долго родинѣ служилъ,  
Видалъ кровавыя тревоги.  
Бывалъ рѣшителемъ побѣдъ;  
Потомъ покинулъ шумный свѣтъ,  
И, безмятежно догаравъ,  
Прекрасенъ былъ, какъ вечеръ Мая,  
Закать его почтенныхъ лѣтъ.  
Но вдругъ... И кто не молодѣть,  
Своимъ годамъ ктопомнить счетъ,  
Чей духъ не крѣпнетъ, не смѣлѣеть,  
Чья длань жѣлѣза не беретъ,  
И взоръ отвагой не сверкаетъ,  
И грудь восторгомъ не полна,  
Когда знамена развиваетъ  
За честь и родину война?  
Онъ вновь надѣль одежду браны,  
Стальнуя саблю наточилъ;

Казалось, старца оживилъ  
Священный жаръ его желаній.  
Онъ призвалъ дочь и говорилъ:  
„Уже лишенъ я прежнихъ силъ  
Неумолимыми годами:  
Прошла пора, какъ твой отецъ  
Былъ знаменитѣйшій боецъ  
Между Ливонскими бойцами,  
Свершалъ геройскія дѣла.  
Все старость жадная вязла....  
Не все взяла! Еще волнуетъ  
Мою хладѣющу кровь  
Къ добру и вольности любовь;  
Еще отрадно сердце чуеть  
Ихъ благодѣтельный призывъ,—  
Ему, какъ юноша, внимая  
И снова смѣль и снова живъ  
Служить отеческому краю.  
Гремите жъ бранныя поля,  
Пирайте мужество и мщенье!  
Чтò намъ судьбы опредѣлене?  
Опять ли силы короля  
Подавятъ милую свободу,  
Или торжественно она  
Отдастъ Ливонскому народу  
Ея златыя времена;  
Побѣда, смерть ли: будь, чтò будетъ,

Лиши бы не стыдъ! Пускай же насть  
Есть мечамъ хотя въ послѣдній разъ  
Гласть родины, какъ неба гласть,  
Отъ сна позорного пробудить!"  
Сказаль, и взоры старика  
Мятежнымъ пламенемъ сверкали,  
И быстро падала рука  
На рукоять военной стали:  
Такъ въ тучѣ рѣется огонь,  
Когда съ готовыми громами  
Она плыветъ подъ небесами,  
Такъ, слыша битву, ярый конь  
Бишитъ и топаетъ ногами.

Н. Языковъ

### ПОДРАЖАНИЕ КОРАНУ.

Съ Тобою древле, о Всесильный,  
Могучий состязаться мнилъ,  
Безумной гордостью обильный;  
Но Ты, Господь, его смирилъ.  
Ты рекъ: Я миру жизнь дарую,  
Я смертью землю наказую,  
На все подъята длань моя.“  
— „Я также“, рекъ онъ, „жизнь дарую  
И также смертью наказую:  
Съ Тобою, Боже, равенъ я“.  
Но смолкла похвальба порока  
Отъ слова гнѣва Твоего:  
„Подъемлю солнце я съ востока:  
Съ заката подымъи его!“

А. Пушкинъ.

### ПОДРАЖАНИЕ 136 ПСАЛМУ.

На чуждыхъ берегахъ, гдѣ властвуетъ тиранъ,  
Въ пѣну мы слезы проливали  
И, глядя на Эвфратъ, тебя воспоминали,  
Родимый Иорданъ!

На лозахъ блѣдныхъ ивъ, склонившихся къ  
рѣкѣ,  
Качались томно наши лиры;  
Увы, а мы отъ нихъ, безмолвные и сирь,  
Сидѣли вдалекѣ!

„Рабы (кругъ насть ревѣлъ свирѣпой стражи  
гласъ),  
Въ неволѣ пользы нѣтъ отъ стона;  
Воспряньте духомъ вы и пѣснію Сиона  
Пролейте радость въ насть!“

— „Ахъ! намъ ли пѣсти пѣть среди своихъ  
враговъ!  
Они съ отчизной разлучили,  
Гдѣ наша колыбель, гдѣ сладость жизни пили,  
Гдѣ нашихъ персты отцовъ!

Прилипни навсегда языкъ къ устамъ моимъ,  
Замри рука моя на ларѣ,  
Когда забуду я тебя, древнѣйшій въ мірѣ,  
Святый Ерусалимъ!

Напомни, Господи, Эдомовыиъ сыны \*)  
Ужасный день, когда ихъ злоба  
Вопила: смерть имъ, смерть, и пламень вмѣ-  
сто гроба!  
Рушь все, престолъ и храмъ!

Но горе, горе злымъ: нашъ Мститель въ не-  
бесахъ.  
Содрогнись, чадо Вавилона!  
Онъ близокъ, онъ гремить, низвергнися со  
трона  
Пади предъ нимъ во прахъ!“

\*\*\*

---

\*) Идумеяне хотя и вели родъ свой отъ Авраама, но вступили въ союзъ съ Вавилонянами противъ Іудеевъ и были злѣйшими ихъ врагами.

**СТАНСЫ КЪ Д\*\*\***

Д\*\*\*, какъ бы съ нашей лѣнью  
Хорошо въ деревнѣ жить,  
Подъ наслѣдственnoю сѣнью  
Липецъ прадѣдовскій пить;

Беззаботно въ полдень знойный  
Отдыхать въ саду густомъ;  
Выдти подъ вечеръ спокойный  
Передъ сладкимъ, долгимъ сномъ;

Ждать поутру на постелѣ,  
Не зайдетъ ли Муза къ намъ;  
Позабыть всѣ дни въ недѣлѣ  
Называть по именамъ,

И съ любовью неревнивой,  
Безъ чиновъ и безъ хлопотъ,  
Какъ въ Сатурновъ вѣкъ счастливой,  
Провожать за годомъ годъ!

Плетневъ.

### КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

(Стихи, приписанные къ собранію стихотвореній А. Х. Востокова).

О чемъ я бѣ юности мечталъ,  
Ведомъ надеждою отрадной,  
Чтѣ наконецъ и опытъ хладной  
Иль опровергъ, иль оправдалъ,  
Найдете здѣсь изображенными  
И возвратитесь вы со мной  
Къ днямъ беззаботнымъ и блаженнымъ,  
Когда мы зрѣли мѣръ иной.

Всегда ль умнѣе мы съ лѣтами?  
Повѣрьте: мудрость любить жить  
И межъ весенними цвѣтами,  
И Муза можетъ наскѣ дружить  
Съ судьбой, столь часто къ намъ жестокой.  
И можетъ истины высокой,  
Играючи, завѣсу вскрыть!

А. Востоковъ.

**ВЪ АЛЬБОМЪ С. Г. К—ОЙ.**

Во имя Феба и Хариты  
Я твой альбомъ благословляю  
И, по внушенью Аонидъ,  
Его судьбу предвозвѣщаю:  
Въ немъ перескажетъ дружба вновь  
Всѣ увѣренья, всѣ мечтанья,  
И безъ намѣренья любовь  
Свои откроетъ ожиданья.

Баронъ Дельвигъ.

### КЪ АННЕТЪ.

Когда Климена подарила  
На память это миѣ кольцо,  
Ея умильное лицо,  
Ея улыбка говорила:  
„Оно твое; когда нибудь  
Сами и вся твоей я буду;  
Лишь ты меня не позабудь,  
А я тебя не позабуду!“  
И черезъ день я былъ забыть.  
Теперь кольцо ея, Аннета.  
Твой вѣчный другъ тебѣ дарить.  
Увы, недобрая примѣта  
Тебя, быть можетъ, поразить!  
Но неспособенъ я къ измѣнѣ:  
Носи его и не тужи,  
А въ оправданіе Клименѣ  
Ея обѣты мнѣ сдержи!

Е. Баратынскій.

### СМЕРТЬ ФИГНЕРА.

(Опытъ народной поэзіи).

#### I.

Ужъ солнце скрылось за лѣса.  
Пойдемъ и сядемъ здѣсь любезный .....евичъ!  
Ты закрути свои два длинные уса!  
И ты, какъ сказочный Иванъ-царевичъ,  
Слыхалъ, видалъ большія чудеса!....  
Но я одинъ, и вижу какъ въ картинахъ  
Живой, картины твой разсказъ,  
Какъ бились вы на смерть надъ Эльбой на  
плотинѣ,  
Гдѣ Фигнеръ-партизанъ, какъ молния угасъ...  
О, Фигнеръ былъ великий воинъ  
И не простой... онъ былъ колдунъ!...  
При немъ Французъ былъ вѣчно беспокойенъ...  
Какъ невидимка, какъ летунъ,  
Всегдѣ неизнанный лаутчикъ,  
То вдругъ Французамъ онъ попутчикъ,  
То гость у нихъ; какъ Нѣмецъ, какъ Полякъ;  
Онъ ёдетъ вечеромъ къ Французамъ на би-  
вакъ,

И въ карты козыряетъ съ ними,  
Поеть и пьетъ... и рас простится онъ  
Какъ будто съ братьями родными...  
Но усталыхъ въ пиру еще обдергить сонъ,  
А онъ, тишикомъ, съ своей командой зоркой,  
Прокравшись изъ лѣса подъ горкой,  
Какъ тутъ!.... „Пardon!“ Имъ нѣтъ пардона;  
И не истративъ ни патрона,  
Беретъ двѣ трети эскадрана...  
И вотъ опять на мѣстѣ сталъ,  
Какъ будто и не онъ!...

.....  
.....

II.

Онъ широко шагалъ!  
И часто, послѣ шибкой драки,  
Его летучіе биваки  
Сіяли гдѣ нибудь въ глухи:  
Въ болотѣ топкомъ, въ чащѣ лѣса,  
На гребнѣ дикаго утеса...  
И вотъ Орловскій самъ картина съ нихъ пиши!  
Храпать у коновязи кони,  
Звенять надъ кормомъ удила:  
„Никто не смѣй снимать съ дза!

„Кругомъ Французъ!... Мы тутъ какъ рыба  
въ тонѣ;  
Дремли безъ сна и будь готовъ!“  
Такъ онъ приказывалъ... И, лежа вокругъ кот-  
ловъ,  
Курять табакъ усатые гусары,  
И зорко вдаль глядить козакъ...  
И онъ своимъ разсказываетъ такъ:  
„Я былъ съ Туркомъ, мнѣ знакомы Яны-  
чары;  
Тогда служилъ я съ пушкою пѣшкомъ.“  
„Готовы лѣстницы?“ сказалъ Каменской.  
А было то подъ грознымъ Рущукомъ.  
Но ровъ не вымѣренъ... Тутъ съ хитростю  
женской  
Потребно мужество... И кто изъ удальцовъ  
Украдкой проползть и вымѣряетъ ровъ?“  
Онъ все сказалъ. И я пустился...  
Темнѣло въ полѣ и въ садахъ,  
Муллы ссыпали на молитву,  
И Турки, говоря про битву,  
Табакъ курили на валахъ...  
Фитиль надъ пушкою дымился,  
Дремалъ усталый часовой...  
Я подошелъ... перекрестился...  
И лотъ, на снурѣ, вѣсовой

Тихонъко съ берега скатился....  
Я вымѣрилъ и возвратился.  
И храбрый Русскій Генералъ  
*Спасибо* Русское за подвигъ мнѣ сказалъ,  
И я въ душѣ ношу спасибо это.  
Хозяинъ мудрый править свѣтомъ:  
Товарищи, нашъ Богъ великъ!  
Онъ отъ погибели спасаетъ неминучей.“  
Такъ онъ разсказывалъ... и красный лучъ  
зари  
Уже проглядывалъ вдали за синей тучей...  
Тогда въ Саксоніи вели войну цари,  
И противъ нихъ Наполеонъ могучій,  
Какъ темная гроза, надъ Эльбою стоялъ,  
И въ перемиріе онъ битвы замышлялъ.....

III.

. . . . . Чу, кто тамъ проскакалъ  
Близъ городка красиваго *Дессау*?  
Конечно къ *Верлицу*? Да, Верлицъ садъ на  
славу!  
Я самъ въ немъ былъ, и онъ меня пѣхнялъ...  
„Смотрите, и не пьянъ, а по колѣно море:  
„Вотъ партизанъ прямой! Въ груди заслы-  
шавъ горе.  
\* \*

„Въ веселый садъ онъ мчится погулять!  
„А можетъ и не въ садъ... Какъ знать?  
„Ужъ перемирию конецъ... опять тревоги;  
„Французской конницей заставлены дороги;  
„Въ Саксонскихъ городахъ вездѣ Французъ!..  
„Нашъ партизанъ лихой! Ужъ подлинно не  
трусь...  
„И онъ безъ устали... Всю ночь считаетъ  
звѣзды!  
„Самъ повѣряетъ цѣпь и ставить самъ разъ-  
ѣзы....  
„При немъ никто не смѣй зѣвать!“  
Но кто взмутилъ песокъ зыбучій?  
Что тамъ синѣется? Какъ издали узнать?....  
Быть можетъ, лѣсь, быть можетъ тучи...  
Ахъ, нѣтъ, то къ Верлицу валитъ Францу-  
зовъ рать...

IV.

„Бей сборъ! Муштучъ! Труби! Вся партія къ  
походу!  
Французъ обѣхалъ насъ дугой  
И жметъ къ рѣкѣ. Друзья, назадъ намъ пра-  
мо въ воду!  
Впередъ, на штыкъ, на смертный бой!

Но я, друзья! за васъ въ надеждѣ,  
Что слово смерть не испугаетъ васъ:  
Не все ль равно, что годомъ прежде,  
Чтѣ позже десятию возвьметъ могила насть!...  
Слушай! стоять! не суетиться!  
Патронъ и мужество беречь!  
Стрѣлкамъ по соснамъ размѣститься!  
Ни слова... ни дохнутъ, въ тиши стеречь!  
Драгуны могутъ, спѣшась, лечь....  
А вы, мои залетные гусары!  
Бодри коней и снаровляй удары!  
Ни вы меня, ни я друзей не выдаваъ!  
Дай саблѣ поцѣлуй, и бьемся на повалъ!“

. . . . .

V.

Шумитъ... вдали песокъ дымится:  
Французы сквозь частый боръ проникъ.  
Палиятъ!... Вотъ конница и пѣшихъ крикъ:  
Уланы Польскіе... и все на насъ валятся  
Какъ лѣсъ!... „Молись и на коня!  
Сюда, на узкую плотину:  
Одна смигній другую половину,  
И всѣ смотрите на меня!...

Ужъ я съ женой, въ душѣ, простился,  
Сказалъ послѣдній мой завѣтъ:  
И зналъ, когда на свѣтъ родился,  
Что вѣдь должно жъ оставить свѣтъ...“  
Сказалъ... пошелъ... и закипѣло...

VI.

Ну, . . . . . евичъ! Это дѣло  
Изъ самыхъ славныхъ Русскихъ дѣлъ....  
Ужъ бой давно, давно горѣлъ:  
Дрались въ лѣсу и на порѣчье;  
Послался трупомъ узкій путь,  
И Русская трещала грудь.  
Никто не думалъ обѣ увѣчье:  
Прочь руку, сабля ужъ въ другой!  
Ни фершаловъ, ни перевязки!...  
Признаться, развѣ только сказки  
Расскажутъ о борьбѣ такой...

VII.

Но гдѣ жъ союзники? Ко времени бѣ и мѣсту  
Теперь имъ быть!... На нихъ надежда ужъ  
плоха.

Дерись... година намъ лиха!“

Такъ два отчаянныхъ, влюбленныхъ жениха  
До смерти рѣжутся за милую невѣсту....  
Чтѣ запущиѣ громче лѣсъ?  
Еще звончай и ближе топогъ...  
Берутъ Французы перевѣсь!  
У нашихъ слышенъ тайный ропотъ...  
То не боязнь, но злѣй... то шопотъ:  
„Чтѣ не видать его въ огнѣ?“  
Доселѣ, въ буркѣ, на конѣ,  
Онъ все быхъ тутъ, въ глазахъ маячила,  
Онъ самъ, онъ первый рубку началъ“...

VIII.

Взошла, какъ и всегда, луна,  
И въ ясной Эльбѣ потонула;  
Какая мертвая, глухая тишина!...  
Но развѣ днемъ не эта сторона  
Кипѣла адомъ? Да! и вотъ уснула!  
И врагъ и другъ въ непробудимый сонъ!..  
О берегъ, берегъ Эльбы дальней!  
Чтѣ мнѣ сказать женѣ печальной?  
Гдѣ онъ, герой? Куда жъ дѣвался онъ?  
Никто не знаетъ, непрѣстно!  
Его искали повсемѣстно,

На полѣ битвы, по лѣсамъ;  
Но онъ остался въ ненайденныхъ,  
Ни между тѣль, ни между плѣнныхъ:  
Его безвѣстенъ жребій настъ!...  
Лишь ты, любезный .....евичъ,  
Порою, вспомянувъ о немъ,  
Мвѣ говоришь: „онъ былъ прямымъ богаты-  
ремъ  
И чудомъ... какъ Бова Додонскій королевичъ!.  
Ты помнишь, какъ тебѣ твердилъ я: „говори!  
(Какъ вмѣстѣ мы запрошлымъ жили лѣтомъ).  
Рассказывай мнѣ, другъ, о человѣкѣ этомъ.  
Я радъ прослушать до зари!  
И проводили мы въ разсказахъ дни и ночи.  
Тогда какимъ огнемъ твои пылали очи!  
Летѣли мимо насъ вечерніе часы,  
Слеза въ очахъ твоихъ свѣтилась  
И тихо изъ очей катилась  
На длинные усы!...

О. Глинка.

17 СЕНТЯБРЯ 1824.

Блаженъ, кому съ привѣтливой улыбкой  
Надежда въ мірѣ предтечеть!  
Его челинокъ по морю жизни зыбкой  
Стремитъ безтрепетный полетъ.

Блаженъ и тотъ, чья пламенная вѣра  
Отчиану видѣть въ небесахъ!  
Огонь и мечъ и львиная пещера  
Ему ничто: онъ твердъ въ бѣдахъ.

Но избранникъ святаго Провидѣнья  
Любовью чистою хранимъ:  
Не знаетъ слезъ, не вѣдаетъ волненья:  
Ему сопутникъ Серафимъ,

Слетѣвшій въ мірѣ отъ горячаго чертога.  
Творецъ сердечной тишины,  
Посолъ Всевышняго и отблескъ Бога  
Въ прелестномъ образѣ жены.

### Э Л Е Г И Я.

Когда на зовъ души унылой  
Встаютъ изъ тайной глубины,  
Какъ привидѣнья надъ могилой,  
Минувшихъ лѣтъ златые сны,  
И ей представляются какъ прежде  
Въ знакомой сердцу красотѣ,  
Мечты въ блестательной одеждѣ,  
Любовь въ цвѣтущей наготѣ,  
И все, что рано обольстило  
Зарю счастливыхъ первыхъ лѣтъ,  
Чѣмъ приманилъ къ себѣ такъ иило  
Младую жизнь лукавый свѣтъ;  
Когда въ чаду очарованья,  
Восторгъ и надеждъ полна,  
Всѣ радости, всѣ упованья,  
Ему повѣрила она;  
Когда мечта волшебной властью  
Прекрасный созидала міръ,  
И съ вѣрой пламенной ко счастью  
Боготворила свой кумиръ,  
Въ грядущемъ смѣло начертала  
Свою судьбу перстомъ златымъ,  
И быстро юность улетала  
Какъ легкій съ жертвенника дымъ;

Когда созветъ воспоминанье  
Всѣ призраки минувшихъ лѣтъ:  
Ихъ отдаленное сиянье,  
Ихъ утѣшительный привѣтъ  
Часы унынья сокращаетъ.  
Что память? Черная доска,  
На коей времени рука  
Всю нашу жизнь изображаетъ,  
И долгій вечеръ старика  
Началомъ повѣсти пѣняетъ.

Ѳ. Туманскій.

### ЧЕРТЫ ОСЕНИ.

Ужъ вѣтеръ валъ на валъ катитъ по жатвѣ  
зрѣлой;  
Черника лоснится, малина отошла;  
Въ саду зардѣлся яблокъ спѣлой;  
Ужъ бѣлка зимовье себѣ свила,  
И ладится медвѣдь въ берлогѣ;  
Желѣвѣть листъ, змѣя въ норѣ,  
Мѣстами мерзнетъ на зарѣ;  
Копытъ и колесо звончѣе на дорогѣ....  
Вездѣ какая-то мелькаетъ пестрота;  
Въ водахъ и на небѣ сѣдѣть перламутромъ.  
Про осень говорить народъ у церкви утромъ  
Въ день *Воздвиженія пречестнаго Креста*.

Ѳ. Глинка.

### МИРЪ ФАНТАЗИИ.

Тамъ и́нгою вѣть вокругъ вѣтерокъ,  
Тамъ шепчется съ брегомъ сребристый потокъ,  
Тамъ свѣтомъ волшебнымъ денница горитъ,  
Тамъ все наслаждаться природой манить.

Тамъ златомъ трепещетъ лимонъ на вѣтвяхъ,  
Тамъ стелются класы въ цвѣтушихъ поляхъ,  
И жизнью дышетъ тамъ гроздъ молодой,  
И персикъ стыдливой пльваетъ кратой.

Тамъ вѣчное утро, безоблачный день,  
Тамъ длинные годы мелькаютъ какъ тѣнь,  
Тамъ вѣчность ничтожна, тамъ времени иѣть:  
Въ сей миръ вдохновенный стремится поэтъ.

Ознобишинъ.

### БАРАТИНСКОМУ.

*Изъ Бессарабии.*

Сія пустынная страна  
Священна для души поэта:  
Она Державинымъ воспѣта  
И славой Русскою позна.  
Еще донынъ тѣнь Назона  
Дунайскихъ ищетъ береговъ;  
Она летить на сладкій зовъ  
Питомцевъ Музъ и Аполлона,  
И съ нею часто при лунѣ  
Брошу вдоль берега крутаго.  
Но, другъ, обнять милѣе мнѣ  
Въ тебѣ Овидія живаго.

**Ему же.**

Я жду обѣщанной тетради:  
Что жъ медлишь, милый Трубадуръ!  
Пришли ее мнѣ Феба ради,  
И награди тебя Амуръ!

**А. Пушкинъ.**

### ЯВЛЕНИЕ КЛОРИНДЫ ТАНКРЕДУ.

(Изъ Освобожденного Иерусалима).

О ней зарей и вечеромъ о ней  
Крушится онъ и плачетъ и стенаеть;  
Такъ въ темну ночь тоскуя соловей,  
Когда ловецъ жестокой похищаетъ  
Его еще невскормленныхъ дѣтей,  
Поеть и борь печально оглашаетъ.  
Въ томлении силъ невольно легкимъ сномъ  
Забылся онъ передъ румянымъ днемъ.

И та, о комъ душа въ тоскѣ мечтала,  
Чело въ звѣздахъ, подъ свѣтлой пеленой,  
Въ чудесномъ снѣ очамъ его предстала,  
Блистательна божественной красой,  
Но и въ красѣ небесной сохранила  
Знакомый видъ любви его земной.  
„О милый другъ! Взгляни, какъ я прекрасна,  
Какъ весела: печаль твоя напрасна!

Ты далъ мнѣ все: нетлѣннымъ ты вѣнцемъ  
Меня вѣнчалъ, а мечъ обманутъ мглою.  
Что бренный міръ! Ужъ я передъ Творцемъ;  
Я въ хорѣ дѣвъ, бессмертною, святою,

\*\*

Живу, люблю, молюся объ одномъ  
И жду тебя, и вѣчный предъ тобою  
Возблещетъ свѣтъ, и взоръ пльнится твой  
Красой небесъ, и въ нихъ моей красой.

Стремися къ намъ душою неизмѣнной!  
Волненьямъ чувствъ упорствуй и живи!  
Люблю тебя, другъ сердца незабвенной,  
И не таюсь теперь моей любви“.  
Рекла, въ очахъ блеснуль огонь священной,  
Невиданный у смертныхъ на земли,  
И вдругъ, въ своемъ сіянъ утопая,  
На синевѣ исчезла дѣва рая.

Иванъ Козловъ.

С. М. С—ОЙ.

(Сонетъ).

Была пора: ты въ безмятежной сѣни  
Какъ лимія душистая цвѣла,  
И твоего веселаго чела  
Не омрачалъ задумчивости геній.  
Пора надеждъ и новыхъ наслажденій  
Невидимо подъ сѣнь твою пришла,  
И въ новый край невольно увлеклѣ  
Тебя отъ игръ и сновъ невинной юности.

Но ясный взоръ и голосъ твой и видъ  
Все первыхъ лѣтъ хранить очарованье,  
Какъ свѣтлое о прошломъ—вспоминанье,  
Когда съ душой оно заговорить  
И въ насъ опять внезапно пробудить  
Минувшихъ благъ уснувшее желанье.

Плетнєвъ.

### РАЗВАЛИНЫ.

Восточный, легкий ветерокъ  
Прохладой утреннею дышетъ  
И воды озера колышетъ;  
Утесистъ берегъ и высокъ;  
Между лѣсистыхъ горъ равнина,  
Какъ голубой коверъ лежитъ;  
Въ туманѣ край ея скрытъ.

Высокаго холма вершина  
Возносить къ мрачнымъ небесамъ  
Разрушенный вѣками храмъ.  
Вы треснули, крутые своды!  
Вы пали, гордые столпы!  
И тамъ, гдѣ нѣкогда толпы  
Стекались пѣть Творца природы,  
Тамъ нынѣ ласточки одна  
Гнѣздо свиаиваетъ у окна  
И будить мертвое молчанье.

Гдѣ предки наши? Лишь преданье  
О нихъ осталось! Мы живемъ;  
Но быстро предкамъ въ слѣдъ пройдемъ.  
Ихъ нѣть: о насть потоиство скажеть,  
И съ нами въ ту же землю ляжетъ.

Потокъ несется въ бездну съ горъ;  
Не удержать его стремленъ!  
Едва за нимъ успѣть взоръ!..  
Рѣка временъ, рѣка забвенья  
Быстрѣе: все умчитъ она,  
Безвѣстность, славу, немощь, силу  
Въ бездонную вѣковъ могилу,  
Гдѣ грозный мракъ и тишина.

Масальскій.

### СЛАВА БОГУ.

О, слава Богу, слава Богу!  
Я не влюбленъ, свободенъ я;  
Я выбралъ лучшую дорогу  
На скучной стени бытія:  
Не занять себѣомъ и молвою,  
Я знаю тихія мечты,  
И не поклонникъ красоты,  
И не обмануть красотою!

Н. Языковъ.

### ПОЩАДА ПѢВЦА.

Зеветь, нахмураясь, глядѣлъ на древнюю грѣш-  
ницу землю;  
Вдругъ онъ изъ орлихъ когтей взялъ окры-  
ленный перунъ,  
Черныя тучи созвалъ и небо завѣсилъ гро-  
зюю,  
Руку поднялъ и хотѣлъ казнями міръ по-  
сѣтить.  
Въ оное время поклонникъ боговъ и страст-  
ный любовникъ  
Къ милой, въ темную даль, шелъ безза-  
ботный пѣвецъ.  
Шылокое сердце билось; шаги, удвоаясь, ле-  
тѣли.  
Кары не зря падъ собой, онъ уже лѣсь  
мниовалъ;  
Садъ открылся ему, бѣлѣющій сладостнымъ  
снѣгомъ  
Флоры, въ который она любить Помону  
рядитъ.  
Тамъ, между яблонь и грушъ, лишь и березъ  
благовоянныхъ

Высится радостный домъ; храмъ чудотвор-  
ный туда  
Къ теплымъ молитвамъ зоветъ толпу земле-  
дѣльцевъ смиренныхъ.  
Юнсша бодрый туда, къ мѣсту другому,  
спѣшилъ.  
Вдругъ огонь разорвалъ темноту, и грянули  
громы;  
Вихорь, кружась, поднялся; по полю чер-  
нымъ столпомъ  
Прахъ передъ нимъ побѣжалъ; затмилась,  
смѣшалась окрестность:  
Зевсь раздраженный приникъ гроздный на  
трепетный міръ!  
Фебъ изъ-за облака зрылъ, какъ яростный  
царь Уранидовъ  
Страшнаго града схватилъ, пагубный, пол-  
ную горсть,  
Какъ онъ молнией шутцей металъ и десною  
занесся,  
Да ударомъ однимъ юный посѣвъ истребить,  
Ниву, заботу безсонныхъ ночей, надежду се-  
леній.  
Гибель предвидѣлъ Латой, жалостный богъ,  
и печаль  
Вкрадася въ душу его; предъ отцемъ, пре-  
клоняя колѣна:

„О Кронионъ! (возопилъ), все сокрушаешь  
твой гнѣвъ:  
Дхнешь, и вселенна дрожитъ; речешь, и смущаются бездны!  
Гордыхъ Титановъ карай: горе и горе пол-  
камъ  
Злостнымъ, дерзнувшимъ возстать на тебя,  
на царя-громовержца!  
Но человѣковъ щади, жаждущихъ, быст-  
рыхъ гостей,  
Званыхъ на мигъ ко столу скучой, улета-  
ющей жизни!  
Въ племени семъ еще есть читтели вѣч-  
ныхъ боговъ!  
Съ трона склонись и взгляни; се мой и Кип-  
риды любимецъ!  
Юпитеръ, если когда гласомъ Каменъ я  
возмогъ  
Скуку съ бессмертнаго свѣять чела, и если  
Данаи,  
Мая и Леда тебѣ въ отдыхъ отъ царствен-  
ныхъ дѣлъ  
Чашу отрадъ подносили когда: не презри мо-  
ленья,  
Голосу сына внемли, будь милосердъ и  
щади!“

Фэбъ-Аполлонъ замолчалъ. Всемощный отецъ  
улынулся.  
Градъ дождемъ возвумѣлъ, въ жаркой  
растаявъ рукѣ.  
Ожили рощи подъ нимъ, освѣжились холмы  
и долины;  
Но лобызаль до дожда и милую страстный  
пѣвецъ.

ХАРАКТЕРИСТИКА.

Недаромъ, мимо всѣхъ живыхъ и мертвѣ-  
цловъ,  
Онъ Русскимъ геніемъ пожалованъ въ Па-  
рижѣ:  
Отдѣлкой языка, сказать и я готовъ.  
Онъ къ Сумарокову изъ всѣхъ новѣйшихъ  
ближе,  
А творчествомъ, огнемъ и полнотой стиховъ  
Онъ развѣ малымъ чѣмъ Хераскова пожиже.

Князь Вяземскій.

Л. С. П—НУ.

Повѣрь, мой милый, твой поэтъ  
Тебѣ соперникъ не опасной;  
Онъ на закатѣ юныхъ лѣтъ,  
На пламенномъ зарѣ ты юности прекрасной!  
Живаго чувства полный взглядъ,  
Уста цветущія, румяныя ланиты  
Влкбленныхъ пѣсенокъ сильнѣе говорятъ  
Съ душой догадливой Хариты.  
Когда съ тобой наединѣ  
Порой красавица стихи мои похвалитъ;  
Тебя напрасно опечалить  
Ея вниманіе ко мнѣ:  
Ей видѣть хочется начальное волненіе  
Души неопытной твоей,  
И счастлива она, когда замѣтишь въ ней,  
Свидѣтельство любви, ревнивое мученье.  
Тебѣ ль завидовать смѣшной моей судьбѣ?  
Чтѣ, чтѣ я пріобрѣль, красавицъ воспѣвай?  
Одно: моимъ стихомъ Харита молодая,  
Быть можетъ, выразить любовь свою къ тебѣ!  
Счастливый баловень Киприды,  
Знай сердце женское, о, знай его вѣрнѣй,  
И за притворныя обиды  
Лишь платы требовать умѣй!

А мнѣ, мнѣ предоставь таить огонь безплодной,  
Рожденный иногда возрѣньемъ красоты,  
Умомъ опоривать сердечныя мечты  
И чувство прикрывать улыбкою холодной.

Е. Баратынскій.

ИДЕАЛЪ.

Благословляю сѣнъ дубровъ,  
Мою деревню, садъ и поле!  
Не бѣденъ я, живу на волѣ,  
Не знаю тягостныхъ трудовъ;  
Есть полка книгъ, гряда цвѣтовъ,  
Пишу стихи: чего жъ мнѣ болѣ!

Плетневъ.

### ПЕРСИДСКИЙ РОМАНСЪ.

(Изъ повѣсти: *Орсанъ и Лейла*).

Я жду тебя и не дождуся:  
Нейдешь, нейдешь подъ склонъ оливъ;  
Ты мраченъ, грустенъ, молчаливъ:  
Я въ ожиданіи томлюся.

\* \*

Приди подъ шелковый паметъ,  
Усни на мѣхѣ неизмятомъ (\*)!  
Здѣсь скорпионовъ вредныхъ нѣть,  
Здѣсь розы дышатъ ароматомъ,  
И въ чашѣ искрится шербетъ.  
Взойди на свѣтлый холмъ со мною,  
Окинь глазами пышный садъ!  
Въ немъ роскошь съ милой простотою  
Твой прояснить суровый взглядъ.  
Коль скучно средь зеркалъ гарема,

\*) Для безопасности отъ скорпионовъ Персы и вообще всѣ восточные народы спятъ на мѣхахъ.

Возлягъ при зеркалѣ ручья!  
Послушай пѣсни соловья:  
Онъ Сади сладостный Эдема,  
Его живителенъ напѣвъ,  
И звуковъ томныхъ переливы  
Отраднѣй для души тоскливой,  
Чѣмъ пѣснь илѣнительная дѣвъ.

\* \*

Я жду тебя и не дождуся:  
Нейдешь, нейдешь подъ склонъ оливъ:  
Ты мраченъ, грустенъ, молчаливъ;  
Я въ ожиданіи томлюся.

Пл. Ободовскій.

### СТРОЕНИЕ СКАДРА.

(Изъ Сербскихъ народныхъ тьсено, кн. II-я,  
№ 5).

Городъ строили три брата родные,  
По отечству Мрлявчеви чи братья;  
Одинъ былъ братъ Вукашинъ краль,  
Другой Углѣша воевода,  
А третій Мрлявчевичъ Гойко;  
Городъ строили Скадарь на Боянѣ 1).  
Строять три года, мастеровъ триста,  
И не могутъ скласть основанья,  
А того меньше города построить.  
Чтò въ день они выведутъ строенья,  
То все Вила 2) за ночи разрушить.  
Ужъ когда наступидъ годъ четвертый,  
Тогда съ горъ провѣщилась Вила:  
— „Ты не мучь себя, Вукашинъ краль,  
И не трать казны понапрасну;  
Не скласть тебѣ кралю основанья,  
А того меньше города построить,  
Пока не найдешь ты приличныхъ  
Два имени: Стою и Стоина;

Чтобъ были то братъ и сестрица.  
Когда ихъ заложишь въ основанье  
Подъ башню, тогда будеть твердо,  
И тогда ты выстроишь городъ“.

Какъ услышаль то Вукашинъ краль,  
Призываетъ онъ слугу Десимира:  
Десимиръ, мое чадо дорогое!  
Ты быль мнѣ вѣрнымъ слугою,  
Отнынѣ зову тебя сыномъ:  
Бери, сынъ мой, коней и колымагу,  
Бери съ собой сокровищъ шесть вьюковъ,  
Поѣзжай по бѣлому свѣту  
Искать два имени приличныхъ,  
Отыскивать Стою и Стояна,  
Чтобъ были братъ и сестрица.  
И похитиши ли ихъ гдѣ, или купиши.  
Привези ихъ къ Скадру на Бояну  
Заложить подъ башню въ основанье:  
Авось либо будеть оно твердо,  
Авось либо выстроимъ мы городъ!  
To услышавъ, Десимиръ поспѣшасть,  
Береть коней и колымагу,  
Береть съ собой сокровищъ шесть вьюковъ,  
И ёдетъ по бѣлому свѣту  
Искать два имени приличныхъ,  
Отыскивать Стою и Стояна,

Онъ цѣлые три года ищетъ;  
Не нашелъ приличныхъ именъ двухъ,  
Не нашелъ онъ Стой и Стояна.  
И вернулся къ Скадру на Бояну,  
Отдаетъ кралю коней и колымагу,  
Отдаетъ ему сокровищъ шесть вьюковъ:  
Вотъ, краль, твои сокровища обратно;  
Не нашелъ я приличныхъ именъ двухъ,  
Не нашелъ я Стой и Стояна.  
Какъ услышаль то Вукашинъ краль,  
Онъ позвалъ опять зодчаго Рада,  
Тотъ работниковъ своихъ трехъ сотъ  
И опять строятъ Скадаръ на Боянѣ.  
Чтò построятъ, то Вила разрушить.  
Не дастъ положить основанья,  
А того меньше города построить.  
Тутъ опять съ горъ провѣщалась Вила:  
— „Эй, не мучь себя, Вукашинъ краль!  
Не трать казны понацрасну:  
Тебѣ не скласть основанья,  
А того меньше города построить;  
Но васъ трое братьевъ, и каждый  
Имѣетъ свою вѣрную любу:  
Чья выйдетъ утромъ на Бояну  
И вынесеть работникамъ завтракъ,  
Ту подъ башню въ основанье закладите:

И будеть твердо основанье,  
И вы состройте городъ“.  
Какъ услышаль то Вукашинъ краль,  
Призвалъ онъ братьевъ родимыхъ:  
Вы слышали ль, братъя дорогие,  
Что Вила съ горъ провѣщаетъ?  
Мы тратимъ казну понапрасну,  
Не даетъ Вила скласть основанья,  
А того меньше города построить;  
И что она еще объявляетъ:  
Насъ троє братьевъ, и каждый  
Имѣть свою вѣрную любу,  
Чья выйдетъ утромъ на Бояну  
И вынесетъ работникамъ завтракъ,  
Ту подъ башню намъ закласть въ основанье“,  
И будеть основаніе твердо,  
И мы тогда городъ состроимъ.  
Дадимъ же слово вѣрное другъ другу,  
Не сказывать о томъ нашимъ любамъ,  
А лучше оставимъ на удачу.  
Чьей женѣ роковой будетъ выходъ!  
И дали въ томъ слово другъ другу.  
Домой пришли вечеромъ поздно,  
И послѣ гостинской трапезы  
Всякъ съ женой опочить удалился.  
Но послушайте великаго чуда!  
Вукашинъ краль слово нарушилъ;

Онъ первый открылъ своей любѣ:  
„Берегись, моя вѣрная люба  
Выходить завтра утромъ на Бояну  
Выносить работникамъ завтракъ!  
Пойдешь, свою голову погубиши:  
Закладутъ тебя подъ башню въ основанье“.  
И Углѣша слово нарушилъ,  
И онъ объявилъ своей любѣ:  
„Смотри, въ обманъ не вдавайся;  
Не ходи завтра утромъ на Бояну  
Выносить работникамъ завтракъ:  
Пойдешь, моя милая, погибнешь,  
Закладутъ тебя подъ башню въ основанье“.  
Младъ Гойко слова не нарушилъ,  
Ничего онъ не сказалъ своей милой.  
На утро, ранымъ раненько,  
Встаютъ братья, выходить на Бояну,  
Туда, гдѣ строится городъ.  
Вотъ пора уже нести завтракъ.  
Госпожи была очередь кралицы,  
А она говорить своей невѣсткѣ,  
Невѣсткѣ, Углѣшиной любѣ:  
„Невѣстушка, мнѣ неможется что-то,  
Голова болитъ, иди я не въ силахъ;  
Снеси-ка ты работникамъ завтракъ!“  
Жена Углѣшина ей отвѣчаетъ:  
„Ахъ, невѣстушка, госпожа кралица,

У меня рука болитъ, не въ мочь мнѣ;  
Попроси младшую невѣстку“.  
Она просить младшую невѣстку:  
„Невѣстушка, Гойковица свѣтъ мой!  
Голова болитъ, идти я не въ силахъ.  
Снеси-ка ты работникамъ завтракъ“.  
Но Гойкова жена молодая  
Представляетъ ей свои недосуги:  
„Матушка, госпожа кралица,  
Я охотно бѣ тебѣ услугила:  
Дитя глупое у меня не обмыто,  
Да и бѣлое не выстирано платье“.  
„Ничего!“ говорила кралица,  
Ты снеси только работникамъ завтракъ,  
А я твое выстираю платье,  
Невѣстка дитя твое обмоетъ“.  
Нечѣмъ Гойковой женѣ отговориться.  
Ионесла она работникамъ завтракъ.  
Какъ пришла на рѣку, на Бояну,  
Увидалъ ее Мрлявчевичъ Гойко.  
Разгорѣлось въ немъ ретивое сердце;  
Жаль ему вѣрнага любы,  
Жаль ему дитяти въ колыбели:  
Дитяти мѣсяцъ только мивулъ!  
У молодца выступили слезы.  
Примѣтивъ то, жена молодая  
Къ нему кроткой поступью подходитъ

И тихою рѣчью вѣщаетъ:  
Чтѣ сталось тебѣ, милому другу?  
О чѣмъ ты слезы роняешь?"  
Отвѣчаетъ ей Мрлявчевичъ Гойко:  
"О горе мнѣ, моя вѣриая люба!  
У меня было яблоко золотое;  
Оно пало сего дня въ Бояну.  
О томъ плачу я, о томъ не утѣшусь!"  
— Не кручинься, говорить она мужу;  
Тебѣ бы только Богъ далъ здоровье,  
Сольешь себѣ яблоко и получше.  
Тогда жалость имъ пуще овладѣла,  
И онъ въ сторону самъ отвернулся,  
Чтобъ больше не видать своей милой.  
А другіе два брата подскочили,  
Два деверя Гойковой молодицы;  
Ее взяли за бѣлые руки,  
Повели на закладку основанья.  
Они кликнули зодчаго Рада;  
Тотъ своихъ работниковъ ссываетъ.  
Но смѣется тому молодица;  
Она думаетъ, шутку съ нею шутятъ.  
Поставили ее на закладку,  
И всѣ триста работниковъ разомъ  
Прикатили каменьевъ и бревенъ,  
Обложили ее до колѣна.  
Еще-таки смѣется молодица,

Еще думаетъ, что все съ нею шутятъ.  
Но тѣ свое дѣло продолжаютъ:  
Нанесли каменьевъ и бревенъ,  
И до пояса ее обложили.  
Гнетуть ее каменья и бревна.  
Тогда видить, что ей бѣдной готовягъ,  
И завопила жалобныи воплемъ.  
Умоляеть она деверьевъ милыхъ:  
„Не давайте, если Бога боитесь,  
Закладывать каменьемъ молодую!“  
Умоляеть, но все бесполезно;  
Деверья на нее и не смотрятъ.  
Уже ей не до стыда и зазора.  
Обращается къ мужу и просить:  
„Не давай меня ты милый другъ мой,  
Закладывать каменьемъ молодую!  
Пошли къ моей матушкѣ старой;  
У матушки довольно богатства:  
Пусть купитъ тебѣ раба иль рабыню,  
Чтобъ подъ башню заложить въ основанье.  
Умоляеть, но все безуспѣшно.  
Какъ увидѣла злосчастна молодица,  
Что всѣ ея просьбы напрасны,  
Обращается она къ зодчему Раду:  
„Будь ми братомъ по Богу, о зодчій!  
Оставь для грудей моихъ оконце,  
И высунь мои бѣлыя груди:

Принесутъ какъ если младенца,  
Моего несчастнаго Іову,  
Пососалъ бы дитя моей груди".  
Исполнилъ то желаніе зодчій,  
Оставилъ для грудей ея оконце,  
И высунулъ ея бѣлыя груди,  
Принесутъ когда бѣднаго Іову,  
Пососалъ бы дитя ея груди.  
Опять зодчаго бѣднаго просить:  
"Будь мнѣ братомъ по Богу, о зодчій,  
Оставь еще для глазъ моихъ оконце,  
Чтобъ глядѣть, какъ изъ дома будуть  
Приносить ко мнѣ Іову младенца,  
И прочь относить когда будуть".  
И то зодчій желаніе исполнилъ;  
Оставилъ для глазъ ея оконце,  
Чтобъ глядѣла, какъ изъ дома будуть  
Приносить къ ней Іову младенца,  
И прочь относить когда будуть.  
И такъ ее въ стѣну заградили.  
Приносятъ дитя изъ колыбели,  
Она грудью его кормить съ недѣлю,  
Чрезъ недѣлю голосъ потеряла.  
Но младенца еще грудь ея питала;  
Цѣлой годъ его той грудью кормили.  
Какъ тогда было, такъ и осталось:  
Молоко оттолъ течеть и понынѣ

Для чуда и для исцѣленья,  
У которой жены молока нѣть 3).

А. Востоковъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. *Скадаръ* Сербское название города Скодры или Скутари въ Албании. *Бояна* имя рѣки.

2. *Вила*. Такъ называются Сербы баснословное существо, подобное нашей Русалкѣ. Вилы живутъ на высокихъ горахъ и на прибрежныхъ скалахъ. Ихъ воображаютъ молодыми, прекрасными, одѣтыми въ тонкое, бѣлое платье. Долгіе ихъ волосы распущены по плечамъ и по груди. Онѣ не дѣлаютъ зла никому; развѣ только кто ихъ оскорбитъ (наткнувшись на ихъ хороводъ, и т. под.), того онѣ убиваютъ стрѣлами.

3. Издатель Сербскихъ пѣсентъ, Вукъ Стевановичъ, замѣчаетъ, что между земляками его носится молва, будто бы и пониѣ изъ того окошка, гдѣ продѣты были сосцы текеть какая-то жидкость, сгущающаяся по стѣнѣ въ видѣ известки. Ее носять при себѣ и разведенную водою пьютъ женщины, у коихъ нѣть молока, или у коихъ болятъ сосцы.

### А Л Ь Б О М Ъ.

Альбомъ, какъ жизнь, противорѣчій сиѣсь,  
Сиѣсь доброго, худаго, пустословья:  
Здѣсь дружбы дань, тутъ сѣйтскаго условья,  
Тутъ жаръ любви, тамъ умничанья спѣсь.  
Изящное въ немъ наряду съ ничтожнымъ,  
Умъ съ глупостью, иль истинное съ ложныемъ:  
Идей и чувствъ пестрѣетъ маскарадъ;  
Все счетомъ, все въ обѣзъ и по наряду;  
Частехонъко ни складу нѣть, ни ладу.  
Здѣсь рифмъ наборъ, а тамъ пустой обрядъ.  
Какъ въ жизни, такъ неточноль и въ альбомѣ?  
Плоды души скимаетъ сѣйтскій ледъ,  
Подъ свой аршинъ приличье всѣхъ гнететь,  
И на цѣпи, какъ узникъ въ желтомъ домѣ,  
Котораго намъ видѣть сиѣхъ и жаль,  
Иль тотъ авѣрокъ, чтѣ колесу привязанъ,  
Въ одномъ кругу вертѣться умъ обязанъ  
И двигаясь не подвигаться въ дамъ?  
Пусть отомстить мнѣ пчель альбомныхъ жало,  
Но я еще сравненіе имъ припнашъ:  
Поэзіи и меда въ жизни мало,  
А въ сихъ стихахъ и менѣе подъ часъ.

Къ цветнымъ листкамъ альбомовъ стихъ болтливый

Радь примѣнить пестрѣюще дни:  
Есть свѣтлые, какъ радуги отливы,  
Есть темные, померкшіе въ тѣни!  
Какъ на вѣку день на день не придется  
И будни всѣдь за праздникомъ; равно  
Въ альбомѣ тоже: здѣсь сердце улыбнется,  
А тамъ зѣвнетъ съ разсудкомъ заодно.  
Иной листокъ для памяти сердечной  
Дороже намъ поэмы долговѣчной,  
И день иной намъ памятный, чѣмъ рядъ  
Безплодныхъ лѣтъ, чтѣ выдохлись, какъ чадъ.  
Счастливъ, кому, по милости Фортуны,  
Отсчитанъ день для сердца вѣчно-юный!  
Счастливъ и тотъ, чей стихъ, любовь друзей,  
Какъ сердца звукъ на сердцѣ отзовется:  
Тотъ безъ молвы стотрублой обойдется  
И безъ прислугъ журнальныхъ трубачей!  
Боясь въ дверяхъ бессмертья душной давки,  
Стремглавъ не рвуся къ ступенямъ книжной  
лавки  
И счастья жду въ смиренномъ уголкѣ:  
Пусть гордый свѣтъ меня купаетъ въ Летѣ,  
Лишь быль бы я у дружбы на примѣтѣ  
И живѣтъ у васъ на памятномъ листкѣ.

Ниязъ Вяземскій.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Муза вчера мнѣ, пѣвецъ, принесла закоцит-  
ную новость:  
Въ темный недавно Айдесъ тѣнь Славянина  
пришла;  
Тамъ, окруженнага сонмомъ тѣней любопыт-  
ныхъ, пропѣла  
(Слушалъ и древній Омеръ) пѣсни Иліады  
твоей.  
Старецъ нашъ, къ персямъ вожатаго-юноши  
сладко приникнувъ,  
Вскрикнулъ: вотъ слава моя, вотъ чего  
вѣки я ждалъ!

— Д. —

### ОТРЫВКИ

из второй песни Евгения Онегина, поэмы  
А. Пушкина.

#### XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...  
Впервые именемъ такимъ  
Страницы нѣжнаго романа  
Мы своевольно освятимъ.  
И что жъ? Оно пріятно, звучно!  
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно  
Воспоминанье старицы  
Иль дѣвичьей! Мы все должны  
Признаться: вкусу очень мало  
У насть и въ нашихъ именахъ  
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);  
Намъ просвѣщенье не пристало,  
И намъ досталось отъ него  
Жеманство, больше ничего.

#### XXV.

И такъ, она звалась Татьяной.  
Ни красотой сестры своей,  
Ни свѣжестью ея румянай  
Не привлекла бъ она очей.

Дика, лечальна, молчалива,  
Какъ дашь лѣсная боязлива,  
Она въ семѣй своей родной  
Казалась дѣвочкой чужой.  
Она ласкаться не умѣла  
Къ отцу, ни къ матери своей;  
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей  
Играть и прыгать не хотѣла,  
И часто цѣлый день одна  
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга  
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,  
Теченіе сельскаго досуга  
Мечтами украшала ей.  
Ея изнѣженные пальцы  
Не знали игль; склонясь на шальцы,  
Узоромъ шелковымъ она  
Не оживляла полотна.  
Охоты властствовать примѣта,  
Съ послушной куклою дитя  
Приготовляется шутя  
Къ приличію, закону свѣта,  
И важно повторяетъ ей  
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы даже въ эти годы  
Татьяна въ руки не брала,  
Про вѣсти города, про моды  
Бесѣды съ нею не вела.  
И были дѣтскія проказы  
Ей чужды: страшные разсказы  
Зимою въ темнотѣ ночей  
Плѣнили больше сердце ей.  
Когда же няня собирала  
Для Ольги на широкій лугъ  
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,  
Она въ горѣлки не играла;  
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,  
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ  
Предупреждать зари восходъ,  
Когда на бѣдномъ небосклонѣ  
Звѣзды исчезающи хороводъ.  
И тихо край земли свѣтилось,  
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣветъ,  
И всходить постепенно день.  
Зимой, когда ночная тьнь  
Полміромъ долѣ обладаетъ

И долѣ въ праздной тишинѣ  
Востокъ лѣнивый почиваетъ,  
Въ привычный часъ пробуждена,  
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;  
Они ей замѣняли все:  
Она влюблялась въ обманы  
И Ричардсона, и Руссо.  
Отецъ ея былъ добрый малый,  
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;  
Но въ книгахъ не видалъ вреда:  
Онъ, не читая никогда,  
Ихъ почиталъ пустой игрушкой  
И не заботился о томъ,  
Какой у дочки тайный томъ  
Дремалъ до утра подъ подушкой.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,  
Владимиръ Ленскій посѣтилъ  
Сосѣда памятникъ смиренный  
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ:

И долго сердцу грустно было.  
Poor Yorick! молвилъ онъ уныло,  
Онъ на рукахъ меня держалъ!  
Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ  
Его Очаковской медалью!  
Онъ Ольгу прочилъ за меня.  
Онъ говорилъ: дождусь ли дня!  
И полонъ искренней печалью  
Владимиръ тутъ же начерталъ  
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной  
Отца и матери въ слезахъ  
Почтилъ онъ прахъ патріархальной.  
Увы, на жизненныхъ браздахъ  
Мгновенной жатвой поколѣнья  
По тайной волѣ провидѣнья  
Восходятъ, зреютъ и падутъ!  
Другік имъ во слѣдъ падутъ.  
Такъ наше вѣтреное племя  
Ростетъ, волнуется, кипитъ  
И къ гробу працѣдовъ тѣснить.  
Придетъ, придетъ и наше время:  
И наши внуки въ добрый часъ  
Изъ мира вытѣснить и насть!

XXXIX.

Покамѣть упивайтесь ею,  
Сей легкой жизнью, друзья!  
Ея ничтожность разумѣю  
И мало къ ней привязанъ я.  
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;  
Но отдаленныя надежды  
Тревожатъ сердце иногда:  
Безъ непримѣтнаго слѣда  
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить.  
Живу, пишу не для похвалъ,  
Но я бы, кажется, желалъ  
Печальный жребій свой прославить,  
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,  
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронеть,  
И сохраненная судьбой,  
Быть можетъ, въ Летѣ не потонеть  
Строфа, слагаемая мной;  
Быть можетъ (лестная надежда!)  
Укажетъ будущій невѣжда  
На мой прославленный портретъ  
И молвить: то-то былъ поэтъ!

Прими жь мои благодаренья,  
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,  
О ты, чья память сохранить  
Мои летучія творенья,  
Чья благосклонная рука  
Потреплетъ лавры старика.

Н А Д П И С Ъ

*къ Портрету Лирика.*

Потомство! вотъ Петровъ,  
Счастливѣйшій поэтъ временъ Екатерины:  
Его герои-исполины,  
И самъ онъ по уму и духу былъ таковъ.

### ПОДРАЖАНИЕ АРИОСТУ.

(*La Virginella è simile alla rosa.*)

Дѣвица юная подобна розѣ иѣжной,  
Валелѣянной весной подъ сѣнію надежной:  
Ни стадо алчное, ни взоры частуховъ  
Не знаютъ тайного сокровища луговъ;  
Но вѣтеръ сладостный, но році благовонны,  
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

Н. Батюшковъ.

### НАРВСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Несись съ неукротимымъ гиѣвомъ,  
Мятежной влаги властелинъ!  
Надъ тишиной окрестной ревомъ  
Господствуй, бурный исполинъ;

Жемчужною, кипящей лавой  
За валомъ инавергая валъ,  
Сердитой, дикой, величавой  
Перебегай ступени скаль!

Дождь брызжетъ отъ упорной сшибки  
Волны, сразившейся съ волной,  
И влажный дымъ, какъ облакъ зыбкій,  
Вдали ихъ представляеть бой.

Все разъяреній, все угрюмій  
Летиши, какъ геній непогоды:  
Я мыслю погружаюсь въ шумѣ  
Междоусобно-бурныхъ водъ.

Но какъ вокругъ все безматежно,  
И, утомленная тобой,  
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно,  
Любуюсь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ смятенью,  
На немъ цвѣтеть весны краса,  
И вмѣстѣ миру и волненію  
Свѣтлѣютъ тѣ же небеса

Но ты, созданье тайной бури,  
Игралище глухой войны,  
Ты не зерцало ихъ лазури,  
Вотще блестящей съ вышины.

Противорѣчіе природы,  
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ

Въ залогѣ вѣчной непогоды  
Ты бытія пріялъ залогъ.

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный  
Одинъ свирѣпствуешь въ глухи,  
Какъ вдолъ пустыни вихоръ зноній,  
Какъ страсть въ святыищѣ души.

Какъ ты, внезапно разразится,  
Какъ ты, ростетъ она въ борьбѣ,  
Терзаетъ лоно, гдѣ родится,  
И поглощается въ себѣ.

Инназъ Вяземскій.

М ы.

Бѣдные мы! Что нашъ унь? Сквозь туманъ  
озаряющій факель,  
Бурей гонимый нашъ чолнъ по морю бѣд-  
ствій и слезъ;  
Счастіе наше въ невѣдѣнїѣ жалкомъ, въ меч-  
тахъ и безумствѣ:  
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

Баронъ Дельвигъ.

Э П И Т А Ф I Я.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ  
игрушкой.  
Скоро разбила ее: вѣрно утѣшилась тамъ.

Баронъ Дельвигъ.

### НАДПИСЬ.

Взгляни на ликъ холодный сей!  
Взгляни, въ немъ жизни нѣтъ!  
Но какъ на немъ былыхъ страстей  
Еще замѣтенъ слѣдъ!  
Такъ ярый токъ, оледенѣнъ,  
Надъ бездною виситъ,  
Утративъ прежній, грозный ревъ,  
Храня движенья видъ.

Е. Баратынскій.

### ПОЯСЪ КИПРИДЫ.

*Отрывок из XIV песни Иллады.*

Зевсъ, воспредиъ богамъ вспомощество-  
вать и Ахеямъ и Троянамъ (Пис. VIII), самъ  
удалился отъ Олимпа, съль на Идъ и от-  
вратилъ очи отъ Трои (Пис. XII). Трояне  
начали одолывать Ахеянъ, отразили отъ  
города, прогнали къ стынъ, защищавшей ко-  
рабли, пробили стыну и приступаютъ къ  
кораблямъ. Поссейдонъ, покровитель Ахеянъ,  
является (Пис. XIV), вопреки Зевсу, на по-  
мъ битвы и ободряетъ ихъ. Гера, также  
Ахеямъ благосклонная, увидъла Поссейдона  
съ Олимпа и чтобы не дать его увидеть  
Зевсу и болѣе доставить времени для обо-  
дренія Ахеянъ, предпринимаетъ обольстить  
супруга сномъ и любовію, и для этого вы-  
прашиваетъ поясъ у Киприды.

Ст. 153. Гера, царица боговъ златотрон-  
ная, ставъ на Олимпъ,  
Взоръ съ высоты устремила, и быстро богин-  
ия узнала

Въ брани уже поборавшаго, бой воздвизав-  
шаго славный  
Брата и деверя мощнаго: радость проникла  
ей душу.  
Зевса жъ, на высяхъ сѣдящаго Иды, потока-  
ми шумной,  
Гера узрѣла, и былъ ненавистенъ онъ серд-  
цу богини.  
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга  
Какъ обольстить ей божественный разумъ ца-  
ря Эгіоха?  
Лучшею сердцу богини сія показалася дума:  
Зевсу на Идѣ явиться, прелестно себя изу-  
красивъ.  
Можетъ быть, грозный Кронидъ возжелаетъ  
любви насладиться,  
Видя ея красоту; а она и глубокій и сладкій,  
Можетъ быть, сонъ пролетѣтъ на єёницы его  
и на разумъ.  
Гера вошла въ почивальню, которую сынъ  
ей любезный  
Создалъ Гефестъ и плотную дверь укрѣпилъ  
вереями  
Съ тайнымъ замкомъ, ни однимъ отъ без-  
смертныхъ еще не отверстымъ;  
Въ оную Гера вступивъ, затворила блестя-  
щія двери.

Тамъ амврозической влагой она до малъй-  
шаго праха  
Съ тѣла прелестнаго смынъ, умастилася ма-  
сломъ чистѣйшимъ,  
Сладкинъ, небесныиъ, изящнѣйшимъ всѣхъ у  
нея ароматомъ:  
Чуть сотрясали его въ мѣдностѣнномъ Зев-  
совомъ домѣ,  
Вдругъ до земли и небесъ разливался боже-  
ственный запахъ.  
Ииъ умастившия Гера, густые волосы рас-  
чесала,  
Хитро сплела и сложила, и волны блестатель-  
ныхъ кудрей,  
Пышныхъ, небесно-душистыхъ съ бессмерт-  
ной главы ниспустила.  
Станъ облекла благовонною ризой, какую  
Аеина  
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ  
узоровъ.  
Рязу златыми застежками выше грудей за-  
стегнула;  
Станъ опоясала поясомъ, тѣмою бахромъ опу-  
шеннимъ.  
Въ уши прекрасныя серьги, съ тройными под-  
весиями, вѣгла,

Ярко игравшия: прелесть во всемъ на богинѣ  
блистала.  
Легкимъ покровомъ главу осѣнила державная  
Гера  
Пышнымъ, новымъ, которой какъ солнце сі-  
яль бѣлизною.  
Къ свѣтлымъ ногамъ привязала красы веле-  
лѣпной плесницы.  
Такъ, для очей восхитительныхъ, тѣло укра-  
сивъ убранствомъ,  
Вышла изъ ложницы Гера и Зевсову дочь  
Афродиту  
Вдаль отъ собора боговъ отозвала и такъ  
говорила:  
„Чтѣ я скажу, пожелаешь ли, милая дочь,  
мнѣ исполнить?  
„Или отвергнешь, Киприда, въ душѣ на меня  
сокрыва  
„Гнѣвъ, что я за Данаевъ, а ты благосклон-  
на Троянамъ?  
Ей отвѣчала немедленно Зевсовы дочь Аф-  
родита:  
„Гера, богиня верховная, отрасль великаго  
Кrona!  
„Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце  
велитъ мнѣ,  
„Если исполнить могу я, и если оно исполнимо.

Ей, коварствую сердцемъ, вѣщала держав-  
ная Г'ера:  
„Дай мнѣ любви, Афродита, дай мнѣ тѣхъ  
сладкихъ желаній,  
„Коими ты покоряешь сердца и бессмертныхъ  
и смертныхъ.  
„Я отхожу далеко, на предѣлы земли много-  
дарной,  
„Видѣть бессмертныхъ отца Океана и матерь  
Теѳису.  
„Боги питали меня и лелеяли въ собствен-  
номъ домѣ,  
„Юную взявши отъ Реи, какъ Зевсъ безпред-  
дѣльно гремящій  
„Кronа подъ землю низвергъ и подъ волны  
бездонного моря.  
„Ихъ я иду посѣтить, чтобы раздоры жесто-  
кіе кончить.  
„Долго, безцѣнныя сердцу, объятій и брачна-  
го ложа  
„Долго чуждаются бори: вражда имъ всели-  
лася въ души.  
„Если родителей я примирю моими словами,  
„Если на одръ возведу, чтобы вновь сочета-  
лись любовью,  
„Вѣчно остануся я и любезной для нихъ и  
почтенной.

Ей, улыбаясь плънительно, вновь отвѣчала  
Киприда:  
„Инѣ не возможно, не должно твоихъ отвер-  
гать убѣжденій:  
„Ты почиваешь въ объятіяхъ бога всемош-  
наго, Зевса“.  
Такъ говоря, разрѣшила на персяхъ, иглой  
изпещренный,  
Поясь узорчатый; всѣ обаянія въ немъ за-  
ключались:  
Въ немъ и любовь и желанія, шопотъ любви,  
обольщений  
Сладкія рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и  
разумныхъ;  
Герѣ его подала и такія слова говорила:  
„Вотъ мой поясъ узорный; на лонѣ сокрой  
его, Гера!  
„Въ немъ заключается все; и въ чертоги  
Олимпа, богиня,  
„Ты не прійдешь, не исполнившія пламенныхъ  
сердца желаній“.  
Такъ изрекла; улыбнулась лилейно-рамен-  
ная Гера,  
И съ улыбкой скрыла блестательный поясъ  
на лонѣ.  
Къ сонму боговъ возвратилася Зевсовы дочь  
Афродита

Гера же, вдругъ устремившись, оставила вы-  
си Олимпа,  
Вдругъ пролетѣла Піеріи холмы, Эмаеи долы,  
Быстро промчалась надъ синѣжными конныхъ  
Ѳракіанъ горами,  
Выше утесовъ паря и стопами земли не ка-  
саясь;  
Съ гордої Аѳоса вершины сошла на волни-  
стое море;  
Тамъ ниспустилася въ Лемнъ, Ѹаасовомъ гра-  
дѣ священномъ;  
Тамъ со Сномъ повстрѣчалася, братомъ воз-  
любленнымъ Смерти;  
За руку бога взяла, называла и такъ гово-  
рила:  
„Сонъ, повелитель всѣхъ небожителей,  
всѣхъ земнородныхъ!  
„Если когда либо слово мое исполнялъ ты  
охотно,  
„Нынѣ исполни еще: благодарности моя без-  
предѣльна.  
„Сонъ, усыпи для меня Громодержцевы ясныя  
очи  
„Въ самый тотъ мигъ, какъ на ложѣ приму  
я въ объятія бога.  
Въ даръ отъ меня ты получишь тронъ ве-  
лелѣпный, нетлѣнnyй,

„Златомъ сияющій: сынъ мой, художникъ, Ге-  
фестъ хромоногій,  
„Самъ для тебя сотворить и подношіемъ пыш-  
нимъ украсить,  
„Нѣжныи ноги тебѣ на пиршествахъ слад-  
кихъ покоить“.  
Герѣ державной не медля отвѣтствовалъ  
Сонъ усадитель:  
„Гера, богиня верховная, отрасль великаго  
Кronа!  
„Каждаго я изъ боговъ, населяющихъ небо и  
землю,  
„Сномъ одолѣю легко; усыплю я и самыя  
волны  
„Древней рѣки Океана, отъ коего все про-  
исходить.  
„Къ Кронову жъ сыну царю и приближиться  
я не посмѣю,  
„Въ сонъ не введу Громодержца, поколѣ не  
самъ повелитъ онъ.  
„Помню, меня онъ и древле своей образумилъ  
грозою.  
„Въ день, какъ возвышенный духомъ Ге-  
раклъ, порожденный Зевесомъ,  
„Излыть отъ береговъ Иліона, Троянского гра-  
да рушитель:

„Въ оный я день обаялъ Эгіоха всесильного  
разумъ,  
„Сладко разлившия; ты жъ устроила напа-  
сти Гераклу;  
Ты неистовыхъ вѣтровъ воздвигнула бурю  
на море;  
„Сына его далеко отъ друзей, далеко отъ от-  
чизны  
„Бросила къ берегу Кооса. Воспрянулъ Кро-  
нидъ, и грозою  
„Всѣхъ Олимпійскихъ разсыпалъ по небу;  
меня наипаче  
„Гибній искалъ, и на гибель съ эфира за-  
бросилъ бы въ море.  
„Еслибы Ночь не спасла, и бессмертныхъ и  
смертныхъ царица.  
„Къ ней я, спасаясь, прибѣгъ. Укротился  
какъ ни былъ разг҃ѣванъ.  
„Зевсъ молнелюбецъ: священную Ночь оскор-  
бить онъ страшился.  
„Ты же велишь мнѣ опять посягнуть на опас-  
ное дѣло“.  
Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:  
„Сонъ уладитель, почто беспокойныя мысли  
питаешь?  
„Или ты думаешьъ, будеть Троянъ защищать  
Громовержецъ

„Такъ же, какъ въ гиѣвѣ своемъ защищать  
онъ любезнаго сына?

„Шествуй; тебѣ въ благодарность юнѣйшую  
дамъ я Хариту;

„Ты обоймешь наконецъ, назовешь ты своею  
супругой

„Ту Пазиею, по коей давно ты всѣ дни воз-  
дыхаешь“.

Такъ изрекла, и отвѣтствовалъ Сонъ, вос-  
хищенный обѣтомъ:

„Гера, клянись ненарушимой клятвою, Стик-  
са вѣдою;

„Руки простри и коснися, одною земли ино-  
годарной,

„Свѣтлого моря другою, да будуть свидѣтели  
вѣдѣты

„Всѣ преисподніе боги, присущіе древнему  
Крону:

„Ими клянися, что мнѣ ты супругой младую  
Хариту

„Дашь Пазиею, по коей давно я всѣ дни воз-  
дыхаю“.

Рекъ, и ему покорилась лилейно-раменная  
Гера;

Руки простерши, клялась, и какъ онъ псевдѣль  
призывала

Всѣхъ преисподнихъ боговъ, Титанами въ  
мірѣ зовомыхъ.  
Ими клялася, и страшную клятву едва совер-  
шила,  
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна  
предѣлы;  
Оба, одѣтые облакомъ, быстро по воздуху  
мчались.  
Скоро увидѣли Иду, звѣрѣй многоводную ма-  
терь;  
Около Лекта, оставивши понть, божества надъ  
землею  
Быстро текли, и отъ стопъ ихъ дубравъ по-  
трясались вершины.  
Тамъ разлучилися. Сонъ, отъ Кронидовыхъ  
взоровъ таяся,  
Сѣдъ на огромнѣйшей ели, какая въ то вре-  
мя на Идѣ  
Высшая, гордой главою сквозь воздухъ въ  
зенірѣ уходила.  
Тамъ онъ сидѣть, укрываясь подъ мрачными  
вѣтвями ели,  
Птицѣ подобяся звонкоголосой, виталицѣ гор-  
ной,  
Въ сонмѣ безсмертныхъ слышущей Халкидой,  
у смертныхъ Киминдої.

Гера владычица быстро веходила на Гар-  
гаръ высокій,  
Иды горы на вершину. Богиню узрѣлъ Ту-  
чеводецъ.  
Только узрѣлъ, и мудрую душу заігло вож-  
дѣленье,  
Тѣмъ же огнемъ, съ какимъ насладился онъ  
первой любовью,  
Первымъ супружескимъ ложемъ, отъ милыхъ  
родителей тайнымъ.  
Встрѣчу супругѣ возсталъ Тучеводецъ и бы-  
стро восклікнулъ:  
„Гера супруга! Почто же ты шествуешь такъ  
отъ Олимпа?  
„Я ни коней при тебѣ, ни златой колесницы  
не вижу.  
Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала держав-  
ная Гера:  
„Я отхожу, о супругъ мой, къ предѣламъ  
земли даровитой,  
„Видѣть бессмертныхъ отца Океана и матери  
Теїсусу.

· · · · ·

„Кони при мнѣ, у подошвы обильной пото-  
каин Иды,  
„Ждуть, и оттолѣ меня и по сушѣ помчать  
и по влагѣ.

„Но сюда я, Кронидъ, прихожу для тебя отъ  
Олимпа:

„Ты бъ на меня, о супругъ, не разгнѣвался,  
если безмолвно

„Въ домъ отойду Океана, глубокія льющаго  
воды“.

Быстро, ее прерывая, отвѣтствовалъ тучъ  
воздыматель:

„Гера супруга, иди къ Океану и послѣ ты  
можешь;

„Нынѣ почiemъ съ тобой и взаимной любви  
насладимся.

„Гера, такая любовь никогда ни къ богинѣ,  
ни къ смертной

„Въ грудь не вливалася мнѣ и душою моей  
не владѣла.

„Полный къ тебѣ я любви, вождѣніемъ слад-  
кимъ пылаю“.

Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщаля дер-  
жавная Гера:

„Страшный Кроніонъ! Какія ты рѣчи, суро-  
вый, вѣщаешь?

„Здѣсь ты желаешь почить и объятій любви  
насладиться,

„Здѣсь, на вершинѣ Идейской, где все для  
взоровъ открыто?

„Что жь? И случится то можетъ, если ка-  
кой изъ бессмертныхъ  
„Насъ почившихъ примѣтить и всѣмъ, на-  
селяющимъ небо  
„Злобный укажеть! Никакъ не дерзну я, воз-  
ставшая съ ложа,  
„Въ домѣ твоемъ Олимпійскомъ явитяся: по-  
зорно мнѣ будеть.  
„Если желаешь и если твоей душѣ то пріятно,  
„Есть у тебя почивальня, которую пышно  
устроилъ  
„Сынъ твой любезной и плотную дверь укрѣ-  
пилъ вереями.  
„Въ оной почить удалился, когда ты желаешь  
покоя“.

Герѣ быстро отвѣтствовалъ тучъ воздыма-  
тель Кроніонъ:  
„Гера супруга! Ни богъ, на меня положися,  
ни смертный  
„Насъ не увидитъ: такой надъ тобою кру-  
гомъ я раскину  
„Облакъ златой; сквозь него не проглянетъ  
ни самое солнце,  
„Чье лучезарное око все проницаетъ и видитъ“.

Рекъ и въ объятія сильный Зевсъ заклю-  
чаетъ супругу.

Быстро подъ ними земля возрастила цвѣту-  
щія травы:  
Лотосъ росистый, Сафранъ и цвѣты Гіакинены  
густые,  
Гибкіе, павши подъ нихъ, отъ земли высоко  
подымали.  
Боги на нихъ почивали; кругомъ распостер-  
ся прекрасный  
Облакъ златой, и блистательной ихъ орошалъ  
онъ росою.

Н. Гиѣдичъ.

### ОБЪЯСНЕНИЕ.

Я мраченъ, дикъ, людей бѣгу.  
Хотѣлъ бы иногда ихъ видѣть;  
Но я не долженъ, не могу:  
Боюсь друзей возненавидѣть.

Не смѣю никого обнять,  
На чьей нибудь забыться груди:  
Мнѣ тяжело воспоминать,  
Мнѣ страшно думать: это люди!

Плетневъ.

### С Т А Н С Ы

КЪ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ГНѢДИЧУ.

(На Кавказъ и Крымъ).

Мечтатель пламенный, любимецъ вдохновенья,  
Звучить ли на горахъ волшебный лиры гласъ?  
Хюсского слѣпца внималъ ли пѣснопѣнья  
Восторженный Кавказъ?

Ты зрѣлъ, съ какой красой власть чудныя  
природы  
Громады дикихъ скалъ вѣничаетъ яркимъ  
льдомъ,  
Какъ благодатныя въ долинахъ хлещутъ  
воды  
Кипучимъ серебромъ!

Тамъ въ синихъ небесахъ сиѣги вершинъ  
сіяютъ.  
Надъ безднами виситъ пурпурный виноградъ,  
И тучи подъ тобой клубяся застилаютъ  
Ревущій водопадъ.

Ты видишь, между скаль какъ быщеъ  
горный житель,  
Черкесь, отважный другъ свободы и коня,  
Тамъ, гдѣ прикованъ былъ къ утесу похи-  
тиль  
Небеснаго огня!

Но долѣ роковой Титанъ не покорился,  
Лиши Громовержца онъ надменно укорялъ;  
Страдальцу гордому разгнѣванный дивился,  
И громъ въ рукѣ дрожалъ.

Иль, другъ, уже теперь въ объятьяхъ ти-  
хой лѣни  
Вечернею зарей ты смотришь на Саатиръ.  
На сладострастныя Таврическия сѣни,  
На радужный зеиръ.

Тамъ сѣверный пѣвецъ въ садахъ Бахчи-  
сарая  
Задумчиво бродилъ, мечтами окружень;  
Тамъ въ сумракѣ предъ нимъ мелькнула тѣнь  
младая,  
И струнъ раздался звонъ.

Ты слышалъ, какъ фонтанъ шумить во  
тмѣ полночной,  
Какъ пламенно поетъ надъ розой соловей!

Но сладостный фонтанъ и соловей восточной  
Не слаще, не звучнѣй.

Быть можетъ, давнихъ дней воспоминанья  
полный,  
И видя, какъ суда несутся по зыбимъ,  
Ты думой тайною стремишься черезъ волны  
Къ далекимъ берегамъ,

Чьи башни гордыя съ двурогими лунами  
Къ лазурнымъ небесамъ такъ дерзко вознес-  
лись.  
Гдѣ плещетъ Геллеспонтъ, гдѣ дремлютъ надъ  
струями  
И миръ и кипарисъ?

Въ ихъ темной зелени на лонѣ водъ блѣ-  
дѣтъ  
Гаремъ съ рѣшетками и кровлей золотой,  
И нѣжный ароматъ отъ розъ огнистыхъ вѣтъ  
Съ прохладою ночной.

Ахъ, ясный неба сводъ и шумъ валовъ сре-  
бристыхъ,  
И розы пышныя, и мирные лѣса,  
И нѣга томная ночей твоихъ душистыхъ,  
И дѣвъ твоихъ краса,

Ничто, прелестный край, ничто народъ су-  
ровый  
Не въ силахъ укротить; онъ съ каждымъ  
днемъ грознѣй:  
И мчать твоимъ сынамъ и гибель и оковы  
Армады кораблей.

Но мечъ, свободы мечъ, блеснулъ ужаснымъ  
блескомъ;  
Съ нимъ Богъ, ужъ онъ разить враговъ род-  
ной земли,  
И, огненнымъ столбомъ взлетая къ небу, съ  
трескомъ  
Пылаютъ корабли.

Ихъ пламень освѣтилъ пучину роковую,  
И рдѣеть зарево во мракѣ черныхъ тучъ,  
И вѣщаю пѣвца на урну гробовую  
Упалъ багровый лучъ.

Иванъ Козловъ.

### О Т Р Ы В К И

*Изъ Персидской повѣсти: Орсанъ и Леила.*

Преданье было въ Испаганѣ,  
Что души праведныхъ царей  
И всѣхъ умершихъ въ царскомъ санѣ,  
Въ часъ обновленія луны,  
Исходять изъ гробницы мирной  
Въ врата съ восточныхъ страны,  
Одѣты ризою зеирной;  
Съ луной по небесамъ плывутъ  
Въ предѣлъ безоблачнаго края:  
И Персы тѣ врата зовутъ,  
Вратами радостнаго рая. .

*Благство Орсана и Леили.*

.  
Воцарилась  
Въ мѣстахъ пустынныхъ тишина,  
И златорогая луна  
На краѣ неба появилась;

Плынетъ, и вотъ она горить  
Средь проясненнаго полсвода;  
Предъ ней въ сияніи лежитъ  
Уже уснувшая природа.  
И, къ страху Мавровъ, надъ дворцомъ,  
Вотъ мѣсяцъ, блѣдный и печальной,  
Повисъ, какъ въ сумракѣ ночномъ  
Надъ гробомъ свѣточъ погребальной.  
Разверзлись райскія врата,  
Двѣ тѣни въ дымѣ вылетаютъ.  
Видѣній младость, красота  
Арабовъ очи ослѣпляютъ.  
Отъ ихъ воздушныхъ, свѣтлыхъ ризъ  
Ясминовъ сладкій запахъ вѣтъ;  
Ихъ чела юный кипарисъ  
Листами свѣжими леѣтъ;  
Промчались... скрылись... ароматъ  
Остался слѣдомъ ихъ явленья:  
Полмертвы, блѣдны, безъ движения,  
Во прахѣ воинны лежать.

Пл. Ободовскій.

### ВЕЧЕРЬ.

(Изъ Шиллера).

Скройся, богъ свѣта! Нивы желаютъ  
Влаги прохладной; смертный унылъ;  
Медленно идутъ томные кони:  
Скройся, богъ свѣта, въ струяхъ!

Зри, кто изъ моря въ волны кристальны  
Съ милой улыбкой друга манить!  
Быстро помчались грозные кони  
Въ царство богини морей!

Къ персамъ прекрасной Фебѣ наклонился;  
Править браздами юный Амуръ;  
Богу послушны гордые кони,  
Плещутся рѣзво въ струяхъ.

Съ звѣзднаго неба легкой стопою  
Ночь прилетѣла, съ нею любовь.  
Фебѣ почиваетъ въ нѣгѣ роскошной;  
Спите въ объятьяхъ любви!

С. Шевыревъ.

—

### КЪ УВЯДАЮЩЕЙ КРАСАВИЦЪ.

Взгляните на нее! Смиренье  
И кротость на ея челѣ:  
Она и Бога и творенье  
Могла прославить на землѣ.  
Взгляните на нес! Какъ нѣжно  
Въ сихъ угасающихъ очахъ,  
Въ ея улыбкѣ безнадежной  
Видна утрата лучшихъ благъ  
И скорбь души безъ упованья!  
Такъ въ зимній хладный день одна  
На блѣдномъ сводѣ безъ сиянья  
Стоитъ безцвѣтная луна.

Ф. Туманской.

### МОЛИТВА.

Благослови, всесильный Боже,  
Ея полунощный покой!  
Алтарь невинности святой  
Есть непорочной дѣви ложе.  
Къ нему до утра призови  
Съ толпой счастливыхъ сновидѣній  
Мечту небесную любви,  
Восторги чистыхъ наслажденій!  
Да безмятежно въ сладкомъ снѣ  
Играетъ съ ней веселость также,  
И у возглавья въ тишинѣ  
Поставь къ ней Ангела на стражѣ!

О. Туманской.

### ТРИ СЛЪПЦА.

Судьбой на всѣ страны земныя  
Постановленъ одинъ законъ;  
Вселенной правятъ три слѣпныя:  
Фортуна, Смерть и Купидонъ.  
Жизнь наша пиръ: съ привѣтной лаской  
Фортуна отворяетъ залъ,  
Амуръ распоражаетъ плакской,  
Приходитъ Смерть, и конченъ балъ.

А. Илличевскій.

### НАДПИСЬ КЪ ИСТОЧНИКУ.

Прозрачного сего ручья  
Всегда спокойны, тихи воды.  
Не такъ ли льется жизнь твоя,  
Другъ мудрости и другъ природы!

А. Илличевскій.

### N. N., ПОДНОСЯ ЕЙ ЯБЛОКО.

Я выбранъ, какъ Паридъ, судьей;  
Ты торжествуешь, какъ Киприда.  
Рѣшилъ не хуже я Парида,  
Заплатишь ли подобно ей?

А. Илличевскій.

### К Н Я Ж Н Ъ С. Р — Л Ъ.

Твоя безоблачная младость  
Цвѣтеть пѣнительной красотой;  
Ты улыбаешься какъ радость,  
Ясна и взоромъ и душой,

Рукой ли бѣлой и послушной  
По звонкимъ струнамъ пробѣжишь,  
Иль стройно въ рѣзвости воздушной  
Кружишься, вьешься и летиши:

Ты радугой гориши предъ нами;  
Она такъ блещетъ лѣтнимъ днемъ  
И разноцвѣтными огнями  
Играетъ въ небѣ голубомъ.

Но въ тѣ часы, какъ ты снимаешь  
Вѣнокъ изъ розовыхъ цвѣтовъ  
И съ милой томностью внимаешь  
Мечтамъ задумчивыхъ пѣвцовъ;

Какъ ты, младенческой душою,  
Участница въ чужихъ бѣдахъ,  
Грустишь невинною тоскою,  
И слезы ангела въ очахъ:

О, такъ въ саду росою чистой  
Лиляя нѣжная блеститъ,  
Когда луна цвѣтокъ душистой  
Сияньемъ томнымъ серебрить!

И. Козловъ.

Р. S. Такъ въ привидѣніи идеала  
Ему представилася ты:  
И кисть поэта срисовала  
Твои воздушныя черты.

Его потухнувшія очи  
Печальною покрыты мглой;  
Но и во мракѣ тяжкой ночи  
Онъ видѣлъ ясно образъ твой.

Еще онъ видитъ, что прекрасно.  
Какъ мы на темныхъ небесахъ  
Осенней ночью мѣсяцъ ясной  
Видаемъ въ тонкихъ облакахъ.

Плетневъ.

### СТЕПНАЯ ЖИЗНЬ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПОХОДЪ.

Пространны здѣсь сухія степи;  
Онѣ сияютъ въ далекѣ;  
Кургановъ закругленныхъ цѣпи  
Мѣстами тянутся къ рѣкѣ...  
Здѣсь широки разливы Буга.  
Сюда далекая подруга,  
Рѣка степей, къ нему спѣшить  
И, съ нимъ обнявши, кипитъ  
Въ однихъ брегахъ его пологихъ....  
Сюда сбѣжалась три дороги;  
Здѣсь трехъ границъ была черта:  
Здѣсь Турки свой табакъ курили,  
И противъ гордой Польской мили  
Торчала Русская верста.  
Теперь все тиши и пустота,  
И нѣтъ уже границъ здѣсь больше.  
Какъ мнѣ не помнить милой Польши?  
Давно ль, полуродимый край,  
Мы у тебя, какъ дома, жили,  
Младыхъ дѣвицъ твоихъ хвалили  
И пили старый твой токай!...  
Любовь играла съ нами въ жмурки;

Мы памятны твои мазурки,  
И пляска Krakoviatскихъ торъ,  
И дѣвъ твоихъ Сарматскихъ очи,  
Ихъ легкой станъ, ихъ свѣтлой взоръ....  
Меня и сновидѣнья ночи  
Манять твою красотой:  
Я долго ею утѣшаюсь  
И неохотно пробуждаюсь,  
Гонясь за сладкою мечтой.  
О время, время дорогое!...  
Но тутъ въ глазахъ совсѣмъ другое!...  
Плыветъ пустынная рѣка....  
На знойной выси поднебесной  
И на долинѣ бездревесной  
Все тихо.... только свистъ сурка,  
Тоскливыи откликъ кулика,  
Иль крикъ немазаной телѣги  
Тревожатъ мой заснувшій слухъ,  
Привыкшій къ звукамъ сладкой нѣги ...  
Но онъ красивъ, широкій Бугъ,  
Когда играетъ въ немъ денница,  
Или огнистая зарница  
Бѣжитъ по дремлющимъ волнамъ....  
Тутъ миловидно по ночамъ  
Огни у пастырей пылаютъ,  
И вдругъ, на крикъ сторожевой,  
Станицы псовъ степныхъ залаютъ....

Чу... слышенъ отзывъ боевой,  
И прочь тоска и сердца раны....  
Гремятъ знакомымъ барабаны,  
Свѣтлѣютъ въ линіи штыки....  
То наши Русскіе полки  
Идутъ путемъ на Дубосары.  
Походъ... Несутъ грозу и кары  
На Турка задунайскихъ странъ,  
Чтобъ запалить тамъ битвы пламя  
И Русское святое знамя  
Поставить смѣло на Балканъ.

Ф. Глинка.

### ОТРЫВОК ИЗЪ ПОЭМЫ:

Ц Н Г А Н И.

*Старикъ.*

Ты любишь насъ, хоть и рожденъ  
Среди богатаго народа;  
Но не всегда мила свобода;  
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.  
Межъ нами есть одно преданье:  
Царемъ когда-то сосланъ быль  
Полудня житель къ намъ въ изгнанье;  
Я прежде зналъ, но позабылъ  
Его мудреное прозванье.  
Онъ быль уже лѣтами старъ,  
Но младъ и живъ душой незлобной;  
Имѣль онъ пѣсень дивный даръ  
И голосъ, шуму водъ подобной.  
И полюбили всѣ его.  
И жилъ онъ на брегахъ Дуная,  
Не оскорбляя никого,  
Людей разсказами плѣня.  
Не разумѣль онъ ничего;  
И слабъ и робокъ быль какъ дѣти:  
Чужие люди за него

Звѣрѣ и рыбъ ловили въ сѣти.  
Какъ мерзла быстрая рѣка  
И зимни вихри бушевали,  
Они святаго старика  
Пушистой кожей покрывали;  
Но онъ къ печалиямъ жизни бѣдной  
Привыкнуть никогда не могъ;  
Скитался онъ изсохшій, блѣдной,  
И говорилъ, что гибній Богъ  
Его каралъ за преступленье.  
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленіе.  
И все несчастный тосковалъ,  
Бродя по берегамъ Дуная,  
И горьки слезы проливалъ,  
Свой дальний градъ воспоминая;  
И завѣщаль онъ, умирая,  
Чтобы на Югъ перенесли  
Его тоскующія кости  
И смертью чуждой сей земли  
Неуспокоенные гости.

.Леко.

Такъ, воть судьба твоихъ сыновъ,  
О Римъ, о дивная держава!  
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,  
Скажи мнѣ, что такое слава:

Минутный гулъ, хвалебный гласъ,  
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,  
Или, подъ сѣнью дымной кущи,  
Цыгана дикаго разсказъ.

Александръ Пушкинъ.

### СЕМЬ ПЯТНИЦЪ НА НЕДѢЛѢ.

День черный пятница: кричить  
Намъ суевѣръ, покорный страху,  
И повѣряетъ жизни бытъ  
По Брюсовскому альманаху.  
Счастливцу каждый день хорошъ!  
Но кто у счастья въ черномъ тѣлѣ,  
По неудачамъ тотъ и сплошь  
Сочтеть семь пятницъ на недѣлѣ.

„Ужъ былъ я въ пятницу дуракъ!“  
Какъ будто въ пятницу? „Какъ въ ящикъ,  
Меня упрятали въ просакъ  
Жена, пріятель и прикащикъ!“  
Мой другъ, нейдетъ попытка въ счѣтъ:  
Баръ многихъ вижу я отселѣ;  
У копхъ дома круглый годъ  
Твоихъ семь пятницъ на недѣлѣ.

„Женюсь! Нѣтъ, путь женатыхъ скользкъ.  
Подамъ въ отставку! Нѣтъ, ни слова!  
Въ Парижъ побуду! Нѣтъ, въ Тобольскъ!  
Прочту Сенеку! Нѣтъ, Графова!“  
Такъ завсегда по колесу  
Вертятся мысли въ пустомелѣ;  
Вотъ, что зовется: на часу  
Имѣть семь пятницъ на недѣлѣ.

Устроивъ флюгеръ изъ пера,  
Иной такъ пишеть, какъ подуешь:  
У тѣхъ, на коихъ враль вчера,  
Сегодня ножки онъ цѣлуетъ.  
Флюгаринъ, иль Фигляринъ, тотъ  
Набилъ ужъ руку въ этомъ дѣлѣ:  
Онъ и семь совѣстей сочтеть,  
Да и семь пятницъ на недѣлѣ.

У должниковъ и знатныхъ баръ  
Дню нынѣ завтра не намѣстникъ:  
День завтра часто очень старъ,  
И не упомнишь, чей ровесникъ;  
Онъ день отмѣнныи, и сравни  
Его я съ первымъ днемъ въ апрѣлѣ:  
Кто вѣрить завтрашнему дню,  
Тотъ знай семь пятницъ на недѣлѣ.

„Эрнестъ въ бреду: вдругъ слезы льеть,  
Вдругъ плашетъ; то клянетъ, то молитъ,  
То волоса съ себя деретъ,  
То онъ ихъ въ кудри вьеть и холитъ!“  
Сей бредъ по имени зови,  
Когда слыхалъ о хитромъ Лелѣ;  
Эрнестъ влюбленъ, а у любви  
Всегда семь пятницъ на недѣлѣ.

Семь пирамидъ, семь мудрецовъ  
И семь чудесъ намъ древность славить,  
Владыкѣ снилось семь коровъ,  
Римъ семь холмовъ подошвой давить,  
Семь городовъ входили въ споръ  
О славной Грекамъ колыбель,  
Да и вездѣ, какъ на подборъ  
Семь пятницъ на одной недѣлѣ.

Иргнали въ пятницу меня  
Къ брегамъ попутныхъ желанья:  
Друзья, изъ буднишняго дня  
Будь праздникъ свѣтлаго свиданья!  
Играй вино на чистомъ днѣ,  
Какъ кровь играетъ въ юномъ тѣлѣ!  
О небо, ввѣкъ даруй ты мнѣ  
Такихъ семь пятницъ на недѣлѣ.

Князь Вяземскій.

Л У Н А.

Я вечеромъ съ трубкой сидѣлъ у окна;  
Печально глядѣла въ окошко луна;  
Я слышалъ: потоки шумѣли вдали;  
Я видѣлъ: на холмы туманы легли.  
Въ душѣ замутилось, я дико вздрогнулъ,  
Я прошлое живо душой вспомянулъ!  
Въ серебряномъ блескѣ вечернихъ лучей  
Явилась мнѣ Лила, веселье очей.  
Какъ прежде, шепнула коварная мнѣ:  
Быть вѣчно твою клянуся лунѣ.  
Какъ прежде, за тучи луна уплыла,  
И насы разлучила невѣрная мгла.  
Изъ трубки я выдулъ сгорѣвшій табакъ,  
Вздохнулъ и на брови надвинулъ колпакъ.

— Д —

## К Ъ Л И Д Ъ.

*Подражание К. Галлу.*

Лида, веселье очей распаленныхъ,  
Зависть и чудо красотъ несравненныхъ,  
Лида, ты лилій восточныхъ бѣлѣй,  
Розы румянѣй, ясмина нѣжнѣй;  
Маѣть предъ тобою двухъ жизней мнѣ мало...  
Дѣва восторговъ, сними покрывало;  
Дай насмотрѣться на злато кудрей,  
Дай мнѣ насытить несытость очей  
Шеи и плечъ снѣговой бѣлизною;  
Дай надивиться бровей красотою,  
Дай полелѣться взорамъ моимъ  
Отцѣвтомъ розъ на ланитахъ живымъ.  
Нѣжася взоромъ на взорѣ прелестномъ,  
Я утонулъ бы въ восторгѣ небесномъ,  
Съ длинныхъ рѣсицъ не спустилъ бы очей:  
Лида, сними покрывало скорѣй:  
Скромный хранитель красоты, покрывало,  
Не хотя кудри оставя, упало;  
Млѣю, пылаю, дивлюсь красотамъ...  
Лида, скорѣе устами къ устамъ!  
Жалокъ и мигъ пролетѣвшій напрасно;  
Дай поцѣлуй голубицы мнѣ страстной...

Сладокъ мнѣ твой поцѣлуй огневой:  
Лида, онъ слился съ мою душой....  
Полно же, полно, о дѣва любови!  
Дай усмириться волненію крови;  
Твой поцѣлуй, какъ дыханье боговъ,  
Въ сердце вливаетъ чистѣйшую кровь...  
Дымка слетѣла, и груди перловы  
Вскрылись, и вскрыли элизій мнѣ новый.  
Сладко... дыханіе нарда и розъ  
Въ воздухѣ тонкомъ отъ нихъ разлилось.  
Тихій ихъ трепетъ, роскошныя волны  
Жизнью несмѣртной, небесною полны.  
Лида, о Лида, набрось поскорѣй  
Дымку на перлы живые грудей;  
Въ нихъ невемное біенѣ, движенье;  
Съ нихъ утомленный я пью истощенье.  
Лида, накинь покрывало на грудь,  
Дай мнѣ отъ роскоши нѣгъ отдохнуть!

Раичъ.

### НЪ МНИМОЙ СЧАСТЛИВИЦЪ.

Мнѣ грустно, на тебя смотри;  
Твоя не вѣрится мнѣ радость,  
И розами твоя увѣнчанная младость  
Есть дни холоднаго блестящая заря.

Нѣтъ прозаического счастья  
Для поэтической души:  
Поэзіей любви дни наши хороши,  
А ты чужда ея святаго сладострастья.

Нѣтъ, нѣтъ: онъ не любимъ тобой;  
Нѣтъ, нѣтъ: любить его не можешь,  
Въ стихіи спорныхъ одно движенье вложишь,  
Съ фальшивымъ вѣрный звукъ сольешь въ  
согласный строй.

Насильствомъ хитраго искусства  
Стѣсненная творить природа чудеса,  
Но не позволять небеса,  
Чтобъ предразсудковъ власть уравнивала  
чувства.

Сердцамъ избраннымъ данъ языкъ.  
Непосвященному невнятной:

Кто въ таинства его съ рожденья не проникъ,  
Тотъ не постигнетъ ихъ награды благодатной.

Гдѣ въ двухъ сердцахъ нѣтъ тайного срод-  
ств�,  
Повѣрья общаго, сочувствія, понятія:  
Тамъ холодны любви права,  
Тамъ холодны любви объятья!

Товарищи въ земномъ плѣну житейскихъ  
узъ,  
Другъ другу чужды вы виѣ рокового круга:  
Не промыслъ васть берегъ и прочилъ другъ  
для друга,  
Но свѣта произволъ вамъ наложилъ союзъ.

Я знаю, ты не лицемѣришь;  
Какъ свѣжая роса, душа твоя свѣтла;  
Но суевѣрная разсудку слѣпо вѣришь  
И сердце на его поруку отдала.

Ты вѣришь, что, какъ честь, насильствен-  
нымъ обѣтомъ  
И сердце вольное нетрудно обложить  
И что ему подъ добровольнымъ гнетомъ  
Долгъ можетъ счастье замѣнить!

О женщины, какой мудрецъ въасъ разг-  
дастъ?  
Въ въасъ двѣ природы, въ въасъ два спорятъ  
существа.  
Въ въасъ часто любить голова,  
И часто сердце разсуждаетъ.  
Но силой ли души, иль слѣпотой почесть,  
Когда вы жизни сей, дарами столь убогой,  
Надежды лучшія дерзаете принесть  
На жертвеннікъ обязанности строгой?  
Что къ отреченью въасъ влечеть? Какая  
власть  
Въасъ счастья призракомъ дарить на плахѣ  
счастья?  
Смиренья ль чистаго возвышенная страсть,  
Иль безмятежный сонъ холоднаго безстрастъ?  
Вы совершенцій ли, иль хладнокровній  
насъ?  
Вы жизни выше ли, иль какъ въ избранный  
камень  
Отъ Пигмальоновой любви, равно и въ въасъ  
Ударить долженъ чистый пламень?  
Иль, въ тяжбѣ съ обществомъ и съ силою  
въ борьбѣ,  
Страшась испытывать игру превратныхъ  
долей,

За ранъ ищете убѣжища себѣ  
Въ благоразуми и неволѣ?

Умѣренность разсчетъ: когда начнутъ отъ  
лѣтъ  
Умъ болѣ повѣрять, а сердце менѣй вѣрить;  
Необходимостью свои желанья мѣрить  
Намъ и природы гласъ и опыта совѣтъ.

Но въ возрастъ тотъ, когда печальныхъ  
истинъ свитокъ  
Въ мерцанья радужномъ еще сокрытъ отъ  
насъ,  
Для сердца жаднаго и самый благъ избытокъ  
Есть недостаточный запасъ.

А ты, разбивъ сосудъ волшебной  
И съ жизни оборвавъ поэзіи цвѣты,  
Чѣмъ сердце обольстишь, когда рукой враж-  
дебной  
Сердечный міръ разворожила ты?

Есть къ счастью выдержка въ долинѣ золъ  
и плача,  
Но въ свѣтѣ заброшенный небесный сей за-  
логъ,  
Не положительный извѣстныхъ благъ итогъ  
Не алгеброй ума рѣшеная задача.

Нѣть, вдохновеніемъ даётся счастье намъ  
Какъ искра творчества живой душѣ поэта,  
Какъ розѣ свѣжай єюміамъ,  
Какъ нѣга звучная пѣвцу любви и лѣта.

И горе смертному, который въ слѣпотѣ  
Взысканьямъ общества сей вышній даръ  
уступить,  
Иль, робко жертвуя приличью и тщетѣ,  
Земныя выгоды его цѣною купить.

Мнѣ грустно, на тебя смотря;  
Твоя не вѣрится мнѣ радость,  
И розами твоя увѣнчанная младость  
Есть дня холоднаго блестящая заря.

Съ полуудня свѣтлаго переселенецъ милой,  
Цвѣтокъ, предчувствіе о лучшей сторонѣ,  
Къ растеню Сѣвера привитый гнѣвной силой  
Цвѣтетъ не радостно, тоскуя по веснѣ.

Иль, жертва долгая минуты ослѣпленья,  
Младая Пери, дочь воздушныхъ семи,  
Изъ чаши благъ земныхъ не почерпнетъ заб-  
венья  
Обѣтованныхъ ей восторговъ и любви.

Любуйся тишиной подъ небомъ безмятеж-  
нымъ,  
Но хладъ разсудка, хладъ до сердца не про-  
никъ;  
Въ немъ пламень не потухъ: такъ подъ убо-  
ромъ сибжнмъ  
Кипитъ невидимо земныхъ огней тайникъ.

Въ сердечномъ забыты, а не во снѣ спо-  
койномъ,  
Еще таишь въ себѣ мятежныхъ думъ слѣды,  
Еще тоскуешь ты о буряхъ, небѣ знайномъ:  
Подъ коимъ арѣютъ въ насъ душевные плоды.

Завидуя мученямъ милымъ  
И бурнымъ радостямъ, невѣдомымъ тебѣ,  
Хотѣла бъ жертвовать ты счастіемъ посты-  
дымъ  
Страстей волненію и борьбѣ.

Князь Вяземскій.

### С Т Р Е Л К И.

*Басня.*

„Что у тебя, братъ, глазъ завязанъ?“  
За шалость я свою наказанъ.  
„Какъ?“ Отличиться захотѣлъ  
И окривѣлъ.  
„Какимъ же образомъ?“ Стрѣлялся,  
Да вотъ безъ глаза и остался.  
„Съ кѣмъ?“ Съ Джономъ Портеромъ. „О  
знаю молодца:  
Не тратить попусту свинца.“  
Да такъ ли я, какъ онъ, стрѣляю?  
Я въ десяти шагахъ въ тузъ пулей попадаю.  
Прицѣлился ему прямехонько я въ лоб...  
Хлопъ!  
„Убилъ его? Онъ повалился?..“  
Нѣтъ, миный, нѣтъ:  
Вдругъ разорвало пистолетъ.  
Вотъ, грѣхъ какой случился!  
А онъ и радъ тому, спустиль курокъ тотчасъ  
И пулю посадилъ мнѣ въ глазъ.  
Ужъ есть чѣмъ хвастаться! Въ три четверти  
аршина  
Былъ пистолетъ его! Вѣдь экая машина!

И пистолетъ при томъ какой?  
Прекрасный! Въ Англіи сто фунтовъ стоитъ  
пара.

А у меня дрянной такой,  
И тотъ взялъ, знаешь ли, у козака Макара,  
Который изъ него лѣтъ восемь не стрѣлялъ.  
Не чистиль, въ сырости держаль,  
А вычистить его я самъ не догадался.  
Теперь мнѣ пистолетъ чудеснѣйшій попался,  
Звалъ Джона я опять: но нѣтъ, плутъ отка-  
зался.  
Не знаю, какъ отмстить; скажи, братъ, научи,  
Что дѣлать мнѣ теперь? „Что дѣлать? Глазъ  
лѣчи  
Да и молчи!“

А. Измайлова.

### ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ.

*Изъ Байрона.*

Бессонного солнце, въ туманѣ луна!  
Горишиь ты далеко, грустна и блѣдна;  
При тускломъ мерцаніи мракъ ночи страш-  
нѣй:

Такъ въ памяти радость утраченныхъ дней!  
Минувшее блещетъ межъ горестныхъ тучъ,  
Но сердца не грѣеть томительный лучъ,  
И радость былая, какъ ночью луна,  
Видна, но далеко, ярка, но хладна.

Иванъ Козловъ.

### КЪ ПОДАРЕННОМУ ЛОКОНУ.

И такъ теперь ты, плѣнникъ мой,  
О милый локоновъ изгнаникъ!  
Судьбины злой невольный данникъ,  
Жестокой отѣленъ рукой  
Отъ милаго тебѣ убора;  
Теперь уже не будешь ты  
Служить отрадою для взора,  
Служа убранствомъ красоты;  
Уже не будешь, развѣвая,  
Наину милую ласкатъ,  
И какъ бы страстью къ ней пылая,  
Въ невольной ревности иѣшшать  
Зефиру рѣзвому, играя,  
Красы ланитъ ея лобзать.  
Какъ часто, взоръ мой устремляя  
Съ невольной завистью къ тебѣ,  
Я упрекалъ моей судьбы,  
Твои движенья наблюдав;  
Какъ часто быть тобой желалъ!  
Но все преходчиво: ты паль,  
Враждебной пораженный сталъю,  
И какъ бы преданный тоскѣ  
Приникъ съ невольною печалью

Къ тебя ласкающей рукѣ.  
Но будь утѣшень: ты со мною,  
Съ Наиной ты не разлученъ;  
Предавшись ей моей душою,  
Мой каждый часъ ей посвященъ;  
О ней всѣ тайныя желанья,  
Всѣ чувства тайныя о ней,  
И каждый звукъ моихъ рѣчей  
Твердитъ мнѣ милое названье.  
Какъ даръ любезной красоты,  
Какъ жизнь отраднѣйшихъ мечтаній,  
И украшенъ будешь ты  
Моихъ любимыхъ вспоминаній!

И. Великопольскій.

### ЛИЛИЯ И РОЗА.

(Въ Альбомѣ Т. Е. Е—ой.)

Средь пышныхъ Флориныхъ садовъ,  
Гдѣ радость, миръ и нѣга вѣютъ,  
Сестры: Невинность и Любовь  
Два цвѣта милые лѣбѣютъ.  
Цвѣтъ первый, кроткой бѣлизной  
Сия весело, какъ радость,  
Плѣняетъ прелестью живой  
И очаровываетъ младость;  
Поникши скромною главой  
На свѣтлый токъ рѣки струистой,  
Любуется во влагѣ чистой  
Свою чистою красотой:  
То цвѣтъ невинности Лилея.  
Второй, роскошно пламенѣя  
Пурпуровымъ зари огнёмъ,  
Какъ утро майское блистаєтъ,  
И надъ пылающимъ цвѣткомъ,  
Воздушнымъ плавая крыломъ,  
Зефиръ прохладу навѣваетъ:  
То Роза, то любови цвѣтъ.  
Какой же изъ цвѣтовъ милѣе?  
Иль кроткая въ тиши Лилея,

Иль Роза пламенная? Нѣтъ:  
Не все ль въ цвѣтахъ равно прекрасно!  
Но вдвое намъ милѣй они,  
Когда цвѣтутъ красой согласной,  
И Роза, пышный цвѣтъ любви,  
Сплетаясь съ Лилей нѣжной, томной,  
Чело вѣнчаетъ дѣвы скромной.  
Но гдѣ, у Флоры ли въ садахъ,  
Въ какой странѣ очарованья,  
Въ роскошныхъ блещетъ красотахъ  
Чудесное цвѣтовъ сліянье?  
Не тамъ, не тамъ! У дѣвъ младыхъ  
Невинность и любовь согласно  
Въ цвѣтахъ возлюбленыхъ своихъ  
Всю чистоту сердецъ живыхъ,  
Всю душу выразили ясно.  
Во цвѣтѣ дѣственныхъ ланитъ  
Горящій пурпуръ Розы слитъ  
Со снѣжной Лиліей бѣлизною,  
И дивный цвѣтъ равно блеститъ  
И кротостью, и красотою.  
Тамъ свѣтлая любовь нѣжнѣй  
Стыдливымъ пламенемъ играетъ,  
И кроткой Лиліей милѣй  
Невинность пламень отблѣняетъ.

С. Шевыревъ.

### НА ПОГРЕБЕНИЕ АНГЛИЙСКАГО ГЕНЕРА- ЛА СИРА ДЖОНА МУРА.

Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ,  
Когда мы вождя хоронили.  
И трупъ, не съ ружейнымъ прощальнымъ  
огнемъ  
Мы въ нѣдра земли опустили.

И бѣдная почесть въ ночи отдана;  
Штыками могилу копали;  
Намъ тускло сѣтила въ туманѣ луна,  
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой,  
Лежитъ не въ досчатой неволѣ:  
Обернуть въ широкій свой плащъ боевой,  
Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.

Не долго, но жарко молилась Творцу  
Дружина его удалая,  
И молча смотрѣла въ лицо мертвому,  
О завтрашнемъ днѣ помышляя.

Быть можетъ, на утро внезапно явись,  
Врагъ дерзкой, надменности полный,  
Тебя не уважить, товарищъ, а насъ  
Умчать невозвратныя волны.

О нѣтъ, не коснется въ таинственномъ снѣ  
До храбраго дума печали;  
Твой одръ одинокій въ чужой сторонѣ  
Родимыя руки постлали.

Еще не свершень быль обрядъ роковой,  
И часть наступилъ разлученья,  
И съ валу ударили перунъ вѣстовой,  
И намъ онъ не вѣстникъ сраженья.

Прости же, товарищъ! Здѣсь нѣтъ ничего  
На память могилы кровавой;  
И мы оставляемъ тебя одного  
Съ твоюю безсмертною славой.

И. Козловъ.

### ЭПИТАФІЯ.

Оставя кредиторовъ полктъ,  
Дамонъ скончался въ прошломъ годѣ:  
Одинъ онъ только отдалъ долгъ,  
То есть, послѣдній долгъ природѣ.

А. Илличевскій.

### МОЯ ЭПИТАФІЯ.

(Подражаніе Скаррону).

Здѣсь прахъ лежитъ страдальца одного;  
Игралищемъ себѣ судьба взяла его:  
Все здѣсь ведо его къ терзанью,  
И зналъ покой онъ по названью.  
Прохожій, удались! Скорбѣ прочь,  
Чтобъ шумомъ ногъ его не разбудить невольно:  
Вотъ первая ему случилась ночь,  
Которую онъ спить покойно.

А. Ог — въ.

### Э Л Е Г I Я.

Невидимо толпятся годы;  
Въ ихъ безднѣ исчезаютъ дни,  
Какъ въ море льющіяся воды,  
Какъ мигъ блестящіе огни.  
За тайной мглою кроетъ время  
День, улетающій за днемъ.  
И тяготѣтъ жизни бремя,  
А годы кажутся намъ сномъ.  
Инаго память утомилась,  
Считая рядъ прожитыхъ лѣтъ;  
Ей жизнь какъ будто бы приснилась,  
Минувшее какъ дымный слѣдъ.  
Но тамъ, въ толпѣ полупрозрачной,  
Мелькаютъ памятные дни.  
Какъ сквозь туманъ долины мрачной  
Блестятъ привѣтные огни;  
На нихъ ли радости сіянье,  
Иль скорби черная печать,  
Они живутъ въ воспоминаніѣ,  
Ихъ любить сердце отличать;  
Ихъ время отъ него не спрячеть,  
И старецъ, покидая свѣтъ,  
И улыбнется, и заплачетъ,  
Взглянувъ на жизнь минувшихъ лѣтъ.

Ѳ. Туманской.

### МАДРИГАЛЬ

Прощаясь, просите вы памяти отъ насъ,  
Какъ будто позабыли сами,  
Что кто минуту пробылъ съ вами,  
Уже безъ памяти отъ васъ.

А. Илличевскій.

### ДВЪ КАРТИНЫ.

Прекрасно озеро Чудское,  
Когда надъ нимъ свѣтило дня,  
Изъ синихъ водъ, какъ шаръ огня,  
Встаетъ въ торжественномъ покой;  
Его красотой озарена,  
Цвѣтами радуги играла,  
Лежитъ пучина водяная  
Необозрима и пышна;  
Прохлада утренняя вѣтель,  
Едва колышутся лѣса,

Какъ блестки золота, свѣтлѣеть  
Ихъ переливная роса;  
У пробудившагося брѣга  
Стоять готовые для бѣга  
И тихо плещутъ паруса;  
На лодку ирежи собирая,  
Рыбакъ взываетъ и поеть,  
И пѣсня русская живая  
Разносится по лону водъ.

Прекрасно озеро Чудское,  
Когда блистательнымъ столбомъ  
Свѣтило искрится ночное  
Въ его кристалѣ голубомъ;  
Какъ тѣнь, отброшенная тучей,  
Вдоль искривленныхъ береговъ,  
Чернѣютъ образы лѣсовъ  
И кое-гдѣ огонь пловучій  
Горитъ на челнахъ рыбаковъ.  
Безмолвна синяя пучина;  
Въ дубровахъ ночь и тишина;  
Небесъ далекая равнина  
Сіянья мирнаго полна;  
Лишь изрѣдка съ богатымъ ловомъ  
Подъемля свѣти изъ воды,  
Рыбакъ живить веселымъ словомъ  
Своихъ товарищѣй труды:  
Или путемъ дугообразнымъ

Съ небесныхъ падая высотъ,  
Звѣзда надъ озеромъ блеснетъ,  
Огнемъ разсыпается алмазныи  
И въ отдаленыи пропадеть.

Н. Языковъ.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Соловей мой, соловей,  
Голосистый соловей!  
Ты куда, куда летиши,  
Гдѣ всю ночку пропоешь?  
Кто-то бѣдная, какъ я,  
Ночь прослушаетъ тебя,  
Не смыкаючи очей,  
Утопаючи въ слезахъ?  
Ты лети, мой соловей,  
Хоть за тридевять земель,  
Хоть за синія моря,  
На чужія берега;  
Побывай во всѣхъ странахъ,  
Въ деревняхъ и въ городахъ:

Не найти тебе нигдѣ  
Горемышнѣе меня.  
У меня ли у младой  
Дорогъ жемчугъ на груди,  
У меня ли у младой  
Жаръ-колечко на рукѣ,  
У меня ли у младой  
Въ сердцѣ миленький дружокъ:  
Въ день осенний на груди  
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,  
Въ зимнюю ночку на рукѣ  
Разпаялося кольцо,  
А какъ нынѣшней весной  
Разлюбилъ меня милой.

Баронъ Дельвигъ.

### Э Л Е Г I Я.

Желанье сердца не свершилось,  
Сокрылись мечты мои:  
Притворство гнусное таилось  
Подъ маской пламенной любви.

Въ обманъ отдавшися душою,  
Покой наѣкъ я скоронилъ,  
Простился съ дружбою святою,  
И благо жизни погубилъ.

Румянецъ изѣги, взоровъ томность,  
Ея пылающая кровь,  
Ея минутная нескромность,  
Все мнѣ ручалось за любовь.

Но тщетно, тщетно ждалъ участья,  
Коварной давъ надъ сердцемъ власть,  
Я вижу въ ней или безстрастье,  
Или расчетистую страсть.

М. Яковлевъ.

### Д В Ъ З В Ъ З Д О Ч К И.

Со мною мать прощалася  
(Съ полкомъ я шелъ въ далекій край):  
Весь день лила родимая  
Потоки слезъ горючіе,  
А вечеромъ свела меня  
Къ сестрѣ своей кудесницѣ;  
Въ дверь стукнула, нѣть отклика,  
А за дверью шелохнулось;  
Еще стучить, огонь сѣкнуть;  
Въ окно глядимъ, тамъ свѣтится.  
Вотъ въ третій разъ стучитъ, кричитъ:  
— Ты скажешься ль, откликнешься ль,  
Отопрѣшься ль? — Нѣть отзыва!  
Мы часъ стоимъ, другой стоимъ:  
А за дверью огонь горитъ,  
Дрова трещать, котлы кипятъ,  
Ворчатъ, поютъ иерусское.  
Но полночь бѣть, все смолкнуло,  
Все смолкнуло, погаснуло!  
Мы ждать, пождать, дверь скрыпнула,  
Идетъ, поетъ кудесница:  
„Туманъ, туманъ! Въ туманѣ свѣтъ!  
То, дитятко, звѣзда твоя!

Туманъ тебѣ: немилый край;  
Туманный свѣтъ: туманно жить.  
Молись, молись! Туманъ пройдетъ,  
Туманъ пройдетъ, звѣзда блеснетъ,  
Звѣзда блеснетъ привѣтнѣе,  
Привѣтнѣе, прилучнѣе!“

Ахъ, съ той поры въ краю чужомъ  
Давнымъ давно я вѣдаю  
Тоску-печаль, злодѣйку-грусть;  
Злодѣйка-грусть въ душѣ живеть.  
Такъ, старая кудесница,  
Туманъ, туманъ, немилый край!  
Въ немъ тошно жить мнѣ молодцу!  
Но та звѣзда, та ль звѣздочка  
Свѣти иль нѣтъ, мнѣ дѣла нѣтъ!  
Въ краю чужомъ у молодца  
Другія есть двѣ звѣздочки  
Привѣтныя, прилучныя:  
Глаза ль моей красавицы!

Баронъ Дельвигъ.

КОНЕЦЪ.



**Цѣна 1 рублъ.**